

ТРОЙКА МЕЧЕЙ

АНДРЭ
НОРТОН

АНДРЭ

НОРТОН

Тройка мечей

ИЗБРАННЫЕ
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЯ

АНДРЭ НОРТОН

том четырнадцатый

*Пояс из Леопарда
Тройка Мечей*

романы

Издательство «Зеленоградская книга»,
Издательство «Сигма-пресс»
Москва
1994 г.

ББК 84.7 США Н49

Нортон Андрэ

Тройка мечей: романы/Пер. с англ. — Зеленоград:
Издательство «Зеленоградская книга»,
1994г. — 352 стр. Вып. 18.

В очередном томе Андрэ Нортон представлены романы из цикла КОЛДОВСКОЙ МИР. В романе ПОЯС ИЗ ЛЕОПАРДА описываются приключения следующего поколения героев книги ГОД ЕДИНОРОГА; а роман ТРОЙКА МЕЧЕЙ посвящен борьбе с силами тьмы в Эскоре — прародине Древней Расы.

В ближайшее время издательство «Зеленоградская книга» планирует завершить цикл КОЛДОВСКОЙ МИР.

***Печатается с разрешения автора и его литературного агента.
Перепечатка отдельных романов и всего издания в целом
без разрешения — запрещена. Всякое коммерческое
использование данного издания возможно исключительно
с ведома издателя.***

Н $\frac{4701000\ 000 - 1}{480\ (03) - 94}$ Без объявления

ББК 84.7 США
ISBN 5 — 86314 — 023 — 2

JARGOON PARD

© 1974 by Andre Norton

TREY OF SWORDS

© 1978 by Andre Norton

- © Издательство «Зеленоградская книга», 1994 г.
- © Пер. с англ. «Пояс из леопарда», К. Прилипко, 1993 г.
- © Пер. с англ. «Тройка мечей», К. Прилипко, 1993 г.
- © Художник Д. Аввакумов, 1993 г.

ПОЯС ИЗ ЛЕОПАРДА

Об усыпальнице Гунноры и о том, что произошло там в год Красного Кабана

Много легенд рассказывают об Арвоне, ибо земля эта древняя и непостижимая для воображения людей, и даже для тех, чей род восходит к Древней Расе. Некоторые сказания затерялись или исказились в прошлом, и певцам Хроник приходится восстанавливать их по обрывкам и случайным воспоминаниям. Другие же переходят из уст в уста и никогда не устаревают. Ведь там, где царит Сила, чудеса продолжают и сравнимы с бесконечным кочевьем длинношерстных овец Долин, из сезона в сезон бредущих на звук пастушеского рожка.

Так, предания, повествующие о времени Семи Лордов и о тех, кто правил после них, изрядно подзабыты. Даже обладающие Силой не знают многого, да они и не могут всего знать.

Кто такая Гуннора? Когда-то она была Мудрой Женщиной и обладала немалой магической Силой, так что после её смерти многие поговаривали, будто у неё никогда не было плоти, а жил лишь один дух. Может быть, и так, но эта тайна прошлого окутана непроницаемым туманом. Зато все женщины Арвона уверены, что влияние Гунноры остаётся на нашей земле и по сей день, избрав символом своей покровительницы виноградную лозу, усыпанную гроздьями спелых ягод. Каждая девушка носит на груди амулет Гунноры, крепко сжимая его и в момент зачатия, и во время появления новорождённого на свет.

В усыпальницу Гунноры приходят те, кто хотел бы избавиться от бесплодия или разродиться без мучений. Ибо она обладает Силой, дарующей здоровье и потомство.

Так что именно здесь, в усыпальнице Гунноры, и начинается история Кетана. Или, если говорить не столь выпрненным языком, присущим авторам Хроник, — моя собственная судьба. Да, не скрою, правда, касающаяся

моего рождения, долго оставалась под покровом тайны. Лишь колдовство смогло приоткрыть её завесу и озарить истину.

Согласно обычаям Четырёх Кланов – Красных Плащей, Золотых Плащей, Синих Плащей и Серебряных Плащей — наследником Лорда клана является не собственный отпрыск мужского пола, а сын его родной сестры. То есть, единственно надёжной и полноценной считается женская кровь Клана. В роду Кар До Пран наследника ждали от Леди Героиз.

Хотя её брат, Лорд Эрах, женился довольно рано и уже имел сына Могхуса и дочь Тейни (младенца в колыбели), Героиз не изъявляла никакого желания допустить кого-либо из мужчин к себе в спальню. Она была женщиной весьма гордой и немного владела Силой. Ещё совсем молоденькой девушкой она проходила обучение среди Мудрых Женщин в Гарте Хауэле и вернулась в Кар До Пран с одной из них, по имени Урсилла.

Но тем не менее Леди Героиз планировала со временем выносить сына, который занял бы престол главы Клана. Она готова была приложить все силы для того, чтобы её сын и душой и телом стал совершенен, а когда придёт его час, гордо поднял меч, чтобы имя его прозвучало со всех четырёх углов Большого Зала; но при этом за всеми его деяниями будет стоять она, Леди Героиз. В замысле своём она обрела надёжного помощника — Урсиллу, обладающую Силой.

Никто не знал имени отца ребёнка, которого она вынашивала ранней весной в год Красного Кабана. За Леди Героиз оставалось право выбора временного спутника. Поговаривали, что всё устроила Урсилла, но не более. Подробности держались в строжайшей тайне.

Героиз не сомневалась в том, что на свет появится наследник, и Урсилла тоже непрестанно заверяла её в этом.

В месяц Совы Леди Героиз и её свита во главе с

Урсиллой отправились в усыпальницу Гунноры, поскольку Мудрая Женщина получила послание свыше о том, что близится час разрешения от бремени. Леди Героиз была немало взволнована и потребовала от Мудрой Женщины призвать все Силы для того, чтобы её надежды осуществились. И вот, не торопясь, так как снег ещё не сошёл с земли, хотя всё вокруг уже говорило о приближении весны, они прибыли в усыпальницу Гунноры.

Там, в усыпальнице, никогда не было ни монахинь, ни служителей. Те, что приходили сюда, чувствовали лишь Присутствие, но никогда никого не видели...

Итак, их никто не встретил. Только в конюшне, расположенной на некотором расстоянии от самой усыпальницы, стояли две лошади, а во внешнем двореке взад-вперёд ходил мужчина, больше напоминавший дикую кошку, мечущуюся по клетке, — туда-сюда, туда-сюда, поскольку ему не дозволялось входить во владения Гунноры.

Чужак едва взглянул на Героиз, когда та, неуклюже переваливаясь, прошла мимо, стесняясь своего большого живота. Потом он быстро отвернулся, словно испугался того, что повёл себя непочтительно. Он и не заметил, как пристально Урсилла посмотрела на него, проходя мимо, и как глубокая тень легла на лицо Мудрой Женщины, будто некое подобие сомнения закралось ей в душу.

Но времени ни на что другое не оставалось, ведь Леди Героиз уже еле передвигалась и вот-вот должна была разродиться. Они добрались до маленькой кельи. Леди Героиз вошла в неё, и только Урсилла последовала за ней, а другие женщины остались ждать снаружи.

Воздух наполняли чудесные запахи, как будто разом зацвели все цветы позднего лета, и Леди Героиз вдруг показалось, что она плывёт в воздухе среди бесконечных цветущих садов. Она знала, что такое телесная боль, и была готова к ней, но это было нечто другое, никак не связанное с телом. Внутри Леди Героиз пробуждалась огромная радость, какой ещё не ведал её холодный и трезвый разум.

Не знала она и того, что в соседней келье в усыпальнице Гунноры находится другая роженица, а с ней Мудрая Женщина из ближнего селения. Она тоже пребывала в радостной полудрёме, ожидая появления на свет ребёнка, чтобы взять его на руки и окружить любовью, переполнявшей её.

Ни та, ни другая не подозревали о приближении бури, в то время как человек, ходивший взад-вперёд по двору, застыл у дверей, увидев нависшую над головой тучу. Несмотря на то, что он весьма неплохо знал, на что способна природа, ему показалось, что тишина, воцарившаяся между небом и землёй, предвещала поистине нечто ужасное. По своей натуре он был готов к проявлениям, относящимся не к народу Арвона, а к самой Силе. Возможно, теперь эта Сила нанесёт решительный удар по всему, что подвластно ей.

Он дотронулся до пояса и пробежал по нему пальцами, словно искал ответ, но не находил его. Потом поднял глаза и посмотрел на тучи, как бы в поисках того, что могло ими править. Одежда у него была простая — коричневая куртка без рукавов поверх зелёной, цвета листвы, рубашки, тёмно-коричневые сапоги всадника, зелёные бриджи. Плащ лежал чуть поодаль.

В мужчине чувствовалось что-то такое, что без слов свидетельствовало: перед тобой не крестьянин и не глава Клана из какого-нибудь маленького провинциального селения. У него были густые тёмные волосы, ниспадающие на лоб, странные, похожие на кошачьи, жёлтые, с вертикальными зрачками глаза. Посмотрев на него один раз, хотелось посмотреть ещё — притягивали его значительность и властность, словно перед тобой стоял тот, кто во всём полагается на одну лишь собственную волю.

Его губы беззвучно пошевелились. Затем он поднял руку вверх и сделал какой-то знак. В ту же минуту из конюшни раздалось пронзительное ржание. Странник повернулся, потом, когда ржание повторилось, бросился за угол здания, подхватив на ходу плащ, и мигом очутился в конюшне.

Там он обнаружил людей из Кар До Прана. Те в спешке заводи́ли лошадей в укрытие, поскольку стало ясно, что приближается сильная буря.

Две лошади, ранее мирно стоявшие в конюшне, теперь вели себя беспокойно, били о землю копытами, словно боевые кони, тренированные специально для битв в Долинах. Слуги и конюхи негромко ругались, поигрывая арапниками.

Было что-то странное в этих двух лошадях, готовых защищать свои временные владения от чужого вторжения. Непонятной масти — чёрные с серым, в лесу таких лошадей и не заметишь среди листвы и деревьев, и при этом непривычно длинноногие и изящные.

Они повернули головы в сторону вбежавшего в конюшню человека и заржали в знак приветствия, одновременно как бы жалуясь на вторжение чужаков. Странник ринулся мимо людей эскорта, не проронив ни слова, и остановился только рядом с лошадьми. В его присутствии они сразу успокоились и теперь лишь изредка пофыркивали. Хозяин положил руки им на шеи. Кони совсем замолкли, когда он провёл их в дальний конец конюшни, к широкому свободному стойлу.

Только там мужчина заговорил, впервые за всё это время:

— Ну-ну, не пугайтесь, не бойтесь ничего, оставайтесь в своём углу...

Говорил он отрывисто, несколько повелительным голосом. Командир эскорта Леди Героиз, Кадок, поморщился. Отчего этот чужак разговаривает в таком тоне, да ещё в присутствии его людей? Это было оскорблением, за которое, будь то другое место, чужак тут же ответил бы.

Однако в усыпальнице Гунноры никто не смел обнажать оружие, ибо оно несёт смерть, а здесь даровали жизнь. Но взгляд, который подданный Леди Героиз бросил на странника, не предвещал ничего хорошего для их дальнейших встреч.

Один из людей Кар До Прана продолжал неотрывно

следить за чужаком, стоявшим между двумя лошадьми, склонившими к нему свои головы, словно они шептали ему что-то на ухо. Пергвин вот уже много лет служил Леди Элдрис — той, что произвела на свет Лорда Эраха и его сестру Героиз. В глубинах его памяти что-то шевельнулось. Если его подозрения не беспочвенны, то ради чего судьба подстроила подобную встречу? Ему нестерпимо захотелось окликнуть странника по имени и посмотреть, ответит ли тот. Но его сдерживала клятва, данная некогда в прошлом, — после того, как некто покинул Кар До Пран, чтобы никогда больше не войти через его врата.

— Пергвин!

Резкий окрик командира вернул его к действительности. Нужно было завести лошадей в укрытие, пока не обрушилась буря и не смела на своём пути всё, в том числе и тщедушные человеческие создания.

Дождь был таким сильным, что из дверей конюшни ничего не было видно, хотя здание находилось совсем рядом. Налетел ветер, окатив людей струёй ледяной воды, захлопнулась дверь... Стены конюшни сотрясались, и это становилось опасным.

Странник отошёл от своих лошадей и направился к двери. Но дорогу ему преградил командир, встав между ним и засовом.

— Стой! — Кадоку пришлось повысить голос почти до крика, так как рёв ветра заглушал его. — Хочешь прогнать тучи?

Странник снова опустил руку на пояс и пробежался по нему пальцами. К поясу был прикреплён короткий клинок — он больше походил на орудие лесного жителя, чем на боевое оружие.

Кадок, несмотря на гнев, под пристальным взглядом чужака неловко переступил с ноги на ногу. Остальные расступились, и тот вернулся к стойлу, где снова встал между своими лошадьми, положив руки на шеи обеих. Пергвин краснотой заметил, что вскоре человек закрыл глаза и беззвучно зашевелил губами. Но когда он поймал

взгляд старого слуги, тому вдруг стало стыдно, словно он подсмотрел нечто очень личное. Он поспешно отвернулся к своим несчастным товарищам, вздрагивавшим при каждом порыве ветра, готового вот-вот снести крышу с их ненадёжного убежища.

Лошади людей из Кар До Прана в отличие от лошадей чужака возбуждённо фыркали и прядали ушами. Пришлось успокаивать животных. Свой собственный страх отступил на второй план.

Леди Героиз в усыпальнице ничего не ведала о разбушевавшейся за стенами стихии. Но Урсилла, наблюдая за Леди, в то же время прислушивалась к завываниям бури и чувствовала, как под её натиском содрогаются стены древнего строения. Внутри у неё нарастал страх, и в то же время её охватывала растерянность, ибо Урсилла не знала, что означает это знамение. Ей очень хотелось применить Силу, чтобы по возможности прочесть значение того буйства природы, что окружило их. Но она не позволяла себе отвлекаться от главной задачи, поставленной перед двумя женщинами.

В соседней келье женщина, покоившаяся на ложе, пошевелилась, выходя из состояния полудрёмы, в которую погрузила её Гуннора. Она нахмурилась и вытянула перед собой руки, словно пытаясь уберечься от беды. Мудрая Женщина, помогавшая ей, крепко сжала ладони роженицы, вселяя в неё покой и уверенность. Не то чтобы она была очень уж могущественной во владении Силой. По сравнению с даром Урсиллы она больше походила на неопытную ученицу, только приступившую к познанию всей глубины древних знаний. Но покой передался через её руки и унял страх, зародившийся было в женщине. Тень, коснувшаяся роженицы, исчезла.

И в самый разгар бури раздались крики новорождённых, к тому же одновременно из каждой комнаты, эхом вторя один другому. Урсилла взглянула на ребёнка, которого приняла у Леди Героиз, и лицо у неё исказилось гримасой отвращения.

Леди Героиз открыла глаза и огляделась по сторонам. Борьба завершена, она победила.

— Дай мне взглянуть на сына! — воскликнула она.

Заметив, что Урсилла почему-то медлит, она приподнялась на подушках.

— Ребёнок... Что с ребёнком? — испуганно спросила она.

— Ни-че-го... — медленно, с расстановкой произнесла Урсилла. — Только что у тебя родилась дочь...

— Дочь?.. — Героиз задрожала всем телом и вцепилась в покрывала так, что те готовы были вот-вот затрещать и порваться. — Не может быть! Ты всю ночь бубнила заклинания... — она смолкла, не в силах справиться с негодованием. — Ведь ты поклялась мне!

— Да... — Урсилла ловко запеленала ребёнка в простыню. — Сила не может обманывать, значит, должен быть выход... — она посмотрела на Героиз. Глаза Мудрой Женщины вдруг лишились всякого выражения и как будто остекленели. Казалось, дух Урсиллы оставил тело и рыскает неведомо где в поисках знаний.

Героиз, наблюдавшая за ней, затихла. Она не удостоила ребёнка ни единым взглядом, ибо тот пока ещё находился целиком во власти Мудрой Женщины. Всё внимание Леди было приковано лишь к ней. Она чувствовала её Силу. Собственных знаний Героиз хватало на то, чтобы догадаться — в эту минуту Урсилла читает заклинание. И хотя Героиз не проронила ни звука, она не отрывала пальцев от покрывал.

Взгляд Урсиллы перестал казаться бессмысленным. Она взглянула на Героиз и кивнула головой на стену, что находилась слева от неё.

— То, что тебе необходимо, находится там. Мальчик. Ребёнок. Рождённый секунда в секунду вместе с твоей дочерью...

Героиз затаила дыхание. Вот он, единственный выход!

— Как это... — начала было она.

Урсилла жестом заставила её замолчать. Держа ребёнка

на левой руке, Мудрая Женщина остановила взгляд на стене. Её правая рука поднималась и падала, рисуя в воздухе какие-то таинственные знаки. Некоторые из них вспыхивали красным огнём, словно на них попадали искры из камина. Другие Героиз не успевала разглядеть, ибо движения Мудрой Женщины были стремительны и неуловимы.

Рисуя знаки, Урсилла что-то вполголоса напевала, то повышая, то понижая голос, называя Имена. Это было тихое пение, не громче шёпота. Но Героиз отчётливо слышала все слова, несмотря на завывания бури. Разбирая некоторые Имена, она дрожала от ужаса, но не возражала. Желание осуществить свои замыслы превысило всё.

Урсилла закончила.

— Дело сделано, — объявила она Героиз. — Я произнесла заклинание забытья. Теперь они спят. А когда проснутся, рядом с ними окажется ребёнок, которого они примут за своего.

— О, да! Побейте же закончи это! — потребовала Героиз.

Урсилла ушла, а Леди откинулась на подушки. У неё получилось — родился наследник Кар До Прана. Пройдут годы — глаза Героиз засияли — она... она станет хозяйкой! Урсилла поможет ей. А владея богатствами своей земли, чего ещё можно желать! Она громко засмеялась, когда вернулась Урсилла, держа на руках туго спелёнутого ребёнка.

Подойдя к Героиз, она протянула ей младенца.

— Вот твой сын, Леди, — обратилась она к женщине. — Посмотри на него. И дай ему имя, которое определит всё, что ждёт его впереди.

Героиз неумело взяла ребенка на руки и заглянула ему в лицо — из-под полотна выглядывали тёмные волосы, обрамлённые длинными ресницами глаза были плотно закрыты, один кулачок прижимался к щеке.

Да, это то, что надо. Её собственный ребёнок именно таким и должен быть. Она распеленала младенца, чтобы

внимательно осмотреть его тельце. Малыш отлично сложен, никто не сможет поставить под сомнение его благородное происхождение.

— Нарекаю его именем Кетан, — тихо промолвила она, словно боялась, что кто-то оспорит и это имя, и её право на обладание ребёнком. — Он мой настоящий сын, наследник Кар До Прана, клянусь в этом перед Силой.

Урсилла склонила голову набок.

— Пойду скажу женщинам, что пора собираться в дорогу, — сказала она. — Нельзя мешкать.

Героиз посмотрела на неё, подбирая слова.

— Ты сказала, — она кивнула в сторону стены, — что они никогда не узнают...

— Это так. Но чем дольше мы здесь пробудем, тем больше вероятность того, что наши планы расстроятся, хотя мои заклинания достаточно сильны. Та Мудрая Женщина обладает кое-каким даром...

— Тогда она узнает! — Героиз прижала ребёнка к груди, да так крепко, что тот проснулся и заплакал, размахивая в воздухе кулачками, словно боролся за свободу.

— Она может обладать даром, — поправила себя Урсилла, — но ей не сравниться со мной. Ты знаешь, что нам дано судить о себе подобных...

Героиз кивнула:

— Но всё же лучше побыстрее уехать отсюда. Пришли ко мне женщин... Я хочу, чтобы они увидели меня с сыном, с моим Кетаном, который принадлежит только мне и больше никому на свете!

Лежавшая в беспамятстве молодая мать в соседней келье пошевелилась. На её лицо набежала лёгкая тень. Она открыла глаза, огляделась. Рядом с ней лежал новорождённый ребёнок. Над ним, хлопоча, склонилась Мудрая Женщина.

— Смотрите, Госпожа, какая прелестная малышка. Девочка, ваша дочь, Леди. Посмотрите на неё и дайте ей имя, которое она будет носить всю свою жизнь.

Мать взяла ребёнка на руки, засветившись от счастья.

— Нарекаю тебя, дитя, именем Айлин. Ты — дочь моя от моего Лорда. О, приведи его сюда, ведь теперь помощь Гунноры уже позади. Приведи его поскорей!

Она прижала ребёнка к груди. Айлин открыла глаза, потом ротик и заплакала, словно решила, что мир вокруг неё не так уж и хорош. Женщина радостно засмеялась.

— Доченька моя долгожданная! Жизнь у тебя будет намного счастливей, чем была у меня в молодости. Ведь рядом с тобой любящие тебя. И сила моего Лорда, и оба наших сердца всецело принадлежат тебе!

Буря постепенно стихла. Странник вышел из конюшни и встретил в дверях усыпальницы Мудрую Женщину. Пospешив на зов своей жены, он мельком услышал какие-то звуки в соседней келье, но не обратил на них внимания. Он даже не посмотрел на путников из Кар До Прана. А ранним утром следующего дня те отправились в обратный путь. Леди Героиз ехала на коне с ребёнком на руках. Трое же оставшихся устремили свои взоры на север, в сторону диких лесов — там был их дом.

Глава 2

О наследнике Кетане и его жизни в Кар До Пране

Кар До Пран — не самая заметная из Больших Башен во владениях Верховного Лорда Красных Плащей, и не самая богатая. Но зато места вокруг неё просто замечательные. Повсюду раскинулись вишнёвые и яблоневого сады. Здешние места славятся не только своими фруктами, но и вишнёвыми наливками, известными далеко за пределами Арвона. Сколько видит глаз, между садами желтеют пшеничные поля, на которые особенно приятно смотреть во время Урожая.

На зелёных лугах пасутся стада коров и отары овец.

Посередине этой весёлой и обильной стороны располагается Главная Башня, а вокруг неё раскинулось небольшое селение, подставив солнцу свои остроконечные крыши с трубами причудливой формы. Дома построены из светло-зелёного камня, крыши покрыты сланцем, руны же на камнях нанесены зелёной и золотой красками.

Сама Главная Башня, хотя и возведена из того же камня, что и посёлок, не выглядит такой светлой. Башни всегда окутаны тенью. словно некое невидимое облако всегда стережёт их. Внутри всегда прохладно, даже в самый разгар лета. В переходах и коридорах, на лестницах, в уголках тёмных зал всегда чувствуешь что-то загадочное и таинственное.

С раннего детства, с самого нежного возраста моя мать внушала мне, что в будущем здесь стану править я. Но это не вселяло в меня чувство гордости. Я часто задумывался, может ли вообще кто-либо из людей стать полноправным владыкой этого места. Возможно, скрытность моей натуры послужила мне защитой: я не делился ни с матерью, ни с Урсиллой, которую ужасно боялся, своими странными и волнующими фантазиями, касавшимися Кар До Прана.

До шести лет я жил в Башне Леди, где единственным моим сверстником была Леди Тейни, дочь Лорда Эраха, которая родилась годом раньше меня. От младых ногтей мне твердили, что судьбы наши должны объединиться, что, достигнув определённого возраста, мы поженимся, и, следовательно, укрепим наш Род. Хотя, разумеется, в то время это почти ничего не значило для меня, да и для неё тоже.

Тейни была высокорослой для своего возраста и отличалась немалой смышлённостью, даже хитростью. Я с самого начала уяснил, что когда провинимся мы оба, виноват останусь только я один. Не могу сказать определённо, нравилась она мне или нет. Я воспринимал её присутствие рядом, как нечто само собой разумеющееся — как одежду на собственном теле или еду на тарелке.

Что касается её брата, моего кузена, Могхуса, тут дело

обстояло иначе. Могхус был лет на шесть старше меня и жил в Башне Молодости, лишь изредка навещая свою бабуку, Леди Элдрис. Его мать умерла от родильной горячки вскоре после того, как произвела на свет Тейни. Его бабка точно так же была и моей бабушкой. Однако Леди Элдрис либо просто-напросто не замечала меня, либо придиралась ко мне безо всякого повода, поэтому я старался держаться подальше от её апартаментов.

Наш уклад жизни был несколько странным, хотя тогда я этого не понимал, потому что не видел ничего другого и не мог сравнивать. И я полагал, что все семьи так и живут. У Леди Элдрис были свои комнаты, именно там и полагалось находиться Тейни, хотя та женщина, которая присматривала за ней, была ленивая, толстая и слишком дряхлая.

Визиты Могхуса тревожили меня. По всякому поводу, а зачастую и без него, он давал мне понять, когда мы оставались одни (чего я старался избегать), что хорошего от него не жди. Он был ужасно горделив и унаследовал точно те же амбиции, что и моя мать. Даже когда он был ещё совсем малым ребёнком, его снедала зависть — оттого, что ему не суждено стать Лордом в Главной Башне вслед за своим отцом, и с каждым годом это чувство в нём только разрасталось, так что я отлично знал, как он меня ненавидит.

Моя мать, Леди Героиз, и Мудрая Женщина, Урсилла, жили в собственных комнатах, расположенных на вершине Башни. Моя мать занималась всеми домашними делами. Не знаю, случались ли на этой почве размолвки между ней и Леди Элдрис. Но в отсутствие Лорда Эраха Судом в Большом Зале руководила Леди Героиз, приказы отдавала тоже она. При этом мать не отпускала меня от себя, усаживая на маленький стульчик чуть поодаль от огромного кресла Лорда, на спинку которого была накинута красная мантия нашего клана, и заставляла слушать всё, что произносилось. Потом она объясняла мне, почему

приняла то или иное решение, и из каких соображений при этом исходила — диктовали ли решение традиции, либо её собственные аргументы.

Я хорошо чувствовал, даже будучи ребёнком, что ей страшно хотелось занять это верховное место навсегда. Казалось, что качества, которые полагалось бы иметь мужчине, вопреки нашим обычаям вселились в женскую плоть. Лишь одно было ей неподвластно — использование Силы.

Моя мать признавала превосходство над собой в Главной Башне только одного человека — её наперсницы Урсиллы. Предметом зависти для Леди Героиз служили познания Мудрой Женщины и её талант. Хотя моя мать и сама обладала кое-каким даром, его было недостаточно, чтобы достичь знаний, получаемых путём долгой учёбы и практики. Она не могла не признавать этого. Но что касалось всего остального, тут она не собиралась уступать ни в чём.

Леди Героиз не хватало терпения изучать Иные Пути, отличающиеся от тех, с которыми она ознакомилась в молодости. Из-за перерыва, вызванного вынашиванием долгожданного наследника Кар До Прана, она так и не прошла полный курс обучения. И страстное желание обладать тем, чего она не смогла добиться, стало причиной скрытой неудовлетворённости Леди.

Если не получилось стать обладательницей Силы, она превзойдёт всех остальных в другом.

Я уже говорил, что очень боялся Урсиллы и старался избегать её. Но как моя мать постоянно пыталась вложить в меня собственные амбиции, так и Мудрая Женщина проявляла настойчивость в своей области. Правда, та Сила, которой владеет колдунья, не совпадает с тем, чем должен обладать Волшебник или Колдун. Но она давала мне уроки, которые считала необходимыми. И при этом искусно обходила (о чём я догадался гораздо позже) все подводные камни, которые позволили бы мне избежать той судьбы, к которой меня так упорно готовили.

Именно Урсилла учила меня читать руны, именно она раскладывала передо мной пергаменты — особенно те, что относились к истории Четырёх Кланов, Арвона и Кар До Прана. Не тяни меня к подобного рода занятиям, такая учёба наводила бы только тоску да уныние. Но мне нравились Хроники, которые Мудрая Женщина давала мне читать, чтобы я совершенствовал свой характер, и потому я учился с изрядной охотой.

Оказалось, что Арвон не всегда пребывал в столь сонном состоянии. Когда-то в прошлом — те, кто писал Хроники, не удосуживались упоминать года или времена года — здесь велась жестокая длительная борьба, которая чуть не погубила этот мир.

До тех смутных времён страна, где мы сейчас живём, не была окружена горами на юге и на востоке, а простиралась до легендарного моря на востоке и до далёких земель, пбзабытых ныне, на юге. Однако обитатели Арвона всегда были наделены, хотя и в разной степени, магическим талантом, и наши Лорды и правители часто становились хозяевами Силы. Они начали экспериментировать с самой Силой жизни и создали множество существ, которые служили им, а иногда, из-за ошибок в опытах, и злобных тварей, беспощадно расправлявшихся поначалу только с их врагами. Многими двигали те же амбиции, что были присущи моей матери, так что они всеми правдами и неправдами пытались обойти друг друга, чтобы установить на всей нашей земле своё господство.

В результате они пробудили могущество, которое ни в коем случае не следовало выпускать на волю, — открыли Врата в чуждые и пугающие иные измерения. Многие из освобождённых ими химер несли с собой разрушение даже самой Силы. Лордам пришлось отступать по мере того, как число их уменьшалось, в глубь страны. Но некоторые так прочно укоренились в своих владениях, что не представляли себе другой жизни.

Возможно, в землях Долин, что раскинулись на юге, где

ныне живёт другая раса людей, они и их последователи ведут потаённую жизнь.

Но никто здесь не знает об этом. Позже пути к Арвону были закрыты, наглухо запечатаны колдовством, чтобы никто из мятежных духом не смог вернуться обратно и вновь начать распри.

Однако ничто не останавливало сражавшихся за власть. Они продолжали свою борьбу до тех пор, пока Семь Лордов не поднялись со всей своей мощью и не последовало ужасное столкновение между теми, кто выбрал путь вражды, и теми, кто желал мира и покоя.

Многие из Великих, владевших Силой по собственному желанию, были в дальнейшем либо высланы за Врата, ведущие в другие измерения и времена, либо вовсе уничтожены. Их последователи тоже отправились в ссылку спустя некоторое время.

Когда я дошёл до этого места в Хрониках, то спросил у Урсиллы, вернулся ли потом кто-либо из них. Не знаю, почему это показалось мне важным, если не считать того, что я попробовал представить, как будто это я сам выслан из Арвона и скитаюсь по чуждому миру.

— Немногие, — она была немногословна. — Очень немногие. Теперь это не имеет значения, Кетан. Да это и не должно тебя волновать. Радуйся, что ты рождён в это время и в этом месте.

Её голос всегда звучал резко, словно она то и дело ожидала от меня непослушания или провинности. Часто, читая, я отрывал от пергаментов глаза и встречал её взгляд, заставлявший меня вспомнить все мои истинные или мнимые прегрешения. Хотелось куда-нибудь спрятаться, хотя бы забраться под стол.

По достижении определённого возраста мне полагалось перебраться в Башню Молодости и там начать учиться искусству воина, хотя вот уже много лет в Арвоне не было никаких войн, за исключением набегов — время от времени дикие люди с холмов нападали на нас. В ночь перед этим

событием Урсиллы и Леди Героиз привели меня в спальню Урсиллы, если её так можно было назвать.

Здесь я оказался в окружении стен из простого камня с потускневшими от времени знаками и рунами, которые, несмотря на всю учёбу, были мне непонятны. Посередине комнаты, на полу, лежал камень, низкий и длинный, словно ложе, на котором вполне мог поместиться человек. В изголовье и в ногах его стояли толстые свечи — по одной в каждом углу — в высоких серебряных подсвечниках, таких древних, что нельзя было сказать, сколько им веков.

Под потолком висел шар, от которого исходило серебристое сияние, сравнимое разве что со светом луны. Шар держался в воздухе сам собой, его не поддерживали какие-либо цепи. Под ним на полу была нарисована пятиконечная звезда. Она светила так ярко, что слепила глаза.

На концах лучей звезды также стояли подсвечники. Свечи доходили до уровня плеч Урсиллы и были выше моей головы, красные у изголовья и в ногах ложа, на лучах звезды — жёлтые. В углу комнаты я заметил жаровни, отлитые из такого же серебра, что и подсвечники. Над ними подымался пахучий дым, уходивший под потолок и образовывавший там облако-пелену.

Урсилла сняла своё обычное платье грязно-серого цвета и чепец. Она стояла с оголёнными по плечи руками, распущенные тёмные волосы, подёрнутые сединой, ниспадали на голубую рубаху, словно притягивавшую к себе свечение серебристой луны над головой — ткань вскоре обрела тот же серебристый оттенок.

На груди Мудрой Женщины висело серебряное украшение с лунным камнем молочного цвета, по форме напоминавшим полную луну.

Моя мать тоже была одета просто, хотя всегда предпочитала носить дорогие платья, расшитые камнями. В отличие от Урсиллы, она не сняла одежды, а пришла в обычном платье — оранжевом, цвета пламени.

Её расплетённые волосы укрывали плечи словно тём-

ный плащ. Украшением служил овал, изготовленный из меди, без каких-либо камней.

Она ввела меня в комнату, встала у края звезды и крепко вцепилась мне в плечи, словно опасаясь, что я могу убежать. Я был так потрясён увиденным, что даже не задумывался, какая роль во всём этом может быть отведена мне.

Урсилла обогнула камень, ткнула пальцем в каждую из свечей — в ответ они загорелись. Осталась незажжённой лишь одна свеча, стоявшая передо мной и моей матерью.

Меня подтолкнули вперёд. Я дошёл до каменного ложа и лёг на него. И вдруг почувствовал, что не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. Но я ничего не боялся.

Вспыхнула последняя свеча звезды. Потом Урсилла начала зажигать свечи в изголовье и в ногах. Светло-серое облако дыма стало медленно опускаться сверху. Глаза слипались. Словно издали я услышал голос, напевавший что-то. Слов я разобрать уже не мог и быстро погрузился в сон.

Проснулся я рано утром и в собственной постели. Я не помнил, чтобы мне снились сны. Однако что-то в памяти осталось. Я понял, что мне опять ничего не объяснят. Это была тайна, о которой лучше не говорить.

В те дни командир стражи Кадок, мой дядя Лорд Эрах и основная часть сил Главной Башни отправились к Главе Красных Плащей с дарами Урожая — вином и зерном. Так что в то утро за мной пришёл Пергвин, которого я видел довольно-таки часто, — он был верховым, сопровождавшим экипаж Леди Элдрис, когда той нужно было выехать за пределы Главной Башни.

Средних лет, неразговорчивый и несколько угрюмый, среди своих товарищей он пользовался заслуженным уважением, поскольку в совершенстве владел мечом и был отличным наездником. Пергвин, казалось, не собирался выдвигаться на службе у Эраха и довольствовался той жизнью, которую вёл. С ним я держался настороже,

потому что знал, что мне предстоит перебраться в Башню Молодости, а там я окажусь в подчинении у моего кузена Могхуса. А так как Пергвин относился к подданным Леди Элдрис, он, наверное, должен будет принять сторону моего мучителя.

— Лорд Кетан, — Пергвин обратился ко мне по принятой форме, с присущими офицерам манерами, и посмотрел на мою мать, стоявшую позади. На млажавом лице Леди Героиз ничего нельзя было прочесть, лишь блеск глаз выдавал её заинтересованность.

— Моя госпожа, Лорд Эрах поручил мне наставничество над Лордом Кетаном на некоторое время. С ним всё будет в порядке...

Леди Героиз кивнула.

— Знаю, Пергвин. Сын... — теперь она не без торжественности обратилась ко мне. — У тебя начинается другая жизнь, детство закончилось. Познай всё, что потребуется тебе для взрослой жизни, и как можно скорее.

Моё волнение нарастало. Ибо в тот момент я почувствовал, что до взрослой жизни ещё далеко, а детство безвозвратно ушло в прошлое, и теперь мне не на кого полагаться, кроме как на самого себя. Пергвин заберёт меня из привычного окружения и введёт в новый незнакомый мир.

Там правит Могхус, от которого у меня нет защиты. Мне не верилось, что я смогу достойно отразить его нападки, учитывая, сколько неприятностей доставляли мне его нечастые визиты в Башню Леди, где я хотя бы мог избежать его общества. Мне придётся просить помощи у суровой женщины, что приходилась мне матерью, или у этого чужака, который пришёл за мной. Сам для себя я решил, что никто, и прежде всего Могхус, не должен знать, что я боюсь. Никто не должен даже догадываться об этом.

— Сегодня вы там будете один, Лорд, — Пергвин не взял меня за руку, заметил я с благодарностью, меня вовсе не тащили куда-либо силой. Он говорил со мной, как с равным, а не как с маленьким мальчиком. — Лорд Могхус

отправился вместе с остальными, так что Башня Молодости предоставлена в ваше полное распоряжение.

Я надеялся, что он не заметил моей радости. По крайней мере хоть на какое-то время судьба позволит мне познать новую жизнь без вмешательства кузена. Я хотел задать кое-какие вопросы, но испугался, что обо мне подумают, как о каком-то малыше, и промолчал.

Мы пересекли широкий двор и были уже совсем рядом со входом в Башню, которой предстояло стать моим новым домом, когда послышался громкий лай. Неизвестно откуда появился устрашающего вида пёс. Мне он показался просто огромным. Пёс зарычал, оскалив клыки. Но в тот момент, когда, казалось, страшилище готово было кинуться на меня, оно вдруг припало к земле и завывало.

Хотя о собаках я знал немного и видел их только на расстоянии, поведение пса показалось мне непривычным и даже неестественным, в этом я был уверен. Подвывая, с текущей из пасти слюной, животное несколько мгновений пристально смотрело на меня. Потом, громко лая, собака отскочила в сторону, рыча и обнажая клыки, словно встретила на своём пути врага, слишком сильного для того, чтобы на него кидаться.

Я удивлённо смотрел на животное. Когда я увидел его в первый раз, то испугался. Но собака уступила дорогу. Странно.

Может быть, это Пергвин каким-то образом оберегал меня?

Но оглянувшись и посмотрев на своего спутника, я увидел и на его лице явное удивление. Он как-то странно покосился на меня, словно у него на глазах я превратился в какого-то монстра, а потом затряс головой, будто пытаюсь сбросить некую пелену.

— Ну и чудеса... — начал было он, хотя я видел, что разговаривал он сам с собой, а не обращался ко мне. — Почему Лэтчер так себя повёл? — он сдвинул брови, удивлённое выражение всё ещё не сходило с его лица. — Да, странная штука. Ладно, нам лучше поторопиться, мой

Лорд. Скоро полдень, а после обеда вы должны попробовать себя в седле...

Пища, которую поставил передо мной Пергвин, оказалась попроще той, что подавали на стол моей матери, и состояла из куса холодного мяса, сыра и хлеба. Но всё же снедь показалась мне очень вкусной, и я умял еду до последний крошки. Ополоснув руки в чаше, стоявшей на столе, я с нетерпением стал ждать новых уроков, которые должны были начаться с верховой езды.

Жизнь моей матери протекала исключительно в Главной Башне, и пока мне лишь несколько раз доводилось прогуляться за её пределами по полям и садам в сопровождении одной из женщин.

Ни она, ни Урсилла не поощряли моих стремлений познать внешний мир.

Но если я выучусь ездить верхом, то смогу вволю насмотреться на этот большой мир, а в следующем году, быть может, мне посчастливится сопровождать своего дядю в поездке, в которую на этот раз отправился Могхус. Я с волнением последовал за Пергвином в конюшню.

Он провёл меня мимо стойл. Лошади косились в мою сторону и шарахались, когда мы проходили мимо них. Они мотали головами, фыркали, издавали какие-то странные звуки. Я снова удивился, потому что раньше, наблюдая за наездниками из окна Башни, никогда не замечал, чтобы животные так волновались.

Люди оборачивались при моём приближении, а кое-кто спешил к животным, чтобы их успокоить. Некоторые лошади лягались, били копытом о землю. Я почувствовал, как на моё плечо легла тяжёлая рука Пергвина, и он повёл меня к двери.

— Подождите немного здесь, Лорд, — отрывисто произнёс он. — Я скоро вернусь.

Несмотря на то, что мне ужасно хотелось убежать, я стал прохаживаться взад-вперёд. Сердце учащённо билось, сам я тяжело дышал. Но потом понемногу заставил себя успокоиться — не хотелось, чтобы кто-либо из людей увидел мой страх.

О торговце Ибикусе и поясе, который он привез

Мне показалось, что Пергвин выбрал какую-то странную лошадь, но я не стал задавать ему вопросов, потому что пока ещё слишком мало знал о своей новой жизни. Он вернулся с немолодой медлительной кобылой, на которой давно уже сказывались прожитые ею года. Но в тот момент любая лошадь казалась мне чудом.

Несмотря на то, что лошадь фыркала и даже ударила раз о землю копытом, стояла она довольно-таки смирно, пока Пергвин показывал мне, как следует взбираться на коня. Но когда я оказался в седле, она вскинула голову и громко заржала, так что ему пришлось схватить поводья, и он принялся ласково говорить с ней, успокаивающе похлопывая рукой по холке, словно у животного имелась веская причина для паники. Она аж взмокла от страха, и мне в ноздри ударил резкий запах пота. Пергвин повёл её за ворота двора, в загон, где упражнялись с лошадьми.

Там и начались мои уроки. Я ловил каждое слово моего наставника, потому что чувствовал, что в седле обретаю некую свободу. И хотя Пергвин тоже придерживал поводья, которые я неумело сжимал обеими руками, я чувствовал, что мало-помалу осваиваюсь.

Время пролетело незаметно, и я разочарованно посмотрел на Пергвина, когда тот направился к воротам Главной Башни, — мне так не хотелось снова возвращаться в замкнутое пространство. За воротами он остановил лошадь и помог мне спешиться. Потом кивнул головой в сторону двери Башни Молодости и велел подождать его там, пока он отведёт кобылу в конюшню.

Только тут я заметил, что за мной наблюдают. Во дворе столпились конюхи и охрана.

Когда я пересекал двор, они расступились, не глядя в мою сторону. Я весь дрожал, добравшись до двери, где и должен был ждать Пергвина, потому что, несмотря на

юный возраст, кое-что всё-таки понимал, — я догадался, что между мной и животными, а также и людьми вдруг появился некий барьер, хотя и не догадывался, в чём причина. Я вспомнил ту странную ночь в комнате Урсиллы. Что за колдовской обряд совершили надо мной?

Впервые мой страх перед Урсиллой и матерью приобрёл оттенок неприятия и сопротивления. Они каким-то образом противопоставили меня остальным в Главной Башне. Может, их защита и помогла бы от нападок Могхуса, но такой ценой мне ни их колдовства, ни их поддержки вовсе не хотелось.

Когда Пергвин появился в дверях конюшни, люди скрылись из вида, словно не желали, чтобы он знал, что они проявляют любопытство по отношению к нам. Никогда в жизни не чувствовал я такого одиночества. Но голову держал высоко, словно не замечая их взглядов. Я так научился скрывать свои мысли от Урсиллы и матери, что и здесь привычно окружил себя скорлупой.

Вот так и проходило моё знакомство с миром людей Кар До Прана. Если бы не Пергвин, который всегда находился рядом и мог в любую минуту прийти на помощь, посоветовать, что к чему, я не знаю, что бы со мной случилось. Довольно быстро я уяснил для себя, что ни одно животное не терпит моего общества.

Стоило мне приблизиться к собакам, как они начинали рычать, потом в страхе отступали.

Я не мог сесть верхом ни на одну лошадь — до тех пор, пока Пергвин не успокаивал её при помощи какого-то снадобья, секретом приготовления которого он ни с кем не делился.

Но даже после этого животное потело и дрожало, если я седлал его.

Что касается оружия, тут разочарований не было. Я был не так тяжёл, как Могхус, но владеть мечом выучился не хуже него. К тому же я обладал острым зрением и за год стал отличным лучником — Пергвин специально для меня сделал лук полегче.

И я помню, как обрадовался, когда где-то в оружейной он нашёл изящный лёгкий меч. Едва взяв его в руку, я почувствовал, что выковали его как специально для меня, но затем поинтересовался, делали ли для Могхуса, когда тот был младше, какое-нибудь оружие, потому что не хотел брать в руки то, что когда-то принадлежало ему, даже если теперь он не нуждался в этом, чтобы не вносить новой неприязни в наши взаимоотношения... Но Пергвин сказал, что оружие, доставшееся мне, давным-давно принадлежало другому юноше.

Сказав это, старый воин нахмурился. Хотя он и смотрел на меня, мне показалось, что в уме он видит перед собой кого-то совсем другого. И хотя я старался не задавать лишних вопросов, на этот раз не сдержался:

— Кто это был, Пергвин? Ты его знал?

Он долгое время молчал, и я уже решил было, что ни за что не дожусь ответа. У меня даже появилось такое чувство, будто я переступил какую-то запретную черту — я вспомнил, как задавал Урсилле вопросы, относящиеся к каким-то потаённым заветным знаниям.

Пергвин огляделся по сторонам. Должно быть, проверял, не подслушивает ли нас кто-нибудь. Однако Главная Башня в тот час словно вымерла, поскольку мой дядя вместе со свитой отправился на охоту в северные леса. Я рано понял, что подобного рода поездки не для меня, так как ни одна лошадь и ни одна собака ни на что уже не годились, если только я был рядом. Так из-за Могхуса на меня наложили чёрную отметину.

— Он был сын Рода, — наконец неохотно произнёс Пергвин. — Или, скорее всего, сын-полукровка...

Он замолчал, так что мне пришлось потянуть его за рукав.

— Что ты хочешь сказать, когда называешь его сыном-полукровкой, Пергвин?

— Случилось это давным-давно, когда Леди Элдрис была молоденькой девушкой. Её опутали колдовскими чарами, и она поддалась им...

Я не мог не удивиться, услышав слова Пергвина. Леди Элдрис жила так долго... Для меня бабка была суровой женщиной, лишённой какого бы то ни было налёта романтики. Подумать о том, что её смогли опутать какими-то чарами, любовными к тому же, было в моих глазах равносильно тому, как если бы представить, что в одно прекрасное утро тяжёлые стены Башни вдруг оторвались от земли и заплясали на лужайке.

Пергвин как будто прочитал мои мысли, или, скорее всего, заметил моё удивление, так как на этот раз его голос прозвучал чуть посуше и резче.

— Все мы когда-то были молодыми, Лорд Кетан. Без сомнения, наступит день, когда вы вспомните свою молодость, а другие удивятся вашим словам. Да, Леди Элдрис откликнулась на любовный призыв. Но человек этот был не из наших Кланов...

Это были дни Последней Борьбы. Собрались Кланы и те, кто должен был решиться выступить против Лорда Тьмы Пагарда Младшего. Женщин и детей отправили в крепости, чтобы защитить их — конечно, тех, кто дал согласие. Вам известно, что были и такие леди, которые ездили верхом в доспехах и вжимали дань на собственных землях...

В то время в Крепости Красных Плащей один из Всадников-Оборотней увидел Леди Элдрис и возжелал её. Он был Лордом среди своего рода. Именно он при помощи колдовских чар и сумел увлечь её. Но чары продержались недолго, и со стороны Леди не последовало взаимности. Вскоре она вернулась к своему народу, но уже с сыном...

Поговаривают, что когда она покинула те места, Лорд-Оборотень и его Клан находились где-то вдалеке — они были рождены для сражений. И к тому времени, когда он понял, что Леди покинула его, было слишком поздно, и он не сумел вернуть её...

Её брат, Лорд Кардис, погибший несколькими годами позже в битве у Тоса, вернул ей право наследования Клана

и возложил его на её сына также. Однако, когда мальчик подрос, кровь его отца взяла своё. Он отправился в Серые Башни, где нашёл товарищей по оружию вроде него самого. Потом, когда Семь Лордов добились мира, Всадников-Оборотней отправили в ссылку, ибо кровь их горяча и они не представляют себе жизни без войн. Лишь сравнительно недавно вернулись они в Арвон из дальних странствий. Но не думаю, чтобы Леди Элдрис печалилась по прошлому. Позже она взяла себе в мужья отца Лорда Эраха и родила ему двоих детей — его и твою мать. Скорее всего, время сделало своё дело. Но это правда, что её старший сын жил здесь, когда был совсем молодым, и что это оружие принадлежало ему. Однако всё это лучше выкинуть из головы, мой Лорд.

— Всадники-Оборотни... — повторил я, страстно желая узнать побольше о своём неизвестном полудяде из прошлого. Но было ясно, что Пергвин больше не станет об этом говорить.

В Арвоне живут разные люди. Многие сильно отличаются друг от друга — особенно это заметно, если сравнивать с нами. Из их числа некоторые представляют такую опасность, что Клань избегают их и их владений. Есть и такие, кто ни умом, ни телом не схожи с нами, непонятны нашему восприятию.

При этом не какие-либо физические отличия противопоставляют нас друг другу. Тут дело скорее всего в духовных особенностях. Я видел лесных людей, приходивших на наши праздники Урожая. Они ближе к миру растительному, чем к нашему. При виде иных из них дрожь пробегает по телу, словно от сильной зимней стужи.

Всадник-Оборотень, как и лесной народ, наследует смешанную кровь, являясь одновременно и человеком, и животным. В Хрониках упоминалось о подобных переменах обличья, но в те времена, когда Урсилла давала их мне читать, я не обращал на это особого внимания. Теперь же, выслушав рассказ Пергвина, мне захотелось вернуться к Хроникам. Рассказ об Оборотне, пользовавшемся мечом

до меня, пробудил желание узнать о нём побольше. Интересно, ощущался ли в те дни между ним и остальными точно такой же невидимый барьер, который ныне делает меня столь одиноким?

Я был одинок и с каждым днем всё больше уходил в себя. Если бы не Пергвин, неизвестно, что бы со мной случилось. Но он наставлял меня на путь истинный, учил владеть оружием, делал из меня настоящего воина. Спустя какое-то время он взял меня с собой в небольшую поездку, так что я смог узнать не только поля и земли, раскинувшиеся вблизи Башни. Притом мне было прекрасно известно, что тем самым он идёт против воли моей матери, которая никогда не позволяла мне отлучаться из Башни.

Меня по-прежнему приглашали в Большой Зал, когда там проводились заседания Суда. Теперь моё место было за дядей, как раньше за матерью. Ко мне Лорд Эрах не проявлял никаких добрых чувств. К тому же то, что я не могу охотиться, что лошади и собаки меня ненавидят, изрядно беспокоило его. Он даже советовался об этом с Урсиллой. Я не знаю, какой совет она ему дала, и никогда не узнаю. Но после их встречи он стал относиться ко мне с ещё большей холодностью, что давало лишний повод для переживаний.

Могхус теперь в открытую не третировал меня, как это бывало, когда я был маленьким. Однако он и не упускал возможности больно кольнуть тем, что я не укладываюсь в общепринятый для Главной Башни образ жизни. Я часто замечал, как он наблюдает за мной, и это вызывало у меня чувство страха. Нет, я боялся не самого Могхуса, нет, а того, к чему это могло привести в дальнейшем.

Я перешагнул порог детства и вступил в пору юношества. В тот год урожай был отменным, что радовало всех нас. Но это был также год Волка-Оборотня, предвещающий неприятности во всех делах. Согласно обычаю для моего возраста этот год должен был стать годом нашей свадьбы с Тейни. Но Урсилла, ссылаясь на плохие предзнаменования, приняла решение, что подобный союз пока неуместен

(Героиз, несмотря на желание продвинуть свои планы, не возразила). Итак, было решено, что с наступлением следующего года, а он находился под знаком Рогатой Кошки, сулившей нечто лучшее, мы и сыграем свадьбу.

Тейни я видел редко, так как её рано отправили в Гарт Хауэл, где правили Мудрые Женщины, чтобы она обучилась науке волшебства, дабы исцелять недуги и защищать род и дом. Говорили, что она проявила некоторые способности в подобного рода делах, что не совсем нравилось Леди-Матери. Но по обычаю Героиз не имела права препятствовать дальнейшему обучению племянницы.

Могхус часто уезжал, выступая в роли посыльного в различных сборищах Клана или Кланов, когда участвовали все четыре Великих Клана.

Арвон вступил в период беспокойства, что ощущалось пока ещё довольно смутно. Сами имена годов, сменявших друг друга, свидетельствовали о том, что равновесие Силы покачнулось. Позади остались год Вампира, год Химеры, год Гарпии и год Орка. Золотые годы моего детства канули в прошлое, хотя причины ухудшения жизни волновали каждого. С просьбой прочитать будущее Кланов отправили Послов к Голосам. Те утверждали, что над Арвоном нависает мгла.

Но явной угрозы, которую можно было бы увидеть и сказать — вот что нас всех волнует, — не было.

Пергвин точно подметил всеобщее состояние, когда мы сидели как-то вечером за ужином.

— Сила похожа на морские приливы и отливы. Когда её становится слишком много, появляются неприятные ощущения и тревога, — он уставился в кружку с сидром. — Так всегда начинается... Земля вынашивает изобилие, словно предупреждая нас о том, что следует наполнить закрома на тяжёлые времена. А в нас самих тем временем зреет чувство тревоги, словно кто-то шепчет в наши уши, призывая к действиям, на которые мы не решаемся. Так приходит Тень, словно морской прилив, но не настолько часто...

— Морской прилив? — я ухватился за эти два слова, которые он только что тихо проговорил. — Пергвин, ты видел море?

Он не смотрел мне в глаза. И задал вопрос — вместо того, чтобы ответить.

— Мой Лорд, как ты думаешь, сколько лет жизни у меня за плечами?

Когда я был ещё мал и он стал моим наставником, мне казалось, что он стар. Но чем старше я становился, тем больше мне казалось, что рядом со мной — человек средних лет. Возраст у людей Арвона трудно определить до тех пор, пока они не достигают конца длинной-предлинной вереницы лет. Люди могли умирать от каких-то болезней, от ран или на поле битвы. Однако естественная смерть и упадок сил обходили нас стороной вот уже много лет.

— Не знаю, — признался я.

— Я был среди тех, кто прокладывал Дорогу Памяти в Пустыне страны Долин, — с расстановкой произнёс он. — Я знал Великое Время Тревог и то, что последовало за ним. Да, я видел море, ибо родился под шум набегающей волны.

Тот самый страх, который я испытывал перед Урсиллой, внезапно вновь охватил меня. Казалось, что герой из Хроник шагнул прямо с пергаментов и встал передо мной. Пергвин, должно быть, помнит Ссылку на Юг...

— Я помню слишком много, — хрипло проговорил он и допил сидр.

Ни о чём больше я не осмелился спросить.

Наш разговор неожиданно прервал звук рога, протрубившего у ворот Главной Башни. Он означал прибытие бродячего торговца — тот наверняка пожаловал, чтобы принять участие в нашем празднике Урожая.

Мы с радостью приняли гостя, оказав ему самый радушный приём. А как же иначе? Торговцы путешествовали повсюду и многое знали о тех местах, в которых наши люди бывали редко.

Наш гость оказался не простым торговцем — за ним не плелась одна единственная лошадь с поклажей. Наоборот, за ним следовал целый караван: несколько всадников и животных, нагруженных товаром, среди них мы заметили незнакомую нам породу лошадей с длинными ногами.

По приказу Лорда Эраха загон за стеной освободили под стоянку, и люди торговца быстро обустроили место для лошадей и поставили палатки. Их хозяина порадовало гостеприимство Главной Башни, и он с удовольствием принял приглашение отужинать за нашим столом. Леди и их женщины тоже захотели послушать новости и заняли свои места.

Незнакомец представился как Ибикус — имя звучало как-то непривычно для нашего уха. Он был невысок, но несмотря на это сложение имел неплохое. Непринуждённые манеры, речь, присущая благородному, несколько повелительные нотки — всё это свидетельствовало об его высоком положении.

И чем дольше я на него смотрел, тем больше убеждался, что он из чужих. Несмотря на моложавую внешность (а ему можно было дать столько же лет, сколько Могхусу, который всё ещё не вернулся из поездки), Ибикус обладал некоей мудростью, которая так и бросалась в глаза. Это была не примитивная хитрость заурядного перекупщика. Ибикус больше походил не на торговца, а на одного из Мудрых, прибегнувшего к торговле в качестве удобного прикрытия для настоящего занятия.

Но даже если и так, то с ним было легко и непринуждённо за ужином. Тень, нависшая над Главной Башней, словно растворилась в его присутствии. Мы с удовольствием слушали плавное течение его речи — ему было что рассказать о землях, в которых он побывал, передать нам весточки от родственников и поведать о том, как протекает их жизнь.

Сначала я наблюдал только за ним. Но когда вскоре случайно бросил взгляд на Урсиллу — странное выражение прорывалось сквозь застывшую маску её лица. Даже то, что

она вышла к гостю, было поразительно, ведь она редко спускалась в Большой Зал и почти никогда не выходила из своих покоев. На этот же раз...

Да, в ней чувствовалось какое-то напряжение, словно от гостя исходила некая угроза. Я видел, как она несколько раз делала какие-то знаки — видимо, пыталась прибегнуть к колдовству, чтобы выявить опасность. И вскоре я догадался, что у неё ничего не получилось, она проиграла, а внутри у неё клокочет ярость. Когда со стола убрали посуду, торговец велел одному из своих людей принести товар. Вслед за этим в Зал притащили пузатый сундук и поставили прямо перед ним. Он положил руку на крышку и объявил:

— Товар у меня видимо-невидимо, Лорды и Леди. Но самое ценное находится вот здесь. С вашего позволения, я вам это покажу.

Леди с удовольствием изъявили желание полюбоваться на товары, при этом голоса их подрагивали от предвкушения чего-то новенького и любопытного. Им вторили низкие мужские голоса. И сундук открыли.

Сначала из него Ибикус извлёк сложенную в несколько раз ткань. Он разложил её на столе, расправил, а потом начал вытаскивать всевозможные коробочки, сделанные из дерева, из кости или камня и обтянутые шёлком. Из каждой он осторожно вынимал содержимое — и перед нашими глазами предстало такое богатство, о существовании которого мы даже не помышляли.

Там были золото и серебро, даже красная медь, служившая оправой для драгоценных камней. А среди камней... не думаю, чтобы кто-либо из нас знал название и половины из них.

Мы разом замолчали, словно у всех одновременно перехватило дыхание. Потом раздались удивлённые возгласы. Все повскакивали со своих мест и столпились у стола, пожирая глазами несметные сокровища. Никто не пытался протянуть руку и дотронуться до них. Каждый из

нас понимал, что надежды на обладание этими богатствами нет, что сокровища просто недоступны.

Я оказался у стола вместе со всеми. Мой взгляд сразу остановился на предмете, лежавшем рядом со мной. Пояс из золотистого гладкого меха, такой яркий даже среди окружавших его ценностей. Пряжкой служил огромный камень — желтовато-коричневый, подёрнутый дымкой — такого я никогда раньше не видел. Камень был вырезан в форме головы кошки. Но, приглядевшись к нему повнимательней, я заметил, что кошка вовсе не походила на маленького домашнего зверька, а явно была в родстве со вселяющим ужас охотником высот, снежным барсом, иначе говоря, ирбисом — сражаться с ним сложнее, чем с каким-либо из животных.

— Вам нравится, Лорд Кетан?

В ту минуту мне почему-то не показалось странным, что Ибикус обращается ко мне по имени, как и то, что он оказался рядом со мной. Остальные постепенно начали прикасаться к сокровищам, раскинувшимся перед ними, или обсуждать, что кому больше всего нравится.

Но торговец взял именно пояс и протянул его мне.

— Отличная работа, Лорд. Пряжка сделана из циркония. Этот камень широко используется в ювелирном деле. Взгляните, какая искусная работа.

— А мех? — спросил я.

— Мех... Ах, да, это шкура леопарда. В наши дни такого зверя редко встретишь. Они, как охотники, не уступают снежным барсам.

Мои пальцы сами потянулись к поясу. В то же самое время внутри меня как будто что-то воспротивилось. Ведь в любом случае мне не стать его обладателем...

Ибикус улыбнулся и кивнул, словно задал какие-то вопросы и получил на них ответ. Потом он повернулся к Лорду Эраху, чтобы ответить на его вопросы.

Я отодвинулся от стола и вышел из Великого Зала. Желание обладать этой чудесной вещью было настолько сильным, что я боялся не удержаться от искушения. И там

я долго стоял в темноте, раздумывая, что только безумие может двигать людьми, когда они решаются на воровство.

Глава 4

О подарке леди Майлин леди Элдрис и о пришествии полной Луны

Я как во сне добрёл до своей комнаты, обуреваемый сильными и противоречивыми чувствами, которые вызвал у меня пояс. А потом, растянувшись на узкой постели, никак не мог уснуть. Едва народившаяся луна светила ещё довольно слабо, и её сияние почти не пробивалось в узкие окна над головой, так что я лежал в темноте, как уже много лет подряд в одной и той же пустой комнате.

Пояс! Стоило закрыть глаза, как он появлялся в моём воображении, сверкая, как там, в Зале. Казалось, что пряжка жила своей собственной жизнью... Так хотелось дотронуться до пушистой поверхности, поддержать в руках голову снежного барса, любоваться камнем, словно я мог прочесть в нём некое предсказание, как это делают Мудрые.

Я соскочил с кровати, подошёл к окну, облокотился о подоконник и стал смотреть в темноту.

Башня Молодости выходила своими окнами на север. Еле различимо виднелись поля и сады — селение раскинулось южнее. Там начинался лес — преграда между нами и холмами, таившими в себе так много загадочного, что наши инстинкты подсказывали нам держаться от них подальше.

Тёмные Властители Арвона, которые привели в прошлом столь многих к краху, ушли туда — в горы и леса. Там их удерживали невидимые барьеры Силы, какие только смогли воздвигнуть Мудрые и Семь Лордов. Никто не знает, живы ли ещё те, кого мы считали врагами, или же

открыли другие Врата между мирами, которыми они умели управлять, когда покидали Арвон.

Некоторые из их последователей, не слишком значительные, по-прежнему угрожали нам. Но частью их натуры также было и то, что они привязывались к определённом участку земли и в большинстве случаев не представляли опасности. К тому же они служили своего рода дополнительной защитой нашей территории, осев на границах и не пропуская никого из южных Долин, кто мог бы отправиться для завоеваний в северные земли.

Долины! Я вспомнил, что говорил Пергвин... Он был среди тех, кто шёл Дорогой Памяти и Дорогой Печали, а за ними шли те, кто уцелел в тяжёлые времена и был выслан. Живущие там ныне — не нашей расы и не обладают Силой. Это варвары, которых отделяет от хаоса всего лишь несколько поколений. Их жизнь коротка — с рождения на них наложена сия печать. Нам с ними не по пути.

Темна была ночь, хотя над головой и светили яркие звёзды. Они напоминали самоцветные камни, которые показывал нам Ибикус. С севера дул ветер, и я скоро озяб. Но всё же не возвращался в постель, чтобы укрыться там от холода.

Напротив, я высоко поднял голову, опьянённый ветром, ноздри мои раздувались, словно тот нёс какое послание. Где-то в глубине нарастало волнение, какого мне никогда ещё не доводилось испытывать. Меня притягивала тёмная ночь. Вдруг меня пронзила мысль — а что, если пробежаться нагишом по траве, броситься в ручей?..

Возбуждение неожиданно угасло. Я вздрогнул. Вместо радости тьма сулила зло. Отпрянув от окна, я направился к кровати. Меня стало клонить ко сну, который так упорно не шёл до этого. Рот растянула зевота, веки слипались, словно я уже несколько ночей подряд провёл, не смыкая глаз. Вытянувшись на постели, я заснул как убитый.

Но когда мне приснился сон, я тут же проснулся. Сердце бешено колотилось в груди, словно я бежал на предельной

скорости, тело покрылось липким потом, хотя в комнате было скорее холодно, чем тепло. Сквозь окно пробирался предзасветный туман. Я рывком сел.

— Что же мне приснилось?

Я ничего не помнил, абсолютно ничего... Что же заставило меня проснуться — страх или какое-то другое чувство? Даже на этот вопрос я не мог ответить. Но и заснуть теперь был не в состоянии.

Я быстро умылся. Вода была прохладной, но не до противного холодной. Одеваясь, я старался отыскать в уголках памяти хоть малейший намёк на то, что мне приснилось, но так ничего и не вспомнил, а на душе остался неприятный осадок. Сон такой важный... я должен...

Однако по мере того, как я одевался, торопливость понемногу покидала меня, так что из своей маленькой комнаты я вышел не спеша. Было такое чувство, что я вот-вот встречу кого-то, отнюдь не желающего встречи со мной.

Дойдя до середины двора, я увидел перед собой торговца Ибикуса. Он стоял, наблюдая за дверью, из которой я вышел, и тихо посмеивался. Увидев меня, кивнул. Я почему-то уверился, что эта встреча была преднамеренной, хотя и не догадывался, зачем её понадобилось подстраивать.

— Чудесное утро, хотя и раннее, Лорд Кетан, — раздался его тихий, но отчётливый голос.

Я растерялся, так как не мог догадаться о цели нашей встречи. Он словно ждал давнего друга, хотя и приветствовал меня официально. В свою очередь, я чувствовал, что он никакой не торговец, а заслуживает самого высоко уважения, как Верховный Лорд моего собственного Клана или кто-либо, равный ему по положению.

— Чудесное утро, Лорд, — мой язык еле ворочался во рту.

— Лорд? — он склонил голову набок, изучающе глядя на меня, словно на некий предмет торговли, который ему

следует оценить. — Я торговец, Лорд Кетан, а не хозяин Большой Башни.

Однако что-то внутри меня упрямо твердило, что Ибикус, может, и не хозяин какого-либо владения в пределах Арвона, но он определённо не только торговец. Я встретился с ним взглядом в ожидании объяснений.

Ибикус поднял руку. На его указательном пальце я сразу заметил большой перстень. Камень на нём не походил ни на один из тех, что он нам показывал — какой-то серый, невзрачный, тусклый, без проблеска, без намёка на жизнь. Его будто откололи от простого булыжника. Оправа была серебряной, но казалась нечищенной, потускневшей. Это меня удивило. Для обладателя несметных сокровищ перстень был очень уж скромным.

— Лорд Кетан... — он по-прежнему усмехался. — Похоже, у вас есть глаза.

Я вспыхнул. Он читал мои мысли? Талант такого рода мог принадлежать только самым могущественным... Он неожиданно выбросил вперёд руку, но не для того, чтобы схватить или ударить, нет, а чтобы его перстень оказался на уровне моих глаз.

— Что вы видите? — спросил он.

Я провёл языком по губам. Не знаю, что он задумал, но во всём этом был некий глубокий смысл. Я послушно посмотрел на перстень.

Странный самоцвет засверкал. Тусклая поверхность подёрнулась рябью, словно в пруд бросили камень...

Потом...

Мне показалось, что я вскрикнул, так велико было моё удивление. Какое-то мгновение я видел голову кошки, а если точнее, снежного барса, обнажившего клыки в знак предупреждения! Это было не просто изображение на пряжке пояса — ирбис был поистине живой.

— Что вы видите? — он так требовательно задал вопрос во второй раз, что я не стал ничего таить.

— Я... я разглядел голову снежного барса!

На этот раз Ибикус поднёс руку к собственным глазам

и сам посмотрел на то, что прежде было серым каменным овалом. Потом кивнул.

— Довольно, Лорд Кетан, для первого раза довольно.

— Довольно для вас, — я вдруг осмелел. — Но что значит...

Торговец не дал мне закончить фразу.

— Всеми своё время, мой молодой Лорд, скоро всё встанет на свои места. Всё прояснится. Ведь неспроста я появился в Кар До Пране. Думаете, я творю чудеса? — он рассмеялся. — Когда вы были маленьким мальчиком, разве вас не учили читать руны, начиная с самых простых? Смогли бы вы прочесть Хроники, которые давали вам, без всякой подготовки?

Я покачал головой. Мне хотелось бы рассердиться, что он так распоряжается мною, морочит голову всеми этими намёками и тайнами. Однако было в нём что-то такое, что заставляло держать язык за зубами.

— Это я оставляю вам, чтобы было о чём помнить, Лорд Кетан... чтобы правило им ваше самое жгучее желание, а не то, что налагают на вас другие. Даже я не могу прочитать некоторые руны. Но придёт время — и их потребуются расшифровать. А время порой тянется медленно. Это подарок вам — храните его.

Сказав это, Ибикус повернулся и, прежде чем я успел что-либо промолвить, хотя стоял, раскрыв от удивления рот, словно рыба, хватаящая воздух над спасительной лужей, ушёл. Я не отправился за ним следом, чтобы потребовать объяснений — что-то внутри удерживало меня на месте, где я стоял.

Он направился напрямик в Башню Леди. Наверняка его там ждали, потому что дверь мгновенно открылась, стоило ему постучать один раз. А я так и стоял там, где он меня покинул, ломая голову над тем, что он только что сказал.

Больше я не встречался с Ибикусом с глазу на глаз. Ближе к ночи он поднял своих людей, они собрали вещи и покинули Главную Башню. Кое-что он всё-таки успел продать за это время. Моя мать и Леди Элдрис долго не

отпускали его, решая, что могут себе позволить. Но думаю, что немногие из его сокровищ остались у нас, когда он уехал. Я же сожалел только о поясе.

Не раз повторял я себе вновь и вновь, что нечего было и надеяться, будто смогу купить его. Помимо прочего, в Кар До Пране не нашлось бы никого, к кому можно было бы обратиться с просьбой помочь приобрести такую ценную вещь. Хотя мне и предстояло стать законным наследником Лорда Эраха, но кошелька, в который можно было бы залезть, у меня ещё не было.

Три дня спустя наступил день моего рождения. Когда я жил с Леди Героиз и Урсиллой, празднований никаких не устраивали. Урсилла лишь колдовала немного, читала какой-нибудь заговор, а мать помогала ей, пытаясь наделить меня своей Силой, как они объясняли, для того, чтобы укрепить и защитить меня.

Но после того, как я перебрался в Башню Молодости, в такие дни устраивались особые церемонии, хотя моё присутствие при этом и не требовалось. Итак, тот день был как все остальные, если не считать того, что я стал ещё на один год старше и от меня требовалось ещё больше мудрости и силы.

Поэтому я очень удивился, получив записку, в которой говорилось, что Леди Элдрис настаивает на моём присутствии у себя по причине моего дня рождения. За день до этого в сопровождении Могхуса и вереницы служанок и всадников прибыла Тейни. Надевая самые лучшие одежды (на новом камзоле был вышит знак моего наследования), я размышлял, не надумали ли они объявить в этот день о нашей законной помолвке.

Стоял яркий полдень, когда я пересёк двор, чтобы попасть в другую Башню. Внутри было сумрачно, меня поджидала служанка со светильником в руках. Следуя за девушкой и вдыхая запах ароматизированной свечи, я взбирался по старым, скрипучим, износившимся лестницам в покои, где правила моя бабка, хотя воспоминания

гнали меня выше, в ту часть, которая когда-то служила мне домом.

В комнате для ожидания окна и стены были завешены коврами с потускневшим рисунком. Если присмотреться, то там, то здесь можно было заметить морду причудливого животного или необычную фигурку — они мелькали в свете ламп, которых было много, причём некоторые висели на цепях.

Было душно. Я откинул полог ковра, чтобы впустить хоть немного свежего воздуха.

Леди Элдрис сидела в кресле с высокой спинкой между двумя высокими светильниками. В её толстых тёмных косах, ниспадавших ниже пояса, не было ни единой серебряной нити. Она встала и косы переплелись с золотыми цепями, украшенными зелёными и бледно-жёлтыми камнями. По праздничному случаю она тоже надела новое платье, закрывавшее её величавую фигуру с головы до ног. Единственный большой камень смотрел на меня, словно зелёный глаз, с диадемы, украшавшей её лоб.

Как и Пергвин, она не менялась с годами, а оставалась всё в том же зрелом возрасте. И хотя Леди Элдрис явно не проявляла страстного желания властвовать, подобно моей матери, в ней чувствовалась некая сила, сквозившая в каждом жесте.

Я, как и подобает в подобных случаях, опустился на колено и поцеловал бабушке руку — несмотря на жару в комнате, рука была удивительно прохладной. Хотя голова моя и была опущена, я в который уже раз ощутил, что она смотрит на меня не как на Могхуса, с удовлетворением, а с еле заметной неприязнью.

— Приветствую тебя, Кетан... — холодно произнесла она.

— Да пребудет с вами удача, солнце и долгие годы жизни, моя Леди, — ответил я, как и полагалось.

— Встань, мой мальчик. Дай посмотреть, насколько ты вырос за это время! — на этот раз в её голосе почувство-

валась лёгкая теплота, означавшая, что к этой встрече она готовилась, а значит, что-то должно произойти.

Я поднялся. И заметил, что среди женщин в приёмной не было ни моей матери, ни Урсиллы. Зато присутствовала другая — Тейни.

Она словно являла собой молодую Леди Элдрис — именно такой, наверное, была её бабка много-много лет назад, когда Всадник-Оборотень опутал её колдовскими чарами. Высокая, в праздничном платье, довольно глухом, но намекавшем на плавные изгибы её тела — тела, вполне созревшего для замужества. Те же тёмные волосы, как у Леди Элдрис, но собранные в причудливую причёску при помощи гребней и шпилек с драгоценными камнями.

Насколько я помнил, черты её лица были такими же правильными. Но теперь у рта появилась еле заметная морщинка, а между тёмными бровями пролегла ранняя складка. Она вовсе не улыбалась, даже выглядела хмурой и, казалось, желала бы оказаться в этот момент где-нибудь в другом месте.

Я знал, как полагается себя вести в подобных случаях, но что-то внутри противилось установленному порядку. Однако, не имея выбора, я подошёл к ней и, стиснув ей руки, осторожно поцеловал в щёку. И почувствовал, как напряжилось её тело. Значит, она по-прежнему, как и много лет назад, терпеть меня не могла.

— Очень мило, — Тейни ничего не произнесла, даже имени в качестве приветствия. Слова принадлежали Леди Элдрис.

— Что ж, девочка моя, — обратилась она к Тейни. — Не так уж это и страшно. Он представительный юноша...

Это был далеко не комплимент в мой адрес. Я чувствовал их неприязнь ко мне, но в ответ не мог показать свои чувства. Помолвка — до чего же мрачная церемония! — ещё не свадьба. К этой мысли я склонялся в тот момент, когда во мне зрела уверенность, что Тейни никогда не станет моей женой. Нужно каким-то образом отвоевать себе свободу.

Леди Элдрис не ждала ответа ни от меня, ни от Тейни. Она опустила руки на колени и, расстегнув шёлковую сумочку, вынула из неё...

Леопардовый пояс! Стоило посмотреть на него вновь, как я почувствовал то же неистовое желание обладать им, как и в тот — первый — раз, когда увидел его впервые.

— Это, моя девочка, делается для твоего же будущего. Пояс образует собою некий круг, каким и должен стать ваш брак. Отдай же его своему будущему Лорду!

Тейни не торопилась брать пояс из рук Леди Элдрис. Боялась ли она, что тем самым ей не избежать своего будущего? Но она не посмела послушаться.

Взяв пояс, она повернулась ко мне и произнесла тусклым скучным голосом:

— Мой Лорд, прими от меня символ нашего будущего союза.

Лишь краем уха я слышал, что она говорит. Главное — пояс. Да, я сдержал себя и не выхватил его из рук Тейни. Мне даже хватило благоразумия поблагодарить её и Леди Элдрис за подарок.

Тейни не удостоила меня ни ответом, ни кивком, и мои слова повисли в полной тишине. Я заметил, что Леди Элдрис усмехнулась.

— Смотри же, береги его, Кетан, — сказала она. — Это просто сокровище. А теперь можешь идти. Мы сделали всё, как полагается, к тому же я устала...

Её слова прозвучали так резко, что мне полагалось бы обидеться и рассердиться. Но, по правде говоря, в комнате было так жарко натоплено, что я с радостью покинул её, держа в руках приобретённое сокровище. Вернувшись к себе в комнату, я пробежался ладонью по меху, наслаждаясь его шелковистостью и теплом. И я не положил его в сундук, как праздничные одежды, а надел прямо на голое тело, под рубашку и куртку. В ту минуту ничего странного в своих действиях я не находил. Как будто так и полагалось носить пояс.

Даже ночью, ложась спать, я не стал снимать его. И опять долго не мог заснуть. Но на этот раз оказалось недостаточным просто сидеть и смотреть в окно. Как только на небе появилась полная луна, я понял, что должен быть там, в ночи, — подальше от этих тесных каменных стен.

Хотя никогда раньше мне не случалось проделывать ничего подобного, я решительно натянул бриджи с сапогами и так торопился, что времени на рубашку и куртку просто не осталось. Я выскользнул из Башни через Ворота — в это время часовые всегда спят. Оказавшись на открытом пространстве, я побежал. Моё тело целиком оказалось во власти дикого и безрассудного желания, уносившего меня всё дальше и дальше.

Я пересёк поле и оказался среди кустарника, окаймлявшего лес. Потом устремился вдоль ручья, пока не очутился на лужайке, над которой светила серебристая луна, отражавшаяся в запруде. Тут я сбросил одежду и нырнул в тёмные воды. Я набирал воду пригоршнями, расплескивая её вокруг себя. Пояс образовывал вокруг моего тела тёмную полосу, в то время как пряжка-голова снежного барса горела в сиянии луны ослепительно ярко, как ни один камень на свете. Он как бы вобрал меня всего в циркониевую пряжку — и теперь вокруг не существовало ничего, кроме дикой природы и головы снежного барса перед глазами.

Глава 5

О предупреждении Урсиллы и туче, нависшей над Арвоном

Проснувшись на рассвете, я слышал пение птиц над головой. Лунное сияние ушло из запруды, хотя еле заметный серебряный диск всё ещё виднелся на западе. Я протёр глаза, не удивившись тому, что меня окружает, ибо во мне

осталось воспоминание — воспоминание о дикой жизни прошедшей ночи. Я увидел, услышал и познал нечто значительное, восприняв всё это из чуждого мира, такого прекрасного и живого, какого я никогда не ведал ранее. Это была настоящая свобода, к которой я так стремился все прошлые годы. Вернуться в Главную Башню было равносильно заточению, но другого выбора у меня не было.

Чутье подсказывало мне, что если кто-либо проведает о моих ночных вылазках, мне не позволят поступать так в дальнейшем. Я должен вернуться к себе в комнату никем не замеченным. Пришлось сесть, дотянуться до одежды, лежавшей на расстоянии вытянутой руки, чтобы надеть её на мокрое от росы тело. Пояс на мне теперь был просто поясом, не больше. Даже камень на пряжке потускнел. И всё же, не удержавшись, я пробежался пальцами по меху.

Час был ранний. Я надеялся пробраться в комнату так, чтобы никого не потревожить. Меня вело шестое чувство, предупреждая об опасности. Я продвигался так осторожно, словно разведчик в неприятельском лагере, и вскоре добрался до Ворот, проскользнул в них и побежал к двери Башни. Мне оставалось лишь миновать вход в Башню Леди. Но кто-то преградил мне путь. То была Урсилла!

Встречи с ней избежать не удалось. Она подняла руку и указала на арку. Она молчала, я же переминался с ноги на ногу. Потом она кивнула на пояс, который виднелся из-под ремня бриджей, так как я был без куртки и без рубашки.

— Где ты это взял? — спросила она шёпотом, совершая магические пассы, чтобы вывести правду.

Не отдавая себе отчёта, я закрыл пряжку рукой. Мне явно угрожали. Я начал сердиться на самого себя, но старался вести себя сдержанно.

— Это подарок, — вежливо ответил я. — Леди Элдрис и Тейни вручили мне его в знак нашей помолвки.

Черты лица Урсиллы заострились, она стала похожа на злобно оскалившуюся собаку.

— Отдай его мне! — женщина даже протянула руку, пытаясь сорвать с меня пояс. — Отдай его мне, Кетан!

Но, как она ни старалась, я не поддался её чарам и не повиновался.

— Нет! — отрезал я. Потом повернулся и побежал, не задумываясь о том, увидит меня кто-нибудь или нет. Только добравшись до комнаты, я остановился, потому что теперь был вне досягаемости Урсиллы. Опустившись на край своей узкой кровати, я постарался разобраться в той мешанине чувств, которая переполняла меня, чтобы понять, что же заставило бежать от Мудрой, словно то был не я, а перепуганное дитя.

Чувство свободы, с которым я проснулся, исчезло. Вместо него появилось чувство разочарования, сменившееся страхом. Я в клетке, и Урсилла попытается удержать меня в ней. Она сделает всё, чтобы подобная ночь не повторилась. В этом я был уверен так твёрдо, словно кто-то написал приговор горящими рунами на стенах передо мной.

Пояс!

Я расстегнул его и поднёс голову снежного барса к глазам. Камень погас и казался тусклым. Но Урсилле не отобрать его у меня! Этого я не допущу! Он мой и только мой, принадлежит мне, как ничто другое. Я сразу понял это, как только увидел его в первый раз среди сокровищ Ибикуса. Ну и что, если Леди Элдрис решила использовать пояс в собственных целях! Для меня это ничего не значит. Я снова застегнул его на себе и проверил, действительно ли защёлкнулась пряжка.

Пусть Урсилла и обладает Силой, отобрать у меня пояс она не сможет. Не знаю, почему, но я был уверен в этом.

Однако от Мудрой Женщины так просто не отделаться. В полдень принесли записку. Мы с Пергвином в это время дрались на мечах, и я получил заслуженную похвалу от своего наставника, мастера владения оружием. Он чаще указывал на недостатки, чем хвалил, поэтому я просто ликовал. Быть может, пояс поможет мне завоевать уваже-

ние среди товарищей. Я пребывал в отличном расположении духа — его не омрачило даже желание моей матери увидеть меня.

Я пересёк двор в полной уверенности, что всё это — затея Урсиллы, и что в тех комнатах, где правит Мудрая Женщина и где находится средоточие её Силы, мне придётся несладко. Но я уже был не маленький мальчик, которым можно помыкать и который боится послушаться. В ту минуту я в полной мере ощутил себя хозяином своей судьбы и своей жизни.

Проходя мимо дверей Леди Элдрис и Тейни, я не услышал ни звука. Я поднялся в покои, где правила моя мать при поддержке Урсиллы. В комнате, куда завела меня служанка, не было ковров. Сквозь отворённые окна проникал дневной свет и вливался запах сена с полей, раскинувшихся внизу.

Но при этом обстановка поражала богатством. Кресло моей матери с высокой спинкой было завалено подушечками, и на спинку был накинут Плащ Рода, как и у Леди Элдрис. А на стенах вместо ковров висели пергаменты с нарисованными на них прекрасными птицами и животными, столь отличными от тех, что мне доводилось видеть воочию. Яркие краски подчёркивали их оперение, рога, клыки и прочее, заставляя рисунок переливаться на свету, словно драгоценные камни.

Моя мать сидела на кресле, держа на коленях палитру и кистью нанося на холст лёгкие мазки краски. Она не подняла головы при моём появлении и не удостоила меня словами приветствия.

Я давно привык к подобного рода встречам — до тех пор, пока Леди Героиз не нанесёт завершающий мазок, она не прервёт своего занятия. То, что она была совсем одна, удивило меня, так как я ожидал увидеть рядом с ней Урсиллу, но Мудрой Женщины в комнате не оказалось.

Леди Героиз нанесла последние два мазка и отложила палитру в сторону. Она изучающе посмотрела на меня.

— Ты — глупец! — наконец воскликнула моя мать.

К такого рода приветствиям я тоже привык, поэтому её слова не вызвали у меня чувства протеста, я испытывал лишь желание побыстрее перейти к делу и получить объяснение по поводу того, почему вдруг меня называют глупцом.

— Ты позволил им приручить себя, словно пса из своры Лорда, — холодно продолжала Леди Героиз. — Почему мой сын так недалёк умом, что не понимает, когда служит целям других... — она пожала плечами. — Что сделано, то сделано... но всё равно это можно поправить.

Я ждал. Моей матери всегда нравилось приближаться к основной теме разговора вот так, издалека. Когда я был ребёнком, такие маневры делали своё дело: чем дольше она не обвиняла меня в конкретном проступке, тем больше я начинал нервничать.

Теперь же, спустя столько лет, я научился скрывать свои чувства до тех пор, пока Леди Героиз не произносила главного.

— Леди Элдрис... — начала было она, но замолчала. Я давно знал, что между ней и её матерью не было любви и понимания, хотя, встречаясь, они сдерживались, вели себя пристойно и выступали в единстве, как того и требовали обычаи. Никто не оспаривал, что моя мать займёт место Леди Элдрис в качестве хозяйки, но никогда за все эти годы не замечал я ни намёка на то, что кто-то выступает против подобного положения дел. Казалось, что мать по доброй воле желает передать все заботы и обязанности хозяйки своей дочери.

— Ты попал в её сети, — решительно заявила Леди Героиз. — И если избавишься от её влияния сейчас... — она вновь замолчала. Потом, наконец, решилась выложить всё начистоту. — На пояс наложено проклятие...

Без сомнения, она верила в то, что говорила.

Но я не сомневался и в том, что эту мысль подсказала ей Урсилла.

— Каким образом? — в первый раз заговорил я.

— Эта вещь принадлежит Расе Обратной. Урсилла сразу поняла это, как только увидела пояс. Леди Элдрис тоже должна была знать, что в нём таится наше поражение. Но она узрела в нём возможность заполучить то, о чём давно мечтала.

— Для чего? — спросил я. Впервые за всю свою жизнь у меня появились собственные мысли и я был самым собой. Может быть, причина крылась в том, что я ощутил свободу?

— Чтобы сделать наследником Могхуса, — мать произнесла то, что уже давно служило причиной молчаливой, но упорной борьбы. — Она дала тебе эту проклятую вещь таким образом, чтобы ты не смог от неё отказаться, ибо знаешь, что это символ твоей помолвки с Тейни. И пояс начал действовать... Куда ты бегал сегодня ночью и в каком виде, Кетан? — она подалась вперёд, её глаза буквально сверлили меня.

— Я спал у речной запруды. И никуда не бегал. И я не из тех, кто меняет облик, моя Леди.

Вот результат работы Урсиллы! В ту минуту в моей памяти вдруг всплыло другое лицо — торговца. Что он там сказал при нашей странной встрече? «Чтобы правило им ваше самое жгучее желание, а не то, что налагают на вас другие. Это подарок вам — храните его».

Я спросил:

— Каким образом Леди Элдрис узнала, что её подарок обладает такой Силой?

На лице моей матери отразилось недоумение. Затем оно сменилось выражением неудовольствия.

— От торговца — от кого же ещё? Урсилла почуяла в нём Силу. Он один из тех, у кого есть власть над человеком. Раньше такие бродили среди людей, пытаясь влиять на них тем или иным способом. Урсилла прочитала по звёздам, что нас ждёт. Они расположились так, словно Кар До Прану вскоре выпадет полоса больших неприятностей.

— Вы говорите, что Леди Эддрис предпочитает Могхуса мне. Я это знаю. Но обычай есть обычай. Она не может не считаться с тем, что я ваш сын, а значит, являюсь наследником.

Говорил я осторожно, снова действуя как разведчик на вражеской территории, но здесь приходилось прятаться за словами, а не за естественными укрытиями.

— Глупец! — повторила мать, поднялась с кресла, схватила палитру и запустила ею в каменную стену так, что та разбилась вдребезги. Леди Героиз не обратила на это никакого внимания. — Меняющий облик всегда уязвим. Если только он не натренированный Оборотень, ему не подчиняются такого рода изменения. Он становится игрушкой неподвластных ему Сил. Ты думаешь, в Кар До Пране примут тебя, как Лорда, если узнают об этом? Такое уже случилось однажды. До Эраха Леди Эддрис родила наследника от другого отца. Он был наполовину Оборотнем, и когда это стало известно, и его мать, и все, кто жил в Башне, за этими стенами, изгнали его. Но ты даже не полукровка-оборотень. Если станешь носить этот проклятый пояс, ты уже не сможешь совладать с изменением облика. В какой-то миг ты человек — в другой уже животное! Ты думаешь, Тейни — да и вообще какая-нибудь девушка — выйдет за тебя замуж? Тебя выгонят из стен замка. И чем дольше ты будешь привязан к этой ужасной вещи, тем сильнее она будет тебя держать! Отдай её мне!

Леди Героиз властно протянула руку.

Она верила в то, что говорила. Но я-то нет. Для меня все её действия были всего лишь отражением козней Урсиллы. Я не мог забыть её взгляда, направленного на торговца, того, как двигались её пальцы, когда она хотела опутать его своими чарами. Я не любил Мудрую Женщину. И за последнее время мой страх перед ней сменился стойкой неприязнью.

— Всё это выдумки Урсиллы, — тихо сказал я.

Мать опустила руку, облизала пересохшие губы. Глаза её сузились, лицо утратило какое-либо выражение.

— Ты не посмеешь послушаться меня!

До этой минуты я и не подозревал, что обладаю силой, которая способна противостоять её воле. Но когда я понял, что способен на это, то словно сбросил с себя некую пелену. С какой стати я должен обращать внимание на их интриги?

Я не ответил, и Леди Героиз вдруг улыбнулась, словно мгновенно усмирила свой гнев, свидетелем которого я стал.

— Очень хорошо, — тон её голоса изменился так резко, что я потерял всякую бдительность. — Не отдавай свою игрушку, дитя моё. Но когда ты поймёшь, что я права, молчи, чтобы не было слишком поздно, и ты не лишился всего, чем владеешь, из-за собственной глупости. Убирайся с глаз моих! И чтобы я не видела тебя до тех пор, пока ты не поумнеешь!

Она снова села, положила на колени новую палитру и принялась за работу. Я для неё больше не существовал. Но она признала мою пусть маленькую, но победу над собой.

Я покинул Башню, погрузившись в раздумья. Тут было о чём подумать. Правда ли то, что говорила Урсилла? Отдал ли торговец этот пояс Леди Элдрис для того, чтобы использовать его против меня? Какие я мог найти доводы против слов матери? Разве что впечатление, которое произвёл на меня торговец, да ещё чувство полной правоты и ту уверенность, которую вселял в меня пояс, а также воспоминания о лунной ночи, когда я сбежал из Башни... Такие мелочи все вместе не давали мне поверить в правоту матери или Урсиллы.

Я знал, что Леди Элдрис не желает мне добра, и, без сомнения, Тейни с ней заодно. Кто в пределах Кар До Прана относится ко мне по-дружески? Для собственной матери и Урсиллы я всего лишь оружие. Я понял это давным-давно. Лорд Эрах лишь терпит меня, не больше. А Могхус явно ненавидит. Кто там ещё? Пергвин? Разве что он относится ко мне по-человечески.

Но и к нему я не мог пойти со своими проблемами. Знал, какой услышал бы совет — отказаться от пояса, чтобы от меня не отвернулись вовсе. Пересекая двор, я чувствовал себя ещё более одиноким, чем всегда. У себя в комнате я снова снял куртку, расстегнул рубашу и нащупал голову снежного барса. Но теперь пряжка не поддавалась.

Я стал дёргать её, пытаюсь расстегнуть запер. Но тот не поддавался, словно никогда и не расстегивался раньше. Меня охватил страх. Я начинал верить, что пояс и в самом деле — магический предмет Силы и, должно быть, появился, чтобы дать ей возможность овладеть мною.

Я доплёлся до окна и стал судорожно вдыхать свежий воздух. Сердце лихорадочно колотилось в груди, а руки тряслись, когда я положил их на каменный подоконник, пытаюсь успокоиться. «Я... не должен... позволять... себе... открывать ворота страху. Ничего страшного пока не случилось. Я должен просто расстегнуть пояс...»

Я вытер вспотевшие руки о бриджи и спокойно взялся за пряжку. Так, поддаётся... Ещё немного... Ещё...

Голова снежного барса ослабила хватку, пояс расстегнулся и упал бы на пол, если б я не подхватил его.

Я разозлился на самого себя. Смотреть, как со мной играют в кошки-мышки... поверить их сказкам. Они обвинили меня в том, что я ношу проклятую вещь. Моя мать без зазрения совести обозвала меня глупцом. Посмотрев на пояс, я понял, насколько она ошибалась. Я воистину был бы глупцом, позволив всем им управлять своими собственными желаниями.

Ко мне вернулась та же очарованность поясом, как и в первый раз. Чудесная вещь! В ней не может быть никакого вреда. Наоборот, обладая ею, я ощущал себя свободным, о чём мечтал всю свою жизнь. Урсилла не посмеет лишить меня этого чувства!

Я решительно застегнул пояс, потом надел поверх пушистого меха рубашу и куртку. В комнату вошёл Пергвин и сообщил, что Лорд ждёт меня в Большом Зале.

Действительно, все собрались и не хватало только меня. Не то, чтобы я мог открыто выражать свою волю и высказывать собственное мнение, но, являясь наследником Лорда, я должен был присутствовать при принятии им решений. Там были Кадок, его Командир стражи и Маршал, и Хергил, спокойный старик, в чьи обязанности входило вести записи, — он считался знатоком среди тех, кто занимался Силой Оборотней. Хергила не было в Главной Башне с месяц. Но по нему никто особо не скучал. Он был весьма неразговорчив. Но во всём, что касалось прошлого, обращались только к нему.

Барьер между мной и Могхусом с годами становился всё ощутимее. Когда-то кузен мучил и издевался надо мной, теперь же совершенно меня не замечал. Я не возражал. Он сидел рядом с отцом, держа перед собой в руке кубок.

Он вертел его, словно любуясь старинной искусной работой. Я занял место рядом с Хергилом, никто из них не обратил на меня никакого внимания, погружившись, как обычно, в атмосферу важных дел и решений, царившую здесь.

— Тогда справедливо... — Эрах говорил с расстановкой, нехотя, как будто новости, которыми он должен был с нами поделиться, были не из числа приятных, — ...что мы должны объединить силы. Мы за Верховного Лорда Айда-на, равно как и Голубые Плащи, и Золотые.

— А Серебряные? — спросил Кадок, когда мой дядя замолк.

— Неизвестно. Между Большими Башнями Западных Болот и Внутренних Земель по традиции возникли разногласия.

— Серебряные Плащи всегда желали союза с Голосами Высот, — заметил Хергил. — Именно они удерживали Коготь Ястреба не меньше полугода, когда мы занимались Дорогой Памяти. По крови они наполовину принадлежат к Древним.

— Да, — неожиданно вмешался Могхус. — В качестве

посланника я побывал в двадцати Больших Башнях. Повсюду волнения. Приходится ездить в доспехах. Но при этом никаких сообщений о набегах Диких с Высот, как не слышно и звуков рога.

Я вспомнил то, что говорил Пергвин о приливах и отливах тревог в Арвоне. Итак, настало наше время пересмотра мира. Но враг неведом, и от этого напряжённость только нарастала.

— Нам это неизвестно, — отозвался его отец. — Но мы чувствуем приближение бури. Говорят, что Голоса могут читать звёздные карты и таким образом предсказывать будущее. Вполне возможно, что когда одни из Врат откроются, некое притаившееся зло прорвётся сквозь них, набравшись сил, и уничтожит нас.

— Всё может случиться, — проговорил Хергил тихим голосом. Все повернули головы в его сторону. — В нашем мире давным-давно была великая схватка. Долины долгое время отражали натиск пришельцев, а потом даже отбросили их назад. За морем наши собратья тоже доблестно сражались. Они выиграли, но так истощили Силу, что не могли больше использовать её на протяжении нескольких поколений. Так наша защита истощалась понемногу новыми людьми не нашей крови и теми, кто походит на нас. Кто знает, не ослабило ли это защиту нашего мира так, что те, кто находится за Вратами, чувствуют — или знают, — что настал час выступить?

— Славные речи! — не удержался от иронии мой дядя. — Но, быть может, в этом и заключается горькая правда. С нашей стороны мы можем лишь попытаться не быть захваченными врасплох. Поэтому давайте каждый час проживать так, как те, кто готовится к осаде. Тогда, если придёт беда, мы будем готовы к ней, хотя и не обладаем достаточными знаниями. Задачей каждого...

И он начал излагать наши обязанности. Из-за угрозы, нависшей над нами, имени которой мы не знали, я постепенно забыл о своих собственных неудачах.

***О Могхузе и о том, как у меня
открылись глаза***

По желанию дяди я занялся урожаем на наших полях, раскинувшихся на севере. Там я работал вместе с крестьянами, проверяя, как отправляют зерно в закрома Главной Башни. Ощущалась всеобщая подавленность, но при этом все трудились на равных, чтобы подготовиться к осаде.

Все другие Большие Башни нашего Клана, должно быть, тоже занимались тем же самым, потому что к нам за эти недели не прибыл ни один посланник.

Не собирались мы отмечать и ежегодный праздник Урожая. Лучше уж каждому остаться живым и невредимым, с крышей над головой и не уезжать от дома дальше собственных полей.

Каждую ночь я еле добирался до постели. Так уставало тело, так перенапрягался ум, что никаких мыслей, кроме той, что нужно спать, не приходило. А на следующее утро опять подъём под звуки рога — и снова за работу. Я продолжал носить пояс, но в те дни он значил для меня не больше, чем просто другой вид одежды. Я ничего не слышал ни о своей матери, ни об Урсилле.

А они тоже были заняты. Готовили настойки и наливки, консервировали фрукты, сушили сухари, которые могли храниться долгое время и не портиться. Даже дети из селения собирали орехи на опушке леса и несли домой эти чудесные дары природы, где их кололи, мололи и добавляли в качестве приправы к сухарям.

Дни шли за днями, и вот приблизилось время полнолуния. Работы поуменьшилось. Почти всё, что могла дать нам наша земля для пропитания, мы заготовили. Стояла чудесная погода — ни дождичка, ни единого облачка. Нам даже казалось, что сама Сила благосклонно отнеслась к нашим усердным стараниям.

Однако время от времени я слышал, как ворчат себе под

нос крестьяне. Разгибая спины, они всё чаще и чаще вопросительно смотрели по сторонам. Слишком уж расщедрилась природа в этом году, не иначе, как жди расплаты.

В канун первой полной луны я ехал верхом вдоль одного из полей. Кости ломило так, как будто моё тело никогда не знало, что такое отдых. Не было слышно ни смеха, ни шуточек от моих людей, только что завершивших тяжёлую монотонную работу на полях. Хотя они и потягивали сидр, но делали это безрадостно, как будто только отдавая дань традиции.

Башня как-то печально возвышалась за нашими спинами, в то время как Дева Урожая восседала на соломенном троне. Мой дядя отдал указание отнести дары Урожая Деве.

Я узнал девушку, протянувшую мне кружку. Время от времени она прислуживала в покоях моей матери. Только на этот раз она не улыбнулась мне, ни слова не сказала в знак приветствия.

Прислонившись спиной к стене Башни Молодости, я поднёс кружку к губам — руки не слушались, так устали за эти дни — и начал жадно пить. В нынешнем году даже у сидра был горьковатый привкус, и я не смог допить его до дна.

Добравшись до своей комнаты, я повалился на кровать, даже не сняв одежды и не ополоснувшись, хотя для меня были приготовлены и ушат с водой, и таз. Я закрыл глаза и, должно быть, заснул мертвецким сном.

Пробуждение пришло тяжёлое и медленное. На полу играли яркие солнечные зайчики. Боль, которая в прошлую ночь выламывала спину, казалось, теперь пульсировала в висках. Я с трудом приподнялся... Стены покачнулись, к горлу подступила тошнота.

Усилием воли я добрался до противоположного угла комнаты, где стоял ушат с водой. Руки дрожали — я больше пролил воды на пол, чем в таз. Потом погрузил в него голову.

От прохладной воды стало немного легче, перестало

тошнить. Я пощупал живот. Неужели заболел? Да нет же! Голова ничего не соображала, но всё же я вспомнил горький привкус сидра, который пил накануне вечером. И ту самую девушку, которая поднесла мне кружку, — она ведь прислуживала Урсилле!

И тут до меня дошло, что грязная потная рубашка, в которой я лёг спать, расстёгнута... Мой пояс!

Одного взгляда мне показалось недостаточно. Я не верил своим глазам и даже провёл по поясу рукой, чтобы удостовериться в том, что его не украли. Однако я нисколько не сомневался, что его хотели похитить. В сидр подмешали какую-то гадость. Урсилла прекрасно разбирается в травах, и в лечебных, и в ядовитых. Такими знаниями обладала любая Мудрая Женщина.

Почему ей не удалось снять с меня пояс? Ведь я спал мёртвым сном! Непонятно. Улик же против неё или моей матери не было никаких.

Но опыт прошлой ночи показал, что не следует доверять всему, что вокруг. Эти подозрения лишь укрепили моё упрямство — я ни за что не отдам свой пояс, независимо от того, что кроется за подарком Леди Элдрис.

Меня переполняла решимость сохранить его, отстоять любой ценой.

Всё время, пока я раздевался и умывался, мозг мой лихорадочно работал. Фазы луны должны влиять на действия Урсиллы. Знать бы мне побольше об изменении облика! Может, расспросить Хергила? Я задумался. Нет, нельзя предпринимать ничего такого, что может выдать мои слабости Могхусу.

Наверное, Леди Элдрис и Тейни только и ждут, когда я попадусь? Я надел чистую рубашку, которая приятно пахла травами. Так, пояса не видно.

Сегодня опять полнолуние. Я подчинился неукротимому желанию лишь один раз — в первую ночь такой же полной луны. Но прошлой ночью травы Урсиллы удержали меня от подобного опыта. А как пройдёт следующая ночь?

Мне следует всё разузнать и не открываться никому — даже Хергилу. И, разумеется, не доверять ни матери, ни Урсилле. Нужно ходить осторожно, пить и есть не всё подряд, а выборочно — это не так уж сложно. Во время Урожая в Большом Зале не проводится установленных застолий. Людям раздают сухари, сыр и вяленое мясо прямо на кухне, в определённые часы. В этот день никаких церемоний не намечалось. Я же обойдусь фруктами и овощами — в них не подсыплешь снадобья, даже если пожелаешь.

Я вышел из своей комнаты ближе к полудню — так сильно подействовало на меня зелье. Двор после всех хлопот прошлых недель выглядел совсем пустым. Из конюшни доносились приглушённые голоса, но никого не было видно.

Почувствовав, что голоден, как волк, я направился к маслобойне, где в любую минуту можно было попросить и получить сыр с хлебом.

Я подозвал одного из поварят. Тот облизывался на ходу и покраснел, словно я застал его за мелким воровством.

— Чего желаете, Лорд? — пролепетал он и чуть не подавился куском, который торопливо дожёвывал.

— Хлеба и сыра, — отрезал я.

— А кружку сидра, Лорд?

Я покачал головой.

— Только то, что я сказал.

Возможно, мои слова прозвучали слишком категорично, настолько удивлённо поварёнок посмотрел на меня.

Когда он убежал, я разозлился на самого себя за неосторожность. Бдительность и ещё раз бдительность — вот что сейчас важнее всего. Он вернулся с накрахмаленной салфеткой, на которой лежал внушительный ломоть хлеба, украшенный сверху сыром. Хлеб был ещё теплым — сыр немного подтаял. Я надеялся, что здесь никакого подвоха не будет.

Потом поблагодарил поварёнка и направился к воротам — поскорее бы оказаться на свободе. На небе не было ни

облачка, ярко светило солнце. Трава к этому часу уже высохла от росы, а скошенные луга выглядели грустно и сиротливо. По замшелой каменной дорожке я прошёл в сад, где росли цветы и травы. Такое вот сочетание приятного с полезным.

Здесь я услышал голоса. Вдоль розовых кустов, от которых исходил чудесный аромат, шли две женщины и собирали лепестки — их пустят в дело для приготовления наливок и в качестве приправ к блюдам. Я незаметно проскользнул на другую дорожку, вдоль которой тянулась живая изгородь — колючий кустарник. Почти всю ягоду здесь уже обобрали.

Однако услышав собственное имя, я остановился. Мне не хотелось подслушивать болтовню девушек, собиравших лепестки. Но разве устоишь, когда речь идёт о тебе?

— Это правда... Они подослали в Башню Молодости старуху Малкин — в комнату Лорда Кетана. Она вернулась оттуда, хныкая. Да, не хотелось бы мне быть на побегушках у Мудрой Женщины. Она...

— Попридержи язык, Гульда. У неё повсюду глаза и уши, — прервала её другая, и в голосе явно слышалась тревога.

— Да, и с молодой Леди тоже глаз не спускают. Она темнее тучи. И с каждым днём всё хуже и хуже. Спасу нет. Вчера швырнула зеркало об стену...

— Значит, ей что-то сказала Леди Элдрис, — продолжала после паузы та же девушка. — Леди ещё добавила, что другое зеркало будет негде купить, торговцы-то в этом году больше сюда носа не сунут. Потом вошёл Лорд Могхус, и лица у них сразу стали такие елейные, что просто противно. Они выпроводили из комнаты всех остальных, чтобы переговорить о чём-то с глазу на глаз.

— Ага! Именно тогда старуха Малкин так надолго и застряла на лестнице. Я же говорю, она и есть те уши, о которых ты говорила.

— Если она в состоянии подслушивать сквозь двери и стены, её уши куда лучше, чем у других. На вид-то она

такая дряхлая, что я удивляюсь, как вообще ещё ноги волочит.

— А ты не думала, что... — на этот раз девушка перешла на шёпот, но я всё равно расслышал слова, — ...а ты не думала, что эта самая Малкин... ну, другая, что ли?

— Что ты имеешь в виду?

— Она служит только Мудрой Женщине и никому больше. Я слышала, как старая Дама Ксения как-то рассказывала, что Малкин появилась вместе с Мудрой Женщиной, и что давным-давно, когда нас ещё и на белом свете не было, Малкин была точно такой же старой вешалкой. Как бесплотная тень, она уже тогда еле-еле таскала ноги по Главной Башне. Знаешь, она никому не задаёт вопросов, ни с кем не разговаривает, если только не спросить её о чём-нибудь в лоб. И глаза у неё такие чудные...

— И при этом она каждый раз опускает их, когда на неё смотрят. Говорю тебе, когда она входит в тёмную комнату, она ни когда не зажигает лампы или свечи, а идёт уверенно, словно всё видит в крошечной тьме.

— Похоже, Мудрая Женщина во всём полагается на неё... Интересно, зачем ей понадобилось навещать молодого Лорда? Ральф заметил её на лестнице, а потом увидел, как она открывает задвижку на двери, ведущей в его комнату. Но он не слышал, чтобы она что-нибудь говорила, ну, как если бы принесла записку, к примеру. Он хотел разузнать что-нибудь ещё, но Лорд позвал его к себе, и у него не было возможности...

— Подглядываете, подслушиваете... Ты и Ральф... Ты что, хочешь, чтобы Мудрая Женщина сглазила тебя или навела на тебя порчу, Гульда? Ты поступаешь весьма опрометчиво!

— Но...

— Да-да, опрометчиво. Только не рассказывай мне сказки! Мне совсем не хочется, чтобы она ещё и мне навредила! С меня хватит и того, что нам приходится

терпеть фокусы и капризы молодой Леди и нападки Леди Элдрис. Пусть беспокоятся те, кто служит наверху. Давай посмотрим, сколько мы насобирали... Ну, вот, на сегодня хватит. А вы с Ральфом оба попридержите языки и больше не забивайте себе головы ни старухой Малкин, ни тем, что она делает, ни тем, чего не делает по ночам!

Я услышал шелест юбок, когда девушки проходили мимо. Их слова окончательно убедили меня в том, что за моей беспамятной ночью стоит не кто иной, как Урсилла. Её служанка не сумела взять то, за чем её посылали. Впрочем, никакого торжества я не почувствовал. Отыскав в дальнем конце сада скамью, скрытую от посторонних глаз двумя рядами кустарника, я съел хлеб с сыром, вовсе не думая о еде. Мои мысли были заняты совсем другими заботами.

Одно я знал наверняка — с наступлением этой ночи я не стану пленником Урсиллы. Остаться ли мне здесь, за стенами Главной Башни? Память о той ночи свободы, когда я впервые надел пояс, склонила меня к другому решению. Не окажется меня на месте — и моя мать отправит за мной отряд. Пусть лучше всё останется в тайне. Хотя, кто его знает, может быть, за мной втихомолку наблюдают?

Солнце почти не пробивалось сквозь заросли кустарника, и сад начал понемногу навевать на меня дремоту. Толстые мохнатые шмели тяжело перелетали с цветка на цветок, переполненные заботой о своих припасах, как и мы совсем недавно. Пели птицы. Кто бы мог подумать, что здесь правят бал интриги и царит опасность?

Я вдруг начал обострённо ощущать мир, словно все чувства почему-то многократно усилились, чего раньше со мной не случалось. Оглядевшись, я заметил, что краски стали ярче, линии растений и цветов резче, все звуки доносились чётче. И меня прямо-таки захлестнула лавина всевозможных запахов... Не знаю уж, почему я настолько доверился всем своим ощущениям. Я просто принял это как явь.

Во мне возникла потребность стать частью окружающего. Я опустился на землю, прикоснулся к травинкам, словно любовно поглаживая мех некоего огромного животного... Потом склонил голову, чтобы вдохнуть тонкий аромат каких-то маленьких цветков, свисавших со стеблей, словно колокольчики, и покачивавшихся от лёгкого дуновения ветерка. Меня переполнило ощущение чуда, и я забыл обо всех невзгодах. Так захотелось остаться здесь, вот так слиться с природой...

Но, конечно, так долго не могло продолжаться. Чувство гармонии с миром угасало, я возвращался к старым сомнениям и неудачам. И вдруг отчётливо понял, что вторгся, словно завоеватель, в этот чудесный мир природы. Очарование разрушилось. И я встал.

Пиршество в тот вечер не устраивали, но обедали все вместе. Заняв своё место, я бегло огляделся по сторонам, пытаюсь прочитать что-либо на лицах присутствующих. Слышался смех, произносились тосты, раздавалась хвала богатому урожаю. Однако всё это было лишь прикрытием — за ним скрывались тяжёлые раздумья. Ел я с большой осторожностью и выборочно. Поднимая кубок, я лишь прикасался к нему губами, но не пил, благо сделан он был из металла, и никто не заметил, как я тайком сливал вино в вазу с цветами, которую как нельзя более кстати поставили рядом со мной.

Урсилла не вышла. Напротив Леди Элдрис сидела моя мать, а Тейни заняла место среди незамужних девушек за отдельным столиком, как того требовали обычаи. Могхус время от времени бросал на меня косые взгляды, но боялся я не его. Он не скрывал своей неприязни ко мне, в то время как я страшился удара, нанесённого исподтишка.

Трапеза быстро закончилась. Для развлечений и песнопений настроения не было. Весь вечер Лорд Эрах казался задумчивым, о чём-то разговаривал с Хергилом. И с каждой репликой он всё больше и больше мрачнел.

Нетерпение моё росло. Остаться самим собой, убежать из Главной Башни и от тех, кто в ней находился, окунуться

в свободу, которую мне уже удалось, пусть ненадолго, изведать... Казалось, ещё немного — и я стрелой вылету на волю, не сдержусь. Я вышел и направился к себе в комнату — за мной могли следить, так что позволить себе убежать на волю я не мог.

И только когда я положил руку на задвижку, меня осенило. Я обозвал самого себя глупцом. Как легко можно было проследить за мной — и я не предусмотрел этого! Ведь Урсилле каким-то образом удалось околдовать меня и лишить бдительности.

Я метался по комнате, словно загнанный зверь. Прохлады не ощущалось. Наоборот, стены, казалось, излучали тепло. Взошла луна и осветила всё вокруг серебристым светом. Кожа вся горела...

Я сорвал с себя одежду, так что остался в одном лишь поясе, и посмотрел на него. Циркониевая пряжка переливалась, как будто впитывала в себя тот жар, который я ощущал всем телом, набирала энергию... Камень буквально ослепил меня и...

Я поднял голову. Какой странный ракурс. Я видел лишь угол своей комнаты, а стоял... на четвереньках... Нет! Я стоял на... четырёх лапах, а тело покрылось светлой золотистой шерстью. Неизвестно откуда взявшийся хвост подрагивал, поднимаясь в ответ на произвольное напряжение мышц. Я открыл было рот, чтобы закричать, но получился полурык, полуподвывание.

У противоположной стены стоял надраенный щит, служивший не только оружием, но и зеркалом. Одним прыжком подскочив к нему, я увидел своё отражение. На меня смотрел... леопард! Я не испытывал, как ни странно, ни страха, ни оцепенения. Напротив, высоко поднял голову, познав величие своего тела. Почему люди с таким пренебрежением говорят о меняющих облик? В своём невежестве они не понимают, какая сила может прийти к тому, кто испытывает чувство принадлежности к другим видам... Я наслаждался своими мускулами, мгновенной

реакцией движений, прыгая из угла в угол. И не услыша как подняли задвижку... Только когда зажётся свет, а оглянувшись и оскалился.

Я сразу же заметил блеск клинка и знал, что Могхус только и ждёт, чтобы я напал на него. Однако, хоть я обрёл новое обличье, разум подчинялся мне по-прежнему. Так просто затеям кузена я не поддамся.

Он был не один. За ним, кутаясь в тёмный плащ, стояла Тейни. Капюшон сполз с её головы. На лице моей невесты-кузины было ясно написано отвращение.

— Убей его! — настойчиво прошептала она.

Могхус покачал головой.

— Нет, пусть покажет, на что способен... Слишком всем известно моё отвращение к нему. Все скажут, что я убил его только потому, что хотел стать наследником. Но ты видишь всю правду, сестра моя. Он — меняющий облик. Нам остаётся лишь сказать об этом людям, и от него избавятся, как от нечисти, как от проявления Тьмы, — он направился к дверям, по-прежнему держа меч наготове. Дверь хлопнула. И я услышал, как её заперли с обратной стороны.

Глава 7

Об охоте и моём бегстве

На какое-то время животное во мне взяло верх над человеком. Я прыгнул к двери, обрушившись на неё всей своей невероятной силой. Но та не поддалась. Я зарычал. Теперь стало ясно — что бы ни задумал Могхус, мне несдобровать.

Мне уже больше не нравилось новое тело. Я хотел из него выбраться, принять привычный облик, тот, что на самом деле принадлежит мне.

Но я не знал ни заговора, ни заклинания, ни колдовства, чтобы помочь самому себе. И вдруг с горечью осознал,

насколько правы оказались Урсилла и моя мать, говоря о поясе и той угрозе, которая в нём таилась. Моя мать обозвала меня глупцом. Я теперь употреблял по отношению к себе куда более крепкие выражения.

В том, что произошло, нет ничего загадочного. Каким-то образом — возможно, через торговца Ибикуса, — Леди Элдрис узнала о секрете пояса и постаралась сделать так, чтобы он попал ко мне в руки. Так она легко убирала меня с дороги своего любимца. Только что со слов Могхуса я узнал, что меняющему облик не место среди людей Клана. Ему по пути с лесными людьми — половинчатой, смешанной крови обычные обитатели Арвона не доверяют.

Люди, над которыми и так нависло облако недоверия, медленно вползавшее в их сознание, отнесутся ко мне так же, как к сыну-полукровке Леди Элдрис много лет назад — изгонят меня. Но меня-то ждёт худшая участь — мне некуда податься, меня не ждут ни народ Оборотней, ни кто-либо другой.

Пояс... Я опустил голову и посмотрел на своё покрытое шерстью тело. Да, и звериный облик, и пояс по-прежнему при мне. Я с трудом различал пояс, потому что его мех совсем сливался с шерстью. Зато циркониевая пряжка сразу бросалась в глаза — она ярко блестела и переливалась. В состоянии ли я избавиться от шкуры? Приму ли когда-нибудь снова человеческий облик?

Я зацепил застёжку когтями одной лапы, дёрнул пряжку, но она осталась застёгнутой. Остаётся окно... Может быть, выпрыгнуть из окна, найти место, где можно укрыться до появления луны? Из Хроник я узнал, что полная луна сильно влияет на подобные изменения.

Встав на задние лапы, я выглянул в окно — что меня ждёт там? Моя комната располагалась на втором этаже Башни — конечно, я ещё не свыкся со своим новым обликом, чтобы решиться на такой прыжок, но стоит попробовать...

Вдруг за дверью послышался шорох.

Я тихо опустился на все четыре лапы и подкрался к двери. Движения были удивительно лёгкими, мягкими, вкрадчивыми... На самом ли деле я слышу, что отодвигают задвижку? Или это мне мерещится?

Но кто мог решиться на такое? Не Могхус ли это хочет выпустить меня наружу, чтобы использовать в своих тёмных кознях и интригах? Или у меня есть друг, надумавший расстроить планы моего кузена?

Я поднял переднюю лапу и когтями попытался поддеть дверь. Она неожиданно поддалась и стала открываться на меня. Не заперта. Я прислушался. Звериное чутьё подсказывало мне, что мой слух — слух леопарда — намного превосходит человеческий. А в ноздри ударил совершенно незнакомый запах.

Снаружи не доносилось ни звука. Ни намёка на шорох или дыхание того, кто мог бы напасть на меня. Передо мной встал выбор — оставаться в комнате и ждать, что предпримет Могхус, или бежать, если, конечно, мне удастся бежать, а позже расквитаться с ним.

Я больше склонялся ко второму решению. Снова потянул на себя дверь, на этот раз приложив побольше усилий, — и та распахнулась. Свет в коридоре не горел, но для меня это не было помехой. Леопард снова взял верх. В голове у меня быстро складывался план действий. В этой каменной ловушке лишь один человек мог мне помочь — не ради моей безопасности, конечно, а для того, чтобы воплотить свои собственные замыслы. Урсила! Уж она-то знала, что нужно сделать, чтобы избавить меня от звериного обличья, или хотя бы спрятать до того часа, когда придёт черёд естественных изменений. Потом... мне придётся подчиниться её воле... и отдать проклятый пояс. Тогда Могхус не сумеет что-либо доказать и предпринять...

Я бесшумно выскользнул из комнаты. Сильно пахло человеком. До меня донёсся ещё один запах, который заставил ощериться и обнажить клыки, — сильно отдавало псиной. Однако в коридоре никого не было. Кто бы ни

освободил меня от заточения, я его не видел. Пергвин? Но как узнал он о том, что случилось? Разве что Могхус рассказал ему, что задумал сделать...

Передо мной лежала лестница. Я осторожно спустился до следующей двери. Она была заперта, но, к счастью, с моей стороны. Я встал на задние лапы, налёг на дверь и неловко подхватил задвижку.

Сначала металлический запор не хотел поддаваться, но потом потихоньку стал отодвигаться, издавая при этом такой страшный скрежет, что даже показалось будто барабанные перепонки вот-вот лопнут. Я прислушался. Теперь всё это казалось мне подозрительным. А что, если Могхус специально подстроил ловушку, чтобы выманить меня наружу, где всякий сможет увидеть, в каком я обличье? Что делать? Вернуться к себе в комнату и дожидаться момента обратного превращения?

Наконец задвижка отошла в сторону — можно было открывать дверь. Я с силой рванул её и оказался на воле. Здесь я мгновенно превратился в собственную тень и стал прислушиваться и принохиваться.

Лошади... Собаки... Сильные запахи, но я их знал, когда имел человеческий облик. Потом нахлынули другие запахи, доселе мне неведомые. Несмотря на решимость покончить с поясом и со всем, что он значил для меня, я почувствовал в себе волнение, возбуждение, ни с чем не сравнимое чувство свободы. Мне пришлось заставить себя сдерживаться, так как выход я видел лишь один — освободиться от пояса и от того проклятия, которое он на меня накладывал.

Я направился к Башне Леди. Дверь наверняка заперта изнутри... Почему-то пришла мысль о Тейни. Если кухня выбиралась тайком, может быть, она не закрыла дверь, чтобы вернуться? Кто знает. Напротив возвышалась наружная стена Главной Башни. Если я доберусь до неё, оттуда легко можно будет запрыгнуть в окно покоев матери... Другого выхода я не видел. Но для того, чтобы

добраться до стены, мне придётся миновать комнату охраны. Что-то во дворе слишком тихо. Это тоже показалось мне подозрительным. И никак не миновать лошадей и собак. Зная, какое сильное у меня теперь обоняние, я не сомневался в том, что животные легко учуют леопарда, крадущегося мимо них. Раздастся лай и ржание на всю Башню.

Но и оставаться там, где я стоял, тоже было нельзя. Я прижался брюхом к земле и по камням ползком двинулся к намеченной цели.

И почти сразу же тишину нарушил оглушительный лай собак. Свора моего дяди всегда готова встретиться хоть со снежным барсом. Они продолжали лаять, но пока ко мне не приближались. Однако их страх и злоба перекинулись ко мне, отодвинули человека на второй план и дали полную волю зверю.

Я вскочил, выпустил когти. Псы сгрудились в кучу, потом попятились назад. Но теперь и лошади в конюшне тоже учуяли мой запах — они начали метаться и дико ржать. В Башне закричали люди и тут же высыпали во двор. Мимо меня пролетела стрела.

Собаки ожесточённо рвали глотки и бегали между мной и воротами. Если я не проскочу мимо них, меня подстрелят. Укрыться здесь негде, к тому же свора учует меня, где бы я ни спрятался. Самый большой пёс, вожак своры, по кличке Клык, оказался между мной и Башней Молодости.

Похоже, он был единственный, кто готов сразиться со мной. Глаза его злобно горели в темноте, он скалился, обнажая клыки, но при этом не издавал ни звука. Животное во мне подсказывало, что в то время, как остальные охвачены страхом, этот пёс жаждет схватки.

Я весь напрягся, хвост тихо подёргивался. Огромным скачком я перепрыгнул через собаку и, не останавливаясь, домчался до ворот в несколько касаний, направляясь к открытому пространству, что для части зверя во мне было единственным спасением.

Собаки, опешив на несколько мгновений, остервенело

залаяли. Что-то подсказывало мне, что Клык ярился громче всех. Послышались громкие крики людей, и над головой вновь пролетела горящая стрела.

Она угодила в стог сена, который тут же вспыхнул, как свечка, и весь занялся огнём.

Стрела послужила ответом на мои сомнения, подстроили мне ловушку или нет. Кто-то заранее спустил собак и приготовил стрелы, которые теперь так и сыпались градом в мою сторону. На меня охотились. Если бы меня сейчас убили — всё можно было бы свалить на то, что меня приняли за настоящего дикого зверя, в чьём обличье я находился. В глубине сердца я догадывался, что Могхус, строя против меня козни, хотел больше всего подтвердить свои подозрения.

Какое-то время я мчался чуть ли не вслепую, гонимый одним только желанием оказаться подальше от собак и охотников. А в том, что охотники последуют за мной, я не сомневался, но всё же понемногу начал приходить в себя. Разум человека стал подчинять себе перепуганное животное. Нужно убежать от охотников, верно, но уже сейчас не мешает подумать и об убежище, в котором можно было бы переждать до того дня, когда чары ослабнут. Ничего нельзя упускать из виду, особенно когда за тобой по пятам идёт погоня.

Я никогда не участвовал в охоте. Возбуждение, в которое приходили из-за меня лошади и собаки, послужило причиной того, что я не получил знаний, необходимых каждому мужчине. Поэтому я не знал, куда бежать дальше... Если только...

Может, следует положиться на ту часть меня, что являлась леопардом, а не человеком? И что тогда?

Страх смерти заставляет сделать выбор. Я попытался растворить человека в животном. Оказалось, что сделать это несложно.

Если бы я смотрел на себя со стороны, как зритель, что бы я увидел? Тому, кто не испытал на себе, каково это — оказаться в шкуре сразу человека и животного, трудно

понять такое раздвоение. Но именно оно и спасло меня от того, что задумал Могхус.

Расстояние между мной и всадниками увеличилось, хотя я по-прежнему слышал их крики и звук рога. Огненные стрелы градом летели в мою сторону, но приземлялись они с большим разбросом.

Поле кончилось, начинался лес. Добравшись до первых больших деревьев, я взобрался на одно из них. Но это само по себе не могло быть спасением. Собаки соберутся внизу и будут ждать своих хозяев. Многие деревья были настоящими гигантами — их нижние ветви достаточно большие и прочные, чтобы по ним передвигаться. С первой я перепрыгнул на вторую, уцепившись за третью... Потом пробрался по веткам к другому дереву и перескочил на него.

Так я оставил позади, не спускаясь на землю, четыре дерева, чтобы получше замести следы. Однако дальше пути не было. Всё, что я мог предпринять, так это прыгнуть что есть силы и как можно дальше. Я так и сделал и приземлился в кустарнике, который, к моей досаде, с треском сломался под тяжестью леопарда.

Полоска леса, хотя и не слишком широкая, устремлялась далеко на север, к холмам, которых люди Клана обычно избегают. Там живут другие, это мне хорошо известно, и некоторых из них могут предупредить те, кто охотятся за мной. С другими же я и вовсе не желал встречи, в каком бы обличьи они ни были — в человеческом или в зверином. Найти бы место, где можно было укрыться до рассвета, тогда меня наверняка уже не найдут. Дальше пока не хотелось заглядывать.

Лай собак становился всё отдалённее и глуше. Наверное, распутывают мои следы среди деревьев. Или, скорее всего, караулят у того ствола, на который я взобрался в самом начале. Теперь можно и сбавить скорость.

Справа донёсся звук бегущей воды. Наверное, это тот же ручей, что привёл меня к запруде в первый раз. Вода тоже поможет спутать следы.

Я свернул с направления, в котором бежал, и оказался на берегу ручья. Здесь всюду светила луна. Для моих кошачьих глаз всё вокруг казалось таким же ярко освещённым и отчётливым, как для человека среди бела дня.

Я смело зашёл в воду и издал от неожиданности шипящий звук, потому что вода обступила меня со всех сторон, — довольно противное чувство, когда шерсть становится мокрой. Но я упрямо продолжал двигаться против течения. Не знаю, как далеко мне удалось уйти, пока я не добрался до каменистого берега, как нельзя лучше подходившего для того, чтобы укрыться. На небе сияла луна. Итак, я выиграл. Останусь здесь до утра, а потом...

Но не тут-то было. Неожиданно в воздухе послышалось сильное хлопанье крыльев. Потом те же крылья начали хлопать меня по голове, по плечам. Боль пронзила всё моё тело. Огромный ястреб вцепился мне в спину когтями и бил в неё клювом. Я покатился по земле, сбрасывая с себя птицу, всё ещё не в состоянии прийти в себя после такой неожиданной атаки. Я не знал, как себя вести, когда нападает хищная птица...

И хотя я подпрыгнул в воздух так высоко, как только могла это сделать расшвырявшая кошка, ястребу удалось взмыть вверх, держа в когтях добычу. Я проследил за ним глазами. Он цепко держал мой пояс — пряжка так и осталась застёгнутой, зато мех был разорван на две половинки.

Я устало прислонился к камню. Раны, оставленные когтями и клювом птицы, страшно болели. Меня охватил страх — ведь вместе с поясом меня могли лишить и человеческого облика. Ах, если б я знал об этом больше! Но почему на меня вдруг напал ястреб?..

Птица не могла служить Могхусу. Ни одного крылатого хищника не обучить подобным трюкам. Нет — либо это создание чего-то неведомого, союзник лесных людей, либо... Я зарычал при одной только мысли об этом. Неужели Урсилла?

Я понятия не имел обо всей полноте знаний Мудрой Женщины, но в общих чертах представлял, на что она способна. Нельзя отрицать, что она вполне могла подстроить всё это. Теперь я вовсе не был уверен, что на меня напал настоящий ястреб.

Хорошо известно, что тот, кто имеет дело с Силой, может использовать в своих целях кого угодно. И хотя в прошлом, в то время, когда я жил рядом с Урсиллой, ничего подобного никогда не случалось, я не мог утверждать, что это за пределами её возможностей.

Как ужасно, если Урсилла заполучила пояс! Дрожа всем телом от испуга, я огляделся по сторонам и поспешно забрался в одну из расщелин.

Тут, как и полагается кошке, я вылизал шерсть и начал понемногу зализывать ссадины и царапины, оставшиеся после нападения загадочной птицы. Но не до всех ран я мог дотянуться. Страшно утомлённый, я вытянулся во всю длину и положил голову на передние лапы. Такой долгой оказалась ночь и столько принесла волнений, что я мгновенно погрузился в сон. Наконец-то блаженный покой...

Мне кажется, проснувшись, я вполне готов был увидеть окруживших меня охотников. И всё ещё надеялся, что проснусь в обличье человека. Когда солнце озарило расщелину, в которой я притаился, я открыл глаза, чтобы узнать горькую правду. По-прежнему я оставался леопардом. Меня охватил страх, тот самый, который овладел мною при виде птицы, взмывающей в небо с моим поясом в клюве. Я не знал, как избавиться от звериного облика. К тому же я проснулся, испытывая дикий, поистине животный голод. Нужно было во что бы то ни стало наполнить желудок, властно требовавший еды. Поэтому, если я хочу выжить, нужно вновь позволить инстинктам перебороть человеческое начало. Тот же самый звериный инстинкт вывел меня к ручью.

Там, в прозрачной ледяной воде, плавали рыбы. При их виде из пасти у меня потекла слюна, в утробе заурчало. Я приготовился и занёс лапу. Молниеносное движение — и

рыба трепыхается на берегу, рядом со мной. Приятно чувствовать свою ловкость. Я, урча, впился клыками в добычу и, почти не разжёвывая, проглотил её.

Обитатели ручья перепугались и уплыли — больше здесь ничего не поймашь. Я побрёл вдоль ручья, попробовал половить ещё раз в другом месте, но неудачно. Однако на третий раз я поймал увесистую рыбину, в два раза больше первой. Покончив с ней, я сел и огляделся.

Где я находился? Я не имел об этом представления. Разве что знал — очень глубоко в лесу. И даже не догадывался, в каком направлении находилась Главная Башня. Если пойти вдоль ручья по течению, я мог выйти к тому месту, откуда пришёл. Но там, без сомнения, меня ждала встреча с Могхусом, охотниками и псами. Правда, люди из Главной Башни могли и прервать погоню, но возвращаться всё равно не хотелось. Первым делом мне нужно было узнать, где искать теперь тварь Урсиллы, унёсшую пояс. Я стал ещё большим пленником, чем тогда, когда метался за закрытыми дверьми и каменными стенами.

Жители лесов в мире с людьми Клана и наверняка дадут им знать, если увидят меня. Леопард в этих местах — явление довольно редкое, намного чаще его можно встретить в пустыне на юге. И сейчас, кстати, за мной могли следить...

Мысль об этом вернула меня обратно к камням и к расщелине. Мной правил страх. Однако благоразумие порой становится оружием получше какого-либо другого. Я был сыт и мог отлёживаться здесь днём, а ночью передвигаться. Кошки — ночные животные, и, возможно, то, что я не из тех зверей, на кого обычно охотятся в здешних лесах, послужит мне спасением.

Обуреваемый непривычными чувствами и мыслями, в тот день я спал мало. Я видел двух небольших лесных оленей, пробежавших вдоль ручья.

И снова испытал странное раздвоение: леопард во мне отметил про себя, что это неплохие куски мяса, в то время

как моя человеческая половина любовалась грациозными движениями и желала им удачи. Человек по-прежнему был жив во мне...

Эта мысль преследовала меня весь оставшийся день, до самого наступления темноты. Если я останусь в шкуре животного, как долго протянет во мне человек? Аппетит леопарда и устремления зверя со временем возрастут, и не станет больше Кетана, останется только кошка, на которую будут охотиться и в конце концов убьют, как только того пожелает враг.

Урсилла должны знать, где ястреб, а значит, и пояс — колдунья спасёт меня, если только я доберусь до неё. Расплата за подобное путешествие может быть слишком высокой. Но у меня не было иного выхода...

И я задумался о другом. Стоит ли платить подобной ценой? Не лучше ли оставаться леопардом, чем подчиняться воле моей матери, Леди Героиз, и Урсиллы, потерять собственную честь и стать игрушкой в их интригах? Вспомнились смиренные подкованные лошади, жующие сено, годами живущие в сбруе и запертые в конюшне.

А я больше не смогу подавить в себе чувство возбуждения и свободы, вернувшееся ко мне, когда погоня осталась далеко позади. Стать пленником? Ну нет! Та половина, которая была леопардом, яростно воспротивилась. Лучше уж умереть, чем попасть в сети Урсиллы. Но... как иначе мне удастся завладеть поясом?..

Глупые мечты. Мне не выиграть в поединке с Урсиллой: она старая Мудрая Женщина. Как я только подумал, что смогу соперничать с ней?

Мудрая Женщина...

Я поднял голову. От резкого движения боль отдалась во всём теле.

В Арвоне живут не только Мудрые Женщины. Есть и другие — Голоса, например, — те, кто владеют какой-либо частью Силы. Даже здесь, в лесу, могли обитать те, на кого можно рассчитывать: они враждебно настроены к людям,

но их помощью можно воспользоваться и заимствовать у них толику знаний.

Глупые, неосуществимые мечты того, кому остаётся надеяться только на чудо. Но они захватывали мало-помалу моё сознание, только усиливая возбуждение, порождённое поясом и той свободой, которую я познал благодаря ему.

Глава 8

О деве в лесу и Звёздной башне

До наступления сумерек я всё же успел немного поспать и вновь проснулся с чувством голода. Побродив вдоль берега ручья в поисках добычи, на этот раз я ничего не поймал. Либо вначале мне просто повезло — Фортуна сжалилась надо мной, как над новичком, либо рыбу успели распугать, хотя последнее предположение казалось маловероятным — прошло слишком мало времени.

Нужна была еда, а то, что могло утолить голод раньше — ягоды, орехи и прочая растительная пища, — теперь не подходило. Мне требовалось мясо, и леопард, гонимый чувством голода, поборол во мне всё человеческое. Охота — вот что ему нужно.

Я по-прежнему брёл вдоль берега, когда до меня донёсся запах. Мясо! Настоящее живое мясо, и не так уж далеко. Как и во время бегства из Главной Башни, меня всецело захватили инстинкты. Теперь я был только леопард, а не человек.

В два огромных прыжка я оказался на вершине каменной гряды. Если на человеческий взгляд света было недостаточно, то для глаз леопарда сумерки — самое подходящее время для охоты. Внизу я заметил семейство кабанов, хрюкавших, с громким фырканием рывших землю. Во главе с устрашающего вида самцом они продвигались к ручью на водопой.

Даже леопард задумался бы, прежде чем нападать на такого могучего противника. Кабаны, может быть, самые опасные обитатели леса, на них не пойдут даже те смельчаки, которые решатся на схватку со снежным барсом. Их клыки острые, а при охоте в этих животных просыпается невероятная хитрость. Я слышал, что кабаны порой подстраивают незадачливым охотникам опасные ловушки, если те решаются поохотиться на их собственной территории.

Ну что ж, моим оружием будет неожиданность. Я прокрался вдоль камней, бесшумно, как и полагается кошке во время охоты.

Хотя поросята так и просились, чтобы их съели, я знал, что моя главная цель — матёрый боров, потому что именно от него будет исходить основная опасность. Я приготовился к прыжку.

Самка и её выводок пофыркивали. Боров рыл землю клыками, словно пытался отыскать какой-то свиной деликатес, зарытый среди павших листьев.

Я совершенно бесшумно прыгнул, упал там, где и следовало, и изо всех сил прижал к земле хряка, одновременно впившись в него зубами и всадив когти в глотку. Боров затих — его загрызок был переломан и он мгновенно умер.

Я услышал глухое урчание и поднял голову. Одновременно до меня дошло, что я и сам издаю предупреждающий звук. На меня смотрела самка — во всех её движениях сквозила ярость.

Я снова зарычал, не отрывая взгляда от её маленьких, налитых кровью глазок. Нападёт или нет? Не обладая такой же силой, как боров, она всё равно выглядела настолько опытным бойцом, что подумаешь дважды, прежде чем решиться на схватку с ней. Я замер за тушей борова, готовый отразить атаку.

И тут завизжали поросята, да так, что резануло слух. Но они не двигались с места, поджидая команды от своей мамы.

Самка всё ещё не нападала, и я решил, что она всего-навсего защищает свой выводок. Я вцепился зубами в свою добычу и начал медленно оттаскивать её назад, продолжая следить за самкой. Она не переставала урчать, однако уже не так рьяно рыла землю клыками и так и не сдвинулась с места.

Под конец она подняла голову, громко фыркнула и помчалась прочь с такой скоростью, которая никак не вязалась с её весом. Всё семейство устремилось следом. Я остался один. Оглядевшись, затащил жертву на вершину каменной гряды, да там и утолил голод, зная, что зверь полностью вытеснил во мне человека.

Едва покончив с трапезой, я услышал шелест крыльев — на запах падали собиралась стая грифов. Когда я уйду, они налетят на остатки моего обеда и будут драться за куски мяса до тех пор, пока среди камней не останутся лишь обглоданные кости.

Я наелся, попить можно и позже. Не было никакого желания снова встречаться с кабанами — самкой и её выводком. И хотя в первый раз наша встреча не закончилась схваткой, при моём повторном появлении она решит, будто на этот раз я угрожаю её поросятам, и ринется в бой, что означало для меня смертельную угрозу. Фортуна пока благоволила ко мне, я ушёл без отметин, миновав опасность боя. Не стоило ещё раз испытывать судьбу.

Луна медленно выплывала на небо, но её отражение ещё не появилось на воде. Я напился вдоволь и сел, чтобы вылизать шерсть. Голод и жажда утолены, моя животная часть успокоилась. Я снова был готов к раздумьям.

В мои планы входило найти кого-нибудь из лесных Мудрых, которые могли бы помочь мне. Задача не из лёгких. Но я не собирался так быстро сдаваться и возвращаться в Главную Башню, где меня наверняка поджидал Могхус вместе со своими охотниками и псами. А может быть, моя мать и Урсилла окажут на него такое давление, что он откажется от своего первоначального замысла, в который входило избавиться от меня, как от препятствия

на пути к власти? Я прокручивал в уме все варианты. Нет, лучше всё же думать о том, что находится вокруг меня и передо мной, сейчас и здесь.

Пробираясь вдоль ручья, я настораживал уши и вглядывался в темноту, стараясь не упустить из виду ни малейшего движения. Я уловил какое-то движение среди деревьев, принюхался. Огромных размеров ночная бабочка пролетела над водой и села на один из водяных цветков наподобие кувшинки. На неё тут же налетел какой-то ночной разбойник. Вокруг меня кишела жизнь, неизвестная мне раньше, когда я был ещё человеком.

Никакого конкретного плана у меня не было, так что я решил продвигаться дальше вдоль ручья. То там, то здесь виднелись тропы, по которым дикие животные шли на водопой. Вероятно, среди них я обнаружу и ту тропинку, которая служит людям и им подобным спуском к воде. Эта слабая надежда поддерживала меня.

Среди многочисленных запахов пока не попадалось тех, которые бы моя половина-леопард не распознала бы. Если я пробирался по владениям какого-либо лесного народа, то не знал этого, даже обладая обонянием животного.

В один момент меня вдруг охватило отчаянье. Я готов был завывать от тоски.

Однако когда нервы мои напряглись до предела, я внезапно услышал тихое пение, которое никак нельзя было спутать с журчавшей слева от меня водой. Меня невольно притягивали эти приятные звуки, манили к себе.

Я высоко поднял голову — снова заныли раны на спине — и принюхался к ночному воздуху. Запах человека! Передо мной кто-то из тех, кем я был раньше, до того, как проклятие пояса наложило на меня свои чары. А тот человек, который по доброй воле выбрал лес как средо обитания, наверняка имеет какое-то отношение к Силе!

Я пробирался сквозь деревья. С каждым шагом пение становилось всё громче. Я уже различал отдельные слова, но они ничего не значили для меня. Голос был молодой, высокий, женский.

Я больше не сомневался в том, что он принадлежит обладательнице Силы. Моё возбуждение нарастало. Ни один человек не останется невозмутимым, когда рядом с ним творят колдовские дела.

Наконец, я притаился за поваленным деревом и выглянул на поляну, озарённую ярким светом луны. Трава переливалась словно изумрудная. Казалось, лунное сияние оживляет всё вокруг и приводит в смутное движение.

Вокруг ярко освещённого круга росли серебристо-белые цветы на высоких стеблях, которые представляли собой как бы миниатюрные копии Луны, под которой они раскрывали свои бутоны, словно впитывая в себя её свет. Они издавали нежнейший аромат, свежий, словно у весенних цветов, хотя на дворе стояла уже поздняя осень.

И я увидел ту, которой принадлежал голос. Она стояла рядом с широкой корзиной, срывала нераскрытые бутончики цветков и бросала в неё. Маленькие ловкие руки непрерывно двигались. И при этом она так же непрерывно пела.

В лунном свете её полуобнажённое тело казалось белоснежным и немного призрачным. Единственной одеждой девушке служило нечто вроде короткой юбки, позвякивавшей при каждом её движении.

Эта странная юбка была сделана из серебряных дисков, нанизанных на цепи, которые крепились к узкому пояску, стянутому вокруг тонкой талии.

На груди висел магический символ в виде рогатого месяца, сделанный из переливающегося камня. Тёмные, очень длинные волосы девушки были перехвачены на затылке серебряной заколкой и плавно струились вдоль спины, ниспадая локонами ниже юбки.

Я никогда не видел никого, кто был бы хоть отдалённо похож на неё, даже среди лесных людей. Мой звериный нюх подсказывал мне, что она человек, но ни одна девушка Клана не стала бы бродить одна в лесу и творить колдовские дела в сиянии Луны. Она, должно быть, Мудрая Женщина. Но при этом она так же отличалась от Урсиллы,

как первые лучи восходящего солнца непохожи на палящий дневной жар.

Три раза обошла она ярко озарённый круг, срывая бутоны, пока корзина её не наполнилась. Потом взяла её обеими руками и, стоя ко мне вполоборота, высоко подняла свой урожай, обратив взор к Луне. При этом она продолжала петь. Слов я по-прежнему не разбирал, но, должно быть, она благодарила Луну за то, что собрала.

Была ли она хороша собой? Не знаю, я не мог судить об её красоте, исходя из понятий Главной Башни. Но что-то внутри меня вспыхнуло и вырвалось наружу сквозь обличье зверя. В ту минуту, когда я посмотрел на неё, я стал человеком, мужчиной, которого влечёт то, что заложено глубоко внутри женщины.

Так велика была её Сила, её собственная Сила, а не та, которой обладают Мудрые, что я без раздумий поднялся и вышел на свет, забыв о том, в каком я виде, да и обо всём остальном.

Девушка опустила корзину и посмотрела на меня.

На её по-прежнему спокойном лице промелькнуло удивление.

Её взгляд заставил меня вернуться в укрытие. Незнакомка подняла корзину и поставила себе на бедро. Свободной рукой она начала рисовать в воздухе какие-то знаки — наверное, для защиты или распознавания.

Я воочию увидел линию, которую девушка нарисовала в воздухе. Она горела — ярко, словно факел. Потом незнакомка громко заговорила, будто задавала мне какие-то вопросы. Но слова её звучали странно, и я их не понимал.

Я не отвечал, и это озадачило её. Ещё раз девушка начертила знак, словно хотела убедиться, права она или нет. Потом, когда линии растаяли в темноте, она заговорила вновь, в этот раз на языке Кланов и равнин.

— Кто ты, ночной странник?

Я попытался назвать себя, произнести собственное имя. Но из моей пасти вырвался лишь звериный рык.

Она направила на меня два пальца и произнесла Слова, не спуская с меня настороженных глаз.

Я снова попытался заговорить. Но не смог даже пошевелить языком. Это меня напугало не на шутку. Она напустила на меня свои чары! Девушка больше не смотрела в мою сторону, уверенная, должно быть, в том, что я не смогу вмешаться в её дела. Она направилась к краю опушки. Там поставила корзину на землю и набросила на себя плащ с капюшоном, в мгновение ока превратившись в тёмную тень.

Подхватив корзину, незнакомка скрылась среди деревьев. Я не то зарыдал, потеряв свою единственную надежду, не то взвыл, как дикое животное, у которого отобрали добычу. Но её чары оказались настолько могущественными, что я не мог ни шагу ступить, ни пошевелить ни единым мускулом.

Я тщетно пытался освободиться, прилагая для этого невероятные усилия. Наконец заточение моё стало ослабевать, и вскоре я смог чуть пошевелить лапой. Понемногу силы возвращались. Как только ноги смогли идти, я направился к тому месту, где видел девушку в последний раз, и стал принюхиваться к её следу.

Поначалу я брёл, качаясь, натываясь на стволы деревьев, но с каждым шагом поступь моя становилась всё твёрже. Я продвигался медленно, чтобы не сбиться со следа. Даже обладая звериным тонким нюхом, я должен был напрягаться, словно та, за которой я следовал, прибегла к какой-то хитрости и пыталась замести свои следы.

Потом запах, который вёл меня, перебили другие — терпкие, горькие и душистые, некоторых из них я вообще никогда не знал. Я выбрался на другую опушку, на край поляны много больше той, где впервые увидел незнакомку, юную Мудрую Женщину, творившую колдовские дела. И это была не обычная поляна, а скорее ухоженный сад среди леса.

Не то клумбы, не то грядки с какими-то растениями

(они, правда, весьма сильно отличались от злаков, которые я помогал убирать с полей) тянулись вокруг подножия Башни. При свете луны я сразу заметил, что она не походила на строения Клана, в которых мне доводилось бывать.

Башня была не круглой и не квадратной, а пятиконечной, и напоминала огромную звезду, какую я видел на полу в комнате Урсиллы.

Между каждой парой соседних лучей был установлен тонкий шест, доходивший до уровня окон, которые виднелись на втором и третьем этажах. Шесты отражали серебристый свет, озарявший Башню. Возможно, это была своего рода защита, по-видимому, более надёжная, чем в наших Кланах. Камень, из которого была сложена Башня, переливался в лунном сиянии и, в отличие от других камней, был голубовато-зелёным.

Кое-где в окнах горел свет. Я пробрался к внешнему краю поляны, чтобы осмотреть башню со всех сторон. Можно было не сомневаться в том, что это и есть дом моей Лунной Колдуньи.

И жила она здесь не одна. Приблизившись к Башне с другой стороны, я заметил конюшню. Она напоминала нашу. Ничего странного, в отличие от самой Башни, в ней не было. В загоне паслись лошади и жеребята.

Они, должно быть, учуяли меня, потому что вскинули головы, а жеребец заржал. Я не стал приближаться, и он замолчал, но продолжал скакать между оградой загона и своими сородичами.

Остальные не проявляли беспокойства, и это показалось мне несколько странным. Они продолжали мирно щипать траву, а потом даже жеребец притих, лишь косился в мою сторону и следил за каждым моим движением. Но при этом в нём не было никакого страха.

Я обогнул опушку. Башня имела единственный вход с северной стороны — небольшую дверь, почти неразличимую на фоне стены. Всё здание было окутано таинственностью. На ум приходила лишь одна догадка —

укрывшиеся в ней не имеют почти ничего общего с обычными людьми.

В голове у меня мелькнула мысль, что они наверняка располагают устройствами, охраняющими от вмешательства в их частную жизнь. Мы, восходящие по происхождению к Древней Расе, можем различать, когда что-то или кто-то относится к Тени. От Звёздной Башни не исходило никакого зла. За садом я нашёл среди кустарника укромное местечко, где смог вытянуться и наблюдать за входом. Во мне снова затеплилась слабая надежда.

Снова и снова бросал я взгляд на освещённые окна и думал о том, что там обитает Дева-Колдунья. Зачем собирала она лунные цветы? Какие таинства желает сотворить с их помощью? Ах, если бы я мог ответить тогда на её вопрос!

Я поднялся, прошёлся немного и лёг снова. Ночь отступала. Луна уже стояла не так высоко над головой.

Свет в окнах погасили. Лишь отблеск шестов освещал Звёздную Башню.

Я положил голову на передние лапы. Налетел лёгкий ветерок и принёс с собой приятный аромат растений. Теперь я знал, что это сад, причём гораздо больше тех, что мне доводилось видеть раньше, и со знакомыми запахами трав и цветов перемешивались многие такие, которым я не мог дать названий. Дорожки были выложены камнем, они разделяли не то грядки, не то клумбы между собой, чтобы легче было собирать урожай.

Некоторые растения уже завяли, подсохли, заснули, так как с каждым днём становилось холоднее. Другие же, напротив, цвели вовсю, словно назло наступающим заморозкам.

Из магических обрядов я знал только то, как колдовала Урсилла. При этом она прибегала к помощи трав и специй — их она обычно покупала у торговцев.

Но травы, что она выращивала, были пустяком по сравнению с тем, что росло в этом чудесном саду. Лунная

Дева собирала цветы... Занималась ли она Магией, связанной с тем, что произрастает, то есть Зелёной Магией?

Некоторые в невежестве своём заявляют, что есть Магия Чёрная — та, что принадлежит Великой Тени и пугает людей, и есть Магия Белая — та, что служит на благо человечеству. Но те, кто хорошо знаком с Тайной, говорят иначе — Магия делится по-другому, и каждая её часть обладает и тёмной, и светлой стороной.

Существует Красная Магия, от которой зависят здоровье, физическая сила, военное искусство.

Затем следует Оранжевая Магия, отвечающая за помыслы и желания.

Жёлтая — это та Магия, что ведаёт умом, логикой и философией, с ней-то чаще всего и работают Маги и Чудотворцы.

Зелёная Магия имеет дело со всем, что произрастает в Природе, а также с красотой и созданием прекрасного усилиями людей.

Голубая вызывает чувства, поклонение богам, веру в пророчества.

Синяя связана с погодой, со штормами и предсказаниями по звёздам.

Пурпурная — та, с которой лучше не иметь дела, ибо она сеет зависть, ненависть, страх.

Лиловая царит среди духов и лишь некоторые, даже из Голосов, обращаются к ней.

А Коричневая Магия — это Магия леса и полей, мира животных. Те из людей лесов, о которых я хоть что-то знал, обучались Зелёной и Коричневой Магиям. Из всех Магий они ближе всего к земле.

Однако редко когда прибегают лишь к одной из Магий; обычно — черпают силу из той, что откликнется на желание колдующего. Всеми ими можно злоупотребить, что означает приход царства Тени. Но тот, кто выбирает этот путь, достигает Силы, даже если желание его сильнее таланта.

Зелёная Магия этого места успокоила меня, когда я

вдохнул запах трав, доносившийся из сада. Если бы я мог дать знать тем, кто живёт здесь, о проклятии, которое наложил на меня пояс, они бы наверняка постарались мне помочь!

Той ночью я унёс надежду вместе с собой в полусон-полудрёму, не думая больше о том, что на рассвете шесты Башни угаснут. С одной мыслью заснул я той ночью: здесь я могу найти — не друзей, о которых я и не мечтал, нет, но кого-нибудь, кто бы понял меня... И... возможно, протянул бы мне руку помощи...

Глава 9

О моём сне и о том зле, что последовало за ним

Я находился далеко-далеко от родных мест, к которым так привык. Родных? Кого теперь я мог назвать своими родными? Здесь я точно знал, что разделён на две половины — человеческую и животную. И они никак не хотели уживаться друг с другом, а вели непримиримую борьбу — кто кого, попеременно одерживая победу на короткие промежутки времени.

Однако в этом месте обе мои половины как бы заключили перемирие, так как опасность угрожала им обеим. Не могу сказать, откуда у меня появилась такая уверенность. Моя двойственность как бы воссоединилась и задвигалась, ожила...

Я не шёл в привычном понимании этого слова. Нет, я скорее был гоним ветром, словно сорванный с дерева листок, и не мог этому противиться.

Всё вокруг я видел глазами не человека, но и не животного. Я словно ощущал происходившее неким неизвестным чувством, имени которому я дать не могу. Итак, я знал, что перемещался по некоему серому миру, в котором не существовало ничего реального, кроме теней.

Некоторые из них были весьма непривычные, другие приобретали очертания животных или монстров. Я видел и те, что принимали человеческий облик — мужчин и женщин. От других исходила аура ужаса, так что я избегал с ними какого бы то ни было контакта.

Никто, казалось, не замечал меня и не догадывался о соседстве других. Каждый погрузился в собственный мир страха и отчаяния. Их нёс не ветер, они как бы метались в поисках, которым не было конца.

Чем дальше я летел, тем более завершёнными и осязаемыми становились очертания Теней. Из призрачных и серых они превращались в более тёмные и густые. Они уже не парили над землёй, а мчались что есть силы. И некоторые отставали, словно не могли убежать от собственных тёмных тел.

Впереди что-то сверкнуло. Блеск притягивал меня, хотя для остальных тёмных форм в этом не было ничего удивительного. Выбора у меня не оставалось. Бежать некуда. Страх перерос в ужас, словно две мои половины снова взялись за старое. Но нет! И человек, и животное испугались опасности, которую сулила вспышка света.

Свет становился всё ярче. Лучи освещали землю, не идущую ни в какое сравнение с другими местами. Острые, словно лезвия бритв, горные хребты, узкие глубокие ущелья между ними, долины, похожие на чаши, заполненные крошечной тьмой, таившей в себе непонятную угрозу.

Я не карабкался по склонам гор, не спускался в долины, как делали некоторые из людей Тени. Там их сразу поглощала тьма. Поток воздуха гнал меня всё дальше и дальше. С камней свисали какие-то непонятные существа — то ли растения, то ли животные, — иногда взвивавшиеся в воздух. Фигуры-тени старались избегать их, словно те были ядовитыми или хищными.

Свет стал таким ярким, что даже слепил то внутреннее зрение, которым я всё это видел. Потом началась пульсация. Я знал... я точно знал, что свет образовывал слова,

которые пробивались сквозь наложенный на меня заговор.

Бежать было некуда. Связанный по рукам и ногам колдовством, я неумолимо притягивался к источнику света. И когда вскоре завис прямо перед свечением, я вдруг осознал, что нахожусь напротив окна, зияющей бездны, проделанной в этом мире. Меня заставляли заглянуть туда...

Свечение многократно усилилось. Я разглядел огромную звезду, очертания которой пылали оранжевым светом. Посередине кто-то стоял — я не мог разобрать, кто именно, потому что свет был слишком ярким.

Но до меня дотянулись колдовские чары.

Урсилла!

Она снова тянет меня под своё влияние... Это она...

Я сопротивлялся. Человек и зверь слились воедино, чтобы устоять. У меня не было защиты от её колдовства, ничего, кроме моей воли. Но эта воля подкреплялась тем, что присуще всему живому: я отказывался сдаваться без боя. Возможно, такого рода защита удесятирилась во мне в тот момент по причине моей двойственной натуры. Я знал лишь одно — если я отвечу на призыв Урсиллы, настоящему Кетану придёт конец, ибо останется лишь та часть меня, которая станет беспрекословно подчиняться её воле.

Свет запылал нестерпимо ярко. Злость Урсиллы из-за моего упрямства питала огонь. Она бы охотно прибегла к другому оружию, и оно наверняка было у неё под рукой. Хотя колдунья и не говорила ни слова, цели её были ясны. Послушайся я сейчас, тогда часть Кетана уцелест. Если же я заставлю её прибегнуть к Силам, необходимым для того, чтобы целиком подчинить меня её воле, тогда мой внутренний стержень превратится в одну из теней, бегущую по этой земле. Вернуть же в настоящее она сможет лишь мою оболочку, наполненную иным содержимым, совершенно отличным от моей собственной сущности.

Сполохи огненного сияния стали менять цвет — в

оранжевом появились пурпурные вкрапления. Вернуться к ней... Или оказаться уничтоженным!

Но единый мой дух, хотя и перепуганный и наполненный смертельным ужасом, всё-таки не хотел сдаваться. Я знал, какое мне грозит наказание, но часть, являвшаяся Кетаном, не могла смириться и позволить Урсилле полновластно распоряжаться мною. Не знаю, что придало мне решимости в ту минуту, но я не отступил, устоял. А потом...

Яркая пурпурная вспышка взорвалась над звездой. Концы её разлетелись в стороны, страна Теней куда-то провалилась, и я начал стремительно падать в темноту, не в состоянии управлять своими движениями.

Затем появилось ощущение жары, хотя на этот раз не такое сильное, как от звезды, когда ярко пылавшие языки пламени пытались прожечь меня. Я открыл глаза и увидел дневной свет. Над головой стояло солнце...

Какой резкий переход! Или я по-прежнему где-то между миром Теней и реальностью? Но чувства постепенно возвращались, и я увидел перед собой женщину, стоявшую на вымощенной камнем дорожке, ведущей к Звёздной Башне и разделявшей сад диковинных трав на клумбы-градки.

Медленно возвращалась память. Я поднял голову и понял, что по-прежнему облачён в шкуру леопарда. Кто-то защитил меня от чар Урсиллы... Кажется, я понял, кто... и удивлённо посмотрел на женщину. Почему-то я был уверен в том, что моё спасение — дело её рук.

Но то была не моя Лунная Девушка. Хотя она отличалась такой же стройностью. И лицо у неё было молодое, вот только глаза... В них отражались все годы её мудрости. Хотя она и была женщиной, на ней были бриджи и куртка — такого же цвета, что и растения вокруг.

Тёмные блестящие волосы женщины были заплетены в косы, уложенные венцом вокруг головы. Кожа не отличалась белизной, а потемнела от загара, словно большую часть своей жизни хозяйка сада проводила на свежем воздухе.

Рядом с ней стояла корзина со свежесобранными травами. Но мой взгляд остановился на том, что она держала в руках, нацелив на меня острие. Так можно держать только копьё — для предупреждения врагу или для защиты.

Я узнал жезл Силы, хотя он ничем не напоминал тот, который я видел у Урсиллы (она хранила его подальше от посторонних глаз). Он не был вырезан из кости, не было видно и магических слов, нанесённых красной и чёрной красками, как у Урсиллы. Напротив, то, что держала в руках женщина, больше походило на свежесрезанную и очищенную ветвь, прямую и без сучков. На острие торчал один-единственный листок. Он был направлен на меня и формой напоминал конец копья, только был ярко-зелёного цвета.

Я не отрываясь смотрел на женщину. Она тоже не отводила от меня взгляда. Она, как и Урсилла, была Мудрой Женщиной, хотя я чувствовал, что Силы, которым она служит, вовсе не те, к которым прибегает для своих колдовских дел Урсилла.

— Кто ты? — женщина всё ещё не опускала жезл-копья. Я не сомневался, что если бы сделал хоть одно неверное движение, меня ждала бы печальная участь.

Но в ответ я опять ничего не смог сказать. Попытался произнести своё имя, но получился лишь звук наподобие рычания.

Она склонила голову набок, как бы прислушиваясь к моему рыку.

— Колдовство, — наконец заговорила она. — Сила, но не совсем правильно использованная. Ночью я почувствовала, что ты пришёл. А теперь... Ты внёс в наш мир нечто чуждое. Мы не можем этого допустить. Позволить, чтобы к нам проникла хотя бы тень Тьмы? Нет! — и она решительно покачала головой.

Я закричал, отчаянно взывая о помощи. Если Мудрая Женщина смогла не позволить Урсилле подчинить меня своей воле (я был уверен, что именно она расколола мир

Тени надвое), то она наверняка могла и спасти меня — подсказать, как можно выбраться из тела зверя, в которое я был заточён.

Я начал медленно приближаться к ней, подползая к ней на брюхе из кустарника, в котором залёг на ночь. Может быть, не словами, а телодвижениями я смогу рассказать ей о своей беде, попросить о помощи?

Я старался, как мог.

Жезл-копье уже не целился в мою голову — сначала он едва заметно дрогнул, а потом его острием-листом она принялась выписывать в воздухе пылающие символы, оставлявшие после себя зеленоватый дымок, который почти мгновенно рассеивался.

— Нет, — ответила она, покачив головой. — Когда Тьма обрушивается на нас, а зло приходит на нашу землю, мы не открываем ворота колдовству, которое несёт с собой запах Тени. Я не знаю, кто ты такой и какие беды пришли за тобой следом. И я ничего не могу для тебя сделать. Позволить тебе остаться... Даже ... — она заколебалась. — Я не верю, что такое существо, как ты, может войти в наш мир. Если бы ты мог... Вот тогда бы...

По всему было заметно, что её решимость дрогнула. Я прополз ещё немного. Но стоило мне опустить лапу на каменную дорожку, на которой стояла женщина, как последовала зелёная вспышка. Свет исходил не от её жезла, а от самой земли, и лапу пронзила острая боль. Я мигом отполз назад, за невидимый барьер защиты. Она сказала правду — её круг, поле Зелёной Магии, отталкивал меня.

Моя человеческая натура отступила. На какое-то время я перестал быть Кетаном, помещённым в шкуру животного, которая превратилась в настоящую тюрьму. Мною завладел леопард, рассвирепевший из-за того, что его желания не исполняются. Мой хвост дёрнулся, я взвыл во весь голос и прыгнул.

Выражение лица женщины изменилось. Она подняла

жезл и со всего маха ударила им по воздуху. Спину, на которой ещё оставались следы от когтей птицы, вдруг резко обожгло, хотя её жезл даже не коснулся моего тела.

От боли и отчаяния я громко взвизгнул. Боль усилила мою ярость, оттеснив человека глубоко внутрь. Напасть... Убить... У б и т ь! В моём сознании отчётливо прозвучало это слово, словно кто-то прокричал мне в ухо приказ, которого нельзя послушаться. Я снова зарычал и ударился о барьер, столь надёжно огораживавший мир, в котором меня наверняка могли спасти.

Жезл женщины снова рассёк воздух. Удар опять пришёлся по израненной спине. Даже животное понимало, что если я продолжу вести неравную схватку, то приму на себя лишь ещё большую боль. Взрыгав, я повернулся и обречённо побрёл обратно в заросли, ни разу даже не оглянувшись.

На обратном пути человек ещё раз попытался высвободиться. Леопард снова подчинился мне. Но от этого легче не стало. Сознание поражения обжигало мозг так же сильно, как боль от ударов пронзала ранее тело.

Я окончательно закрыл все пути общения с теми, кто обитал в Звёздной Башне. И в то же время меня переполняла уверенность, что только там я мог найти спасение, как если бы сама женщина поклялась именем Силы.

Я уныло брёл куда глаза глядят. Надежды на то, что я встречу других обитателей леса, которые отнеслись бы ко мне с пониманием, больше не оставалось. Мне могли бы предоставить кров д р у г и е... если это им на руку. Но их-то я постараюсь избежать, чего бы мне это не стоило.

Женщина из Башни вырвала меня из рук Урсиллы. Но сделала она это лишь потому, что подобного рода колдовство угрожало её собственной безопасности. И вряд ли Фортуна смирится и окажет мне такую услугу ещё раз. Урсилла способна на колдовство посильнее.

Я добрался до поляны, где росли лунные цветы. При солнечном свете их венчики были плотно закрыты — я

увидел лишь серо-зелёные бутоны и увядшие цветы, в то время как сам камень утратил то чудесное сияние, которое озаряло поляну ночью. Я в нерешительности остановился за одним из деревьев, которые словно охраняли со всех сторон это волшебное место. Неужели оно отныне тоже закрыто для меня? Я почему-то верил в то, что некая Сила всё-таки могла бы укрыть меня от Урсиллы. Но где её найти и как высказать боль и надежду?

Я изогнулся всем телом — так леопард готовится напасть на намеченную им жертву. Потом, как и в прошлый раз, когда я безуспешно пытался объяснить с Мудрой Женщиной из Башни, я медленно пополз, дюйм за дюймом.

На этот раз от плотно закрытых цветов не исходил терпкий аромат — не было никакого запаха колдовства и красоты. Похоже, чары отступили, и я смог проникнуть в лунный сад, даже добраться до камня, который не испускал поток энергии, как в прошлую ночь.

Я прикоснулся носом к камню. Увы! Мёртвая глыба, ничем не напоминавшая магический кристалл. Мои надежды окончательно рухнули.

Я медленно отполз назад. Теперь нужно было снова отправляться к реке — я проголодался. Однако мой голод лишь отчасти исходил от плоти. Всю свою жизнь, хотя я и жил среди себе подобных, я находился как бы в стороне. Но то одиночество оказалось всего-навсего слабым предчувствием ощущения безысходности, которое мне довелось испытать в этот час крайнего отчаяния. К моему горлу словно приставили холодный меч и приковали к самому себе — мне никогда ни помыслom, ни в действительности не быть уже рядом с другими. Впрочем, существуют ещё Всадники-Оборотни...

Я решил, что стоит попытаться отыскать их — в надежде обрести признание и поддержку у тех, кто так же живёт в двух обликах всю свою жизнь. Но смену облика они наследовали, для них это так привычно. В моём же случае,

как и предупреждала меня мать, — это проклятье, отделяющее меня от привычного мира. Входило ли в планы Леди Элдрис устранить меня с пути Могхуса подобным образом? Вполне возможно. Ведь слышал же я крик Тейни «Убей!», когда она выглядывала из-за плеча брата, а его меч был готов нанести удар. С моими близкими меня больше ничто не связывало.

Черты лица Тейни растаяли в памяти. Постепенно воображением властно овладел другой облик. Лунная Колдунья... Я увидел её так же отчётливо, как при свете Луны, такую чистую и естественную, держащую в руках корзину с цветами. Дева-Колдунья... Лунная Певунья... Но ведь она родом из Звёздной Башни, закрывшей для меня свои врата.

Внизу тихо текла река. Я спустился к узкой полоске песка, опустил морду в приятную прохладу воды и начал жадно пить. Наверное, именно жажда, о степени которой я и не догадывался, оттеснила все образы, возникшие в моём сознании. Она заставила меня жить днём настоящим, а не минувшим, и принять как должное неизбежность мрачного будущего.

Я занялся ловлей рыбы — Фортуна снова улыбнулась мне, и я поймал две огромные рыбины, с которыми разделался в одно мгновение, не оставив грифам ни плавника. Жизнь вокруг меня текла своим чередом. Я не чувал ни врага, ни охотников, ни присутствия Силы.

Поблизости нашёлся камень, под которым можно было неплохо укрыться от солнца. Под ним я и растянулся, хотя и боялся уснуть, чтобы вновь не вернуться в то кошмарное сновидение, где меня поджидала Урсилла. Но если Кетан и боялся, то леопарда подобные страхи не касались. Для любой кошки, большой или маленькой, естественно спать больше человека. И я не смог воспротивиться потребностям своей звериной природы.

Проснулся, когда смеркалось. Скорее всего, инстинкты животного заставили меня проснуться, прервав сны. Я поднял голову и огляделся...

Мне грозила опасность!

Я ещё не понимал, откуда она исходит и что из себя представляет. Чувствовал лишь, что сердце моё лихорадочно стучит, а пасть оскалилась, предупреждая противника. Мне потребовалось всего несколько секунд для того, чтобы понять, что мне угрожает нечто не из мира реального, а из другого способа существования. Урсилла! Я не сомневался, что она настигла меня и хочет завершить нашу схватку. Я выпрыгнул из укрытия. Только животные из семейства кошачьих способны на такие движения. Но тут же обнаружил, что я не единственный из тех, кто решил бежать.

Не обращая на меня никакого внимания, хотя по природе я был для них врагом, мимо меня промчались два небольших лесных оленя, в их кротких глазах дрожал невысказанный страх. Впереди них неслись три волка, которых люди Кланов видят так редко, что они стали почти легендой. Из-под ног выскакивали твари поменьше и скрывались в кустах и в высокой траве, растущей вдоль реки.

Я удивился, поняв, что охотились не на меня одного, и моя уверенность в том, что это затея Урсиллы, несколько ослабла. Однако неподвластный разуму страх продолжал гнать меня вместе с остальными обитателями леса всё дальше, и я просто не мог остановиться.

Иногда во время охоты люди специально окружали и впускали животных, чтобы выгнать на место, где их поджидали стрелки. В сознании Кетана отчётливо вырисовалась картина облавы. Но не было слышно ни звука охотничьего рога, ни бряцанья оружия за спиной. Не это заставило меня мчаться сломя голову в неизвестном направлении.

На нас охотятся. Только охотник в данном случае — не человек, а некто из Тьмы, и это он вызвал такую панику среди лесных обитателей.

Вняв подобным объяснениям, я слегка успокоился, мой

животный страх понемногу утих, и я смог обрести некоторый контроль над своими поступками.

Я начал не сбавлять скорость, нет, — оказалось, что этого я сделать не в состоянии, — а уходить вправо. Я заметил нечто странное в поведении опростелю бегущей орды — все бежали в одном направлении, словно кто-то заранее определил для нас дорогу.

Я всё больше отклонялся вправо и наконец достиг, как мне показалось, самого края магической облавы. Там я собрал все свои силы для одного мощного прыжка — не вперёд, нет, — а в сторону... Моё гибкое тело леопарда описало в воздухе огромную дугу. Потом...

Я не смог управлять своими мышцами. Приземляясь, я вновь попал во власть чудовищного страха, который полностью захлестнул моё сознание, затмил разум, оставив лишь животные инстинкты. Едва я коснулся земли, как в то же мгновение...

Что-то сомкнулось вокруг меня. Я рванулся, пытаюсь освободиться, и тут же понял, что стал пленником — попал в сети!

Глава 10

О снежном барсе и о том, что произошло у логова Чудовища

Все мои усилия были напрасны. Я лишь сильнее затягивал нити ловушки, в которую так глупо угодил. Они впивались в мех, и казалось, что меня пытаются огнём, — я не выдержал и взвыл от боли и отчаянья.

То, что меня держало, было частью огромной паутины. Стараясь мыслить разумно и преодолеть страх, переполнявший меня, я смог отметить сходство сплетённых вокруг меня нитей с небольшими паутинками, причудливыми кружевами в каплях росы, которые можно увидеть рано утром в саду или поле.

Какое чудовищное создание могло соткать эту гигантскую паутину, способную удержать разъярённого леопарда? По мере того, как ослабевали мои усилия, разум Кетана одерживал верх над животными инстинктами.

Никто из людей, мне подобных, не мог забрести так далеко в лес или забраться на холмы, что раскинулись за ним. Наши знания о запретной стране ограничиваются немногочисленными рассказами да вымыслами. По слухам, там видели немало странных существ, которым вряд ли понравилось бы моё появление.

Пытаясь освободиться от паутины, я подобрался поближе к высокой, одиноко стоявшей колонне. На ней я увидел еле различимые надписи, столь потускневшие от времени и древности, что абсолютно невозможно было разобрать смысл написанного.

В нескольких футах поодаль возвышалась вторая колонна. Как раз между ними и была растянута паутина-ловушка. Моё желание вырваться из западни привело к тому, что нити натянулись, словно струны, и я полужавис у колонны с полустёртыми надписями.

Несмотря на то, что мои путы были тонкими и некрепкими на вид, я хорошо ощущал на себе их прочность. Пытаясь вырваться, я вдруг почувствовал, что рядом есть кто-то ещё.

Точно так же, как я почему-то был уверен, что за защитными барьерами Звёздной Башни нет зла и там можно укрыться от Тени, здесь я инстинктивно почувствовал совсем иное. Из-за колонны, которая возвышалась за моей спиной, веяло жутким холодом, способным превратить человеческое сердце и рассудок в лёд. Меня начало окутывать пеленой, облаком зла. Сначала очертания его были бесформенны, оно и в самом деле походило на облако. Но чем больше зло сгушалось вокруг меня, тем более осязаемым и вещественным становилось. Вот-вот я мог увидеть, что же это такое.

Меня начало трясти. Несмотря на то, что тело моё

укрывала шкура, я предстал нагим перед леденящей Силой порождения Тьмы, в чью ловушку неосторожно угодил. И я ничего не мог сделать, разве что ждать появления кого-нибудь... Хотя это не сулило ничего хорошего. Движение!

Я попытался повернуть голову, чтобы рассмотреть то, что заметил краешком глаза. Это оказалось делом нелёгким, но я приложил все усилия, чтобы увидеть побольше.

За двумя колоннами, между которыми была натянута паутина, опутавшая меня, громоздились камни. Нет, не камни! Слишком уж аккуратно они были сложены, если учесть, сколько времени ушло со времени возведения колонн. Когда-то здесь возвышалось строение, и кладка была уцелевшей от него частью стены.

Теперь от здания остались лишь развалины, на которых даже не росла трава, хотя между камнями кое-где виднелась земля. В самом деле, вокруг груды булыжников ничего не росло. А посередине зияла чёрная нора.

И там внутри что-то шевельнулось! Наконец-то я увижу виновника всех моих несчастий. Тот, кто сплёл эту паутину-ловушку, притаился в норе и сладострастно наблюдал за моими мучениями. Я — его добыча!

Из дыры, как-то странно подёргиваясь, появилась покрытая чешуйчатыми пластинами лапа. Потом показалось что-то наподобие клешни, такой огромной, что она вполне могла бы перешибить хребет и леопарду, в теле которого я находился. Лапа была покрыта твёрдой оболочкой, ничуть не похожей на хитиновый покров ракообразных или насекомых, а из-под каждой чешуйки-пластины прорывались клочки серой лохматой шерсти.

Клешня приблизилась к одной из нитей паутины, по-прежнему растянута между колоннами, и дёрнула за неё что есть силы. Должно быть, притаившийся охотник таким образом узнавал, действительно ли попался кто-нибудь в его сети.

Затем лапа и клешня скрылись в норе. Я прекрасно знал, что выиграл всего несколько мгновений. Приходилось

выворачивать голову, чтобы видеть, что последует за всем этим.

Нора уже не казалась такой непроглядно чёрной. Я различил маленькие и тусклые жёлтые огоньки и насчитал их целых восемь, они были расположены в два ряда. Да ведь это глаза! Глаза изучали меня, чтобы убедиться, что я на самом деле надёжно схвачен.

Стук копыт убежавших животных стих вдали. Воцарилась мёртвая тишина... Оцепенение... Ожидание... Потом из норы показалась нога — или рука, — за ней вторая! Из темноты виднелись лишь глаза, остальная часть чудовища оставалась лежать глубоко в логове.

Мне показалось, что это я вскрикнул. Но тотчас же осознал, что разъярённый крик вырвался из глотки кого-то другого. Мимо меня метнулось животное, которое одним прыжком очутилось на груди камней, среди которых прятался в убежище мой враг. Я заметил, что чудовище поспешно убрало лапы в нору.

Снежный барс! Он был больше всех, каких мне доводилось видеть. Глаза животного горели, пасть была оскалена, хвост метался из стороны в сторону. Взгляд снежного барса остановился на мне, и он зарычал.

Мне приходилось много слышать об огромных владыках гор. Они усердно оберегают свои охотничьи владения, насмерть сражаясь с теми, кто смеет посягнуть на холмы и леса, которые они считают своей собственностью. За исключением брачных периодов они избегают встреч со своими сородичами, бродят в одиночестве, переполняемые ревнивой гордостью.

И вот леопард посмел посягнуть на владения снежного барса! Это означало неминуемую схватку. Однако я уже оказался в плену у чудовища, которое скрывалось в норе, и ничем не угрожал пришельцу. Почему же он жаждал схватки со мной?

Ирбис силен и могуществен. При других обстоятельствах я бы схватился с ним...

Наверняка смерть от стремительного нападения снежного барса будет полегче той, что уготовил мне обитатель норы, словно явившийся из кошмарных снов. Но никто не приветствует смерть.

Потом...

Я застонал. Не от боли, а от страха, который пронзил меня до мозга костей. У меня в голове раздался голос!

Хорошо известно, что Мудрые умеют общаться таким образом с себе подобными. Но делают они это, только обладая большим даром и при условии, что никто не сумеет проникнуть за защитные барьеры.

Ни один простой смертный не обладает таким даром, даже не смеет думать об этом.

«Не двигайся!»

Меня предупреждает чудище? Или снежный барс? А вдруг представители семейства кошачьих умеют общаться с себе подобными, в то время как человеку об этом ничего не известно?

В моём сознании вновь раздалась команда:

«Не двигайся!»

Снежный барс! Определённо это он!

Он прижался брюхом к камням и стал медленно подползать к самому входу в нору. В то самое мгновение, когда он собирался наступить лапой на очередной камень, тот едва заметно сдвинулся. Снежный барс отдернул лапу, потом склонил голову набок и принялся. Что всё это значит?

Потом он вдруг изогнулся. Я увидел, как заиграли его мускулы, как нервно дернулся кончик хвоста. Теперь он уже не полз. Легко и грациозно прыгнул и приземлился на тот самый камень, на который нацеливался.

Вдруг камень под ним дрогнул, осел и начал падать. Но снежный барс был стремителен, как стрела! Его тело снова мгновенно оказалось в воздухе и полетело по направлению ко мне, а камень... Камень обрушился и заткнул нору!

Приземлившись, ирбис зацепил паутину передней лапой. Действовал он крайне осмотрительно. Оттянув нить паутины, он начал раскачивать её из стороны в сторону. И

если мои старания привели лишь к тому, что я ещё сильнее запутался в тенётах, то продуманные усилия снежного барса понемногу освобождали меня. Я не сводил с него глаз.

«Осторожно!» — последовала ещё одна команда моего спасителя.

Он прошёлся вдоль порванной паутины, пристально разглядывая меня, потом повернулся и исчез.

А я остался в ловушке. Снежный барс сделал для меня всё возможное — нора заткнута, и никакие клешни, никакие лапы в чешуйчатых пластинах не достанут меня. Теперь быстрая смерть сменится медленной и мучительной, без воды и пищи, и грифы слетятся клевать мои угасающие глаза. Я не исключал такой возможности.

Лапы мои онемели, сильно саднили те места, где нити паутины впивались в лодыжки. Я...

Вдруг краем глаза я снова заметил снежного барса. Из его оскаленной пасти торчала ветка — её конец был размочален, и я понял, что ирбис оторвал её от дерева при помощи зубов. От листьев, которые волочились по земле, исходил резкий, бьющий в нос запах, да такой, что защипало в глазах, и я закашлялся.

Снежный барс опустил ветку на землю с такими предосторожностями, что ни один листок не коснулся ни его морды, ни его лап. Приблизившись, он взглянул на меня, затем осмотрел оборванные нити. Его мысли передались мне:

«Тебе грозит опасность... Единственный выход — не двигаться!»

Он снова взял ветку в пасть. С заметным усилием оторвал её от земли — было видно, как напряглись его мускулы, — и швырнул её вперёд так, что эти резко и сильно пахнущие листья оказались как раз на самой паутине, но меня не коснулись. Мигнула ослепительная вспышка и повалил дым.

Когда листья коснулись обрывков паутины, те почернели и начали издавать отвратительный запах. После этого

обутлились нити вокруг меня — и я почувствовал, как путы, охватывавшие меня, ослабевают.

Наконец-то я освободился! Мне хотелось поскорее броситься прочь от каменных колонн, но почему-то было трудно двигаться. Лапы не подчинялись мне и по-прежнему их сковывало оцепенение. Я покачнулся, и если бы снежный барс не подоспел ко мне и не поддержал, я неминуемо должен был упасть.

Во мне всё больше крепла уверенность, что передо мной не настоящий зверь. Но при этом в нём не чувствовалось того ореола угрозы и злобы, который окружал обитателя руин, хозяина ловушки-паутины.

Может быть, это тоже Оборотень? Я нашёл их?

Мы медленно удалялись от места, где меня подстерегла беда. По мере того, как мой спутник, на плечо которого я опирался, оттаскивал меня дальше и дальше от земли, на которой велась охота, к безопасному месту, мне всё меньше хотелось бежать. Я не верил в то, что весь этот панический ужас вызвал обитатель руин, переполошив лесных жителей.

Я всё больше убеждался, что охоту устроили те, кто принадлежал к Тени.

Снежный барс проводил меня до реки. Постепенно онемение проходило, мои суставы отошли и начали обретать прежнюю гибкость. Но Фортуна отвернулась от меня: снова стали болеть раны на спине.

С каждым шагом муки становились всё невыносимее, и я уже ничего не замечал вокруг себя, преследуемый судорожными приступами боли.

Не знаю, почему я не свалился на землю, охваченный такими страданиями. Как раньше я был ведом Тенью, так и теперь меня вела решительность и устремлённость барса. Он больше не говорил со мной, и в голове моей не звучал его голос. Однако от него исходила некая сила, которую я ощущал всем своим существом.

Увидев реку, он остановился и принюхался, склонив голову набок. Нас окружали лишь камни и расщелины. К

одной из них он и подтолкнул меня. Я заполз в яму, хотя малейшее движение доставляло мне нестерпимую боль

Там я растянулся без сил, во рту всё пересохло. Так хотелось пить! Прохладная вода струилась и журчала совсем рядом, но самому до неё мне не добраться. Снежный барс стоял между мной и внешним миром, как будто ожидая чего-то. Я вдруг услышал, что по земле передаётся стук копыт. Люди?.. Охотники из Главной Башни?

Если они увидят снежного барса, то получают два трофея вместо одного! Нужно предупредить моего спасителя... Но я не знал, как передавать мысли без слов, а говорить больше не умел, я мог только рычать.

«Это не те, кого ты боишься, — снежный барс даже не повернул головы в мою сторону, но его слова отчётливо прозвучали у меня в голове. — Тише...»

Теперь я увидел всадника. Одного-единственного. Он ехал, облачённый в кольчугу и боевой шлем, украшенный плюмажем в виде орла, размером с настоящую птицу, с распахнутыми, будто готовыми к взлёту крыльями.

Лошадь, на которой ехал всадник, не походила на наших, которых я видел в Клане, скорее всего она была одних кровей с теми, что паслись у Звёздной Башни, — сразу бросались в глаза её длинные ноги.

Заметив снежного барса, всадник, вопреки моим опасениям, не потянулся за мечом, который висел в ножнах у его бедра. Более того, он приветственно поднял руку, а значит, знал того, к кому обращался. Барс тоже безбоязненно направился к нему и поднялся на камень так, что его морда оказалась вровень с головой всадника.

Всадник остановил лошадь, расслабленно откинулся в седле и посмотрел на барса. Я не мог разглядеть его лица, так как оно находилось в тени. Хотя я не слышал ни слова и в голове у меня ничего не звучало, не было сомнений в том, что они говорят между собой на собственном языке.

Я не видел на теле снежного барса никакого пояса. Если он из Рода Оборотней, такой ключ изменения облика ему

и не нужен. Принадлежит ли он к Всадникам-Оборотням? Их владения располагаются, как полагают у нас, к юго-востоку от земель Клана, но это не удерживает их от путешествий в другие земли.

На прощание всадник снова поднял руку. И когда он тронулся в путь, то изменил направление и поехал по той же дороге, откуда появился. Может быть, он привозил какое-то сообщение?

Барс не проводил его взглядом, а вернулся к расщелине, где обессиленно лежал я. Приблизившись ко мне, он скомандовал:

«Нам следует торопиться. Тень пришла в движение!»

Полупохороненный во мне человек ответил на призыв. Я с трудом приподнялся на трясущихся лапах. Но тело леопарда не хотело мне подчиняться. Кое-как я всё-таки доковылял до воды, опираясь на плечо моего спасителя. Мы зашли в воду, и я почувствовал, как шерсть прилипла к телу, ощутил на себе слабое течение. Мы поплыли и вскоре очутились на противоположном берегу. Там я повалился на песок, потеряв последние силы, хотя барс и подталкивал меня, пытаясь поставить на ноги. Тут я снова услышал топот копыт. Барс оставил меня и озабоченно побежал к краю леса. Возвращался ли то всадник со шлемом-орлом, или это приближался охотник, и мой спутник, считая, что он выполнил свою задачу, покинул меня?

В ту минуту не имела значения ни одна из догадок. Оставалась лишь неизбежность. Я безучастно смотрел перед собой, не в состоянии поднять головы, чтобы взглянуть в сторону. Барс остановился у окраины леса, как будто снова чего-то ожидая.

Из-под тени ветвей и листвы вынырнул всадник, ведя под уздцы ещё одну лошадь. Я узнал его... То была Лунная Колдунья, хотя на этот раз она была облачена в бриджи, сапоги, рубашку и куртку зеленовато-коричневого цвета, так что только тогда, когда она шагнула на открытое пространство, я смог как следует рассмотреть её.

Барс легко поднялся на задние лапы и положил передние на седло. Лошадь при этом не проявила ни малейшей тревоги и продолжала стоять спокойно. Девушка наклонилась к животному, встретила с ним взглядом и кивнула.

Потом она достала из-за пазухи какой-то маленький предмет, висевший на цепочке. Держа его в руке, словно это было оружие, она направилась ко мне, а барс последовал за ней.

Прежде чем приблизиться, девушка соскользнула с седла, и её лошадь осталась стоять с опущенными на землю поводьями. Лунная Колдунья подошла ко мне, и я увидел, что в руке у неё покачивался на цепочке стеклянный шарик. Внутри него я заметил какую-то веточку — зелёную и блестящую.

Лунная Дева взмахнула цепочкой и описала круг над моей головой, которую я хоть и с трудом, но поднял при её приближении. Потом шарик с заключённой внутри него зелёной веточкой оказался как раз напротив моего горла. И я...

Я стал человеком!

Моя шерсть исчезла, стала видна гладкая кожа. И хотя я не получил назад свой пояс, он и не понадобился. Я... вернулся! Снова стал человеком...

Потрясение было так велико, что мир вокруг меня вдруг покачнулся. Я ощутил на себе успокаивающее прикосновение рук девушки, потом почувствовал, что меня поднимают и ведут. После чего я оказался перекинутым поперёк седла, а потом ощутил резкую боль, которая усиливалась при каждом шаге лошади.

Кто-то вскочил на лошадь и поднял меня — это прикосновение полоснуло меня по спине, и из моего пересохшего горла вырвался крик. Меня поддерживал человек, мужчина, а не моя Лунная Дева, и я никак не мог сообразить, откуда он взялся.

Как сквозь дымку я видел склонённую над собой голову в тёмной шапке густых волос, худошавое лицо с потемневшей от загара кожей. Таинственное лицо, за которым

скрывались неведомые мысли и слова. Как и женщину из Башни, незнакомца можно было принять за юношу, но глаза, жёлтые кошачьи глаза, усталые и зрелые, свидетельствовали о прожитых им годах и обрётённой мудрости.

Незнакомец не отрывал от меня взгляда. До меня не доходили его мысленные слова, но зато словно переливалась его сила. Жёлтые кошачьи глаза влекли меня в темноту, туда, где не было боли, а время ничего не значило.

Но я до конца не поддался воле незнакомца. Как бы ощущая всё издалека, я знал, что мы ехали верхом и миновали лес. Я осознавал, что незнакомец не хочет причинить мне зла, скорее, желает добра. Я также знал, что меня не должно всё это волновать, — мне нужно накапливать силы, собираться с духом. Своим превращением я был обязан Лунной Деве, её колдовству. Я чувствовал на груди тепло амулета, который она повесила мне на шею. Этот талисман я должен хранить, чтобы оставаться человеком.

Глава 11

Об обитателях Звёздной Башни, и о том, как я выбрал опасность

Я лежал лицом вниз, с повёрнутой набок головой, так что мог видеть лишь каменную стену. Мою спину покрывало что-то прохладное, мягкое, вымывающее из моих ран, оставшихся после заточения в паутине, боль. Я различал голоса, и на этот раз они звучали не в сознании, а наяву.

— Трава моли скоро утратит свою силу. Что тогда, мой Лорд?

Голос принадлежал женщине. В нём явно слышалась тревога.

— Мы должны узнать, кто он такой и откуда явился. Не верю я Серым Башням. Кроме того, кто ещё из Рода Обратней ходит по этой земле? Но он не принадлежит Тени. Если он очнётся до перемены, тогда, может быть, нам удастся узнать...

Человек... Мужчина... Тот, кто поддерживал меня, когда мы ехали верхом от реки? Но где я находился? И кто заботился обо мне? Я окончательно очнулся, когда почувствовал, что необходимо срочно узнать ответы на эти вопросы. Я приподнялся на постели и повернул голову, чтобы разглядеть людей, стоявших рядом.

Да, вот тот самый человек, который спас меня. Лунной Девы не оказалось поблизости, хотя я так надеялся увидеть её вновь. Рядом с ним стояла женщина из сада трав, оттолкнувшая и изгнавшая меня. Почему на этот раз она предоставила мне кров и уход? Должно быть, я находился в Звёздной Башне, потому что стены вокруг меня были как-то странно расположены. Наверное, комната устроена так, чтобы соответствовать лучам звезды.

— Кто вы, приютившие меня? — спросил я, потому что оба они молчали.

Женщина подошла ближе. Её прохладные пальцы легли мне на лоб. От её руки исходил еле уловимый терпкий аромат трав, словно ещё совсем недавно она работала в своём саду.

— Жар прошёл, — объявила она, затем сняла что-то, лежавшее на моей спине, и я почувствовал холодок, коснувшийся плеч и поясницы. Она снова дотронулась, на этот раз до отметин, которые оставил на мне ястреб. — Хорошо заживает, — удовлетворённо сказала женщина. — Ты спрашиваешь, кто мы, — она встала так, чтобы я хорошо её увидел. — Мы из тех, что живут замкнуто и не желают, чтобы на их пути встречался человек.

На лице у неё я не увидел доброжелательности. Должно быть, она ждала от меня каких-либо действий, слов, по которым смогла бы судить о том, враг я или друг. Но при этом я мог с уверенностью сказать, что никогда не смог бы назвать её недругом. Было в ней что-то такое, что противостояло Тени.

— И кто ты сам такой? — рядом с ней встал мужчина.

— Я... был... Кетаном... наследником Кар До Прана,

Большой Башни Красных Плащей. А кто теперь... не знаю.

Выражение их лиц изменилось, когда они услышали, кто я такой. Неужели охотники Могхуса проникли так далеко, что новость о моём побеге достигла этих отдалённых мест? Но при этом я понимал, что ни мужчина, ни женщина не были подданными Могхуса. В них чувствовалось присутствие Силы. Я ощущал это, как тогда, когда приближался к Урсилле, и знал, что они обладают даром и способны творить деяния, не доступные обычным смертным.

— Кар До Пран, — повторил человек. — Там правит Лорд Эрах, но если ты являешься наследником...

Он вопросительно посмотрел на меня.

— Я сын Леди Героиз, его сестры...

— Да, я знаю, так принято у людей, — кивнул мужчина.

— Тогда как же ты подвергся чарам Обратней?

— Мне подарили пояс, а Урсилла и моя мать...

— Он расскажет свою историю позже, — прервала меня женщина. — Мне кажется, самое время дать ему настойку. Ему нужны силы, не то моли вскоре утратит свою действие.

Я не понял её слов. Однако, когда человек помог мне сесть и поднёс к губам чашку с бурлившей жидкостью, я осушил её одним залпом, хотя она и была горькой на вкус. Тут в комнату кто-то вошёл.

Моя Лунная Дева! На ней снова был костюм всадника. а по пятам за девушкой следовали два крохотных детёныша рыси. Я удивился, поскольку мне было известно, что их невозможно приручить, так как эти животные отличаются свирепым нравом. Но рысята тёрлись о ноги Лунной Колдуньи, заставляя ласкать себя, и подсовывали морды под её руки, как домашние кошки.

— В небе кружит ястреб, — сказала девушка. — Он уже четыре раза облетел сад. Не думаю, чтобы он здесь охотился... Скорее всего, просто наблюдает.

— Значит... — женщина кивнула, потом посмотрела на

меня. — Вот откуда у тебя раны, человек Клана... Их оставила на твоей спине эта птица. Кто твои враги?

— Только один, но обладающий Силой, — Мудрая Женщина Урсилла, — прошептал я.

Девушка не смотрела на меня, когда принесла весть. Теперь же её взор устремился в мою сторону. И я почувствовал, что околдован, что попал под власть её чар, которые не имеют ничего общего с Силой.

Первый раз я увидел её лунной ночью, в величии чародейства, творящей магический обряд при помощи того, что превыше всего доступного нам, в ореоле Силы. Потом я запомнил её у реки, хотя и смутно.

И вот встречаю третий раз... Но мне казалось, что я знаю девушку всю свою жизнь. А может, она и есть та, кого ищешь всю жизнь, сам того не ведая? Но она смотрела на меня с полным безразличием. Должно быть, её четвероногие любимцы значили для неё больше, чем какой-то ничтожный оборотень поневоле.

— Мудрая Женщина, Урсилла... Она живёт в Кар До Пране? — спросил мужчина.

— С тех пор, как моя мать вернулась из Гарт Хауэла. Но вы меня не так поняли...

Я замялся. Выдать себя с головой перед Девой Луны? Но от этих троих ничего нельзя утаивать.

Это я знал наверняка.

— Урсилла не совсем мой враг. Она хочет подчинить меня себе. Но... её ястреб (я уверен, что он ей служит) напал на меня и отобрал пояс из леопарда. Наверное, он потому и кружит здесь, что снова ищет меня.

— Расскажи нам всё, что тебе известно об этом поясе, — потребовал мужчина, словно тот, кто наделён властью. В эту минуту он напомнил мне Пергвина, когда тот учил меня обращаться с оружием.

И я поведал им свою историю — рассказал о поясе, подаренном мне, о своём превращении в леопарда, о том, как Могхус пытался выгнать меня из Главной Башни, и о том, как на меня напала птица.

— Значит, без пояса ты не можешь вернуться в человеческий облик? — спросил мужчина, когда я закончил свой рассказ.

— Так мне казалось... до недавнего времени. Но... то, что вы сделали для меня, Леди, — обратился я к девушке, — снова сделало меня человеком.

Она кивнула, мельком взглянув на меня. Я повторил движение её глаз и увидел прозрачный шарик, висевший у меня на груди. Зелёная веточка на этот раз не казалась такой свежей и прекрасной, как раньше, потому что уже чуть подвяла.

— Благодарю траву моли, — ответила Лунная Колдунья. — Траву, что способна противостоять любым чарам до тех пор, пока не завянет. Но когда она пожухнет, — поёжилась девушка, — ты снова обернёшься леопардом, если только не найдёшь какой-нибудь другой способ остаться человеком...

Мне показалось, что в её взгляде промелькнула снисходительность, словно поступки мои были настолько глупы, что я не заслуживал никакой заботы и ухода.

Меня это задело, я даже рассердился на неё. Да кто она такая, чтобы судить меня?

Мужчина же не обратил на слова девушки внимания, а только властно приказал мне:

— Протяни руку!

Когда я сделал то, что он велел, он подставил свою кисть под мою руку и стал изучать линии жизни на моей ладони. Я заметил, что выражение его лица изменилось.

— Не пояс стал причиной твоего превращения, — сказал наконец мужчина. — Он послужил лишь ключом, которым открыли запертую дверь. Поэтому твои догадки верны. Мудрая Женщина может использовать этот самый ключ для того, чтобы управлять тобой. Больше того, если пояс уничтожили, ты...

— Останусь леопардом? — прошептал я.

— Да, это так, — подтвердил он.

— А если пояс попадёт в руки Могхуса... что он пожелает с ним сделать? Уничтожить?

Сила, что вернулась в моё тело, толкала меня немедленно выпрыгнуть из постели и вернуться в Главную Башню. Если я предстану перед Могхусом в обличье человека, то смогу противостоять ему и даже победить... Но что сказала девушка о волшебной траве моли? Я уставился на прозрачный шарик. Не было никакого сомнения, растение неотвратимо увядало.

Я взял шарик в руку.

— Вы не могли бы дать мне ещё один, такой же?

Женщина покачала головой.

— Лишь единожды заговор действует на одного и того же человека.

— Между прочим... — девушка похлопала рысёнка по спине. — Ястреб улетает прочь. По-видимому, его хозяйка вот-вот узнает, кто скрывается здесь. И тогда...

— Нет, ты ошибаешься, — возразила женщина. — Я околдовала птицу...

— Но это не подействовало, — ответила девушка, поглаживая своих любимцев.

Женщина поспешила выйти из комнаты, девушка последовала за ней.

Я посмотрел на мужчину, ожидая объяснений, и увидел, что он изучающе разглядывает меня.

— Магический узел, — чуть помедлив, произнёс он.

— Что это значит?

— Лишь то, что ты привязан к поясу. А он находится вне этих стен, далеко отсюда, в руках того, кто наделён Силой.

— Значит... пока я здесь...

Я догадался, что он имел в виду.

— Значит, пока я здесь, вам угрожает опасность? Я невольно нарушаю вашу защиту?

— Теперь это не имеет значения, — пожал плечами мужчина. — Расскажи мне лучше о том торговце, кажется, Ибикусе. Что он за человек?

— Моя мать говорила, что он не тот, за кого выдавал

себя. Она была убеждена, что он раскрыл Леди Элдрис секрет пояса, который можно использовать против меня. Мне... мне кажется, что он только облачался в плащ торговца.

— Если ты чувствовал, что дело тут нечисто, почему же принял пояс?

— Потому что... как только я увидел его в первый раз, воспылал настолько страстным желанием обладать им, что ничего не мог с собой поделать.

Я сказал правду, хотя это и разоблачало с головой мои слабости.

Не знаю, почему, но мне не хотелось выставлять себя перед незнакомцем в выигрышном свете. Он спас меня — наверное, поэтому я предпочёл искренность.

Мне показалось, что каждый их трёх обитателей Звёздной Башни относился ко мне, как к существу не равному им. Мне хотелось доказать, что я хоть чего-то стою, правда, я ещё не придумал, каким образом это сделать.

— Пояс леопарда... — я вложил в эти слова все свои чувства. — Он... сделал меня свободным...

— А потом связал тебя, — заметил мужчина. — И есть только одно средство освободиться от этой зависимости.

— Отнять пояс у Урсиллы? Снова обрести собственный облик и уничтожить его? — я просто засыпал мужчину вопросами.

— Пояс — не больше и не меньше, чем ключ, и ты должен научиться им пользоваться.

— Как? — нетерпеливо спросил я.

— Ответ тебе следует искать в самом себе, и только ты один можешь найти его, — слова его показались чересчур мудрёными для меня. — Но в одном я твёрдо уверен. Кар До Пран представляет для тебя большую опасность.

— Если мне удастся завладеть поясом, то я смогу вернуться сюда, — с расстановкой произнес я. — Но если действие травы моли исчерпает себя и я не успею... — затаив дыхание, я посмотрел на увядавшую веточку в шарике, — тогда быть мне навечно леопардом.

Мужчина встретился со мной взглядом. Что-то в его жёлтых глазах показалось мне знакомым...

— Ты... ты — снежный барс!

Он не кивнул и ничем, ни единым словом не подтвердил мою догадку. Но я знал, что не ошибаюсь, и это правда.

— Но... — я посмотрел на ремень, которым была стянута на талии его куртка. Он был сделан из той же кожи, что и пояса, которые носят обычные люди. — У тебя нет пояса! — я не спрашивал, а просто говорил о том, что видел. — Тогда каким образом ты превращаешься?

На этот раз он покачал головой. Между нами стоял закон Силы, я понимал это. И вспомнил, что трое обитателей Звёздной Башни при мне не обращались друг к другу по имени. Что ж, они вправе не доверять мне. Древнейший закон гласит: нельзя открывать незнакомцу своего имени, чтобы тот не воспользовался им в магических целях. Мне было известно, что здесь, в Звёздной Башне, мне нечего опасаться. Но знал я и то, что в её стенах не стану искать приюта — ради их безопасности.

— Тень собирает силы, — мужчина нарушил тишину словами, которые не сразу дошли до меня. — Те, кто избрал Тёмный Путь, просыпаются и снова готовятся напасть. Хочу тебя ещё раз спросить про торговца по имени Ибикус. Ты не почувствовал в нём чего-нибудь от Тьмы?

Я покачал головой.

— Нет, но мне показалось, что он мог быть посланником или разведчиком Голосов.

— Голосов? Тут есть о чём подумать, — мужчина положил ладонь на рукоятку охотничьего кинжала. Он вытащил его из ножен, потом спрятал снова. — Вероятно, настанут времена, когда нам в Арвоне придётся выбирать, на чью сторону становиться. Недолгим же оказался наш мир.

Он сжал губы, полуприкрыл усталые глаза. На какое-то время мне перестало казаться, будто он молод, и я подумал, что он многое повидал за время истории Арвона.

— И ещё, — он посмотрел на меня прямо в упор, — играть с Силой в игры, не зная правил, да ещё в такое время — означает навлекать на себя большую беду. Не нравится мне то, что Мудрая Женщина направила сюда своего крылатого слугу, не нравится и то, что он кружит над Башней!

Теперь его голос звучал решительно и в то же время угрожающе. Без единого слова прощания он покинул комнату.

Я же оставался сидеть на постели, держа руку на шарике с волшебной травой моли, подарившей мне, хоть и на время, спасение от проклятия. Как знать, надолго ли?

После того, как мужчина ушёл, я огляделся по сторонам. Мне стало интересно, где я нахожусь. Комната была странной формы, с одной стороны углом выпирала стена, чтобы не нарушать очертаний луча звезды. На стенах я не заметил ни одной картины, ни одного гобелена, вид которых был привычен для меня в Главной Башне. Постель, на которой я сидел, была узкой и больше походила на полку, чем на ложе. У стены стоял маленький резной столик, на котором я заметил кувшин с водой и таз для умывания. Вот и всё. Да, небогато.

Но здесь, в этой странной комнате, среди скромной обстановки, я чувствовал себя так, как никогда раньше не бывало в Главной Башне. От стен словно исходило дыхание времени. Но не только это заставляло меня ощущать себя странником, случайно забредшим под гостеприимный кров.

Странно, подумалось мне, ведь моему появлению здесь хозяева не очень-то радовались. Я не особенно разбирался в Силе, не обладал необходимым для этого талантом. А эта нерушимая крепость — пристанище тех, кто наделён Силами, которые недоступны пониманию простых смертных. Почему же тогда у меня появилось такое ощущение, будто мне не хочется покидать Башню?

Я встал и сразу почувствовал, что ко мне полностью

вернулась физическая сила. Попробовал наклониться, повернуться — и всё это проделал с превеликим удовольствием, не испытывая при этом никакой боли. Я похрустел пальцами, размял мышцы и покрутил головой, стараясь разглядеть раны на спине. Они оказались розовыми и зарубцевавшимися. Я почти здоров, и мне нельзя оставаться здесь дольше. Птица служила предостерегающим знаком. Я не могу позволить себе навлечь неприятности на тех, кто спас меня, как бы мне не хотелось познакомиться с ними поближе, чтобы они изменили к лучшему своё мнение обо мне.

В памяти всплыл безразличный взгляд Лунной Девы, направленный на меня. К чему оставаться здесь? Но... Что ждёт меня в Главной Башне? Боюсь, что напрасно пришлось бы ждать нежности со стороны Тейни. Довольно тешить себя такого рода фантазиями.

Мне пора начинать... Но что это со мной?

Так же молниеносно, как прежде переродился в человека, я вновь изменил свой облик. Только на этот раз произошло обратное превращение. Шарик, который я всего лишь мгновение назад держал в руке, выпал из мохнатой лапы. Сплошь покрывшись шерстью, стоя на четырёх лапах, я опять обернулся леопардом. Зелёная веточка внутри шарика почернела и завяла окончательно.

Сзади послышалось чье-то рычание. Я оглянулся — в дверях стояли детёныши рыси, один рычал, другой лишь шипел на меня. Это вернулась Лунная Дева со своими питомцами.

Похоже, она ничуть не удивилась моему превращению. Наверное, догадалась, что сила травы моли должна была вот-вот иссякнуть и перестала оказывать сопротивление проклятию. Скорее бы очутиться подальше от Звёздной Башни, в глухой чаще леса...

Тут я не без удивления заметил, что в первый раз выражение лица девушки смягчилось, на её губах заиграла лёгкая улыбка. В одно мгновение всё её безразличие как

рукой сняло. Она прикрикнула на своих любимцев, которые продолжали шипеть, и отогнала их назад.

Потом Лунная Колдунья шагнула ко мне поближе и сняла с моей шеи цепочку, на которой висел утративший силу шарик.

— Послушай, — её тёплые пальцы слегка коснулись моей головы. Я продолжал чувствовать её прикосновение даже тогда, когда она убрала руку. — Ты хочешь уйти... это хорошо. Но пояс — если не снаружи, то внутри — содержит ещё один ключ. Мы не можем открыть тебе эту тайну. Тебе предстоит кое-что совершить самому, и тогда ты окончательно освободишься. Разгадаешь тайну — и тогда станешь настолько могущественным, что и передать невозможно. Не могу сказать тебе большего, мне не позволяет Сила. Но я верю, что ты отыщешь ключ!

Девушка посторонилась, когда я устремился мимо неё. Я стрелой вылетел из дверей, оказался на открытом месте, промчался между двумя пахучими клумбами-грядками — и вот уже передо мной виднеется кромка леса. Я не оглядывался и не смотрел на Звёздную Башню до тех пор, пока не добрался до первых деревьев. Здесь я ожидал увидеть ястреба, кружащегося над крепостью-звездой. Но в небе никого не было видно.

Хотя день был тихий и безветренный, я заметил, что со всех сторон наплывают облака, похожие на клубы дыма, парившие над жаровнями Урсиллы. Наблюдая за облаками, я отступил. Нет, мне не преодолеть барьера. Те, кто спас мне жизнь, теперь отделены от меня невидимой стеной.

Если я струшу и буду малодушно прятаться поблизости, это не принесёт никакого толку. Их барьера мне не преодолеть. Но, может быть, случится чудо, и я снова сумею обрести прежний человеческий облик, стану Кэтаном, не зависящим от замыслов Урсиллы.

Тогда, возможно, я смог бы вернуться и попасть к ним... Но надежда была слишком слабой.

И всё же слова Лунной Девы (как бы мне хотелось узнать её имя!) жили в моей памяти. И она, и Оборотень, спасший мне жизнь дважды — в виде снежного барса и в облике человека, — давали понять, что существует ещё один способ, кроме пояса и кроме волшебной, но недолговечной травы моли, при помощи которого можно снова стать человеком. Я не маг и не чародей, и им это известно, ибо малейшее дуновение Силы не укроется от тех, кто сам владеет ею. Значит, они ничего бы мне не сказали, если бы не были уверены в том, что я в состоянии на свой страх и риск найти ответ.

Я должен был это сделать и освободиться любой ценой, хотя и не имел ни малейшего представления о том, что могло мне помочь.

Но если снова появится ястреб-соглядатай Урсиллы, мне следовало найти укрытие, не доступное его зоркому глазу.

Глава 12

Об открытии, которое я совершил, и о том, как я решил им воспользоваться

Не придумав ничего лучшего, я снова спустился к реке, подкрепился рыбой, потом отыскал местечко среди камней, которое нельзя было бы разглядеть сверху. Забираясь туда, я надеялся, что крылатый соглядатай меня не обнаружит.

В моём сознании продолжали звучать слова тех, кто обитал в Звёздной Башне. Они не кривили душой и не пытались меня успокоить. Если они убеждены в том, что есть путь перемены облика, значит, он и в самом деле существует. На человеке, который, спасая меня от паутины, был снежным барсом, я не видел пояса. Однако вполне возможно, что он от рождения принадлежал к Роду Оборотней.

Может быть, следует поискать какое-нибудь растение, подобное траве моли? Но я не знаток Зелёной Магии и едва ли распознаю его в зарослях. Тогда остаётся прибегнуть к обряду или ритуалу? Скорее всего, это мне тоже не подходит, потому что только обученные владению Силой способны совершать магические действия.

Снова и снова я повторял про себя последние слова Лунной Девы. Существует ключ... Если не снаружи, то внутри... Внутри! Внутри меня самого! Значит ли это, что я наделён чудесным даром и даже не догадываюсь об этом? Но если это так... Почему же тогда Урсилла не додумалась до этого раньше? Или... она знала...

Память перенесла меня в те времена, когда Мудрая Женщина и моя мать наложили на меня чары. Я как будто вернулся в тот вечер, когда мне предстояло перебраться из-под их крыла в Башню Молодости. Предположим, Урсилла почувствовала во мне присутствие ничтожной доли таланта... Значит, она хотела убедиться в этом и околдовать меня так, чтобы я сам ничего не заподозрил.

Колдовство изучают, хотя для этого непременно нужно обладать врождённым даром — той почвой, на которую можно сеять зёрна знания. Любой, будь то мужчина или женщина, может читать древние руны, постигая их разумом и сердцем, но при этом будучи не в состоянии применять их на деле, пустить их в ход. Однако... в те дни, когда Урсилла учила меня, она выбирала для чтения лишь определённые руны. Другие же запирала от меня, а ключ носила на своей груди. Может быть, она боялась, что я узнаю что-либо запретное, чего мне знать нельзя? Чем больше я раздумывал над этим, тем сильнее утверждался в подозрениях, что от меня самым тщательным образом скрывали те знания, которые могли бы дать мне свободу.

Обладаю я даром или нет, но обитатели Звёздной Башни верили в то, что я освобожусь от проклятия пояса и обличья леопарда, если только найду верный путь... И у меня не было иной опоры, кроме их веры. Что же, что?

Может быть, мне поможет нечто вне меня? Нет. Всё больше я начинал склоняться к другому решению. Ответ таился внутри меня самого — так и только так! Но он был сокрыт от меня при помощи ухищрений Урсиллы или... или потому, что я никогда не подозревал об его существовании!

Кто же я такой? Для обитателей Главной Башни — Кетан, наследник Лорда Эраха. Для Урсиллы и моей матери — всего лишь средство достигнуть власти. Для Могхуса, Тейни и Леди Элдрис моя персона — преграда между ними и их желанной целью, всё той же властью. Для всех я не просто человек, а инструмент, который может помочь или помешать осуществлению их устремлений. Заботит ли кого-либо из них, что у меня могут быть свои собственные помыслы и желания?

Пояс леопарда... Зачем Ибикусу понадобилось привозить его? Я был уверен, что торговец, который на самом деле был больше, чем странствующим негоциантом, не случайно приехал, захватив с собой пояс. На то были свои причины. Но кто такой Ибикус и почему вмешался в мою судьбу?

Возможно, в то утро я заглядывал слишком далеко и задавал вопросы, на которые ещё не мог ответить. Но, вызывая в памяти подобные картины, я набирался отваги и решительности. В Ибикусе не было ничего похожего на Тень. Моя мать утверждала, что его намерения были недобрыми, раз он продал пояс Леди Элдрис, что Ибикус желал мне зла. Но я-то не верил ей! В его словах, обращённых ко мне, я не расслышал ни угрозы, ни злокозненности, а только — обещание.

Однако... пояс служил ещё каким-то целям. Обещание свободы оказалось не иллюзорным, не ложным. Но теперь пояса у меня нет. Мои мысли вернулись по кругу к исходной точке. Если и существует ключ, то я о нём ничего не знаю, и не смогу отыскать без какой-либо подсказки или чьей-нибудь помощи в выборе пути.

Так я лежал на берегу, изредка поглядывая то на реку, то на камни. Несколько раз я слышал, как воздух рассекают чьи-то крылья, и вскидывал голову к небу. Но ни одна птица не походила на ястреба-слугу Урсиллы. Ключ... внутри...

Сознание раздваивалось. Человеческая половина моей двойственной натуры размышляла, надеялась и переполнялась отчаянием. Леопарда же, сидевшего во мне, которым управляли одни инстинкты, заботило лишь то, чем бы ему подкрепиться.

Предположим, что ключ кроется где-то во мне...

Могу ли я позволить самому себе целиком раствориться в леопарде, не оказывая сопротивления? Я вздрогнул от одной только этой мысли.

Страх быть потерянным, исчезнуть, оказаться человеком в шкуре леопарда завладел мной. Однако чтобы отыскать ключ, я должен вести поиски, но не вокруг себя. Мне нужно то, что укрыто внутри...

И на этот раз, лёжа в своём убежище, я заставил себя раствориться в леопарде, погрузиться в него, стать его неотъемлемой частью. Всё глубже и глубже, ниже уровня инстинктов охотника, уровня защиты и обороны, ниже и ниже, глубже и глубже... То, что было Кетаном, теперь было окружено субстанцией, непривычной для человека, затерянной и неведомой... Но Кетан упорно продолжал устремляться всё дальше, глубже...

Человек добрался до того места, где его поджидала опасность. Остаться здесь? Нет! Я чувствовал невероятное желание убежать, скрыться. Я испытывал нечто такое, что не сравнится ни с одним физическим действием. Выше, выше — и наружу! Точно так же, как тонущий пытается добраться до глади воды, наполнить ноющие лёгкие спасительным воздухом, так и Кетан вынырнул на поверхность рассудка, избежав окончательного слияния с животным. Выше — и наружу!

Я лежал на берегу, хватая пастью воздух, задыхаясь,

словно только что спасся бегством от врага. Но не мог отказаться ещё от одной попытки. То, что я искал, лежало не в глубинах слепых инстинктов леопарда. Значит, следует искать внутри сознания Кетана.

Но каким образом я сумею отыскать ключ? Может, поступить наоборот — положиться на безотчётное чутьё леопарда: авось выведет? Но я не знал, как это делается.

Что отыскал я внутри животного? Яростную энергию, выдержку охотника, волю к победе — жизненно важные инстинкты. Все они дополняют и укрепляют желание человека выжить. Если бы я смог добраться до них, не растворяясь в леопарде!

Память ничем не поможет мне, это я уже знал — по крайней мере, та толика памяти, которой можно было воспользоваться сознательно. Не обладал ли я иной памятью — той, что содержит намного больше, о чём я даже не догадывался?

Я мысленно представил комнату, в которой находились огромные свитки с рунами. В каждом из свитков заключена какая-то часть памяти. Какой из них выбрать и в какой заглянуть?

По мере того, как я напрягал силу воли, воображаемая картина становилась всё более отчётливой. Постепенно мне удалось привлечь на свою сторону неуёмную энергию леопарда. Наконец-то — свиток в моём воображении развернулся передо мной. И я стал читать руны.

Я целиком погрузился в чтение воображаемых рун. То, что было Кетаном, двигалось между строчек так, как человек мог бы шагать по реальной комнате. Я останавливался то тут, то там, но ничто не подсказывало мне, что я близок к тому, чтобы найти искомое. Может, я совершаю ошибку? Нет, прочь подобные мысли! Необходимые мне знания лежали где-то здесь, и следовало их отыскать!

Чем больше я полагался на качества леопарда, тем более отчётливой и настоящей становилась комната и руны передо мной. Я забирался всё глубже в закоулки памяти.

Потом появилась тень, она нависла над тем местом, по которому должен был двигаться, читая, Кетан. И я догадался, что это та самая задвижка, при помощи которой Урсилла хотела запереть меня.

В одиночку Кетан не смог бы осилить Мудрую Женщину. Но вместе с леопардом — его никто не мог остановить. Леопард дал мне силы прорваться вперёд. Затем... задвижка лязгнула... но позади меня. Что-то важное всё же осталось в той части памяти — то, что угрожало Урсилле. А вдруг это тот самый ключ, который я искал? В каком же из свитков?..

Снова и снова разворачивались передо мною руны... По мере того, как поиски продвигались, всё слабее теплилась во мне надежда. Свитков оставалось всё меньше. Какие воспоминания могли бы помочь мне сейчас?

Я добрался до последнего свитка.

Открыл его и...

Внутри я увидел лишь картинку. Но какой же яркой она была! Тело леопарда лежит на земле, над его головой поднимается человек, а в глазах... Да, теперь я знал!

Я выбросил из сознания изображение комнаты. И лежал без сил, не в состоянии поднять головы с камня. Тело ныло так, словно я промчался без передышки много-много миль. Но я выиграл!

Теперь оставалось только разобраться, как можно применить на деле знания, которые мне удалось найти. Но не всё сразу. Я был бесконечно утомлён после стольких поисков.

Смеркалось. Я так погрузился в поиски, что мои внешние чувства как бы притупились. И всё же я заметил, как по берегу скачет всадник, приближаясь как раз к тому месту, где я укрывался.

Раньше я его уже видел. Это тот, на ком был шлем с орлом-плюмажем и кто вёл молчаливую беседу со снежным барсом неподалёку отсюда. Лошадь его начала увязать в гальке, и всадник отпустил поводья, предоставив ей возможность самой выбирать на верную дорогу.

Чем ближе он подъезжал, тем глубже вползал я в своё логово. Хотя встреча всадника со снежным барсом и была вполне дружелюбной, это вовсе не означало, что странник увидит во мне не опасного зверя, а кого-то иного.

Поэтому у меня не было никакого желания привлекать его внимание.

Я пытался рассмотреть его черты, но шлем по-прежнему затенял его лицо, и даже зоркое зрение леопарда не помогало. Было в нём некое сходство... Но до тех пор, пока он не проехал совсем близко от меня, я не понимал этого... Всадник с птицей на шлеме так напоминал человека в Звёздной Башне... Неужели это ещё один Оборотень?

Звук попадающих по копыта камешков и бряцанье доспехов понемногу стихали. Я осмелился выползти из своей норы, чтобы ещё раз посмотреть на всадника. Лошадь вошла в воду и направилась в сторону Звёздной Башни. Шлем с плюмажем в виде орла удалялся.

До того, как стусились сумерки, мне удалось убить медлительное животное, которому я не мог дать названия, потому что никогда не видел такого раньше. Это было что-то наподобие ящерицы с ярким хвостом. Но вкус этой твари пришёлся не по душе моей звериной натуре, поэтому я съел лишь половину тушки.

Ко мне понемногу возвращались силы. Мне нужно лишь попробовать себя в деле. Потом станет ясно, что делать. Если я действительно узнал ключ, то стоит попытаться войти в Главную Башню. Я не могу быть полностью уверен в своём освобождении до тех пор, пока не завладею поясом вновь. А вылазку в самое сердце вражеской, по моему теперешнему пониманию, терригории, следовало самым тщательным образом спланировать.

Совсем стемнело. На небе показалась луна. Я мог воспользоваться тем же влиянием, которое она оказывала на меня, когда я превратился в зверя. У меня не было и не будет лучшего случая, чтобы проверить себя.

Одним прыжком я вскочил на вершину каменной груды

и начал вести борьбу с самим собой. Точно так же, как раньше я пытался победить собственную память, теперь я принуждал своё воображение представить Кетана-человека! Картина становилась всё более отчётливой. Наконец она стала завершённой до мельчайших подробностей. Я — Кетан!

И в самом деле, всё это походило на действия, когда пытаешься повернуть ключ в замке, который никак не желает поддаваться. Потом...

Ночной ветер обдал холодом обнажённое тело — теперь его не укрывала тёплая шкура. Я стоял, вытянув руки к луне, радуясь своей победе и едва сдерживая радостный крик. Но всё это продолжалось недолго. Я пробыл человеком лишь несколько мгновений и снова обернулся леопардом.

Но... мне удалось! Теперь я знал секрет Оборотней. Но всё ещё не понимал, каким образом подобное превращение могло случиться с тем, кто не принадлежит им по крови и родству. Однако я знал наверняка, что отныне могу возобладать над леопардом. И мне было известно, как этого добиться. Я должен прибегать к внутренним силам, подчиняя животное воле человека, и постепенно прийти до такого состояния, когда смогу продержаться в обличье человека достаточно долго для того, чтобы успеть проникнуть в Главную Башню. Урсилла и Могхус ждут появления зверя. Но когда я предстану перед ними в обличье человека, они не смогут ни убить меня, ни подчинить своей воле.

Однако я был ещё слишком далёк от искусства удерживаться в обличье человека столько времени, сколько нужно, чтобы вернуться в Кар До Пран.

Итак, я начал самосовершенствоваться. Днём отлёживался в укрытии, а ночью, когда на небе появлялась луна, прибегал к раз и навсегда найденному ключу — и с каждым разом моё пребывание в обличье Кетана становилось всё продолжительнее. Теперь мне уже верилось в то, что когда придёт час лунного затмения, я смогу проникнуть в Кар До

Пран. Прячась днём и преодолевая путь ночью, я продвигался к Главной Башне.

Мне было хорошо известно, что под огромными деревьями всё не так уж мирно, как кажется, но пока я не встретил никого из лесных людей. И ещё мне пришлось сделать немалый крюк, чтобы обойти стороной Звёздную Башню, ибо я знал, что она недоступна для меня.

В зарослях вокруг я постоянно ощущал шевеление, движение, одним словом, кто-то существовал со мной рядом. Я не знал, откликается ли на это чутьё леопарда или чувства человека, равно как мне было неизвестно и то, было ли это проявлением Силы или обычной лесной жизни.

Встречались и такие места, которых я старался избегать. И с каждой ночью их становилось всё больше, словно кто-то посеял вокруг семени зла, которые давали всходы и буйно разрастались.

Возможно, наступало то, о чём говорил Пергвин. Если это так, то с исчезновением с небосвода луны Тень обретёт полную силу, ибо свет для неё погибелен.

Я добрался до полей до наступления ночи, когда мне следовало проникнуть в Башню. Моё волнение нарастало по мере того, как всё более странным и непохожим становился лес. Казалось, что как только совсем стемнеет, над полями облаком нависнет угроза. Свет в домах селения и окнах погас рано. Мне стало не по себе. Я был почти уверен, что у Ворот будут стоять на страже часовые. Даже в человеческом облике я испытывал страх, минуя их. И ещё мне нужна была одежда.

Неподалёку от леса стояла хижина пастуха. Я тихо подкрался к ней. Затем заметил нечто странное в Главной Башне. Над её шпилем не развевалось на ветру знамя Лорда, что значило: Лорда Эраха нынешней ночью там нет.

Мне вдруг припомнились разговоры о сборе Клана Красных Плащей. Я потерял счёт дням, которые провёл в лесу. И не исключено, что уже пробил решающий час. Облегчит ли отсутствие гарнизона мою задачу? А вдруг те, кто остался, окажутся намного расторопнее?

У дверей хижины я принюхался. Пахло овцами... человеком... но запахи были старые. Я просунул лапу в проём и поддел когтем дверь. Она поддалась, но хижина оказалась пустой. И всё же Фортуна улыбнулась мне: на стене висел потрёпанный овечий тулуп — такие обычно носят пастухи в зимнюю стужу.

Ночь, к счастью, была темным темна. А может быть, казалась такой непроглядной, потому что мне того хотелось? Я старался не позволять своим желаниям обманывать меня. И уже привычно подчинил своей воле животное. Вскоре перед хижинкой появился Кетан.

Надев на себя длинный пастуший тулуп, я направился к Главной Башне, огибая её стены под покровом тени, падавшей от высоких шпилей. У ворот, как я и опасался, стоял часовой — он настороженно всматривался в тьму, словно ожидая, что перед его глазами вот-вот покажется враг.

Я распрямился. Да, теперь мне под силу оставаться человеком. В крайнем случае могу превратиться в леопарда, но не стоит идти таким путём. Я должен быть человеком, а не зверем, иначе мне не победить. Претерпеть столько несчастий и лишений, добраться сюда и потерпеть неудачу — нет, этого я не вынесу. И всё же я не видел выхода. Размышляя, я чувствовал, что мне теперь угрожает не зло, а Сила.

Тут я заметил, что часовой вытаращил на что-то глаза, столбом застыв на месте. Я не стал раздумывать, что заставило его остолбенеть от удивления, и тенью проскользнул мимо во двор. За спиной я почувствовал движение и обернулся. Я был готов ко всему, даже к тому, что под лопатку мне ткнётся меч... Но несмотря на то, что часовой снова пошевелился, он стоял спиной ко мне и не поворачивал головы. Он вышел из транса, даже не догадываясь, что на время утратил внимание.

Но почему? На смену радости от первой удачи пришло подозрение. Почему Сила, о которой я не мог сказать, что

она служит злу, пришла мне на помощь? Ведь у меня не было друзей.

Это Урсилла! Я знал, что встречу её. Но теперь я уже не тот жалкий юнец, которого она играючи могла пересилить раньше. С тех пор, как мне было дано познать жизнь леопарда и вернуться к собственному сознанию, я стал другим. Но нельзя ни на секунду терять бдительности... Мне нужно всё время оставаться настороже... Не стоит недооценивать проницательность Мудрой Женщины.

— Добро пожаловать домой, Кетан.

На этот раз я ничуть не удивился. Она не застала меня врасплох. Я только не ожидал того, что Урсилла растворится среди теней Башни. Но, не теряя присутствия духа, приблизился к месту, где она стояла. Прежде чем я дошёл до неё, она ускользнула в дверной проём. Я заметил свет от лампы. Теперь мне не остается ничего другого, как следовать за ней. Там, где Урсилла, там пояс леопарда с циркониевой пряжкой. Но пока я не знал, что делать дальше.

Войдя в Башню, я увидел Мудрую Женщину уже на ступенях. Она держала в руке лампу, свет от которой тускло освещал помещение. Я заметил, что глаза её стали круглыми от удивления, когда она увидела перед собой не зверя, а Кетана. То ли она не разглядела меня во дворе, то ли догадалась о том, что я прибыл, благодаря своему колдовскому таланту...

Свободной рукой Урсилла сделала какое-то магическое движение. Я увидел её жезл — из кости, с вырезанными на нём рунами красного и чёрного цвета. Мне показалось, что ей хотелось знать наверняка, что я вижу его.

Могхус при соответствующих обстоятельствах непременно пожелал бы убедиться в том, что я вижу у него в руке обнажённый меч.

— Приветствую тебя, Мудрая Женщина, — это были мои первые слова, обращённые к ней.

Урсилла подалась чуть вперёд, казалось, чтобы лучше

видеть и слышать. Но нет — она сделала резкое движение жезлом!

Я почувствовал, как внутри меня зверь встал на дыбы. Животная натура возобладала. Но на этот раз я не пытался противиться этому порыву. Урсилла не должна ничего знать о том, что мне известно. Если даже ей и удастся разнюхать, что я научился управлять изменением собственного облика, то пусть думает, что это случайность. Я должен собрать все свои силы для того, чтобы разом применить их в урочный час.

Так, в шкуре леопарда, я последовал за ней по лестницам.

Глава 13

О том, как я стал пленником Урсиллы, и о том, что предсказала мне моя мать

Только очутившись в комнате Урсиллы, я поймал на себе её взгляд. Здесь горели три светильника, кроме той лампы, которую она держала в руке.

При тусклом освещении мы смотрели друг на друга. Урсилла улыбнулась.

— Так ты понял, Кетан, что со мной следует считаться? — с расстановкой спросила Мудрая Женщина. Она произносила каждое слово так, словно смаковала изысканное блюдо.

Я никогда не отрицал её силы, подумалось мне. Но человеческая речь в тот момент была не для меня...

Мудрая Женщина уселась в единственное кресло. Она смерила меня взглядом от головы до кончика хвоста. Я заметил по её лицу, что она осталась удовлетворена осмотром. Я чувствовал, что она довольна не только своими способностями, но и тем, что может мне их показать.

— Тебя звали дважды, — произнесла Урсилла. — А ты не возвращался. Каждому наказанию своё время. Но сначала...

Она снова направила на меня острие своего жезла. Я не удержался и закричал от боли, потому что ощутил, что горло как будто разорвалось на части. Я поперхнулся, из моей пасти потекла обильная слюна.

Урсилла наклонилась вперёд и встретилась со мной взглядом.

— Ты понимаешь, Кетан? Я могу уничтожить тебя! Отвечай же!

Её приказ прозвучал так властно, что мне поневоле пришлось ответить.

— Понимаю...

Я еле-еле ворочал языком. Ничего удивительного! Глотка леопарда не предназначена для человеческой речи. Но слова, которые вырывались из звериной пасти, вполне можно было разобрать.

Мудрая Женщина кивнула.

— Довольно! Теперь отвечай мне... Какая Сила пролегла между нами во время нашей последней встречи?

Я догадался, что она имела в виду то время, когда я странствовал по земле Тени. Но... Теперь я знал наверняка — в отличие от снежного барса Урсилла не умела общаться посредством мысли. Если бы дело обстояло иначе, она бы не заставляла меня произносить слова вслух. Значит, мои мысли для неё закрыты. Я могу подбирать для ответа те слова, которые удовлетворят её, но откроют далеко не всю правду.

— Когда... ты... позвала... — было очень трудно говорить, горло леопарда просто ныло от непривычных зверю усилий, — я... был... на краю... места Силы... под... его защитой... способной... прервать контакт... между нами.

— Место Силы, — повторила Урсилла. — Есть такие в лесу, некоторые из них уже давно позабыты. На что было похоже это место?

Я не хотел рассказывать ей ни о Звёздной Башне, ни о

поляне, на которой росли лунные цветы. Мне оказали там помощь, подлечили раны, а снежный барс спас мне жизнь, возможно, даже больше, чем просто жизнь моей плоти, когда вызволил меня из смертельно опасной паутины. Руины! Вот о чём можно говорить, не таясь!

— Две колонны... на них древние надписи... чудом сохранились... Они охраняют руины... груды камней... но я не могу... описать... это место...

Жезл в руке Урсиллы снова покачнулся, и я почувствовал невыносимую боль в переносице, между глазами. Таким образом она, вероятно, проверяла, правду я говорю или нет. Мне почему-то показалось, что ей удастся вытянуть из меня многое, о чём я хотел умолчать.

— Между нами правда. Позже ты расскажешь мне об этом месте. Хотя там и развалины, но если это Сила, которая способна перебороть заклинания, то в прошлом там могли твориться великие волшебства. Именно там, Кетан, ты снова обрёл человеческий облик?

— Да...

Я остро почувствовал, как она проверяет меня. Боль пронзила голову. Что она предпримет, когда поймёт, что я говорю неправду? Убьёт меня? Но, на моё счастье, она приняла мой ответ за чистую монету.

— Конечно, Сила! Мы должны отыскать это место! — её пальцы сжались. Она вздохнула. — Но нужно подождать один день. Что касается тебя, меняющий облик... — Урсилла снова обратила свой взор на меня. — Сделаешь то, что я скажу. Мой посланник, оставивший следы когтей на твоём теле, хорошо справился со своим делом. Так что пояса леопарда у меня. А с его помощью можно добиться многого... Ты сразу почувствуешь это, если решишь воспротивиться моей воле!

В её голосе звучала не просто угроза, а железная клятва. Смогу ли я, находясь под влиянием её Силы, воспользоваться своим ключом и обрести так необходимый мне человеческий облик, хотя бы на короткий промежуток

времени? Ответа на этот вопрос у меня не будет до тех пор, пока я не попробую. Но рисковать раньше времени не стоило.

— С тех пор, как Лорд Эрах ускакал с большинством мужчин на сборы, в Главной Башне правит Могхус, — продолжала Урсилла. — Он поклялся заковать тебя в цепи во что бы то ни стало, и никто здесь не осмелился возразить ему. Не забывай, все опасаются приближения Тени, ему было легко убедить всех в том, что появление среди нас меняющего облик принесёт нам одни несчастья. Он выступает... — она замолчала, прикусив губу, словно невольно проговорила и сказала что-то лишнее.

Я решил, что смогу закончить то, о чём она хотела умолчать. Значит, Могхус тоже выступает против Урсиллы. Однако я считал, что в данном случае ему изменил разум. Он переоценивал свои возможности. Испытав на себе Силу Урсиллы, я знал, что моему кузену придётся несладко, если он настроит Мудрую Женщину против себя. На его месте я был бы поосторожнее — если уж Урсилла угрожает, то жди беды.

— Только здесь ты в безопасности, — произнесла она, и, хотя выражение её лица не изменилось, я почувствовал по голосу, что она довольна собой. — Здесь у тебя нет друзей, Кетан, — Урсилла торжествующе усмехнулась. — Твоя невеста отказалась от тебя, и её отец не стал возражать.

— Если... Лорд Эрах... — я с трудом выдавливал слова из пасти леопарда, — так сказал... какой тебе... прок... от меня? Ведь теперь мне никогда... не стать его... наследником...

Усмешка не сходила с лица Урсиллы.

— Ты ошибаешься, Кетан. Что можно побороть колдовством, можно с его же помощью и обрести. Даю тебе обещание, что ты получишь свой прежний облик. Но для этого ты должен меня слушаться. Тогда я буду безраздельно править...

Дальше можно было ничего не говорить. Если она

избавит меня от проклятия пояса, которое наложили на меня Леди Элдрис и Могхус, тогда её положение укрепит-ся. Урсиллу станут бояться не только из-за той Силы, которой она обладает, но и потому, что она сохранит мне жизнь и вырвет из рук Могхуса, сделав меня человеком и только человеком.

В ту минуту я понял, что не желаю обрести тело человека такой ценой. Я знал, что долгое время Мудрая Женщина стояла за спиной моей матери, желавшей только одного — власти. Теперь все мои подозрения оправдались. Как только не станет Лорда Эраха, править здесь начнёт Урсилла. И все остальные будут трепетать перед ней.

— А теперь, — она поднялась со своего трона и щёлкнула пальцами, желая привлечь моё внимание, — мы спрячем тебя подальше от посторонних глаз. Это нужно для того, чтобы прежде времени не раскрывать наши планы, которые, поверь мне, хорошо продуманы от начала и до конца.

Урсилла направилась во внутренние покои. Я последовал за ней. И вскоре очутился посередине звезды, вынужденный подчиниться мановению её жезла, направленного на меня. Потом она подняла символ Силы на свечи, которые стояли у каждого звёздного луча. Они вспыхнули, хотя их никто не зажигал.

— Здесь ты в безопасности, — объявила Мудрая Женщина. — Никто не найдёт тебя здесь, меняющий облик. И не вздумай противиться моей воле. Оставайся здесь и жди.

Она бросила на меня прощальный взгляд, развернулась и вышла из комнаты. Свечи продолжали гореть. Я чувствовал вокруг себя присутствие Силы.

Какой глупой оказалась моя затея освободиться от влияния Урсиллы! Она владеет поясом, а в Главной Башне найдётся с полсотни мест, куда можно спрятать такой небольшой предмет. Я в заточении и не могу его разыскивать. Что у меня есть для сопротивления Урсилле?

Лишь жалкое умение, с помощью которого я могу на какое-то время обрести человеческий облик.

Я добрался до каменного алтаря, установленного в середине звезды, — на него меня укладывала моя мать в ту давнюю ночь, когда Урсилла завладела моим сознанием. Моя мать... Знает ли она, что я вернулся в Кар До Пран? Или теперь она попала в такую зависимость от Урсиллы, что Мудрая Женщина не видит оснований для того, чтобы посвящать Леди Героиз в свои планы?

Однако сложные взаимоотношения двух женщин не имели для меня особого значения. Главное сейчас — Урсилла. Это она околдовала меня. Я осторожно подобрался к очертаниям звезды и поставил лапу на магическую черту... Последовал тот же болевой удар, который я испытал, когда пытался проникнуть в сад лесной Башни.

Звёздная Башня! Как можно было забыть о ней! Я сел. Как и предупреждала меня Лунная Дева, мне удалось отыскать ключ, хотя я по-прежнему был ограничен в его применении. Но, быть может, он подходил не только к изменению облика? Вдруг он поможет выбраться отсюда, через барьеры, возведённые вокруг меня Урсиллой?

Я бы мог...

Но поздно! Дверь в комнату отворилась, и вошла моя мать. Подол её платья волочился по полу, глаза были устремлены на меня. Как и Урсилла, она улыбалась. Но в улыбке не было ничего, кроме радости от того, что я стал пленником.

— Ты прошёл свой путь до конца, глупец, — надменно произнесла она, остановившись между двумя свечами на лучах звезды. Ожерелье на шее Леди Героиз заиграло при свете огня, точно так же блистали серьги и перстни. Она вырядилась, словно собралась на торжество. — Послужило ли это тебе уроком?

Я даже не пытался произнести что-либо в ответ. Хватит с неё того удовлетворения, что написано на её лице.

Леди Героиз рассмеялась.

— Ты... ты пытаешься противопоставить себя нашей Силе! Думаешь, у тебя получится что-нибудь?

Нашей Силе, сказала она. Не думаю, что Урсилла

согласилась бы с этими словами. До чего же наивна моя мать, если полагает, что Мудрая Женщина верно служит и помогает ей! Может, ей стоит намекнуть на истинное положение вещей? Как знать, вдруг это поможет мне? Я обрёл голос:

— Урсилла... привела меня... — каждое слово давалось мне с трудом. — Она хотела... использовать меня... О вас... не было... сказано ни слова...

Леди Героиз продолжала безмятежно улыбаться.

— Урсилла могущественна, Кетан. Но, возможно, не всё подвластно её зрению и пониманию... Мы не спорим сейчас, так как цель у нас одна. Но после...

С присущей ей грацией Леди Героиз направилась к столу, на котором стояла лампа. Она взмахнула рукой — лампа зажглась.

Мне показалось, что тем самым она хотела дать мне понять, что тоже может управлять кое-какой Силой, хотя такого рода дешёвые трюки удаются даже тем профанам, кто почти не наделён даром и не владеет знаниями.

В комнате не было кресел с высокими спинками, напоминающих троны, стоял лишь трёхногий табурет, такой, какой можно увидеть на кухне селянина, старый, выщербленный и потёртый. Моя мать села на него и взяла в руки небольшую коробочку, которая цепочкой была прикреплена к её поясу. И несмотря на то, что мои глаза застилала пелена, я заметил, что на коробочке вырезаны руны.

Леди Героиз открыла крышечку привычным движением и извлекла на свет колоду карт, выделанных из толстого пергамента. Я знал, что это одно из самых сокровенных её богатств, ибо при помощи этих карт моя мать предсказывала будущее.

Среди людей Кар До Прана они были не в ходу. Поговаривали, будто карты и вовсе не принадлежат Силе Арвона. По слухам, это одно из тех средств, к помощи которых прибегали в прошлом те, кто открыл Города

Древнего Мира. Их редко извлекали из потайных мест, к тому же мало кто умел по ним читать и пророчествовать.

Моя мать очень гордилась тем, что знала, как с ними обращаться. В Гарт Хауэле она проявила в ремесле ворожеи и умение, и дар, и так преуспела, что удивила многих.

Улыбка не сходила с лица Леди Героиз.

— К сожалению, Кетан, у леопарда есть только лапы, и ты не можешь взять карты в руки, но сегодня благоприятный день для предсказаний. Мне не хотелось бы упускать такой случай, и я буду раскладывать карты для тебя.

Она ловко перетасовала колоду, вынула одну из карт и поднесла картинкой к моим глазам.

— Эта будет твоей. Смотри. Здесь изображён Служитель Мечей — юноша, наделённый некоторой силой.

Мать положила карту на стол. Теперь её пальцы двигались быстро и изящно — перетасовали карты, сдвинули их три раза в моём направлении, перетасовали ещё раз, сдвинули и снова перетасовали.

Она больше не обращала на меня внимания, а с головой углубилась в карты. Я тоже был целиком поглощён тем, чем она занималась, ибо питал надежду, что хотя бы так смогу узнать своё будущее.

Леди Героиз раскладывала карты по кругу, по часовой стрелке. Казалось, она даже не смотрела на них, ловко бросая одну за другой. Потом, отложив в сторону те карты, что остались, она склонилась над разложенной на столе дюжиной.

— В Первом Доме — Дьявол. Этот Дом твой. Ах... — она глубоко вздохнула. — Рабство... Колдовство... Два жезла в твоём Доме Владений... Владыка... Фортуна... Господство...

Тонкие пальцы моей матери пробежали по картам, как бы на ощупь читая их.

— Третий Дом — здесь правит Луна... чудеса... мечты... Четыре Жезла для твоего Четвертого Дома... Приход мира и выполненная работа... — слова её звучали всё быстрее, по лицу Леди Героиз пробежала целая гамма чувств.

— Пятый Дом, Туз Жезлов — рождение... Да, начало Фортуны... Наследование... Правда, всё правда!

Она проводила пальцами по каждой из карт, как бы раскрывая их смысл.

— Шестой Дом — успех... Гордость... Спасение!..

С каждым словом голос её повышался, волнение нарастало.

— Дом Седьмой... Здесь расположились Шесть Мечей, что означает избавление от трудностей — успех после всех невзгод...

Казалось, она довольна тем, что говорили карты.

— Теперь Дом Восьмой... Здесь лежат тоже природные дары... Чародей!

Она долго, в некотором недоумении, смотрела на карту. Потом на смену удивлению пришла растерянность.

— Оттачивание мастерства, ума, способность управлять Высшей Силой... Через желания к действиям... Не может быть! Ах, Кетан, это не может к тебе относиться! Нет, конечно же, нет, ты всего лишь инструмент; посредством которого другие осуществляют свои желания...

Но не думаю, чтобы скоропалительный вывод Леди Героиз был разрешением той проблемы, о которой рассказывали ей карты. Во мне же всё возрастал интерес к тому, что она рассказала.

Способность извлекать Силу свыше... Направлять её через желания к действию. Не это ли я обрёл при перемене обличья? Но если предсказание верно... Что там ещё она говорила — успех... мир? Если бы только я мог поверить, что всё это правда!

— Дом Девятый...

Моя мать продолжала читать по картам, и мне даже показалось, что ей хотелось поскорее оставить восьмую карту, тревожную и непонятную.

— Пять Жезлов... Да, это так... Борьба на пути к успеху... Потери... и если не бдительность... Но мы будем бдительны! В этом нет сомнения!

— Теперь Дом Одиннадцатый... что здесь? Семь Ме-

чей... Планы, которые могут рухнуть... Неопределённость. Снова предупреждение — о том, что мы меньше всего ожидаем. И наконец, Дом Двенадцатый... Сила Веры... Необходимость быть вместе с другими...

Леди Героиз подняла руки, больше не обращая на карты никакого внимания, и теперь не сводила с меня глаз.

— Ты веришь, что так будет, Кетан? Тебя ждут впереди великие дела. Твой путь не прост, но никто не приходил к власти легко. Тебя подстерегают немалые трудности, но зато потом тебе обещан успех, правда, совместно с другими людьми. Это хорошее предсказание... Но... — она вновь взглянула на карту в Доме Восьмом, которую назвала Чародеем. — Я что-то не совсем понимаю значение этой картинки. Что ж, иногда карты скрывают свой настоящий глубинный смысл. Остальное же вполне поддаётся моему пониманию и толкованию. Ты будешь править в Кар До Пране, сын мой, а возможно, и за его пределами.

Мать бросила взгляд на стену, и на лице у неё отразились все потаённые желания. Дважды кивнула она в ответ своим мыслям, но при этом не произнесла ни слова. Потом она собрала карты, положила их в коробочку и встала из-за стола.

— Радуйся, что Урсилла оставила тебя в безопасном месте, — сказала в завершение Леди Героиз, подойдя к двери. — Могхус ждёт не дожждётся, когда сможет расквитаться с тобой. Он приказал сделать серебряные стрелы... а серебро смертельно опасно для меняющих облик, когда становится оружием. Ну ничего. Пусть он немного насладится властью здесь, пока не пробил твой час. Его день продлится недолго.

Послышалось шуршание юбок по полу, и мать удалилась. Её предсказания заставили меня крепко задуматься. Теперь я пытался вспомнить каждую карту и то, что она означала. Меня ничего не удивило бы и не взволновало, если бы не прорицание, которое она извлекла из Чародея. Леди Героиз пророчество тоже озадачило. Владыка ума и действий... Я же так далёк от всего этого. Мне приходилось

слышать о таких... Голоса, д р у г и е, кто-то из Тьмы некоторые из Света. Но живут они обособленно, замкнуто, могут ни с кем не встречаться на протяжении всей своей долгой жизни... и даже не соприкасаются с другими людьми!

Я метался взад-вперёд в замкнутом пространстве звёзды, мимо каменного алтаря. И не испытывал ни голода, ни жажды, ни усталости. Наверное, Урсилла вселила в стены комнаты нечто живительное и бодрящее. Единственное, что я чувствовал, так это нетерпение. Мне хотелось немедленно начать действовать — собственно говоря, это стремление и привело меня в Кар До Пран.

Теперь я начал осматривать комнату с настороженностью существа леопарда. Ничто не могло укрыться от моего зоркого кошачьего глаза. Мне почему-то показалось, что Урсилла спрятала пояс где-то здесь, как и все свои магические орудия Силы. В стене я заметил шкафчик, его дверцы были плотно закрыты. Там Урсилла хранила всевозможные травы, настойки и порошки, которыми пользовалась, когда колдовала. Но там пояса быть не может.

В другом шкафчике, который располагался у двери, хранились те свитки с рунами, которые Мудрая Женщина прятала от меня и никогда не позволяла читать. Может ли пояс быть спрятан среди них? Если да, то мне его не достать — он так же далёк от меня, как если бы лежал на серебряной поверхности самой Луны!

Я ходил без усталости, изнутри меня подхлёстывало нетерпение. Свечи продолжали гореть, но при этом — как странно! — не уменьшались в размере. Наверное, должно пройти слишком много времени, чтобы воск расплавился. Запах трав становился всё невыносимей, и у меня начала болеть голова. Что делать? Что придумать?

Меня охватило отчаяние. Мне казалось, что нет никакого способа спастись от Урсиллы. Я неизбежно стану её жертвой.

О том, как трое обитателей Звёздной Башни приняли участие в моей судьбе

Не знаю, когда я впервые почувал, что сумею подавить врага. Возможно, что когда попытался испробовать силу, которой овладел для управления сменой обличья, внутри меня пробудилась ото сна некая часть сознания.

Усилилась ли она после предсказаний, которые так порадовали мою мать?.. Хотя почему её повергла в недоумение карта Чародея?

Такого рода мысли ничуть не помогали разрешить мои затруднения. Человеческий разум Кетана снова одержал верх и стал главенствовать в моей двойственной натуре. Я отчаянно бился, словно запертый внутри шагающего без усталости животного, потом растянулся рядом с алтарём.

Кто бы ни наблюдал за мной, он точно решил бы, будто я безропотно смирился со своей участью и покорно жду того, что задумала сотворить Урсилла.

Но это было далеко не так. Я тщательно изучал всё, что находилось вокруг, но, скорее всего, не физическим путём, а как бы изнутри.

Прежде всего, я стал рассматривать горевшие на лучах звезды свечи. Они каким-то образом управляли барьером, служившим решёткой моего заточения, — в этом я был уверен. Пламя вокруг фитилей было оранжево-красного цвета. Цвета переливались и смешивались, соотносясь с физической силой тела и сознания. Да, это, несомненно, Магия, которой распоряжается Урсилла.

Потом я переключился на предметы Магии и Силы. Хотя Урсилла, утаивая от меня истину, тщательным образом отбирала Хроники, которые давала мне читать, многие истории содержали подробные рассказы о людях Арвона той поры, когда Лорды и Голоса боролись, не имея возможности взять в руки какое-либо оружие.

Я снова обратился к тайникам своей памяти, как бы разворачивая свитки с рунами и на ощупь пробираясь к

тому, что искал. На этот раз воображаемая картина появилась перед глазами гораздо быстрее и была вполне правдоподобной. Теперь я искал не что-то неизвестное. И был почти уверен, что знаю, где лежит то, что я ишу.

Можно ли магии красного цвета, ведающей нуждами тела, противопоставить жёлтый цвет разума? Нет... я искал не это, ведь Магия жёлтого цвета отвечает за логику, в которой я не слишком-то силен. Тогда что же противостоять такому Чудотворству? Твёрдые знания? Магия, состоящая из чувств, веры и надежды... Голубая!

Так что же противоположно оранжевому цвету Магии сознания — абсолютная вера в собственные Силы?

Я снова принялся за поиски...

В мире природы человек не способен создать ничего, кроме собственных образов. Или я ошибаюсь? Тот, кто имеет дело с Магией красоты, легко создаёт прекрасное, сознавая, что он всего-навсего орудие, а не творец. Он лелеет красоту, боготворит её... Но то, что появляется на свет благодаря его собственным усилиям, никогда не бывает настолько прекрасным, как то, каким казалось в замысле ещё до обретения жизни. Однако человек продолжает вечные поиски недостижимого идеала и не успокаивается на том, что ему удалось сделать.

Магия поиска — Зелёная и связана со всем, что произрастает из земли.

Голубое и зелёное. Вот что мне нужно. Вера, надежда и вечный поиск.

Но если я нашёл правильный ответ, как им распорядиться, как воспользоваться? Где я встречал эти два цвета — как признаки Силы?

Воображаемая картина изменилась. Я внезапно оказался на тропинке рядом с садом вокруг Звёздной Башни и увидел среди ароматных растений зеленовато-голубой камень. Секрет таился в Башне!

Да, так сильно было моё желание, что картина в воображении не исчезала, не таяла, не угасала. Я представлял себе, как иду по дорожке... Как вхожу в комнату

странной неправильной формы, где лежал, когда был ранен, и где меня лечили обитатели Башни. Потом принялся рисовать в воображении комнату...

Но я никак не мог добиться чёткого, контрастного и яркого изображения. Оно подрагивало и расплывалось, словно поверхность пруда, в который бросили камень. Гладь воды разбилась, по воде побежали круги, зеркальное отражение подёрнулось рябью... Комната — она была именно такой!

Я прикладывал все силы, но...

Но это была уже не та комната, в которой я был. Не было кровати... наоборот, на её месте я увидел нанизанные на цепочку блестящие диски, от которых исходило чарующее сияние. Цепочка с дисками образовывала круг, а в этом кругу стояли знакомые мне три фигуры.

Круг был разорван в пяти местах высокими шестью-подсвечниками, в которые были вставлены зелёные зажжённые свечи. Пламя вокруг фитилей было голубовато-зелёным, как и стены комнаты.

Сначала фигуры были немного расплывчатыми. Однако, посмотревшись на пламя свечей, я сумел теперь более отчётливо разглядеть их, словно с глаз моих разом убрали пелену.

Лунная Дева! Первой я увидел её. На ней была юбка из мерцающих дисков, на шее висел рог месяца. Её полуобнажённое тело было такого же ослепительного лунно-белого цвета, что и линии круга, в котором она стояла. В руке девушка держала серебряный жезл, обвитый лунными цветами, которые она собирала ночью на лесной поляне.

Рядом с ней стоял снежный барс-Оборотень, хотя теперь он был в обличье человека. Его смугло-загорелый торс был обнажён по пояс, а в руке мужчина держал меч, острие которого упиралось в пол. Вдоль лезвия клинка я заметил узкую голубую полосу.

Третьей была женщина, которая сначала отказалась принять меня в Звёздной Башне, а потом ухаживала за мной, когда я был ранен. Она теперь была не в мужской

одежде, в которой я её видел, а в платье зелёного цвета. С пояса у неё свисала свежая зелёная веточка. Точно такая же украшала волосы, заплетённые в косу и венцом уложенные вокруг головы.

В руке у женщины был жезл с зелёным листком-наконечником, также обращённый внутрь круга. Я видел, как шевелятся её губы — она, скорее всего, читала какое-то заклинание или призывала ту часть Силы, которой владела и могла управлять.

Не знаю, что заставило меня довериться им и дать знать о своём присутствии. Я закричал...

«Посмотрите на меня! Я здесь!»

На мой безмолвный крик первой оглянулась Лунная Дева. Она заговорила, хотя я не слышал её слов, и они не звучали внутри меня, как те, которые произносил снежный барс.

Остальные тоже оглянулись и посмотрели в мою сторону. Я заметил удивление на лице женщины, мужчина же приподнял свой меч. Потом жезл женщины в зелёном платье взлетел вверх, и листок направился на меня. Её губы зашевелились.

В своём видении или, быть может, сны я вдруг обрёл способность воочию видеть слова. Они были похожи на сверкающих насекомых, летавших в воздухе. Потом слова затрепетали и исчезли.

Удивление не сходило с лица женщины. Она с недоумением посмотрела на жезл, который держала в руке. Листок снова задрожал. Я понял, что движение его не зависит от неё, и что жезл действует помимо её воли.

Она снова заговорила, и мужчина поднял меч — теперь его острие было направлено в мою сторону. Но я не испытывал страха. И чувствовал, что всё складывается наилучшим образом, как если бы нашёл наконец то место, где меня ждут. Нужно дать тем, кто стоит передо мной, какое-то время на то, чтобы и они поняли, что это именно так.

Голубая полоска на лезвии меча ярко вспыхнула. Потом

заструилась и начала капать с острия. Мужчина опустил клинок. Он не казался озадаченным, лишь задумчиво хмурился. Потом он кивнул девушке, и та подняла свой цветущий лунными цветами жезл.

Цветы распустились на глазах и ярко засияли. Они могли стать источником света, как и свечи вокруг нас. Лунные венчики вспыхнули и потухли.

Мне показалось, что они каким-то образом проверяют меня, и что их защита против меня не сработала. Я не испытывал ни страха, ни усталости. Всё, чего я хотел в тот момент, так это чтобы они приняли меня и признали.

— Мы здесь. Что тебе нужно от нас? — заговорила женщина, и слова её прозвучали у меня в сознании.

— Помогите мне... Я хочу призвать Голубую и Зелёную Магии... те, которым вы служите, ибо они мои...

Ответ, который я ей дал, исходил, скорее, не из моих мыслей, а из самых потаённых глубин моей души.

— Назови нам своё имя...

Я догадался, что таит в себе вопрос женщины. Имя — это не бессмысленный набор случайных звуков. Оно во многом определяет судьбу человека. Для того, кто желает зла, имя может служить своего рода оружием.

Кетаном звали меня с рождения. Урсилла могла управлять мною через это имя, если обращалась к путям Тени. Но был ли я Кетаном на самом деле?

Некоторое время я раздумывал. Сейчас это имя казалось мне ошибкой, словно не являлось частью меня, а было чужим. Но другого имени у меня не было.

— Кетан.

— Где ты? — спросила женщина.

— В Кар До Пране, во власти Мудрой Женщины и её колдовства.

— Чего ты хочешь от нас?

— Знаний. Всего, что могу узнать, чтобы освободить себя.

— Похоже, ты и так уже слишком много знаешь, — заметила женщина, — если сумел уйти отсюда.

— Мне сказали, что существует ключ, и что я, быть может, смогу отыскать его. Я искал и вот что нашёл... но не с помощью пояса леопарда, а внутри самого себя.

Женщина кивнула.

— Ты хорошо поработал, Кетан, — выражение её лица стало мягче. — По правде говоря, ты проделал трудный путь по странной дороге, но не под властью Тени. Я не могу понять, каким образом судьба связала тебя с нами — это нам только предстоит узнать. Но то, что ты достиг края нашего сознания и призвал нас, служит подтверждением того, что мы должны путешествовать вместе, по крайней мере, какое-то время. Итак, ты во власти колдовства Мудрой Женщины, — она нахмурилась, словно перед ней встала сложная задача, которую следует решить. — Расскажи нам о том, что тебя держит.

Хотя я видел перед собой не комнату Урсиллы, а самое сердце Звёздной Башни, но всё же рассказал о свечах и барьерах, которые, как мне казалось, держали меня в заточении.

— Длинный путь совершил ты по трудной дороге, — теперь заговорил и мужчина. — Если ты найдёшь средство которое освободит тебя, что ты сделаешь?

— Мне нужен пояс...

— Это так, — согласился он. — Ибо только при помощи пояса Урсилла может держать тебя в своей власти. Ты знаешь, где он спрятан?

— Ещё нет. Но узнаю...

Тут заговорила Лунная Дева:

— Если тебе хватит времени.

В её словах прозвучала тревога.

— Попробую, — ответил я.

— Мы дадим тебе время и помощь.

Женщина обменялась взглядом с мужчиной, передавая ему свои мысли. Потом обратилась ко мне:

— Расстанься с нами и смотри на свечи. Попробуй свой ключ ещё раз...

Я открыл глаза. Комната, в которой сиял лунный круг

и стояли обитатели Звёздной Башни, исчезла. Я снова оказался в покоях Урсиллы — внутри звезды. Я повернул голову и вперил взгляд в пламя свечей. Оранжевое... красное... но оно должно... измениться...

Забравшись в глубь самого себя, внутрь леопарда — за силой, способной изменить облик, — теперь я призывал её к себе на помощь.

Я зывал к разуму Кетана, к инстинктам леопарда. Я добирался до самых глубин... Но никаких перемен в пламени не было заметно. И всё же... Я... должен... стараться...

Я сосредоточил всю свою волю... Чутьё леопарда, сознание человека — их так просто не...

Внезапно во мне вспыхнула безграничная сила! Я был Кетаном! Я был леопардом! И ещё я был — тремя обитателями Звёздной Башни, которых всё время видел перед собой. Потоки Силы переплетались внутри меня, такие же разные, как и люди, которые согласились мне помочь. Никогда в жизни я не чувствовал такого прилива энергии.

Пламя стало насыщенным — пурпурным, цвета Тени?.. Нет, оно менялось иначе. Нет больше оранжево-красного цвета — ореол вокруг фитилей стал голубовато-зелёным. Потом... вся свеча приобрела этот оттенок, который, как я надеялся, дарует мне свободу.

С присущей леопарду осторожностью я приблизился к свече. Неужели мне на самом деле удалось разорвать замкнутый круг колдовства? Ещё шаг, и ещё один...

Где же барьер? Я за его пределами!

Те, кто наполнял меня своей силой, ушли. Я не мог удержать их, но сразу почувствовал, как источник сил внутри вдруг иссяк. Впрочем, времени на подобные раздумья не было... Нужно завладеть поясом леопарда до того, как вернётся Урсилла. Только обладая поясом, я смогу противостоять ей.

Я добрался до шкафа и приоткрыл дверцу, подцепив её когтями. Там увидел только то, что и ожидал увидеть, — коробочки, бутылочки, склянки, баночки, какие-то стран-

ные вещицы, о назначении которых я даже не догадывался. При этом от большинства из них исходила недобрая аура, которую я ощущал собственной шкурой, — шерсть на загривке встала дыбом, уши прижались к голове. Никогда раньше не ощущал я на себе такого воздействия атрибутов Силы. Но я чувствовал, что хотя Урсилла и не принадлежала к Тени, всё-таки неким странным образом она взаимодействовала с Тьмой.

Я и не надеялся, по правде говоря, отыскать там пояс, но это было первое место, куда следовало заглянуть. После него я направился к тому шкафчику, где хранились свитки с рунами.

Хотя я и обладал некоторыми знаниями (в своё время меня влекло к ним), но многих надписей в этих свитках разобрать не мог. В Арвоне имеют хождение тайные письмена — это язык тех, кто порождён Силой много веков тому назад. Судя по всему, библиотека Урсиллы хранила множество секретов.

Сначала я взялся за большие свитки — ведь пояс невозможно спрятать в маленьком — и начал разворачивать их один за другим, не задумываясь ни об их возрасте, ни об их ценности. Постепенно моя уверенность в том, что Урсилла спрятала пояс именно здесь, проходила. Время шло, а пояса всё не попадалось.

Я взялся за последний, оставшийся неразвёрнутым свиток, когда услышал, как в замке поворачивается ключ. Я оскалился и сверкнул зубами в сторону двери.

В комнату вошла Урсилла и, поражённая, остановилась. Глаза её недобро сузились. Она посмотрела на магические очертания звезды, где горели зеленовато-голубые свечи. Потом, когда взгляд её упал на разбросанные по полу свитки, она вдруг рассмеялась.

Смеялась она беззвучно, да так, что всё её тело сотрясалось. Меня удивило поведение Мудрой Женщины.

Это было выше моего понимания.

— Твои поиски бесполезны, Кетан, — наконец заговорила она. — Неужели ты думал, глупец, что я спрячу его

здесь? Я-то думала, что за годы наших занятий ты научился чему-то большому. Хотя... — она замолчала, ещё раз посмотрев на зеленовато-голубые свечи. — Возможно, я недооценивала тебя. Как тебе удалось это сделать, а, малыш? — её губы растянулись в усмешке. — Но у нас нет сейчас времени для того, чтобы разбираться во всех этих головоломках... У меня есть кое-какие новости. Лорду Могхусу стало известно, что ты проник в Главную Башню. Он обыскивает комнату за комнатой. К счастью...

Я не расслышал того, что она сказала. Кто-то без стука вошёл в комнату. Урсила обернулась, но недостаточно быстро, чтобы захлопнуть дверь и не позволить войти непрошеным гостям.

Это была Леди Элдрис. В глазах у неё застыло такое выражение, словно она воочию увидела ночной кошмар. Она подняла правую руку и сделала простой магический жест Силы, привычный для тех, кто не обладает даром и умением. Иногда он помогает при слабом проявлении Тени.

— Что это за колдовство?

Голос её дрожал, когда она обратилась с вопросом к Мудрой Женщине.

Урсила по-прежнему кривила в улыбке узкие губы.

— Я прибегаю к Силе во имя служения вашему Роду, Леди. Посмотрите на это жалкое создание! Посмотрите хорошенько! — она кивнула в мою сторону. — Вы можете сказать, кто это? — глаза её заблестели, когда она смотрела на Леди Элдрис, словно охотничья собака на беззащитную лесную зверушку. — Я думаю, вы можете сказать, кто это, — тем более, что именно вы в ответе за его превращение, хотя и не обладаете даром. Я знаю, зачем вы всё это подстроили, моя Леди. Но то, что сделано при помощи Силы, может быть сломлено Силой же. Кетан снова станет Кетаном: И в этот самый час позаботьтесь о собственной безопасности, Леди. Очень часто преодолённое проклятие или нарушенный заговор обрушиваются на головы тех, кто их наслал, хотя сами они при этом не использовали Силу,

а действовали через других. Вы же не хотите сами скрываться в лесу... на четырёх лапах... в звериной шкуре... и чтобы за вами гнались охотники? — она вплотную приблизилась к Леди Элдрис, и лицо Урсиллы оказалось совсем рядом с лицом моей бабки.

Леди Элдрис отпрянула назад, не отводя взгляда от Мудрой Женщины и держа перед собой руки, словно пытаясь оградить себя от опасности, но боясь, что её сил окажется недостаточно для схватки с Урсиллой.

— Нет! — воскликнула она, рванувшись к двери. Но там уже стоял другой. На лезвии обнажённого меча играли отблески от свечи.

— Могхус! — Леди Элдрис вцепилась в руку любимого внука, несмотря на то, что он попытался отбросить её и накинуться на меня.

Мне было хорошо известно, что он жаждет моей смерти. Я зарычал и пригнулся. Урсилла устремилась ко мне. Она коснулась рукой стены и начала медленно скользить вдоль неё, пытаясь высвободить юбки от свитков, которые я разбросал по полу и которые теперь цеплялись за её подол. Одной рукой она ухватила за дверцу шкафчика, из которого я их достал.

— Убей его! — раздался у меня над ухом её повелительный голос. — Убей его или сам будешь убит, глупец!

Леди Элдрис вскрикнула и повисла на Могхусе, который изо всех сил пытался вырваться из её судорожных объятий.

— Нет! — закричала она. — Она заколдует тебя... Пустит в ход Силу! Могхус, позови лучше лучников с серебряными стрелами. Сталь не причинит вреда Оборотню...

Мой кузен замешкался. По его лицу было заметно, что он колеблется. Что касается меня, я не очень-то верил старым преданьям. Его меч больше страшил меня. Но серебряные стрелы — действительно грозное оружие.

— Убей его! — снова раздался властный голос Урсиллы.

Обеими руками она ухватила за край шкафчика. Это озадачило меня, потому что я не мог понять, почему бы ей

не прибегнуть к своему магическому дару. Скорее всего, всё дело было в том, что даже колдунья не имеет права причинять вред тем, с кем живёт под одной крышей и кто предоставил ей кров.

— Убей его! — выкрикнула она в третий раз.

Человек во мне молчал — остался лишь леопард. Я чувствовал, как и внутри весь обрастаю шерстью. Неужели я навсегда останусь животным?

Глава 14

О том, как я выбрал путь не зверя, но человека, и о секрете Урсиллы

Урсилла заставляла меня убить двоюродного брата. Она разбудила во мне зверя. Но в моём сознании пока ещё теплился человеческий разум. Должен ли я убить его? Но тогда я навсегда окажусь взаперти — в теле животного. Могхус — мой враг, он мне угрожает гибелью, это верно. Но тогда он должен сразиться с человеком. Если я пролью его кровь, пустив в дело клыки или когти, то одичаю навсегда.

Леди Элдрис закричала. Даже если Могхус не позовёт своих людей на помощь, они сами сбегутся на крики. Я как будто заглянул в глаза собственной смерти. Но человек, слабо шевелившийся внутри меня, всё-таки не позволял зверю броситься на врага. Я издал дикий крик — леопард пытался выйти из подчинения человеку. Ни одно животное никогда не сдаётся без боя. Вдруг сейчас в меня вонзится клинок и прервёт мою жизнь? Или, может быть, в самое последнее мгновение мне удастся увернуться?

Только то, что Могхус должен был поддерживать Леди Элдрис, спасло меня от принятия окончательного решения. С искажённым ненавистью лицом он бросился прочь из комнаты. Леди Элдрис не выпускала его из рук и продолжала кричать и упрашивать подождать — пусть со мной расправятся его люди.

Кузен безуспешно пытался освободиться от её цепких пальцев. Они оба покинули владения Урсиллы. Дверь захлопнулась, и я услышал, что Мудрая Женщина произнесла какие-то слова. До меня не сразу дошло, что она обращалась ко мне.

— Почему ты не убил его?

Я оглянулся. Мудрая Женщина по-прежнему не выпускала из рук дверцу шкафчика, в котором хранились свитки. Тело её содрогалось.

Я зарычал, так как не мог ответить ей словами. Её чары, которые заставляли меня говорить, больше не действовали.

— Надо было убить его, иначе он убьёт тебя самого, — продолжала Урсилла. — Хотя Могхус повёл себя не лучшим образом, а уж Леди Элдрис... Для моей госпожи ответ готов!

Послышался грохот торопливых шагов, заглушающий даже лязг дверей. Это подоспели люди Могхуса.

Однако моё внимание было приковано к Урсилле и тому, что она делала. Каким-то образом ей удалось вздвинуть вторую дверь. Урсилла устремила к шкафу. Там она подхватила подол своего платья и начала сваливать в него свои банки, склянки, бутылочки и коробочки.

Потом она взяла на изготовку жезл Силы. Сначала колдунья обратила его на меня, потом повернула к потайному входу.

— Быстрее! — приказала она.

Я уже давно знал, что любая Большая Башня наподобие Кар До Прана имеет свои секреты, хотя и не находил тому доказательств. Урсилла не зря потратила годы, что провела здесь, и я не сомневался в том, что она хорошо знает, куда мы направляемся. Снаружи в дверь ломились всё решительнее. Задвижка уже поддавалась. Теперь её удерживал лишь разговор Урсиллы. Но кто знает, надолго ли его хватит?

Я скользнул в потайной ход и очутился на лестнице, круто спускавшейся вниз. Проход был довольно узким.

Мне приходилось прямо-таки протискиваться между каменными стенами. Позади мерцал свет — я оглянулся и увидел, что от жезла Урсиллы исходит неяркое свечение, позволявшее видеть дорогу. Хотя ничего, кроме неотёсанного и тёмного камня да нескончаемых ступеней, пока видно не было.

Я не представлял, насколько далеко мы ушли, но был уверен, что мы находимся не намного ниже уровня поверхности земли за пределами Главной Башни. Лестница по-прежнему вела вниз. Вскоре послышался голос Урсиллы, чуть приглушённый и прокатившийся многократным эхом:

— Храбрый Могхус! Он ворвётся ко мне, но никого не найдёт. Потом те, кто следуют за ним, станут говорить, что Мудрая Женщина исчезла, прибегнув к помощи Силы. Они начнут коситься на Могхуса и вздрагивать при виде собственной тени. Люди есть люди, они выдумывают всякую всячину и сами верят в неё. Нет, не думаю, чтобы Могхус спокойно заснул сегодня ночью.

Урсилла рассмеялась, негромко, но зловеще.

— И не только Могхуса ждёт беспокойная ночь, но и всех обитателей Главной Башни. Они глаз не сомкнут от тревоги.

Потом Мудрая Женщина стала напевать что-то, да так, что шерсть у меня на загривке вздыбилась, а сам я чуть не зарычал в ответ — хорошо, что в эту минуту ей было не до меня. Пока Урсилла будет занята тем, как доставить неприятности Могхусу, она не обратит на меня никакого внимания.

Мне было хорошо известно, что она — и не без оснований — недовольна мной. Вернее, тем, что не сумела заставить зверя во мне накинуться на Могхуса. Теперь каждое моё движение будет под контролем Мудрой Женщины, потому что поставлено под сомнение моё подчинение ей. Теперь я рискую окончательно оказаться под влиянием её колдовства. И путешествие под Кар До Праном — всего лишь начало.

Я начал задумываться о том, что нас ждёт впереди. Лестница уводила нас всё глубже под землю, и теперь мы наверняка спустились намного ниже уровня подвалов Главной Башни. Был ли этот потайной ход предназначен для побега из замка во времена осады? Не знаю.

То там, то тут можно было заметить на стенах вентиляционные решетки, и хотя пахло плесенью и чем-то кислым, воздух казался не затхлым, а свежим, так что дышать было легко. Однако чем глубже мы спускались, тем больше я понимал, что мы направляемся в место Силы, ведомое одной только Урсилле.

Здесь не чувствовалось ни дыхания зла, которым отмечено любое место обитания Тени, ни глубокого покоя, каким веяло от Звёздной Башни. В подземелье царило нечто иное — некое присутствие Духа, а ещё ощущалось давление всех прошедших веков, как будто здесь они брали своё начало и обретали конец.

Урсилла наконец прервала своё песнопение и теперь шла молча — тишину нарушало лишь шуршание её юбок. Свет, падавший от её магического жезла, продолжал освещать нам путь.

Потом, когда мне уже начало казаться, что нескончаемые ступени приведут нас в самое сердце Земли, из которого, как гласят легенды, берёт начало всё живое, мы очутились в проходе наподобие коридора, и хотя лестница кончилась, он тоже шёл под уклон. Здесь на стенах были высечены письмена, но при столь тусклом освещении я не мог разобрать, что написано и на каком языке.

Под ногами густым покровом лежала пыль. Но я заметил чьи-то следы и с облегчением вздохнул — значит, мы не первые из тех, кто спускается под землю. И всё же с каждым следующим шагом я всё сильнее чувствовал, что это место не допускает, чтобы в него вторгались без причины. Оно было намного древнее Кар До Прана, в этом я был почему-то уверен, и, скорее всего, соотносилось с временами Первого Века Арвона — эпохой, которую помнили немногие.

— Остановись! — раздался за моей спиной голос Урсиллы. Я так привык к тому, что она молчит, и к безмолвию этого таинственного места, что невольно опешил. — Здесь пойду первой я.

Я прижался к стене, пропуская её вперёд. Мудрая Женщина решительно пошла по подземелью, словно наш долгий путь нисколько не утомил её. Держа перед собой жезл, она добралась до углубления в стене — наверное, это был конец коридора.

Мы прошли под низко нависающей аркой и очутились, как мне показалось, в просторном зале, хотя вокруг по-прежнему нависала бархатистая тьма, а жезл освещал лишь круг на расстоянии вытянутой руки. Мои когти громко зацокали по полу, шаги Урсиллы отзывались эхом. Вокруг не было заметно ни стен, ни каких бы то ни было указателей, но Урсилла продолжала уверенно шагать, как если бы видела дорогу во мраке и знала, куда нужно идти.

Мне было немного не по себе, я ничего не понимал — так это место подавляло сознание. С каждым шагом всё больше сказывалась усталость. Я попытался было по наитию применить свой дар, но не знал, как это сделать. Вокруг не чувствовалось ни скопления зла, ни средоточия добра. Это было место Силы, но такого рода, о каком я никогда не слышал, — ни на что не похожее, если сравнивать с миром, оставшимся наверху.

Меня снова поразил голос Урсиллы. На этот раз Мудрая Женщина разговаривала не со мной. Она издавала странные шипящие звуки, не имеющие никакого отношения к словам в их привычном понимании. Ничуть не напоминали они и песнопения, как немного раньше, на лестнице. Урсилла произносила слова отрывисто, словно обращалась к кому-то невидимому, ждала ответа и потом говорила снова. Но из темноты не доносилось ни звука.

Напротив, на меня вдруг повеяло холодом — казалось, нас накрыло огромной невидимой рукой. Только завывания ветра можно было счесть своего рода ответом на слова Урсиллы.

Рано или поздно наступает момент, когда устаёшь бояться. А быть может, само место Силы, со всеми его неожиданностями и странностями, окружало нас чарами, и страх не мог пробиться в сознание сквозь эту пелену. Я не боялся и не испытывал любопытства. Всё то, что окружало нас, воспринималось отстраненно, как часть иного мира, которому я не принадлежал.

Жезл в руке Мудрой Женщины начал двигаться вверх и вниз, затем слева направо. Теперь его острие излучало яркий свет. Но вот оно коснулось чего-то во мраке — и темнота озарилась вспышкой. Потом появилось свечение слева и справа — и перед нами замерцал островок света.

Теперь мы очутились в ярко освещённом круге. Да, это был именно чётко ограниченный круг. Со всех сторон нас окружали высокие каменные монолиты, на верху каждого из которых было высечено нечто наподобие трона. На них восседали каменные истуканы и смотрели на нас... Но как? Ведь у них не было лиц!

Вместо голов я различал лишь овальные шары. Они были изваяны не из камня, а скорее, из некоей материи, сквозь которую проникал свет и образовывал сияющие сгустки. Из шаров исходило свечение.словно разбуженное светом от жезла Урсиллы, оно перебегало от одной фигуры к другой, пока не засверкало всюю.

Над каждым шаром я разглядел как бы головные уборы, не похожие один на другой. Фигуры напоминали человеческие, но были закутаны сверху донизу в свободные одеяния, скрывавшие их очертания. Каждый из истуканов сидел с вытянутой вперёд рукой — я бы назвал это рукой, хотя они больше походили на лапы, потому что грубо высеченные пальцы были еле различимы. В руках они держали какие-то предметы, и этим тоже отличались друг от друга.

У одного в ладони лежал шар, сплюшь украшенный рисунками, другой сжимал жезл, правда, не похожий на тот, что был у Урсиллы, у третьего оказался цветок с раскрытыми лепестками. Но тот, на кого смотрела Урсил-

ла, держал в руке человечка — маленького, словно игрушка, на вид мёртвого или ещё не начавшего жить. Вид этого вырезанного из камня человека вывел меня из оцепенения, разрушил чары, под властью которых я до сих пор находился. То, что человек мог служить игрушкой или стать орудием в чьих-то руках, вызвало у меня бессознательный, но яростный протест.

Урсилла опустила на колено, но не для того, чтобы поклониться перед истуканом, сидевшим напротив неё, а чтобы вытряхнуть из подола все банки, склянки и коробочки, которые она принесла с собой. Её, в отличие от меня, казалось, не удивляли светящиеся шары вместо лиц... Мне же они сразу пришлись не по душе и нравились всё меньше и меньше.

В самом центре освещённого круга возвышалась каменная жаровня. В ней были пепел и зола — значит, Урсилла не в первый раз является сюда по своим делам. Она играет с могуществом, которое лучше не беспокоить. Но это были не Тени и не Сила... Что же тогда? Нечто странное и первобытное, выходящее за рамки Добра и Зла, существовавшее ещё во времена наших предков, кому было неизвестно, что такое граница Света и Мрака, ибо люди были тогда заняты лишь бесконечными войнами. Потревожить такую Силу — на это решится не каждый! Только непомерная гордыня могла привести в это место Урсиллу, ничего более, и от этого меня переполняли теперь презрение к ней и безотчётный страх.

Мне хотелось поскорее выбраться отсюда. Но этого я сделать не мог, ибо по-прежнему был заточён, как в темницу, в тело леопарда. Я переводил взгляд с одной каменной фигуры на другую — меня поневоле притягивала смена цветов и оттенков, игра света.

Я медленно кружил вокруг Урсиллы, которая была занята своим скарбом, как вдруг мне показалось, что я слышу (не ушами, нет, а сознанием, как тогда, когда со мной разговаривал Оборотень) отдалённый шёпот, который невозможно было разобрать.

Урсилла наконец что-то нашла среди своих вещей, направилась к жаровне и высыпала на неё горсть сухих трав с такой осторожностью, словно боялась выронить хоть единую травинку. Потом Мудрая Женщина отёрла ладони о платье и в первый раз за всё это время подняла на меня глаза.

— То, что будет совершенно, должно быть совершенно на славу, — сказала она. — Моя Сила направила меня сюда много лет назад. Потом я нашла среди свитков описание этого места. Прежде чем мы явились сюда, а не стоит забывать, что мы достаточно стары для нашего времени, в Арвоне жили другие. Они служили собственным Силам, и их Власть была такой, что не передать словами. Их времена миновали, но они оставили после себя свою Силу, которая, несмотря на прошествие веков, намного сильнее той, которой обладают ныне Голоса или Тени.

Её голос зазвучал плавно, нараспев.

— Я ждала, я училась... Теперь мне ведомо, что здесь может произойти, если использовать свой собственный дар. Как это делаю я!

Мне показалось, что Урсилла скорее произносит вслух собственные мысли, чем разговаривает со мной. Её лицо излучало внутренний свет, и свечение это очень напоминало то, что исходило от безликих шаров.

— А теперь мы должны подождать, — продолжала Мудрая Женщина. — Ибо не так-то легко и не так-то быстро вершатся дела. Но рано или поздно наступит час, когда можно будет действовать.

Урсилла снова направилась к груде своих пожитков. Среди них она отыскивала мешочек, извлекла из него сухарь и разломила его надвое. Одну половину она протянула мне.

— Ешь! — приказала Мудрая Женщина.

Мне не хотелось подчиняться, но мысль о том, что следует беречь силы, заставила меня выполнить приказ. Я разжевал свою долю и проглотил её. И хотя то, что я съел, казалось леопарду безвкусным, мне было известно, что такие хлебцы пекут в дорогу, чтобы утолять ими голод

очень продолжительное время, когда под рукой нет привычной пищи.

— Она скоро придёт... — Урсилла потёрла руки. — Моё послание приведет её сюда. Сначала мы начнём, а потом уж посмотрим, чем это закончится!

Присев на каменную ступню того истукана, который держал в руке человечка, Мудрая Женщина опустила голову на колени. По-видимому, она задремала, а может быть, пребывала в трансе. Я лёг как можно дальше от неё. Вторгаться в Тьму не стоит — мне это было известно, хотя она и не предупреждала меня об этом. Место Силы Древних будет снисходительно ко мне до тех пор, пока действуют заговоры Урсиллы и разрешают это делать. В тот момент мне совсем не хотелось разделять в себе человека и животное. Слишком уж много здесь было того, что принадлежало древним и чему нельзя было доверять.

Наверное, я тоже уснул — или, быть может, оказался под влиянием чар, и мне казалось, будто я сплю. Не знаю, сколько я пребывал в бессознательном состоянии. Но когда очнулся, Урсилла уже поднялась и стояла рядом, при этом взгляд её был устремлён куда-то за пределы освещённого круга.

Я понял, что она кого-то ждёт, и прислушался. Послышались приглушённые шаги, потом шелест — наверное, то была женщина и это её юбки касались пола. Звук шагов становился всё громче. Наконец в круг света вошла Леди Героиз. Удивительно, но она показалась мне намного, намного старше своей матери. В руке у неё я увидел предмет, мгновенно привлёкший моё внимание, — она несла его перед собой на вытянутой руке, словно боялась или ненавидела его всей душой.

Пояс! Тот самый пояс, которого я лишился и который привёл меня обратно в Кар До Пран.

Я издал рычание — оно так и рвалось из моей пасти. Я приготовился к прыжку... И тут Урсилла небрежно махнула рукой в мою сторону. По всей видимости, она что-то

бросила, хотя я ничего не заметил. Однако я вдруг стал совершенно беспомощным.

Взгляд моей матери был устремлён в одну точку. Она двигалась как сомнамбула, будто её околдовали или она пребывала во сне. Когда Урсилла подошла к ней, чтобы взять пояс, Леди Героиз как-то странно посмотрела на неё, и по лицу её пробежал страх.

— Урсилла! — пробормотала она. — Могхус... Элдрис... Они сошли с ума! Они ворвались в твою комнату. Могхус как с цепи сорвался, приказал перевернуть всё вверх дном. Когда его люди не подчинились ему, он стал вышвыривать все вещи из окна во двор, потом поджжёт их...

Губы не повиновались Леди Героиз, но она продолжала:

— Он поклялся убить Кетана как посланника Тени и отправил посыльного В Кар До Йел. Там, как поговаривают, живёт тот, кому благоволят Голоса. Могхус просит его прибыть в Главную Башню и очистить её. Он... он похож на сумасшедшего! Даже родство не удержит его от убийства.

Урсилла стояла совершенно бесстрастно и не выражала никаких эмоций.

— Он сам повинен в своих несчастьях, Героиз. Тень Могхуса стала выше его самого. А всё от того, что он вздумал угрожать Мудрой Женщине.

Леди Героиз пожала плечами.

— Ты вывела его за пределы страха. Он больше не ведаёт его, только ненавидит... и хочет убить...

— Пусть побесится, у него для этого не так уж много времени, — как ни в чём не бывало отвечала Урсилла. — Даже если он и найдёт дверь, ведущую сюда, то не сможет войти в неё без моего на то позволения. Её надёжно охраняют. Не страшись, женщина... Этого часа мы долго ждали. Ты задумала стать правительницей Кар До Прана, я же говорю, что быть тебе владычицей на гораздо больших землях.

Моя мать всплеснула руками, потом вытерла ладони об юбку, словно пытаясь стряхнуть с них следы от пояса. Она

смотрела вокруг, словно не понимая, куда попала и зачем.

— Урсилла... Он — Чародей! Я читала по картам, и в Восьмом Доме Кетана находится Маг и Волшебник. Это знак... знак...

Урсилла передёрнула плечами.

— Знак того, что грядут великие события. Ты говорила мне об этом, и я объяснила тебе, что может означать такое предсказание. Наивно с твоей стороны требовать от прорицаний слишком многого. Нет нужды в подобного рода знаках и символах, по крайней мере, здесь, где иная Сила дремлет до поры до времени, пока мы не разбудим её.

— Я не хочу... — прошептала моя мать. Безудержные слёзы заструились по её щекам. — Прошу тебя, Урсилла... Это место... оно пугает меня!

— Слишком поздно, Леди. Поздно отступить.

Леди Героиз закрыла лицо ладонями и заплакала навзрыд, как маленькая девочка. Мне не было её жалко. Мы были близкими родственниками, но в этот миг я не испытывал к ней никаких чувств.

Глава 15

О том, как Урсилла читала по дыму, и о том, как она заставила меня покориться её воле

Урсилла двигалась с уверенностью человека, который знает, что делает. Она обошла неподвижно сидевших на тронах истуканов, задерживаясь ненадолго перед каждым из них и пристально вглядываясь в безликие шары, служившие им головами. Мне показалось, что Мудрая Женщина читала в непрерывной смене цветов и оттенков некие послания, которые каждый из них передавал ей. Наконец она остановилась перед фигурой, которая держала в руке маленького человечка.

Урсилла обратилась к истукану, но на этот раз не запела. Откуда-то из-за пазухи она вынула маленький костяной

свисток на серебряной цепочке, поднесла его к губам и извлекла пронзительный звук, резанувший слух леопарда, — я чуть не взвыл от ужаса. Потом... Откуда-то издалека донёсся еле слышный ответ на её свист. Быть может, нас разделяло не расстояние, а само время — или мне только так показалось. Три раза повторила Урсилла свой призыв — и трижды звучал ответ. Но с каждым разом он раздавался всё громче и громче.

Мудрая Женщина повернулась вполоборота и направила острие своего жезла на жаровню, которую заранее наполнила травами. Из жезла вылетела яркая искра, словно огненная молния, ослепившая глаза. Ароматная кучка трав на жаровне вспыхнула. Однако пламя вскоре погасло, и вверх заструился лёгкий дымок.

И хотя холодный ветер в подземелье давно уже утих, и воздух ничего не колыхало, я отчётливо видел, как струйка дыма постепенно склонилась в сторону каменной фигуры с человечком в руке и целиком окутала её — теперь осталось видно лишь свечение безликого шара. Краски стали ярче и отчётливей. Я пригнул голову, опасаясь смотреть в ту сторону. Мне показалось, что каким-то непостижимым образом Сила Древних может воздействовать на свои жертвы.

Свисток выпал изо рта Урсиллы и повис на её платье, точь-в-точь как полумесяц на груди Лунной Девы... Лунная Дева!

В моей памяти всплыл её прекрасный образ, хотя я и сознавал, что не должен здесь думать ни о ней, ни об остальных обитателях Звёздной Башни! А вдруг те, к кому взывает Урсилла, могут нарушить мирную жизнь людей, которые спасли меня? Я не знал, так ли это, но мне не хотелось необдуманным поступком причинить им вред.

Тело Урсиллы начало покачиваться из стороны в сторону, хотя она продолжала стоять на месте. Струйка дыма покачивалась вместе с ней то вправо, то влево. Появились и новые струйки дыма, они окутали истуканов по обе стороны от того, перед которым стояла Мудрая Женщина.

Постепенно дымом заволокло все каменные фигуры. На жаровне остался лишь пепел. Шары ярко горели. Я слышал, как тяжело дышала моя мать. Она вся дрожала от страха. Потом...

От Леди Героиз перестал исходить страх. Когда я повернул голову и посмотрел на неё, то увидел, что она смотрит прямо перед собой отсутствующим взглядом. Её тело стало раскачиваться в такт с телом Урсиллы. Хотела того Леди Героиз или нет, она приняла участие в колдовстве, которое совершала здесь Мудрая Женщина.

Со мной же дело обстояло иначе. Всё во мне упрямо противилось чародейству Урсиллы. Мне было известно, кто я такой и зачем я здесь. Я помнил об этом и потому отводил глаза от ярко сиявших безликих шаров. И я не смотрел ни на Мудрую Женщину, ни на свою мать, чтобы ненароком не попасть под их влияние.

Урсилла подняла свой жезл и направила его в сторону. На этот раз — никакой вспышки. Напротив, она поднесла острие жезла к струе дыма, словно держала в руке огромное стило и писала им на нематериальной поверхности. Мне было неизвестно, какой последует ответ на её действия.

Я лишь мельком бросал взгляд на то, чем занимается Мудрая Женщина, но старался делать это как можно реже, чтобы не попасться в ловушку. Для меня все её движения были непонятными и ничего не значили. Но, по всей видимости, Урсилла добилась своего. Я почувствовал, как холодок пробежал у меня по коже. Шерсть встала на загривке дыбом. Я с трудом поборол желание вскинуть голову и взвыть что есть силы от необъяснимого страха, переполнившего меня.

Эта Сила была какой-то первобытной. Её словно порождали эти древние камни, окружавшие нас. И кто только мог подумать, будто смертные могут использовать эту энергию? Не сможет ею овладеть и такая самонадеянная Мудрая Женщина, как Урсилла. Я готов был к тому, что восседающие на тронах истуканы вот-вот встанут и

набросятся на нас только за то, что мы потревожили их вековой покой.

Рука Урсиллы беспомощно повисла, жезл опустился. Дым постепенно рассеивался, снова стали видны каменные фигуры. Я услышал, как вскрикнула моя мать, и обернулся к ней.

Леди Героиз опустилась на колени и закрыла лицо ладонями. Её тело сотрясало. Но Урсилла по-прежнему стояла, как изваяние, и смотрела на фигуру, к которой зывала, если она этим занималась, конечно.

Потом она медленно повернулась. Её лицо казалось теперь такой же безликой маской, как и у сидевших фигур. Широко раскрытые глаза сверкали — никогда раньше не доводилось мне видеть такой блеск в человеческих глазах, так что даже на мгновение почудилось, что я вижу в них такую же игру цвета и света, как и в шарах, заменяющих истуканам головы.

Но вот Урсилла заговорила, и голос её был такой спокойный и такой далёкий, какого мне никогда не доводилось слышать:

— Начало хорошее. Теперь твоя очередь...

Мудрая Женщина подняла жезл, но направила его острие не на Леди Героиз, а на меня. Я удивился, ибо не был готов к подобному повороту событий.

На этот раз огненной вспышки не последовало. Вместо неё в мой разум вторглось извне повеление — повеление и осознание того, что его нужно выполнить во что бы то ни стало. Я не мог воспротивиться этому властному приказу. Воля Урсиллы управляла моим телом — телом леопарда и Кетана.

— Иди!

Она указала направление жезлом. Но не туда, откуда мы пришли, а за истукана, которого выбрала, — в кромешную тьму. Кетан и леопард во мне словно слились в некое единство — но я продолжал пребывать под влиянием повеления Урсиллы. Казалось, Кетан смотрит на всё происходящее как бы из окна темницы Главной Башни.

Уже в самом распоряжении Мудрой Женщины было принуждение — мне словно сдавили горло тесным жёстким ошейником и подстегивали кнутом.

Там, за каменной фигурой, было совсем темно — темнее, чем в безлунную ночь. И тьма была безграничной, хотя я мчался без усталости, вздымая лапами пыль. Не было видно ни просвета, ни края бесконечной пещеры.

Наконец я достиг, как мне показалось, дальней оконечности этого пространства и замедлил ход, когда очутился перед подъёмом. Лестницы не было, вверх вело скорее нечто наподобие крутого трапа. Наведенные на меня чары и повеление Урсиллы заставляли меня взбираться всё выше и выше сквозь непроглядную темноту.

Однако чем дальше я удалялся от странного места Силы, тем легче становилась ноша, взваленная на меня. Я, конечно, не мог до конца освободиться от насильно вложенного в меня повеления, нет, наверное, для этого следовало обладать великим магическим даром. Неизвестно, можно ли было от него вообще освободиться, ибо руководили им тайные знания, забытые давным-давно, в незапамятные времена.

Но я снова обрёл способность мыслить и теперь надеялся придумать что-нибудь такое, что свело бы на нет намерения Урсиллы.

Маловероятно, что я окажусь в Главной Башне или где-то поблизости от Кар До Прана. Я был уверен, что сейчас бояться Могхуса не нужно. Но что стояло за повелением Урсиллы? Не мешало бы накопить силы к тому времени, когда придётся встретиться лицом к лицу с откровенно враждебными действиями.

Всё выше и выше поднимался я... Как долго мы пробыли в подземелье Древних Сил? Сколько времени заняло моё возвращение в мир живых? Вокруг стояла сплошная тьма и впереди лежал путь, которому, казалось, не было конца и края.

Потом... я разглядел далеко впереди какое-то тусклое свечение, словно то мерцала одинокая звезда в ночном

небе. Неужели конец? Воодушевлённый надеждой, я увеличил скорость, хотя каждый шаг и без того давался с большим трудом.

Слабо мерцавший огонек становился всё ярче. Но ничто не обещало ни солнца, ни даже дня. Я мечтал хотя бы выбраться наружу. И наконец заставил измученное тело леопарда сделать последнее усилие... И оказался на возвышении... В сумёрках...

Вокруг меня тянулись холмы. Неподальёку я заметил обработанные камни. Скорее всего, я очутился рядом с каким-нибудь старым и заброшенным замком или Большой Башней. Я огляделся вокруг и увидел отверстие, через которое выбрался наружу. Это была просто тёмная нора в одном из холмов, ничего больше.

Однако некогда было осматриваться по сторонам. Меня снова подстёгивал невидимый хлыст. Я должен был следовать всё той же предначертанной стезёй до тех пор, пока не найду того, без кого Урсилла не может завершить своё колдовство.

Это был человек... где-то... Урсилла, должно быть, нарочно подстроила так... Я не знал ни его имени, ни наружности. Но повеление неумолимо заставляло меня идти к нему. Потом... Я должен буду вернуться вместе с ним.

И точно так же, как человек внутри леопарда сопротивлялся, когда Урсилла закричала «Убей!», а мой враг, Могхус, стоял напротив меня, теперь всё повторилось. Всем своим существом человека и леопарда я восстал против чар Мудрой Женщины. Но и это ещё не всё. Инстинкты или родственное им звериное чутьё, которое я обрёл за время борьбы с самим собой, превратившись в Оборотня, подсказывали мне, предупреждали, что нельзя растрачивать собственные силы до тех пор, пока не пробьёт решающий час.

Приближалась ночь.

Я рыскал по окрестностям, меня вело повеление Урсиллы, как будто я шёл по горячему следу. По краю гряды

холмов выросла кромка леса, но я не узнавал пейзажа, хотя иногда мне казалось, что я двигаюсь к востоку от того места, где выбрался из подземелья.

Холмы остались позади, и я оказался в лесу. Было очень тихо. Странное безмолвие царило вокруг. Ни шороха, ни шелеста — всё живое как будто вымерло.

Я добрался до ручья и с жадностью напился, лакая воду до тех пор, пока не почувствовал, что из горла исчезла пыль подземелья, но голода не испытывал, поэтому не нужно было охотиться. В небе появился тоненький полумесяц. И мне стало понятно, что мы пробыли под землёй намного дольше, чем я предполагал.

Было темно, но леопард отлично ориентировался в темноте, благодаря своему исключительно острому зрению. Дважды я миновал места, где ощущался запах Тени. Я издавал рык, охваченный страхом и ненавистью.

Мне было неизвестно, какая угроза таится в них, но я бессознательно избегал опасности. У меня не было ни времени, ни желания знакомиться с ними поближе. Однако меня страшила сама мысль, что в лесу есть такие места.

Я не догадывался, куда иду, до тех пор, пока не добрался до реки. В Главную Башню! Но к кому тянула меня неведомая сила? К Могхусу? К Леди Элдрис? К Тейни? Я не испытывал любви ни к одному из них. Придётся либо сражаться до последнего, либо умереть... Но леопард останется в живых!

Но перепрыгивая с камня на камень, я вдруг понял, что направляюсь вовсе не в Главную Башню. Урсилла послала меня... Я догадался...

Звёздная Башня!

Мудрой Женщине стало известно — возможно, она узнала об этом при помощи колдовства, — что обитатели Башни помогли мне убежать от неё... Неужели она хочет отомстить?

Я попытался бороться с волей Урсиллы. О, как бы я желал, чтобы человек во мне возобладал над телом леопарда! Но всё было безуспешно. Пробираясь в ночи и

направляясь напрямик к тем, кому я меньше всего желал причинить вред, я зарычал от собственной беспомощности. Мой страх предать обитателей Звёздной Башни был так велик, что окажись на моём пути Могхус, я без колебаний бросился бы на его меч.

Может быть, я сумею обратиться к ним хотя бы мысленно? Мне не были известны тонкости мысленного общения, но я надеялся на то, что защита, установленная их Силой, отзовётся на опасность и предупредит людей, которые были добры ко мне.

Неожиданно, словно удар меча, пришёл ответ:

«Мы всё знаем».

Снежный барс! Точно так же, без слов, как он разговаривал со мной раньше, Оборотень общался со мной и на этот раз.

«Убей меня!» — взмолился я. Уж лучше лежать мёртвым, чем принимать участие в коварных замыслах Урсиллы. Я знал, что должен вернуться в подземелье с тем человеком, которого выбрала Мудрая Женщина. Об остальном я мог лишь догадываться.

«Иди к нам...»

На этот раз мне ответил не снежный барс. Говорила женщина из Звёздной Башни. Но ведь она не должна впускать меня!.. Нужно во что бы то ни стало передать, что я несу с собой опасность. Урсилла могла управлять мною сейчас, и я не знал, насколько сильно её влияние. Однако я боялся, что то могущество, которое она разбудила от векового сна в подземелье, сильнее во сто крат и непривычнее всего чародейства, известного ныне на земле Арвона. И сомневался в том, что обитатели Звёздной Башни сумеют обезопасить себя от неведомого противника.

Но вот передо мной уже раскинулся сад и показалась сама Звёздная Башня. Я не мог надышаться терпким ароматом трав. И всё ещё медлил, ожидая увидеть впереди защитную стену, еле заметную дымку, которая не пропускала меня раньше. Возможно, она устоит против чар...

Но никакой преграды не было. А на тропинке стояли все трое моих знакомых, словно приветствуя меня. Я боролся с собственным телом — мне хотелось остановиться подалее от них. Теперь я знал, за кем явился... За Лунной Девой!

«Убейте меня!» — мысленно молил я. Никакой надежды спастись не оставалось. Лучше умереть здесь и сейчас! Иначе некое зло, имени которого я не знаю и о котором даже боюсь думать, завладеет этой девушкой... а может быть, и всеми остальными... Но она погибнет в любом случае...

Но никто из троих не отпрянул в испуге при моём появлении, а снежный барс-Оборотень не внял моей мольбе. Они были одеты так же, как и тогда, когда помогали мне своей Силой в комнате Урсиллы в Главной Башне. И высоко держали свои символы Власти. Женщина — ветвь с единственным зелёным листком на острие. Девушка — шест, увитый лунными цветами. Мужчина — меч. Это клинок нужно направить на меня, в моё сердце или горло, пока ещё не поздно!

Я зарычал, моя шерсть встала дыбом. Почему они не видят во мне врага? Ведь меня послали к ним, чтобы принести несчастье, а они даже не двигаются с места...

Женщина первой направила свой жезл в мою сторону. Может, ей удастся уничтожить меня... Но вместо этого в моё сознание влился приятный запах трав — и он развеял страх, разгладил вздыбленную шерсть. Я лёг на землю.

Повеление, которое насильно вселила в меня Урсилла, куда-то отступало, исчезало...

«Вы рискуете жизнью, во мне — опасность...» — подумал я, хотя и не надеялся, что меня услышат все трое. Я думал, что хотя бы Оборотень узнает о том, что над ними нависла угроза.

«Знаем... мы всё видели...»

Ответ прозвучал в моём сознании вполне отчётливо. Мне не терпелось спросить, каким образом им удалось разузнать обо всём. По всей вероятности, у них имелись

свои способы читать заговоры, направленные против них.

«Мне повелели забрать... её!»

Я снова предупреждал их. Теперь-то они должны наконец понять, что колдовство Урсиллы не оставляет за мной права выбора. Либо я забираю с собой в подземелье Лунную Деву, либо мне суждено умереть. Я бы предпочёл второе.

«Не тревожся ни о чём, — последовал ответ Оборотня. — Мы прочитали по воде, по звёздам, по пламени — и узнали предначертанное. Судьба благоприятствует и нам, и тебе. Мы не можем вернуть Равновесие до тех пор, пока не встретимся с колдуньей из Кар До Прауна. Вот что нам стало известно».

Они приветливо смотрели на меня, все трое.

«Есть время Меча, — продолжал снежный барс. — И есть время Топора. Это времена Человека. Существует также время Ветра и время Звёзд — это времена Великих Лордов и Голосов. Но есть и время Оборотней и время Магических Чар — они охраняют нас».

Я не совсем понял то, что сказал Оборотень. Но его слова о судьбе, расположенной к нам, удивили меня, хотя я не сомневался, что он говорит правду. Если снежный барс не принадлежит к Голосам, тогда он правит собственными Силами, в этом я был уверен. Потом в моё сознание вошли слова женщины:

«Земля и Воздух, Огонь и Вода... С Рассветом на Востоке, Белой Луной на Юге, Сумерками на Западе, Чёрной Полночью на Севере, по Закону Знаний, Закону Имён, Закону Равновесия — так мы движемся».

Её слова проникали в меня, но я не понимал их и только недоумевал, слушая плавную речь. Тем временем Лунная Дева отделилась от остальных и начала приближаться ко мне. Она положила руку мне на лоб, как тогда, когда говорила, что существует ключ и мне следует искать его. От её прикосновения мне стало так легко и хорошо...

— Луна тонкая, но живая, — сказала она вслух, — она тает, как и наше оружие. Но то, что тебе нужно

совершить, сделай. И не думаю, что твоей колдунье придётся легко.

Итак, я повернулся спиной к Звёздной Башне и отправился в путь. Но не один — рука об руку со мной шла Лунная Дева. А позади шагала женщина, так же легко и уверенно, как и снежный барс плечом к плечу с ней. Мы переплывали через реку, направляясь к холмам, где скрывалась нора, откуда я вышел из подземелья.

Теперь, когда они шагали рядом со мной, я чувствовал огромное облегчение, и это помогало мне, придавало сил. Мы шли всю ночь, но не торопясь. Вновь и вновь Лунная Дева касалась моего лба. И каждый раз на сердце становилось легко, я обретал всё большую уверенность.

Да, я вернусь к Урсилле, но совсем не с тем, чего она желает, а с тем, чего она заслуживает. Когда мы добрались до холмов, уже занимался рассвет. Подошли к самому входу в подземелье. И вдруг женщина вскрикнула.

Я оглянулся и посмотрел на неё. Она остановилась и вытянула вперёд руку, принявшись водить ладонью по какой-то невидимой поверхности. Мне ничего не было видно, хотя Лунная Дева и я стояли всего лишь в нескольких шагах от женщины и Оборотня.

Снежный барс, который вновь принял облик зверя, встал на задние лапы и навалился на невидимый барьер. Рыча, он давил на него всей силой своего тела.

Мне не нужно было объяснять, что здесь существовало некое защитное поле — то, что допускало во владения Древних Сил только меня и мою жертву, но не позволяло пройти никому другому.

Мне безумно захотелось вернуться назад и увлечь за собой Лунную Деву. Я ухватился зубами за диски на её юбке, чтобы увести её. Однако, точно так же, как те двое не могли пробиться к нам, я не смог преодолеть барьер и вернуться назад.

Меня так неудержимо потянуло вперёд, что я понял — мне не устоять. Меня просто затягивало под землю! Я сопротивлялся, но меня заставляли привести с собой

Лунную Деву. Лучше бы Оборотень убил меня своей рукой! Теперь между нами непреодолимая стена — они не доберутся до меня, а я до них.

Глава 16

О том, как леди Героиз рассказала всю правду, и о том, как я не покорился Урсилле

«Иди!» — властно приказал мне снежный барс. Но я в замешательстве остановился. Меня разрывали на части противоречивые чувства, словно на меня действовали два разных повеления, и каждое из них тянуло меня в свою сторону.

«Иди! — вторила ему женщина из Башни. — Здесь действует не заговор могущества, а ветхие чары, потерявшие с годами Силу, — их можно сломить. Однако если ты будешь мешкать, та, что ждёт тебя, проведает обо всём и усилит барьер».

Мне хотелось верить, что это правда. Однако для настоящей веры одного желания мало. Но рука Лунной Девы умиротворённо лежала у меня на лбу, а её глаза были решительно устремлены на нору в холме, где кроме кромешной тьмы ничего не было видно. Глядя на неё, я не сомневался, что если не смогу принять на веру Силу других, то она сможет. Бесстрашная, прекрасная, она не знает сомнений... Без особой охоты я направился вперёд, девушка пошла следом.

«Там очень темно, — подумал я. — Меня ведут, не знаю, как...»

— Тогда меня тоже поведут, — ответила она. — Потому что мы станем единым целым.

Мы вошли в отверстие и начали спускаться по трапу. Вскоре я перестал видеть девушку, даже несмотря на кошачью зоркость леопарда, но всё время чувствовал её прикосновение — она не оставляла меня.

Потом... рядом со мной появилось тусклое свечение, ничуть не напоминавшее дымку у Звёздной Башни. Оно исходило от дисков на юбке Лунной Девы, от рогатого полумесяца у неё на груди.

— Здесь сосредоточена великая Сила, — сказала девушка. — Она пробуждает всё то, что настроено на Силу, — она выставила впереди себя посох, увитый лунными цветами. Я увидел, что каждый из них теперь широко раскрыл лепестки и излучает свет. — Несмотря на то, что Мать Луна не проникает под землю, её власть действует даже здесь. Давным-давно тут, по всей вероятности, бывал кто-то кто знал, как вызывать Луну, и пользоваться этим.

Я всё больше боялся за девушку из-за того, что она оставалась такой спокойной. И попытался выразить свой страх голосом, сказать о нём вслух, забыв о том, что могу всего лишь шипеть по-кошачьи, выть, рычать или визжать. Но Лунная Дева снова прочитала мои мысли.

— Не тревожься ни о чём, Кетан. Я не отрицаю, что Мудрая Женщина обладает даром колдовства, который превосходит мои знания или находится за их пределами. Но это не значит, что исход нашего поединка предreshён. Урсилла, наверное, не понимает, что я представляю не вполне известную ей Силу. Меня хорошо обучали, — Лунная Дева помолчала и улыбнулась. — Когда я была совсем маленькой и ещё не умела толком говорить, я видела человека изнутри. Моя мать умела читать по огню и воде и знала, что я обладаю даром, который отличается от её собственного. Но её это не удивляло. Ведь и сама она — Колдунья Зелёного Пути, а мой отец был когда-то Всадником-Оборотнем.

Девушка говорила об этом с гордостью, словно Лорд, который хвастается уходящими в глубь веков корнями своего Рода в какой-нибудь Большой Башне.

— Моя мать, зная, что мне на роду написано работать с Силой, отвезла меня в Храм Нивы. Его жрицы воздали должное моему дару и сказали, что мне предстоит стать Служительницей Луны. И когда я подросла, то вместе с

другими способными девочками начала постигать знания в Линарке. Там я многому научилась. Но ещё больше переняла от отца с матерью, когда вернулась к ним в Рис. Давным-давно, в незапамятные времена, в Рисе была широко распространена Лунная Магия, и её отголоски ещё звучали, когда мать и отец отыскиали Башню и поселились там...

Лунная Дева говорила непринуждённо, словно прогуливалась с приятелем по тихим аллеям сада. Но ведь мы спускались всё дальше и дальше и были уже глубоко под землёй, а самое главное — шли навстречу Силе, с которой, как я полагал, никто из людей моей расы не может соперничать на равных.

Я оказался прав в своих догадках. Снежный барс был Всадником-Оборотнем. Но почему же тогда он живёт в Серых Башнях?

— Моя мать, — продолжала девушка, потому что, наверное, снова прочитала мои мысли, — была Невестой из страны Долин. Ты слышал эту историю, Кетан? Она столь достопамятна, что её вписали в Хроники.

Да, я слышал об этом. Когда битва Древних и Лордов пришла к концу, среди высланных из Арвона оказались и Всадники-Оборотни. Они были обречены на странствования и лишены крова до тех пор, пока звёзды не сказали бы, что им дозволено возвращаться.

Всадники-Оборотни отправились на юг, в Долины. Потом, когда человек пошёл войной на человека (это случилось задолго до того, как я появилась на свет), они заключили мирное соглашение с жителями Долин против тех, кто захватил наши пустующие земли. Они сражались бок о бок с Людьми Долин, изгоняя захватчиков Верхнего Халлака к морю или убивая их.

За свою службу Всадники-Оборотни потребовали вознаграждение: когда закончится война, они желали получить от Лордов Долин девушек, которых назовут своими невестами.

И вот в год Единорога тринадцать юных, прекрасных и

чистых дев привезли к самой границе Пустыни. Каждая выбрала себе из Всадников-Оборотней по жениху — и таким образом девушки очутились в Арвоне и Серых Башнях. Но то, что среди них оказалась Колдунья, — об этом я узнал впервые.

— Они не знали, что моя мать колдовских кровей, — объяснила Лунная Дева. — Ребёнком её привезли из-за моря, обнаружив среди пленных на корабле захватчиков. Но у неё был врожденный дар. Она доставила Всадникам довольно много хлопот, потому что они боялись брать с собой Силу.

Моя спутница снова улыбнулась, и я почувствовал, сколь тесные — и не только родственные — узы связывают её со снежным барсом и его женой.

— Всадники-Оборотни собирались оставить её в Другом Море, но мой отец защитил свою невесту. Они выстояли в неравной схватке, одержали победу и вернулись сюда. Однако впоследствии мой отец не пожелал жить в Серых Башнях, потому что не хотел вспоминать те страхи, которые им пришлось пережить. Вместе с матерью он нашёл Рис — кажется, кто-то рассказал ему о нём. Так Звёздная Башня стала нашим приютом. Рис превратился в уголок, где переплелись Зелёная и Коричневая Магии. А защитный барьер не допускает в наши владения никаких поползновений Тени.

Лицо девушки стало серьёзным.

— Но теперь Арвон снова в опасности. Говорят, что уже открыты Врата, чтобы вернулись ссыльные. Не все из них похожи на Всадников и не все стремятся к миру. Не так давно Всадники-Оборотни направили отцу послание, в котором говорится, что придёт день, когда всех их призвут защищать свои земли. Отец ещё не дал ответа. Но мне кажется в один прекрасный день в нём победит голос крови. В нём не утихает внутренняя борьба. И до сих пор он ещё не решил, что будет делать. Но защита Риса — как надеемся мы с мамой — окажется значительнее любых воспоминаний... а многие из них далеко не счастливые. К

тому же Рис — жизненно важное место в Арвоне, об этом свидетельствуют предсказания. Он выстоит во всех испытаниях и сохранит Силу!

Слушая рассказ Лунной Девы, я живо представлял, несмотря на крошечную тьму вокруг, высокие стены Звёздной Башни, ощущал чудесные запахи трав, растущих в саду... И мне вдруг до боли захотелось очутиться там.

— Да-да, — растроганно сказала девушка, и я почувствовал, что она разделяет мои устремления. — Рис похож на тёплую ладонь, которая защищает ото всех невзгод на свете. И то, что мы делаем, поддерживает его.

Эти слова вернули меня с неба на землю, я вспомнил, что нам предстоит сделать, и мне вновь стало не по себе. Ноги упрямо несли меня вперёд... Как их остановить? Я тщетно пытался высвободиться от магических чар, которые наложила на меня Урсилла. Она хочет заставить меня играть в свои подлые игры, а вдобавок тянет руки к Лунной Деве... Нет, я не могу этого допустить!

Я бессильно зарычал. Моё тело не желало подчиняться командам Кетана — леопард оставался во власти Урсиллы! И вновь рука Лунной Девы опустилась мне на лоб. Она пыталась успокоить меня! Только потому, что не понимала, куда я её веду и что её там ждёт.

— Кетан, — нараспев произнесла девушка. — Меня зовут Айлин. Имя моей матери — Джиллан, отца — Херрел.

Мне потребовалось какое-то время, чтобы во всей полноте постигнуть, что она сделала. Назвав себя и своих родителей, Лунная Дева тем самым показала своё доверие ко мне. Ведь имя — это не просто бессмысленный набор звуков. Когда имеешь дело с Силой, имя выражает тайную сущность человека, его душу. А открыть душу другому можно только тогда, когда безоговорочно ему доверяешь.

«Тебе не следовало этого говорить!» — воскликнул я.

— Но я сделала это!

В голосе Айлин послышался смех. Нет, это был не тот ужасный хохот, которым встретила бы свою победу Урсил-

ла. Девушка рассмеялась — и это означало радость новой дружбы. Меня обдало неведомым мне раньше жаром. Дома, в Кар До Пране, многие могли назваться моими родственниками, но среди них не было ни единого друга. А обитатели Звёздной Башни не только протянули руку помощи, не только спасли меня, но и назвались по имени, а, значит, стали моими друзьями.

— Какой долгий путь, — сдержанно заметила Айлин, словно устыдясь открытого проявления своих чувств.

— Неизвестно, сколько ещё осталось идти, — в тон ей ответил я.

Пока девушка рассказывала о себе, я совсем не обращал внимания на темноту. Но теперь, когда мы замолчали, мрак снова окутал нас непроглядной пеленой. Нужно было хотя бы считать шаги, когда я поднимался, подумалось мне, чтобы знать, как долго нам ещё спускаться. Но тогда мною двигала одна лишь мысль — добраться поскорее до того места, куда отправила меня Урсилла.

Мы спустились всё ниже и ниже. Свет от дисков на юбке Лунной Девы и от полумесяца-подвески не угасал и, слабо сияя в темноте, давал хоть какое-то утешение тем, кто вырос на открытом пространстве, а не в подземелье.

Наконец мы добрались до пещеры, или, точнее, до подземного зала. Я свернул налево, направляясь к центру, где, как полагал, находились троны с сидящими на них истуканами, у которых вместо голов были безликие шары. Вдали замерцал свет.

Сила, которая вела меня, снова окрепла. Я решил, что Урсилле стало известно о моём возвращении, и предупредил об этом свою спутницу.

«Мудрая Женщина и в самом деле знает об этом, — раздался в моём сознании голос Айлин. — Она уже идёт нам навстречу. Но, Кетан, зато ей неизвестно, что Джиллан и Херрел одолели силовой барьер у входа в подземелье и теперь следуют за нами».

Не может быть! А если так, откуда Лунной Деве это известно? Я снова услышал нежный смех девушки.

«Кетан, ради Силы мы едины в помыслах и сердцах наших. Любой из нас знает, где находятся остальные, и что с ними происходит...»

Я не совсем понимал Лунную Деву. Но её решительность вселяла в меня надежду. Я боялся того, что могла сделать Урсилла, но Айлин уверяла, что на этот раз Мудрая Женщина встретит достойный отпор.

Мы уже бежали — я нёсся прыжками, как и подобает леопарду, Айлин же легко летела, словно по лесной поляне.

Мы добрались наконец до каменных фигур. Но среди них был... Могхус! Как он оказался в этом месте? И ещё Леди Элдрис! Кузен и моя бабка стояли неподвижно, словно изваяния. Их будто вырезали из того же камня, что и сидевших на тронах истуканов. В руке Могхуса не было меча. Впрочем, вот он, обнажённый клинок лежал у его ног.

Лицо моего двоюродного брата искажилось от страха и ненависти одновременно. На лице же бабки был написан один только страх, хотя, когда она глянула на свою дочь, Леди Героиз, в её глазах тоже мелькнула ненависть.

Урсилла ждала нас, вытянув жезл, как рыбак удочку, будто готовилась вот-вот вытащить свою добычу из воды.

Айлин больше не было рядом со мной. Оглянувшись, я увидел её лицо, освещённое светом, который излучали безликие шары истуканов. Бесстрастное лицо, никаких чувств — лишь сияли живые прекрасные глаза...

Она держала в руке посох, увитый распустившимися лунными цветами, словно это был только что собранный букет.

— Добро пожаловать, Кетан, — Урсилла первой нарушила тишину. — Ты славно выполнил моё поручение... А ты... — Мудрая Женщина окинула Айлин пристальным взглядом, потом снова посмотрела на меня.

В её глазах мелькнуло удивление. По-видимому, она не ожидала сопротивления от Лунной Колдуньи.

— Итак... — зашипела она, поигрывая своим жезлом. Искры посыпались от него во все стороны.

Я заметил, что Айлин улыбается — не хитро и лукаво, а открыто, как ребёнок.

— Ты звала меня, Мудрая Женщина. Я пришла. Что тебе нужно от меня?

Моя мать внезапно покачнулась — на её лице отразилось смятение.

— Кто... ты? — Леди Героиз прижала руки к груди и тяжело дышала, как будто задыхаясь от бега.

— Я — та, кого позвала Мудрая Женщина, — ответила Айлин.

Взоры всех присутствующих обратились к девушке. Она гордо вскинула голову.

— Нет! — Леди Героиз стала отступать шаг за шагом, когда Айлин начала приближаться к ним. Моя мать была так напугана, словно увидела, как в подземелье вторгается Тень. Она с трудом отвела глаза от Айлин и посмотрела на Урсиллу. Голос её задрожал. — Ты сделала что-то не так...

— Нет! — резко оборвала её Урсилла. Она опустила жезл, хотя по-прежнему направляла его острие на Айлин, которая, казалось, вовсе не замечала этого. — Чары не действуют, несмотря на то, что за ними стоит Сила Древних, — изумлённо выдохнула Мудрая Женщина. — А это означает, что...

Моя мать в изнеможении покачнулась и, чтобы не упасть, опустила руку на плечо Урсиллы.

— Не может быть! — воскликнула она. — Ты думаешь, я не узнаю нашу породу, кровь нашего Клана? Она обладает Силой!

Я слушал их не без удивления. О чём шла речь? Леди Героиз и Мудрая Женщина говорили о чём-то, чего я не знал.

— Почему ты ничего не спрашиваешь об её отце? — лицо Урсиллы расплылось в циничной ухмылке. — Разве тебе известна его кровь?

Моя мать отпустила плечо Урсиллы и отпрянула назад. Она сжала кулаки.

— Нет! Кого ты допустила к моей постели? И кого я воспитала?

Урсилла разразилась тем же ужасным хохотом, как тогда, когда предсказывала, что Могхус выполнит свои обещания.

— Всё не так страшно, как ты думаешь, моя Леди. Тебя ведь не заботило, кого именно ты вырастишь. Важнее всего был сам ребёнок...

На этот раз рукой, свободной от жезла, Мудрая Женщина начертила в воздухе какие-то знаки, и они запылали оранжевым светом. Я переводил взгляд с Урсиллы на Леди Героиз, отказываясь что-либо понимать. Первым занавесу над их тайной поднял Могхус. Он покачнулся с ноги на ногу, словно хотел сдвинуться с места и не мог. Но на его лице отразилось нескрываемое торжество.

— А-а... вот ради чего вы боролись! — рывкнул он. — Теперь-то мне всё стало ясно. Вы отправились к Гунноре произвести на свет наследника, моя Леди. Но вместо сына родилась дочь! Где же вы раздобыли этого возвращённого Тенью ублюдка?

Он бросил на меня презрительный взгляд.

Слова Могхуса, как внезапный луч света, озарили прошлое и многое сделали понятным. Да, теперь я отчётливо представлял, что произошло на самом деле. Честолюбивые замыслы Леди Героиз и Урсиллы разрушились, когда на свет вместо сына появилась дочь, и они не остановились перед тем, чтобы подменить младенцев. Если Урсилла решила вернуть матери утраченную дочь — а это было очень похоже на правду — тогда... Значит, Айлин и есть дочь Леди Героиз! Но тогда, кто я такой?

— Ни звука! — повелительно произнесла Урсилла и направила жезл на Могхуса. Он замолчал, точно подавившись ядом собственных слов, побагровел от злости, но не мог вымолвить ни слова.

— Ещё ничего не потеряно, — обведя нас взглядом,

уверенно сказала Мудрая Женщина. — Почему вы решили, что знаете, зачем я звала её? — и Урсилла кивнула в сторону Айлин. — Девчонка представляет для нас угрозу. И какая нам разница, кто она такая! Мы должны избавиться от опасности любой ценой... — колдунья разразилась злобным смехом. — И привяжем к себе верного сына так крепко, что он никуда от нас не денется, к тому же он поможет освободиться от глупого болтуна.

На этот раз Урсилла махнула жезлом в сторону Могхуса.

Моя мать попятилась. Расширенными глазами она посмотрела на Мудрую Женщину. Потом Леди Героиз вскрикнула, словно от боли, голос её прозвучал непривычно пронзительно, так, что у меня мороз пробежал по коже, а откуда-то из-под земли отозвалось эхо.

Урсилла опустила руку в карман своей необъятной юбки и извлекла на свет... пояс, который подчинял меня её воле. Она медленно расстегнула пряжку в форме головы снежного барса. Та часть пояса, которую разорвал ястреб, была тщательно залатана.

Но прежде чем она успела направить на меня всю силу своего повеления, мне удалось сдвинуться с места. Я призвал на помощь всю свою энергию, собрал в кулак всю свою волю — всё, что смог найти в человеке и в леопарде. Человек... я — человек! Всё моё существо сосредоточилось на одном-единственном желании.

Я стал Кетаном. Животное исчезло.

Леди Элдрис вскрикнула от неожиданности. На этот раз и Леди Героиз отозвалась на её крик. Я заметил, как Айлин еле заметно кивнула мне. Она направила свой цветущий шест в мою сторону. Я догадался, что тем самым она посылает для поддержки дополнительный поток энергии.

Но Урсиллу, казалось, ничуть не встревожило моё превращение. Она, похоже, ожидала чего-то в этом роде. Это меня удивило. Я наклонился и поднял меч, лежавший у ног Могхуса. Сам он продолжал бороться с той силой, которая удерживала его, но безуспешно.

Мудрая Женщина воздела свой жезл. Удастся ли мне

выбить его из рук колдуньи? Металл — верное средство в борьбе с некоторыми проявлениями колдовства, но... Позволила бы мне Урсилла прикоснуться к мечу, если бы боялась его? Не думаю.

Однако она нацелила жезл почему-то не на меня, а на жаровню. Только теперь я заметил, что там снова лежит груда ароматических трав, готовая вот-вот вспыхнуть. Искра ударила в жаровню, поднялась струйка дыма, и вспыхнуло пламя.

Мудрая Женщина снова зловеще рассмеялась.

— А ты неплохо вооружился, Кетан, для того, что тебе предстоит совершить. Это не место Тени. Но здесь стянуты в узел Силы, жаждущие испытать свежей крови. Сделай то, что суждено, — и они устроят пир!

Теперь жезл был направлен прямо мне в сердце.

— Убей её! — невозмутимо приказала Урсилла, словно речь шла о чём-то заурядном и привычном, как будто она велела мне войти, например, в конюшню.

Рука моя против воли поднялась, несмотря на то, что я сопротивлялся всеми силами. Мне страстно хотелось разжать кулак и бросить меч на слой пыли, накопленной в подземелье за долгие века. Моя борьба была столь же изматывающей и напряжённой, что и у Могхуса, но, тщетно упираясь, я всё же поневоле сделал один шаг вперёд, потом второй... Острие клинка поднялось и нацелилось прямо на Айлин.

Нет! Никогда! Я остановился, качаясь, как пьяный. Пусть я лучше навсегда останусь животным! Но не сделаю этого! Пусть Урсилла обратит на меня всю злую власть этого места. Пусть лишит зрения своим колдовством. Пусть разmozжит мою голову... Пусть убьёт всё, что живёт во мне. Но я никогда не сделаю того, что ей нужно!

Я качался из стороны в сторону, меч содрогался в моих руках. Воля Урсиллы боролась с моей волей.

— Беги! — в отчаянии закричал я, и эхо разнесло по подземелью отголоски моего крика. — Беги... беги... беги...

Но Айлин продолжала неподвижно стоять на том же

месте, где стояла. Я не понимал, почему она не убегает. А вдруг и на неё подействовали колдовские чары Урсиллы?

— Убей её! — голос Урсиллы прозвучал резче, чем удар хлыста. В нём слышалось раздражение. Я призвал на помощь всю свою волю...

Потом...

Боль, страшная, невыносимая боль, какой я не ведал раньше, пронзила моё тело. Я закричал, как в смертной тоске кричат звери. Урсилла поднесла пояс к самому огню жаровни — и вот уже пламя охватило его... Языки пламени лизали шерсть — и я чувствовал на себе обжигающее прикосновение огненной стихии.

— Убей её, — кричала теперь в исступлении Мудрая Женщина. — Убей её или сам умрёшь в муках!

М-м-м... Победа останется за ней. Мне не вынести этой пытки... Не справиться с волей Урсиллы...

Но до тех пор, пока смогу держаться, я не сдамся...

Глава 17

О колдовстве, побеждённом и не побеждённом, и о том, как нам стала известна наша судьба

Сквозь кровавое зарево боли, застывшее мне глаза, я увидел, как Айлин подняла свой цветущий шест и направила его на меня. И на какое-то мгновение почувствовал некоторое облегчение. Но как только Урсилла поднесла пояс поближе к огню, страдания возобновились, и боль с новой силой стала терзать меня.

Превозмогая боль, я увидел, как пояс начал извиваться в руках Урсиллы, подобно ужу, пытающемуся вырваться на свободу. Он с силой рванулся, выскользнул из её рук и пронёсся в воздухе. И чья-то рука подхватила его.

Боли я больше не чувствовал. Мучения закончились. А пояс спокойно лежал на ладони той, кого Айлин назвала

Джиллан, Невестой Долин и Зелёной Колдуньей. За ней стоял снежный барс с горящими глазами, в которых отражалось пламя жаровни. Урсилла в растерянности попятилась. Она лишилась пояса, а вместе с ним потеряла всякую власть надо мной. Мудрая Женщина сперва недоверчиво взглянула на свои пустые руки, потом медленно подняла голову и пристально посмотрела на обитателей Звёздной Башни, которые стояли вне озарённого круга. Но их не окутывали тени Тьмы. Их Сила сама излучала свет, схожий с сиянием, исходившим от круга.

Я заметил, как Урсилла переменялась в лице. Она вдруг постарела — не то, чтобы на несколько десятков лет, а как будто века на два. Лицо её сразу осунулось и потемнело, рот провалился, крючковатый нос навис над подбородком. Ни дать ни взять старая ведьма, потерявшая счёт годам.

— Кто... вы... такие?.. — едва выдавила из себя Мудрая Женщина. Говорила она словно нехотя, как бы против собственной воли.

— Те, кого ты звала... — ответила Джиллан — Зелёная Колдунья. — Ты думала, Мудрая Женщина, что можешь потребовать к себе девушку нашей крови, а все остальные не придут?

— Вашей крови! — Урсилла как будто начала приходить в себя и оправилась от потрясения. Она откинула голову назад и громко рассмеялась. — Ты хочешь сказать, что вот эта девчонка... — Мудрая Женщина показала на Айлин, — вашей породы? Ты ошибаешься, женщина! В ней нет вашей крови. Ты вместе со своим покрытым шерстью Лордом промахнулась! Хотите увидеть своё настоящее отродье — посмотрите на этого глупца! — и она презрительно ткнула в меня пальцем.

— Значит, мы слышали правду... — Джиллан не проявила ни малейшего удивления. — Вы разговаривали между собой, но у нас есть уши. Сын мой... — Зелёная Колдунья посмотрела через плечо Урсиллы на меня. — Возьми то, что по праву принадлежит тебе!

Она бросила мне пояс, и я тут же схватил его. Надел,

застегнул циркониевую пряжку — и при этом не нашёл на поясе никаких следов огня.

Урсилла зарычала, словно раненое животное. Её жезл высоко взметнулся, как если бы она готовилась к нападению. Но я теперь был для неё неуязвим, а в руке по-прежнему сжимал рукоять меча.

Я встретился взглядом с Айлин. Что значила для неё правда? Ведь она была для Джиллан и Херрела всё равно как родная дочь.

Но... она по-прежнему оставалась с ними единым целым! Я понял это, едва посмотрев на неё, ибо чувствовал присутствие той Силы, которая связывала их. Пусть она и не была их плотью от плоти, но стала дочерью их сердец, их разума, их знаний. Странно, но Айлин ничему не удивлялась и оставалась всё такой же спокойной, как и всегда.

— Ты думаешь, Мудрая Женщина, — спросила Джиллан, — что можно принять посвящение в Храме Нивы и не научиться всему, что прячет от непосвящённых колдовство? Эта девочка — наше дитя по воли Сил, которые намного могущественнее всего, что мы знаем...

Я не сводил взгляда с Зелёной Колдуньи, которая была моей родной матерью, со снежного барса-Оборотня, который приходился мне отцом, с Айлин, которая стала их наречённой дочерью по воле Высших Сил... Меня охватило чувство невыносимого одиночества. Я знал, что это такое, всю свою жизнь был одинок, но теперь... Теперь моё одиночество стало полным и безнадёжным.

Я больше не наследник Кар До Прана. Могхус станет обладателем того, чего тщетно добивался раньше. Теперь мне больше не грозит служить орудием Урсиллы, ибо правда всплыла на свет. Я снова одинок.

Надежда вернуться к самому себе — горькая ошибка...

И в этот миг Урсилла словно очнулась ото сна. Её жезл вспыхнул, нацеленный на Айлин. Лунную Деву окутал дым, и она скрылась из вида. Я услышал чей-то отчаянный вскрик...

Раздумывать было некогда. Я ринулся вперёд сквозь пламя и дым. Схватил Айлин и потянул её из огня. Мы оказались в огненном круге, который горел не красным, и не оранжевым. Он был намного темнее — то был пурпур Тени. Мы не могли отступать дальше, ибо наши спины упирались в фигуры сидевших на тронах каменных истуканов, к которым уже подбиралась смертельная стена огня...

Лунная Дева держала свой посох, увитый цветами, у самой груди. Я слышал, как она напевает что-то, не размыкая губ. Теперь настала моя очередь отдать ей свои силы.

Я двигался осторожно. Бросил бесполезный меч, потом подхватил девушку, лёгкую, как пушинка, и посадил на колени одного из каменных изваяний. Туда пламя пока не добралось. Возможно, за то время, пока языки огня подымутся выше, Джиллан и Херрел сумеют дать отпор чудовищным Силам Древних, которые вызвала Урсилла.

Сквозь разрывы в пламени я видел всех остальных. Урсилла усердствовала вовсю, очерчивая жезлом в воздухе круг для защиты её и жаровни. Затем она что-то бросила на неё. Мудрую Женщину скрыл дым.

Но я слышал её пение — шипящие, неприятные звуки. Пройдёт ещё немного времени — и злой ведьме удастся пробудить все тёмные чары, что до поры до времени дремали в подземелье. Сквозь дым донёсся холодящий кровь звук костяного свистка — Мудрая Женщина звала...

— Кетан! Забирайся сюда! — это был голос Айлин. Она сжалась на спасительном островке и протянула мне руку. Но места для двоих там не было. Тёмно-пурпурное пламя не давало дышать, я начинал задыхаться.

— Сюда! Наверх! — Айлин схватила меня за плечо. Её ногти впились в мою кожу. Я чувствовал силу её воли — она притягивала меня точно так же, как и заговор Урсиллы, превративший меня недавно в зверя и погнавший за Лунной Девой.

Как ей удалось вырвать меня из пламени — не знаю. Но

воля Айлин подняла меня вверх, и мы оказались вдвоём на коленях сидящего истукана. Мы попали к тому, кто держал в руке полураскрытый цветок. Я заметил, как Айлин пробежала пальцами по его лепесткам, хотя у неё на подошвах были свои лунные цветы.

Девушка больше не призывала на помощь Силу, как тогда, когда меня со всех сторон охватывал огонь, она скорее выжидала... Я не знал, чего именно она ждала, — может быть, какого-либо действия или знака.

Защитный круг Урсиллы коснулся основания фигуры с человеком-игрушкой в руке. Вскоре её вновь окутал дым, и на этот раз клубы долго не рассеивались. Поверх них можно было видеть свечение близких голов-шаров — цвет становился всё насыщеннее.

Огонь уже подбирался к самым ногам статуи, на которую мы взобрались. Мне почудилось, что огонь полыхает как-то особенно злобно, словно пытаясь добраться до нас хотя бы одним из множества своих языков. Но мы по-прежнему оставались недосягаемыми.

Какое-то время мне казалось, что мы в безопасности. Я пытался рассмотреть сквозь пламя, что случилось с остальными. Урсилла всё ещё была скрыта за пеленой дыма. Троица из Большой Башни тесно сбилась. Глаза у всех троих были расширены от страха. Тот заговор, при помощи которого Урсилла околдовала Могхуса, постепенно проходил. Леди Элдрис цепко держалась за внука. Он поднял руку и выставил её вперёд, как бы для защиты. За ними стояла Леди Героиз. Всё её возбуждение прошло бесследно. Она больше не рыдала. Лицо её было в ужасе перекошено, взгляд прикован к дымовой завесе, скрывшей Мудрую Женщину. В нашу сторону никто даже не смотрел.

В воздухе витало предчувствие чего-то необыкновенного. Даже самое толстокожее из живых существ, не обладающее никаким даром, ощутило бы, что в подземной усыпальнице, если, конечно, то была усыпальница, скапливаются чудовищные Силы. Как будто Урсилле удалось открыть некие Врата...

Неужели у многочисленных легенд о Вратах найдётся реальное подтверждение? Айлин повернулась в мою сторону, как только эта мысль пришла мне в голову. Я заметил на её лице удивление.

Мы — те, кто были рождены после великой битвы между Силами Арвона, лишь понаслышке знаем о том, что произошло в столь давние времена.

В Хрониках часто упоминалось о Вратах и о бедствиях, которые могут произойти, если открыть их. Но никогда нам не доводилось читать о самой природе Врат, о том, при помощи каких ключей их можно открыть или где их искать. Эти знания были доступны лишь тем, кто обладал Силой — если только не вмешивалась Тень...

Вполне возможно, что в этом подземелье находятся такие Врата. И если Урсилла, обезумев от злобы, заклятьями открыла их...

Но где же Джиллан и Херрел из Звёздной Башни? Я был так поглощён сначала опасностью, которая грозила Айлин, потом колдовством Мудрой Женщины, что совсем забыл о них. Я стал озираться по сторонам, пытаюсь отыскать вновь обрётённых родителей. Но из-за укрывающей нас фигуры истукана их не было видно. Ладонь Айлин опустилась на мою руку.

Её цветущий жезл был направлен на цветок, который сжимал в руке каменный исполин. Она осторожно повернула острие жезла так, чтобы оно коснулось середины цветка.

— Отдай мне, — произнесла девушка, понизив голос до шёпота, — отдай мне всё, что можешь отдать... сородич!

Она не смотрела на меня, целиком сосредоточившись на цветке статуи и острие жезла. Секундой позже я догадался, что Айлин превратилась в канал Силы, отчасти исходящей из неё самой, отчасти позаимствованной у меня. Я всем своим существом постарался помочь ей.

И настолько велико было моё желание, что весь мир сузился до маленькой точки, где жезл прикасался к цветку. Я чувствовал, как из меня вытекает энергия, как Айлин

подхватывает её, как наши энергии сливаются воедино... Потом — как проходят сквозь жезл...

Всё ярче светились лунные цветы, светло горя над мрачным пурпуром пламени. Айлин по-прежнему без слов зывала ко мне, и я без раздумий делился с ней Силой.

Так точка, которой касался её жезл, загоралась белым огнём. Он разгорался всё жарче, разрастался — и лепестки каменного цветка стали похожи на лепестки лунных цветов, словно на глазах обретали жизнь.

Вдруг исполинская фигура, приютившая нас, стала преображаться. По ней пробежала дрожь... Казалось, будто каменный истукан медленно оживает, а дрожь его сродни биению сердца или дыханию! Я старался не думать ни о чём постороннем. Важнее всего было то, что делала Айлин. Поэтому я старался отгонять прочь даже малейшие подозрения о переменах, происходивших с фигурой.

Цветок в руке изваяния светился, но, скорее, не бледно-лунным цветом, а ярко-серебряным. От лепестков волнами исходило живое тёплое свечение. Потом они начали раскрываться, отгибаясь в стороны, как если бы в мрачном подземелье стоял солнечный день. Из середины подсвечника заструилось серебристое сияние. Я не раз видел, как полевые цветы, отцветая, рассыпают вокруг семени, которые тут же подхватывает ветер. Точно так же от ожившего каменного венчика разлетались во все стороны семена света. Часть из них попадали в дымовую завесу Урсиллы, остальные пали в пурпурное пламя у наших ног.

Айлин отвела жезл в сторону. Она подняла глаза, чтобы взглянуть на безликий шар. Сказывалась потеря энергии. Я ослаб, но поборол усталость и тоже посмотрел наверх.

Внутри овала головы статуи по-прежнему переливались цвета. Но... добавилось что-то ещё! Появилось нечто новое.

Видел ли я что-нибудь на самом деле? Или то игра воображения заставила меня на какое-то время подумать, что за мной наблюдают глаза? Они словно смотрели

откуда-то издалека — полусонные глаза, для которых я ничего не значил... Я не вполне уверен, но всё же мне показалось, что я видел это воочию.

Если глаза истукана и следили за нами, то очень недолго. Потом всё пропало. Жезл в руке Айлин потемнел. Лунные цветы поникли, каменный цветок утратил живое свечение. Но там, куда попали семена света, произошли потрясающие перемены. Всё, чего косались их искры, исчезало. В некоторых местах даже огонь не мог проникнуть на выжженные семенами света круги.

В дымовой завесе Урсиллы возникли бреши. Сквозь них мы смогли увидеть всё, что случилось позже. Я заметил, как к одной из брешей направляются Джиллан и Херрел. Снежный барс пригнулся к земле. Когда чёрный кончик его серебристо-белого хвоста дрогнул, мои мышцы, сохранившие память о недавнем прошлом, когда я был леопардом, тоже непроизвольно сократились.

Херрел прыгнул сквозь брешь. Следом за ним рванулась Джиллан, нацелив на голову Урсиллы свой жезл с листком-острием.

Мудрая Женщина стояла, запрокинув голову назад и закрыв глаза. Из её рта струился шипящий поток неразличимого напева или заклятия. Вдруг голова Урсиллы мотнулась в сторону. Шипение прекратилось. Это снежный барс нанёс ей сокрушительный удар мощной лапой.

Жаровня упала, и всё её содержимое вывалилось. Но это были уже не ароматные травы, которые столь бережно смешивала злая колдунья. Остался лишь серый пепел. Дымовая завеса, скрывавшая Урсиллу, рассеялась.

Но вдруг...

Из моей глотки вырвался хриплый крик, эхом отдавшийся в темноте. Сидевшая рядом с Урсиллой каменная фигура сдвинулась с места! Из её каменной длани выпал человек-игрушка. Огромная ладонь, как клешня, нависла над снежным барсом. Я услышал рычание Оборотня и увидел, как шевелятся губы Урсиллы — она произносила какие-то чудовищные проклятия. Но вот Мудрая Женщи-

на замахнулась на барса и тот отпрянул от её жезла, прямо под неудержимо опускавшуюся руку истукана.

Что делать? Айлин что-то закричала. Мне же некогда было разбирать, что именно она выкрикнула. Я сосредоточился на том, что следует делать. Листок Джиллан трепетал. Жезл, к которому он был прикреплён, метался из стороны в сторону. На её лице был написан страх, но не за себя, а за Херрела.

Потом... Я сам не заметил, как слетел с постамента и оказался внизу. Не глядя, нашарил на полу и крепко сжал рукоятку меча, который прежде бросил у ног приютившей нас с Айлин фигуры. И, покачиваясь, направился вперёд.

Снежный барс одним прыжком выпрыгнул сквозь брешь в дыму. Времени на то, чтобы искать другой вход, не оставалось, и я насильно буквально толкнул в проём своё изнемогающее от усталости тело. У меня был лишь клинок. Но как мне помнилось, для некоторых видов колдовства металл — смертельное оружие. Собрав последние силы, я обеими руками поднял меч. Потом нанёс удар...

Он пришёлся не по самой Урсилле, а по её магическому жезлу. Последовала яркая вспышка, мгновенно ослепившая меня. Я прикрыл рукой глаза. Схватка проиграна!

— Кетан!

На моё плечо опустилась рука Айлин. По голосу я догадался, что это она, хотя и не видел девушку.

Я моргнул несколько раз кряду и снова обрёл зрение. Передо мной как-то странно приземлился после прыжка снежный барс.

Я потёр глаза в надежде окончательно стряхнуть с них пелену. Неизвестно откуда налетел ветер и рассеял последние клубы дыма. У ног той самой фигуры, которая вняла магическим призывам, скрючившись, лежала Мудрая Женщина. Рядом с ней валялся меч Могхуса с полурасплавившимся клинком. А от жезла злой колдуньи не осталось и следа.

Урсилла слабо пошевелилась и вдруг... исчезла! На полу

подземелья остался лишь комочек её пустого платья. Но самой колдуньи больше не было. Над тем местом, где она только что лежала, зависла раскрытая клешня каменной руки, сквозь века добравшаяся до новой игрушки.

— Её Сила... — донёс до меня ветер слова Джиллан, — её Сила сломлена. С ней покончено!

— Да будет так!

Я знал, кому принадлежит этот голос. Девушке, ради которой мне не страшно было бы отдать жизнь. От двух женщин, смотревших на нас во все глаза, медленно отошёл Могхус.

— Если ты желаешь стать владычицей Кар До Прана...

Всё, что произошло в подземелье, казалось, ничего для него не значило. Он обращался к Айлин. Девушка звонко рассмеялась.

— Зачем мне Большая Башня? — она подошла к Джиллан. — Я не стану претендовать на свою долю наследства. У меня есть своё место.

— А ты... — теперь Могхус повернулся ко мне. — Ты не собираешься заявлять свои права...

— Это никому не нужно; — сказал я, еле ворочая языком. Меня одолевала усталость. — Кар До Пран твой, Могхус. Никто не станет оспаривать твою власть над ним.

Кузен недоверчиво посмотрел на меня. Возможно, он не верил мне, потому что, будь он на моём месте, то не стал бы так поступать, а боролся бы за Большую Башню до конца. Но что касается меня, Кар До Пран казался теперь мне далёким и нереальным, как звезда. В самом деле, я был там так одинок и несчастлив... К чему возвращаться в прошлое?

— Да, Лорд Могхус, Кар До Пран принадлежит тебе.

Мы все удивлённо оглянулись. И за кругом сидевших на тронах истуканов с изумлением увидели ещё одного человека. Теперь он вышел на свет. Приблизившись к кругу, где всё ещё плясали пурпурные языки пламени, человек махнул рукой. Огонь исчез.

— Ибикус... — я так устал, что у меня не было сил даже

на то, чтобы гадать, каким образом мнимый торговец очутился в этом месте и в этот час.

Он кивнул.

— Да, это я, Кетан. Вижу, ты нашёл достойное применение полученному тобой подарку...

Моя рука опустилась на талию. Надо бы расстегнуть пряжку и снять с себя пояс. Но что-то во мне противилось этому. Когда понадобится, я снова смогу обернуться животным, но теперь Кетан всегда будет властвовать над леопардом.

Ибикус отвесил поклон. Я понял, что он прочитал мои мысли, словно это были руны, начертанные на пергаменте.

— Ты сделал правильный выбор.

Теперь он склонился перед Джиллан и Херрелом, который снова обрёл человеческий облик. Они тоже поклонились в ответ — однажды я видел, как таким образом Лорд Большой Башни приветствовал посланца Голосов.

— По-твоему, мы участвовали в недостойной игре, Леди? — спросил Ибикус у Джиллан.

Она помедлила.

— Мне кажется, у всего этого действия был смысл, о котором не догадывались сами игроки.

— Ты совершенно права. Для достижения своих целей Урсилла использовала Леди Героиз и её наследника. Её козни потревожили покой тех, кому доверено сохранять Равновесие Сил в Арвоне. Мы воспользовались этой ситуацией для того, чтобы усмирить тех, у кого амбиции возобладали над разумом, и поддержать тех, кто должен крепко стоять на ногах, когда потребуется. С тобой, Леди Джиллан, Айлин стала такой, какой она должна была стать. И не начини Урсилла много лет назад свою игру, не подмени младенцев, эта девушка выросла бы в Кар До Пране и никогда не овладела бы всеми познаниями и не постигла бы всей глубины своих Сил. В то же время Кетан... — Ибикус улыбнулся мне. — Кетан прошёл через испытание

— так меч проверяют на прочность — и доказал, что обладает Силой, достойной своего положения. И, наконец, последнее — то, что объединяет теперь вас, всех четверых...

Ибикус замолк на полуслове, и заговорил Херрел:

— В твоих словах загадка на загадке, Посланец Голосов. Скажи прямо, нам предстоит снова готовиться к сражению?

— Мы можем читать по всем возможным знакам, нам открыто многое, но предсказания такого рода ограничены. Обратни, соединившись с Невестами Долин, положили начало новому поколению. Эти двое... — он указал на Айлин и меня, — тому лучшее подтверждение. Нас предупредили, что это событие чрезвычайной важности, но последствия его ещё откроются в будущем.

Он спокойно стоял перед нами, скрестив руки на груди.

— А теперь... Это место не годится для обитателей Арвона. Оно очень древнее и забытое. Прочь!

Ибикус небрежно махнул рукой в сторону Могхуса, Леди Элдрис и Леди Героиз.

И они тут же... исчезли! Их как будто снесло сквозняком. Потом взглянул на нас четверых, как бы прощаясь. Воздел руки и... Я почувствовал порыв ветра. И наступила темнота. Потом... Нас озаряло солнце. Стояло ясное утро. Снежный барс, Зелёная Колдунья и Айлин смотрели на меня, улыбаясь, и взгляды их были намного теплее лучей солнца.

— Добро пожаловать домой, Кетан! — приветственно воскликнул отец, а Айлин подтолкнула меня к дорожке, ведущей в сад.

ТРОЙКА МЕЧЕЙ

Часть первая

ЛЕДЯНОЙ МЕЧ

Глава 1

Моя мать принадлежала Древней расе, которую герцог Ивьян изгнал из Карстена, объявив вне закона всех, чья кровь более стара, чем род этого выскочки, любителя запретного, якшавшегося даже с ненавистными колдесами.

Из всего состояния, унаследованного от предков с времён более давних, чем появление самого Карстена, матушке, спасаясь от гибели, удалось привести с собой в Эсткарп лишь трёх телохранителей, служивших ещё её отцу. Однако и тех она вскоре отправила к Пограничникам под командование Лорда Симона Трегарта — для защиты от зла, которое пришло в наши края. Мать же нашла убежище у своей дальней родственницы — Леди Крисвиты. А потом она вышла замуж за человека из рода салкаров и, таким образом, оторвалась от своих.

Через некоторое время её муж был убит во время набега на южные порты. Ничем более не связанная с салкарами, мать вернулась в дом Леди Крисвиты, вынашивая во чреве ребёнка, зачатого во время своего короткого замужества. Внезапная болезнь подкосила её здоровье. Жизнь в ней едва теплилась, и в конце того самого дня, когда родился я, она тихо угасла, как свеча, задутая порывом ветра.

Леди Крисвита приняла меня в свою семью. Она была замужем за Лордом Хорваном, также бежавшем с юга. Вся

его семья погибла во время резни, он же был обучен военному делу и оказался весьма полезным на Границе. Пограничники доверяли ему и охотно подчинялись его приказам. У лорда Хорвана и Леди Крисвиты было трое детей — две дочери и сын Имхар, двумя годами старше меня: здоровый, крепкий парень, всегда готовый встать в строй по первому сигналу тревоги, потому что он вырос рядом с войной.

Со мною всё обстояло иначе. С рождения я рос болезненным, слабым, нуждался в постоянном уходе и внимании, капризничал и тем самым раздражал окружающих. Хотя я и пытался соперничать с Имхаром на протяжении всех наших мальчишеских лет, он не давал мне ни единого шанса на успех. Рукоятка меча сидела в его ладони настолько крепко, что казалось, будто он и родился с мечом. А владел он им с таким изяществом и ловкостью, будто клинок являлся продолжением руки. Наблюдать за ним было одно удовольствие.

Имхар бесстрашно ездил верхом, а в дозор начал ходить ещё до того, как просто смог сосчитать годы своих юношеских тренировок. Лорд Хервон по праву гордился наследником, ещё в юности получившим всё для того, чтобы пробить себе дорогу в жизни.

Я тоже тренировался с мечом и арбалетом, но боевое оружие было слишком тяжёлым для моих рук. Среди темнокожих из расы Древних я казался чужаком не только из-за своей слабосильности, но ещё и потому, что у меня светлая кожа и светлые волосы, присущие салкарам, хотя, к сожалению, ни роста, ни силы, свойственных этому народу, я не унаследовал.

Несмотря на постоянное соперничество с Имхаром, в глубине души я тяготел совсем к иному: привлекала меня не воинская слава, что было бы вполне естественно для сына военачальника, а учёба, забытая всеми ныне учёба, которая когда-то была неотъемлемой частью жизни Древних.

Это правда, что нет мужчин, которые могли бы обладать Силой. По крайней мере, именно так провозглашали

Мудрые Женщины — Колдуньи, которые правили Эсткарпом. Однако в старых легендах, обрывки которых хранились в моей памяти, говорилось, что так было не всегда. Иногда по разным причинам на эту стезю мог ступить и мужчина.

Я выучился читать достаточно бегло и жадно выискивал всё, что имело отношение к нашему исчезнувшему прошлому. Я никогда не говорил о таких вещах с окружающими, поскольку они могли подумать, что я повредился в уме и, пожалуй, сочли бы меня даже опасным для их Дома, если бы колдуньи узнали о моей ереси.

В тот год, когда я получил свой меч и впервые отправился верхом в дозор с Пограничной Стражей, главную угрозу для нас представлял Карстен. Преследуя Колдеров, Лорд Симон и его Леди предприняли рискованную вылазку за море и закрыли Врата, через которые приходил к нам этот ужас. Ивъян, лорд всего юга, был уничтожен как приспешник Колдеров. И затем там на некоторое время воцарился хаос, лорды боролись друг с другом за власть.

Победил Пагар из Клина и, чтобы примирить и объединить враждующих, провозгласил крестовый поход против Веем. Как всегда в подобной ситуации, хитрец направил усилия своего народа не на восстановление собственной мирной жизни, а на новую кровопролитную войну.

Произошло великое сражение, причём на пути захватчиков встали не столько наши мечи, сколько Сила Совета Владычиц. В течение одного дня и одной ночи Колдуньи вызывали всю мощь, какую только могли собрать. Сама земля повиновалась командам Совета. Двигались горы, вздымалась и разрывалась почва, реки текли вспять. Победа далась нелегко, многие Колдуньи при этом и сами погибли, так как их использовали в качестве проводящих каналов для этой Силы, пока они не сгорали.

Чтобы на нашей земле не воцарился хаос, как это случилось в Карстене, когда был умерщвлён Ивъян, Корис из Горма взял управление страной в свои руки, и вскоре вся власть целиком перешла от Совета к нему.

К тому времени Лорд Симон и его Леди Джелит давно уже затерялись где-то в северных морях, и не было другого,

достаточно крупного полководца, который заставил бы противника с должным уважением относиться к свободе и независимости Эсткарпа, так что Колдуньи не могли простить Лорду Симону его исчезновения.

От поместья к поместью, от фермы к ферме передавалась смутная и пугающая весть о том, что дети из Дома Трегартов вынуждены спасаться бегством от великого гнева Колдуний, и что теперь они изгнанники, которым никто не смеет оказать помощь.

Шептались о том, что Сила, которой обладал лорд Симон, передалась так же и его сыновьям, и они, вопреки всем обычаям, устроили заговор, чтобы помочь своей сестре выбраться из Обители, где она обучалась. И будто бы оба сына и дочь родились у Леди Джелит сразу друг за другом, в течение получаса, то есть являются близнецами!

Я упоминаю об этой троице потому, что она внесла немалые изменения в мою жизнь, как и в жизнь всего Дома Хорвана. В то время я и сам горел нетерпением узнать как можно больше о молодых лордах Трегартах, которые, как и их отец, так отличались от людей нашей расы.

Когда угроза со стороны Карстена миновала, Лорд Хорван приступил к осуществлению своих заветных планов. За время военных походов он присмотрел райский уголок, который как нельзя лучше подходил для обустройства поместья. Местечко это находилось на востоке страны, в давно покинутом и почти позабытом крае, так что притязания его некому было оспорить.

Нам всё никак не верилось, что настал мир, и, даже приступив к строительству, мы ходили вооружённые, привычно ожидая сигнала тревоги, и расставляли часовых вокруг новостройки. Нас было около пятидесяти человек, в основном мужчины. Правда, под руководством Леди Крисвиты пять женщин занимались хозяйственными делами. В её собственную семью входили дочери, обе сестры и их мужья, а ещё девочка, племянница, на два года моложе меня, мать которой, младшая сестра Леди Крисвиты, впоследствии умерла.

Звали её Крита. Я должен рассказать о ней, хотя это и нелегко. Дело в том, что с того самого мгновения, как я заглянул в её колыбель на женской половине, возникло нечто, связавшее меня с ней. Это не было ни родственным чувством, ни симпатией к противоположному полу, ибо по древнему обычаю нашего народа она должна была, когда придёт время, выйти замуж за Имхара, заложив таким образом фундамент объединённого лордства Хорвана.

Крита бесспорно принадлежала Древней расе, темнокожая и стройная. На мой взгляд, в ней было что-то особенное, какая-то отстраняющая сосредоточенность, будто она порой слышала то, что недоступно слуху и пониманию окружающих.

Из-за слабого здоровья в детстве я больше дружил с Критой, нежели с Имхаром, и она часто обращалась ко мне по разным пустяковым поводам — например, просила помочь ей выходить птичку со сломанным крылышком и тому подобное. С самых ранних лет она обладала особым даром врачевания.

Были у Криты и другие таланты, о чём я узнал гораздо позже, приблизившись к тому возрасту, когда юноши имеют право поступить на службу к Пограничникам. Это случилось, когда я совершенно неожиданно встретил её у ручья, бежавшего вдоль ограды фермы, которую Леди Крисвита называла в то время «домом».

Крита притаилась в траве, та скрывала её почти с головой. Глаза девушки были закрыты, как будто она спала, но руки плавно двигались взад и вперёд. Я в замешательстве глядел на неё и вдруг меня передёрнуло от отвращения и ужаса: перед Критой извивалась змея длинной, пожалуй, с мою руку вместе с мечом. Голова змеи была поднята и качалась, следуя мановениям руки Криты. Я хотел было выхватить меч и изрубить её, но не мог пошевелиться.

Вдруг девушка хлопнула в ладоши и открыла глаза. Змея опустила голову и исчезла в траве, как будто её и не было, как будто мне всё это привиделось.

— Не бойся, Йонан.

Она не оборачивалась и не видела меня, но всё же знала, что это именно я. Как только она заговорила, оцепенение, так внезапно сковавшее меня, прошло. Я сделал к ней пару шагов, и во мне поднялся гнев, равносильный тому страху, который я только что пережил.

— Что это ты делаешь? — строго спросил я.

Она обернулась ко мне.

— Подойди и сядь, иначе я вывихну свою бедную шею, разговаривая с тобой. Ну и гора!

Прежде чем сесть, я тщательно осмотрел траву, борясь с сильным желанием потыкать туда мечом, чтобы не угодить на её недавнего «собеседника» (можно себе представить, какие бы это имело последствия для нас обоих), и только потом опустился рядом с ней.

— Я думаю, это — часть врачевания... — голос её звучал неуверенно. — Меня не бояться ни крылатые, ни мохнатые, а сегодня я убедилась, что и чешуйчатые — тоже. Я думаю, мы напрасно ограничиваем своё сознание и отгораживаемся от явлений, подобных тому, что ты сейчас видел, — она чуть наклонилась вперёд и, прикоснувшись кончиками пальцев к моему мечу, вложенному в ножны, продолжала:

— Вот из-за этого мы и не можем слышать многое из того что составляет окружающий нас большой мир!

Я перевёл дух, гнев мой поостыл. К тому же какое-то внутреннее чувство подсказывало мне, что Крита так же хорошо знает, что делает, как я знаю приёмы обращения с мечом.

— Йонан, помнишь те старые сказки, которые ты мне когда-то рассказывал?

Обрывками легенд и словами из древних песен я делился с одной только Критой.

— В том мире Силой обладали и мужчины, — сказала она.

— Эту Силу кое-кто имел и в Эсткарпе, — уточнил я. И вдруг во мне всколыхнулся новый страх. Эти Колдуньи... Они всегда стремились пополнить свои ряды и прибирали к рукам всех девочек, у которых обнаруживались необычайные способности. Нет, это не для Криты, она не

должна исчезнуть за глухими серыми стенами Обители Мудрости, отдав весь окружающий мир за право обладать Силой!.. Крита всё поняла, хотя я не произнёс ни слова, и мягко сказала:

— Йонан, я не Колдунья и не собираюсь ею стать. Всем, что я знаю и умею, я делюсь только с тобой. Потому что ты понимаешь, что свобода превышает Силы, хотя так думают, наверное, только единицы.

Я крепко сжал её запястья и встретился с пристальным взглядом её глаз.

— Поклянись, что больше не будешь так делать ни с кем из чешуйчатых! — запальчиво воскликнул я.

Она усмехнулась.

— Я не стану клясться, Йонан. Самое большее, что я могу тебе обещать, это не очень рисковать.

Мне пришлось довольствоваться этим, хотя в глубине души я вовсе не был удовлетворён, особенно когда думал о том, что она ещё может вытворить. Но больше мы об этом не говорили. Вскоре я ушёл к Пограничникам, и с Критой мы виделись теперь очень редко.

Но когда мы начали строить новое поместье, всё изменилось. Крита приближалась к возрасту, когда девушке пора выходить замуж. Ещё несколько месяцев — и она будет принадлежать Имхару. Мысли об этом окутывали меня тёмным покрывалом горя. Я старался избегать её, старался совладать со своими чувствами, но ничего не получалось.

А уже в самом конце строительства пришёл этот чужеземец.

Его привёл один из наших часовых, к Лорду Хорвану он обратился с должным приветствием, как гость к уважаемому хозяину. Однако все заметили в нём некую странность — глаза. Он был молод и в его жилах явно текла кровь Древней расы, но глаза у него были не серыми, как у всех Древних, а синими. Держался он с достоинством, словно имел право приветствовать взрослых воинов, как равный среди равных.

Сначала он предупредил, что находится под заклатьем,

но вскоре открылся. Он оказался одним из сыновей Симона Трегарта, объявленных вне закона, и пришёл вербовать добровольцев для заселения земель, простиравшихся далеко на востоке, — Эскора, той прародины расы Древних, откуда происходили все мы.

Лорд Хорван усмотрел в появлении молодого Трегарта опасность, и капитан его воинов, Годар, разделял его опасения. Решено было отдать юношу в руки стражников Совета, иначе мы бы тоже оказались вне закона.

Годар и молодой лорд усаkali, а нами вдруг овладели нетерпение и охота к перемене мест. Все заговорили о восточных землях. Нам надо было идти рубить лес, а вместо этого мы топтались вокруг недостроенного дома и поглядывали на горы, которые высились на востоке. В нас зрело напряжение и желание что-то предпринять.

Затем вернулся Годар со своими людьми и рассказал невероятную историю, хотя мы и без того знали, что на этой призрачной земле происходит много странного. Едва они пустились в путь, как откуда-то появились огромные стаи птиц и зверей и преградили им путь на запад. Двигаться можно было только на восток. В сопровождении этого эскорта пернатых и мохнатых молодой Лорд Кайлан Трегарт отправился к горам, а Годару и его людям позволили беспрепятственно вернуться домой.

Когда Годар закончил свой рассказ, поднялась Леди Крисвита и обратилась к собравшимся:

— Этому можно верить. Неужели хоть кто-нибудь здесь в доме станет отрицать, что у него не возникло сильное желание сесть на коня? Я говорила с Кайланом Трегартом наедине — он прав, приглашая нас туда. Я думаю, мы должны последовать его совету и побыстрее отправиться в путь. Нам уже трудно противиться нашему стремлению.

Я почувствовал, что она передала и мои ощущения, во мне поднималось страстное желание отправиться в путь, как будто меня ожидало какое-то великое и радостное событие. Взглянув по сторонам, я прочел на лицах собравшихся те же чувства.

Вот так и получилось, что мы отправились неведомо

куда, бросив недостроенное поместье, которое собирались сделать своим домом, устремившись навстречу неизвестным опасностям, может быть, даже более страшным, чем Карстен или Колдеры.

Глава 2

Таким вот образом мы и оказались в Эскоре, стране, давным-давно погубленной волшебством адептов, возмнивших себя выше законов природы и человеческих. На протяжении многих поколений, сменявших друг друга, эта местность являлась миром, в котором сохранялось неустойчивое равновесие между Силами Света и Тьмы. Постепенно Великие исчезли — часть их погибла в диких ссорах между собой, оставив после себя осквернённую и погубленную землю. Другие сотворили Ворота в иные миры и ушли через них — кто из любознательности, кто в погоне за властью.

Прошло ещё какое-то время, и на месте исчезнувших Великих оказались их потомки. Они творили посредством мутаций различные жизненные формы, нечеловеческие по облику. Некоторые из них были достаточно близки к человеку, чтобы угадать родство с ним. Другие принадлежали Тьме и действовали по её законам, продолжая опустошать страну.

Ещё до того, как раса Древних вызвала к жизни свою Силу, на этой земле жил другой народ — не людей, но существ, похожих на них. Они имели более тесную связь с природой, поскольку не стремились противоборствовать ей или изменять её, как это в обычае у людей. Напротив, они жили в единении с ней, подчиняясь сезонным ритмам, и жизнь их была тесно связана с жизнью окружающей природы.

Это был народ Зелёного Безмолвия. Когда катастрофа, вызванная войной Великих, обрушилась на эту землю, они переселились в долину, расположенную восточнее, и прихватили с собой некоторых из существ, созданных адептами, — кого добровольно, а кого и насильно. В своей долине

народ Зелёного Безмолвия жил уединённо и замкнуто, не поддерживая никаких связей с остальными жителями этой несчастной страны.

Были ещё и другие побочные ветви расы Древних, которые не сумели овладеть запретным знанием и потому были обречены на прозябание. Гонимые порождениями Мрака, они переселялись на запад, пока не достигали Эсткарпа и Карстена. Там, подобно тому как поступили Колдуньи с войском Пагара, те из них, кто обладал Силой, вызвали мощные землетрясения, отрезавшие их от древней родины. Заклятие, которое они наложили на людей, было таким сильным, что мы даже думать не могли о востоке, он стёрся, исчез из нашей памяти. Так было до тех пор, пока полукровки, молодые лорды из Дома Трегартов и их сестра, на которых заклиние не действовало, не осмелились вернуться и позвать за собой других.

Путешествие было нелёгким. Сама местность, казалось, воздвигала бесчисленные преграды на нашем пути. У границы нас встретил Кайлан и повёл дальше знакомым ему путём, но вскоре нас выследили создания Тьмы, так что до Зелёной Долины мы добирались с таким же трудом, как предыдущее поколение спасалось от бойни в Карстене.

Зелёная Долина сама по себе в какой-то мере могла предоставить безопасность. Древние скалы, пещеры и валуны до сих пор хранили старинные знаки и руны. Тем не менее посланцы Тьмы проникали и сюда, и от соприкосновения с ними никто не был застрахован. Тьма могла вторгаться в жизнь людей и других созданий.

Дома Зелёного Народа выглядели странно, хотя и радовали глаз. Они были построены не из дерева, камня или других материалов, а скорее выращены. Кусты и деревья сплетались ветвями, образуя как сплошные зелёные стены, так и небольшие перегородки внутри, а крышей служил зелёный навес, населённый птицами. И птицы здесь повиновались Леди Дагоне.

Она словно вышла из самых древних наших легенд — лесная женщина, способная заставить растения цвести или плодоносить по одному лишь её желанию. Как и весь

этот народ, она выглядела чуждой. В глазах мужчин она не была одной и той же, меняясь каждую минуту. Так, в какой-то миг она имела волосы салкаров — рыжие, солнечного цвета на концах прядей, а в следующий — чёрные локоны и кожу цвета слоновой кости, как у расы Древних.

Её соправителем здесь был Эфутур. Он тоже непрерывно менялся, хотя и не так разнообразно, как Леди Дагона. При всех его видоизменениях единственное, что оставалось постоянным, так это маленькие рожки, которые начинались надо лбом, от первых завитков волос. По приказанию Лорда Хорвана мы разбили в долине палаточный лагерь, потому что приближалась зима, скоро должны были наступить холода.

Казалось, сами легенды здесь претворились в жизнь. Вокруг нас летали, ходили, резвились странные создания, известные по древним песням. Мы долго считали, что создания эти — всего лишь плод нашего воображения. Так, там были фланнаны — очень маленькие, но в достаточной мере человекоподобные существа, издали кажущиеся детьми. Крылатые, они иногда танцевали в воздухе, доставляя окружающим истинное наслаждение своим видом. Там были рентаны — большие, как лошади, но с пушистыми хвостами, которыми они неторопливо обмахивались. У каждого на лбу торчал рог — красный, светлый, изгибающийся наподобие серпа. Это они привезли нас с гор, но их никак нельзя было назвать рабами своих всадников. Гордый, образованный народ, союзники, а не слуги.

Среди обитателей долины был и народ Ящериц, их я вскоре узнал достаточно хорошо, потому что мой первый здешний друг принадлежал именно к Ящерицам.

Для Криты Долина стала раем, землёй обетованной. Она расцвела, превратившись из подростка в красивую загадочную девушку, которую даже я не мог понять. Крита очень привязалась к Дагоне и неотступно следовала за ней в страстном желании познать всё, чему бы волшебница не стала её учить.

Имхар всё свободное время пропадал на совете воинов, большинство которых было старше нас; он жадно, как губка, впитывал в себя сведения о военном деле.

Мы пришли в Долину, где царил мир, однако Долина была лишь малой частью этого обширного края. Эскор вокруг нас прямо-таки бурлил. Сам Эфутур и молодой лорд Кимок Трегарт отправились к жителям вод кроганам, предлагая заключить союзнический договор. В разные стороны устремились и другие посланники, чтобы в случае войны собрать всех наших сторонников под боевые знамёна.

Мы обладали оружием, испытанными кольчугами, но всего этого могло оказаться недостаточно, чтобы успешно противостоять врагу, потому что здесь нам придётся иметь дело не с людьми, а с чуждой нам жизнью, дьявольским порождением.

Я наряду со всеми другими занимался военной подготовкой, но чувство одиночества не оставляло меня. Во всём нашем отряде не было никого, кто мог бы стать мне братом-защитником или хотя бы собутыльником. С Кри-той же мы теперь встречались совсем редко.

И вот наступил день, когда буря грянула! Собственно, с этого дня и начинается истинная история Йонана, потому что, если окинуть взором прошлое, приходится признать, что до этого я был всего лишь заготовкой, грубо обработанной болванкой.

В тот день проводник из народа Зелёного Безмолвия повёл на разведку меченосцев Лорда Хорвана, среди которых был и я. Нам предстояло подняться на скалистый хребет, который окружал и защищал от злых ветров нашу Долину. Нам предстояло перевалить на ту сторону и, произведя рекогносцировку, выбрать подходящее место для отражения вражеского нашествия. Когда мы выходили из лагеря, стоял солнечный день, но вскоре небо затянули тучи, и наш предводитель Ягат, глянув на них, объявил, что надо вернуться до того, как на горную цепь налетит буря.

Тучи (порождение Тьмы или каприз природы?) надви-

гались так быстро, что мы и в самом деле заторопились. Я был в колонне замыкающим, и когда на скалы с рёвом обрушился ураганный ветер, заглушивший предостерегающий крик нашего проводника, я потерял равновесие и начал соскальзывать вниз, пытаясь уцепиться за камни и обдирая пальцы в кровь. Каким-то чудом мне удалось задержаться в небольшой расщелине. Хлынул ливень, и водяные струи обрушились на меня. Я как можно глубже втискивался в узкую щель, пытаясь укрыться хотя бы от ветра, но это были напрасные попытки.

Кусочек неба, который я мог видеть, непрерывно озарили молнии, и это напомнило мне о самом грозном оружии народа Зелёного Безмолвия — силовых кнутах. Одна из молний ударила где-то совсем рядом, земля содрогнулась, раздался оглушительный треск, сопровождаемый характерным запахом разряда.

Расщелина моя начала заполняться водой. Быстрые мутные струи несли с собой клочки сухой травы, ветки, мелкие камешки. Вода очень быстро поднялась мне до колен, затем до бёдер. Я извивался всем телом, пытаясь забраться повыше, но мне не за что было ухватиться, не на что опереться.

Я был совсем один в этой каменной мышеловке, под секущими струями дождя, сопровождаемыми непрерывными громовыми раскатами; мутный поток, достигавший уже моей груди, каждый миг грозил сбить меня с ног и унести в пропасть. В довершение всего я сделал неловкое движение, и лодыжку пронзила боль — такая острая, что я на секунду потерял сознание.

Внезапно при очередной вспышке молнии в стене расщелины как раз над моей головой что-то блеснуло отражённым светом. Наверно, какой-нибудь кристалл, каких немало можно найти среди скальных пород. Сбитыми до крови пальцами я дотянулся до этого «чего-то» и ощутил холодную отполированную поверхность, удивительно приятную на ощупь. В полной темноте я попытался исследовать свою находку.

Она была размером с мой большой палец, может быть, чуть побольше, и походила на обломок жезла. Я попробовал выдернуть его из скалы, и мне показалось, что он поддаётся моим усилиям, но их явно не хватало, чтобы всё-таки выдернуть эту штуковину. Что-то привлекало меня в находке, какая-то странная магнетическая сила исходила из этого отполированного куска... я не знаю чего. Поверхность его была слишком гладкой для камня и напоминала грань кристалла или отполированный металл. И можно было не сомневаться: находка моя — явно нерукотворного происхождения — она буквально выростала из скалы.

Стихия понемногу утихомиривалась. Их своей западни я пытался рассмотреть, что делается внизу, но темнота стояла кромешная. Видны были только вспышки молний, они смещались вместе с грозой в сторону, яркость их ослабевала, изменялся цвет. Я знал, что голубые вспышки указывают безопасное место, где можно найти приют, тогда как зелёные или, ещё хуже, чёрно-красные, указывают места-ловушки. В своих походах по горам мы всегда старались отмечать такие места.

Гроза стихала, небо прояснялось. Мне показалось, что прошло очень много времени. Бурный поток, устремившийся в мою расщелину, резко пошёл на убыль. Я высунулся из-под каменного навеса, под которым пытался укрыться от грозы, и сделал попытку распрямиться. Тело моё заоченело, я промок до нитки, а повреждённая лодыжка делала болезненным каждое движение. Кое-как я всё-таки выбрался из расщелины, но двигаться дальше не мог — острая боль в ноге буквально не давала ступить.

И тут я застыл. Внезапно над моей головой раздался какой-то шорох, посыпались мелкие камешки. Казалось, кто-то спускался по склону. Может быть, это создание Тьмы и мне следует остерегаться?

Сверкнула молния, и я разглядел сверху зубастую физиономию существа народа Ящериц, а потом и его передние лапы, так похожие на детские ручонки с растопыренными

пальчиками. В них он держал тонкую сеть с мелкой ячейей, в которой лежал небольшой округлый камень, от которого исходило неяркоое свечение.

Народ Ящериц, подобно другим негуманоидам, общается с помощью обмена мыслями. Но я и подумать не мог, что Крита так быстро сумела научиться этому. Ясно было только одно: Ящерицу послала ко мне она. Я поднял руку и взял светящийся камень. С его помощью мне удалось осмотреть ногу. Ступня и лодыжка распухли: я основательно подвернул ногу.

Жестами я попытался объяснить своё положение. Мой спаситель безмолвно глядел на меня изумрудно-зелёными глазами, а затем исчез. Хотелось надеяться, что он отправился за помощью. Но я не знал, радоваться мне по этому поводу или огорчаться. Моя неприспособленность и без того долгое время была предметом насмешек и грубоватых шуток, которыми меня осыпали в отряде. И теперь в первом же серьёзном походе я опять попал впросак...

С уходом Ящерицы любопытство потянуло меня назад, под выступ, посмотреть, что же я нашёл в скале. Я протянул вперёд свой неяркий светильник, и в глаза мне брызнул ослепительный луч.

Да, скорее всего, это был жезл, увенчанный кристаллом. Свет, который он испускал под воздействием тусклого светильника Ящерицы, был синеватого оттенка. Жезл торчал прямо из скальной породы, но в том, что это продукт иного разума, сомнений быть не могло. Удивляло то, что он так плотно находился в породе, будто упакованный в неё.

Я протянул руку и дёрнул изо всей силы. Кристалл даже не шелохнулся. Для того, чтобы извлечь его, надо было разрушить окружавшую его породу. Но как? Однако я знал, что должен это сделать. На всех нас, пришедших в Эсмор, влияли некие чары. Теперь я почувствовал, что мною движет какая-то сила. И я мог бы поклясться, что находка моя имеет большое значение.

Сверху опять послышался шорох, и я быстро обернулся.

Это Ящерица с необычайной лёгкостью спускался вниз по почти отвесной стене. С плеча его свисала смотанная в кольцо верёвка. Спустившись ниже, он сделал мне знак, чтобы я обвязался её концом.

Вот так и случилось, что в эту грозовую ночь я узнал своё предназначение на этой земле, столь долго покрытой Тьмой, и нашёл друга. Этим другом стал Тсали из народа Ящериц, существо, которое готово было отдать за меня не только жизнь, но и нечто большее...

Глава 3

Итак, на какое-то время я стал пленником Долины. Но сразу по возвращении в Долину Крита, применяя полученные от Леди Дагоны знания, принесла мне пузырящейся красной глины. Нога так распухла, что снять ботинок оказалось невозможно, и его просто разрезали. Крита обмазала глиной всю лодыжку, боль постепенно утихла, и я уснул.

Мои сны никогда не совпадали с реальностью, ни один из них нельзя было назвать и посланием Силы, какие время от времени получали люди моей расы как предостережения. Однако на этот раз сон мой был настолько реален, будто я вовсе и не спал и всё происходившее в нём случилось наяву. Я держал меч, который подходил к моей руке так, словно являлся частью тела, и в своём сне я не мог представить жизни без него.

Но вместе с тем я испытывал великую печаль и великий страх, но не за себя, а за других. Я шёл и безмолвно оплакивал потерю, великую потерю, которая давила меня к земле сильнее, чем самый тяжёлый заплечный мешок. Кольчуга, в которую я был одет, местами порвалась и пошла пятнами ржавчины; левая рука, прижатая к боку, была окровавлена и при малейшем прикосновении вызывала боль. Это угнетало меня больше всего, потому что тело должно было ещё послужить мне. Мне необходимо было кое-что сделать на этой земле, прежде чем умереть.

Смерть настигала меня, и это была истина, которую я

знал. Всё потеряно, всё отдано Тьме, оставалось лишь то, что висело у меня на поясе, — мой меч. Угасающим сознанием я понимал, что этот меч не должен достаться тем, кто меня преследовал буквально по пятам.

Я шатался, боль и слабость гнули моё тело к земле. Перед глазами всё мелькало и расплывалось. Время моё кончалось, жизнь вытекала капля за каплей. Я знал, что если упаду, то уже не смогу подняться.

На ноги будто привесили камни, и каждый шаг становился короче предыдущего. Но я ещё двигался вперёд. Всё вокруг было как в тумане. С губ слетали слова, непонятные мне самому. Однако когда-то я понимал смысл этих слов, они были для меня оружием столь же надёжным, как и сам меч...

Пожалуй, именно Сила слов помогла мне перешагнуть пределы человеческой выносливости. Дыхание прерывалось, я уже не мог совладать с болью, пронзавшей всё моё тело, хотя пока и держался огромным усилием воли.

Наконец я доковылял до края пропасти, слизывая с губ капли влаги. Вот и конец моего пути. Снизу поднимался туман, но я понимал какой-то частичкой моего изнурённого сознания, что туман этот рождался в глубине пропасти, лежавшей передо мной. Там горная порода бурлила, пенилась и вдруг начинала кипеть, словно вода. В это бурление я и швырнул свой меч. И некая сила, которая всё это время помогала мне держаться на ногах и прийти сюда с поля боя, где восторжествовала Тьма, та Сила оставила меня окончательно.

Я рухнул на землю и беспомощно распластался на ней, зная, что сделал всё как надо и теперь могу с готовностью принять смерть. И в этот момент я проснулся. Я осмотрел себя, ожидая увидеть порванную кольчугу и пятна запёкшейся крови на ней, но вместо этого увидел свою гладкую, чистую, молодую кожу. Только тогда я понял, что мне всё приснилось.

В этом сне я не был Йонаном, нет. Я не мог назвать имя человека, которым был во сне, зато вынес из него главное:

тот кристалл, тот обломок жезла, который я обнаружил в стене расщелины во время недавней грозы, — это и есть меч. Однажды его рукоять уже лежала в моей ладони удобно и надёжно, да пребудет и снова так!

У меня возникло ощущение, что всё происходящее следует сохранить в тайне. Не знаю, почему я так решил. Имхар стал глумиться над моей неприспособленностью — я смолчал, терпеливо вынося насмешки. Когда пришла Крита, чтобы осмотреть мою ногу, я попросил её позаботиться о мужчине из народа Ящериц, который нашёл меня и помог выбраться.

Она-то и назвала мне его имя — Тсали — и сказала, что он один из проводников через хребет. Я вновь позавидовал её дару общения с другими существами и попросил передать Тсали мою благодарность. Однако удивлению моему не было границ, когда позже, вскоре после того, как ушла Крита, он проник в маленькое помещение, где я лежал, и присел на корточки рядом, разглядывая меня своими изумрудными глазами.

Среди своего народа он слыл очень рослым — доставал мне почти до плеча. Сейчас он сидел на задних лапах, откинув назад для равновесия хвост. Одно из его запястий охватывал браслет, состоявший из чередовавшихся красных и белых бусин, которые он перебирал поодиночке своими тонкими пальцами, как будто пересчитывал. Я и прежде видел такие браслеты у существ его народа и вспомнил замечание кого-то из наших, что таким образом Ящерицы производят свои записи.

Я посмотрел на его голову, украшенную гребнем, и заговорил, хотя знал, что слова, звучащие даже на древнем языке моей расы, лишены для него всякого смысла. Передавать информацию из мозга в мозг, минуя язык, умеют только народы Зелёного Безмолвия, и адресуется это тем, кто, как и они, часть Светлых сил и противостоят Тьме.

Внезапно Тсали перестал перебирать свои бусины на запястье и достал из мешочка на поясе, который был

единственным элементом одежды на его радужно раскрашенном теле, плоский гладкий камень размером с мою ладонь. На нём виднелись вырезанные строчки рун. Буквы первой строчки были заполнены золотой краской, второй — красной, третьей и последней — зловещей чёрной.

Мне и прежде доводилось видеть такие плитки. Они служили для предсказаний, ими пользовались Мудрые Женщины, у которых не доставало Силы, чтобы стать истинными Колдуньями. Однако, когда Тсали поднёс плитку к моим глазам, стало ясно, что эти руны чем-то отличаются от виденных ранее мною.

Держа камень с письменами в одной руке, мужчина-Ящерица другой взял меня за запястье, прежде чем я понял, что он собирается делать. Своей рукой он поднимал мою до тех пор, пока пальцы не ощутили гладкую поверхность камня и не почувствовали неровности глубоко врезуемых знаков. Странно, но камень был не холодным, как я ожидал, а тёплым, будто находился неподалёку от огня.

Под пальцами символы стали гораздо чётче и как бы засветились. Первая строчка — золотым, вторая — красным, и наконец, третья — чёрным. Правда, от последнего ряда мои пальцы сами собой отдёрнулись, потому что я знал, хотя и не соприкасался близко с Силой, что чёрные письмена могут оказаться знаками дурных предзнаменований и отчаяния.

Тсали наблюдал, как под моими пальцами руны возрождаются к жизни и снова гаснут, и в его чешуйчатом теле ощущалось растущее напряжение. Мне почудилось, что он удивился, когда я оказался не в состоянии прочесть то, что оживало под моими пальцами, а он — мог. Когда я наконец коснулся последнего символа, он взял у меня из рук плитку и положил обратно в мешочек.

Мне показалось, что он сейчас встанет и уйдёт, но он лишь подался вперёд и устремил на меня настойчивый взгляд, как будто требовал какого-то ответа. Медленно, очень медленно в моём мозгу что-то слабо зашевелилось.

Вначале меня даже отшатнуло от него. Я был изумлён и никак не мог поверить, что это более, чем игра моего воображения.

Это не было полноценным общением на уровне сознания, я был начисто лишён такой способности. Однако заданный мне вопрос определённого смысла я смог ощутить. Вопрос этот имел какое-то отношение к отдалённому прошлому.

Но к чему это? В моём прошлом не было ничего примечательного, что заставило бы Тсали так глубоко проникать в мой мозг. В Доме Хорвана я считал себя наименее значительным лицом. Я даже не был чистокровным Древним. Или...

Кем же я был на самом деле? На миг мне показалось, что я вернулся обратно в свой сон, сон, в котором я шёл прямо к смерти, чтобы сохранить что-то важное, гораздо более ценное, чем собственная жизнь, хотя оно и не принадлежало мне. Оказывается, даже наяву я в подробностях помнил, как поднимался к жерлу вулкана и как бросил в кипящую магму меч, который был словно частицей меня самого.

Но то был лишь сон, всё в нём происходило не здесь и не сейчас, не я был тем чужестранцем, смертельно раненым в неизвестной мне битве. А я — это я, Йонан, полукровка, слабак...

Я — и он! Оба! Оба во мне!..

Теперь я знал это, но каким образом — объяснить не мог. Мне доводилось слышать утверждения некоторых чудаков, что кроме Великих, способных прожить много жизней, были и другие, обычные люди, которые после смерти снова возвращались в эту жизнь, рождённые заново, если не выполнили какую-то миссию, возложенную на них свыше. Таким образом, им снова предоставлялась возможность завершить свою миссию.

Был ли я таким человеком? Был ли мой сон вещим или просто игрой воображения? Никто не мог ни доказать, ни опровергнуть это. Однако та моя дорога к смерти стала для меня настолько реальной, как будто я действительно

совсем недавно — вчера или позавчера, — спотыкаясь, шёл этим путём.

Теперь я знал, что должен выяснить для самого себя. Но чтобы сделать это, остаётся только одно: я должен вернуться на скалы, где нас застигла гроза, отыскать расщелину и извлечь из камня то, что в нём заключено. Если бы я увидел ЭТО ещё раз, ещё раз взял в руку, тогда, пожалуй, то знание, которое было моим и которому предназначено снова стать моим, могло бы возвратиться ко мне.

Тсали издал тихое шипение. Что бы оно ни означало, я стряхнул охватившее меня оцепенение. Тсали всё ещё глядел на меня, но уже не так пристально и требовательно. Голова его, украшенная гребнем, несколько раз дёрнулась сверху вниз — он кивал мне, тем мыслям, которые прочёл в моём мозгу и одобрил.

Я заговорил, хотя и не был уверен, что издаваемые мною звуки понятны его слуховому аппарату, устроенному совершенно иначе, чем у нас:

— Туда! Я должен вернуться в скалы!

Казалось, он понял, потому что с важным видом кивнул ещё раз. Этот кивок являлся как бы разрешением поступить так, как я задумал.

Теперь я нетерпеливо ждал, когда снова смогу ходить, и надоедал Крите просьбами избавить меня от тяжёлого глиняного комка. Надоедал до тех пор, пока она не разбила его и не освободила мою ногу. Боли я не испытывал. От опухоли не осталось и следа, а когда я встал, то почувствовал себя совершенно нормально.

Тем не менее, чтобы выполнить задуманное, мне необходимо было время, а улучшить его оказалось очень не просто. Я не мог оставить лагерь, не имел права уклониться от ежедневных обязательных упражнений с оружием — ведь из всех этих проверок, ходьбы строем, тренировок и состояла жизнь нашего маленького гарнизона. Не мог я и отпроситься у Лорда Хорвана — не знаю, почему, но во мне появилась твёрдая убеждённость, что я никому, кроме Тсали, не должен рассказывать о своей находке. Но вот после трёх дней нетерпеливого ожидания мне всё же

удалось ускользнуть. Предстояло ещё раз взобраться на те скалы. Прежде чем я достиг первых уступов, откуда-то появился мужчина-Ящерица, мелькая среди скал с проворством, на какое не способен ни один человек.

То, что ко мне присоединился Тсали, порадовало меня. Той ночью я не заметил надёжных ориентиров и теперь стоял в растерянности: я не знал даже, в каком направлении начать поиск расщелины, в которую так неожиданно свалился. Тсали догадался о моём затруднении и ясно дал понять, что поведёт меня.

В этот день не было облаков, и суровые вершины гор, окружавших Долину, были хорошо видны. Горы оказались изрезаны множеством расщелин, и все они походили друг на друга как две капли воды. Но Тсали сразу взял нужное направление и уверенно повёл меня за собой.

Очень скоро я оказался перед знакомой расщелиной. На поясе у меня висели в мешочке небольшой молоток, который я тайком взял в кузнице, и острое зубило. С их помощью я надеялся вырубить из скальной породы заключённое в ней ЭТО, хотя и не был уверен, сможет ли металл одолеть камень скалы.

Я влез в расщелину и пробрался до знакомого каменного козырька, под которым пытался укрыться от ливня. Где-то здесь... Тсали улёгся брюхом прямо на камне с краю расщелины и спокойно наблюдал за мной, а я никак не мог найти то, что искал, потому что по цвету ЭТО никак не отличалось от заключающей его породы.

Мне помогло то, что оно чуть высывалось из каменной стенки, и я нашёл его на ощупь. Да, ЭТО действительно имело форму кристалла, но серого, непрозрачного, не отличимого от любого выступа рядом. Каким же образом тусклый свет камня-фонаря заставил его так сверкнуть? Я тронул ЭТО пальцем. Да, оно чуть заметно шевельнулось. Присмотревшись, я обнаружил едва заметную границу, отделявшую находку от породы.

Я пустил в ход зубило и молоток, с величайшей осторожностью отбивая от скалы мелкие осколки вокруг кристалла.

Работа поглотила меня целиком. Я не замечал, как палит

солнце, превращая расщелину в раскалённую сковородку. Пришлось сбросить сперва кольчужную рубашку, затем жилет из многослойной кожи. Спину жгли солнечные лучи, но я ничего не чувствовал. Руки мои начали дрожать, я прервал работу и привалился к стенке расщелины, внезапно испугавшись, что неосторожным движением могу повредить ЭТО. Сверху слышалось шипение. Я поднял голову. Тсали спускал мне выдолбленную тыкву, некое подобие фляжки.

Выдернув затычку, я с благодарностью напился воды. Болели руки, горели обожжённые на солнце плечи, но когда я вернулся к прерванной работе, дух мой воспрянул, подобно глотке, утолившей жажду. Штырь с кристаллом, по мере того как я отбивал вокруг него породу, всё больше напоминал рукоятку меча. Но тогда сколько же потребуется времени и сил, чтобы высвободить весь клинок, и возможно ли это вообще? Любой металл расплавится, попав в раскалённую магму, как это произошло в моём сне.

Я протянул руку и обхватил кончик рукоятки пальцами. Ощущение, которое я испытал во время сна, вновь овладело мной. Эта вещь была моей! Никогда прежде у меня не возникало такого сильного чувства собственности, как будто эта рукоятка предназначалась только для моей руки и ничьей больше. Я ухватился покрепче и, смутно осознавая, что делаю, рванул рукоятку на себя. Что-то треснуло, она оказалась у меня в руках, а я не удержался и упал, отлетев назад, к противоположной стене расщелины.

Разочарование моё было так велико, что я чуть не заплакал, как ребёнок, которого обманули. В руке оказалась одна только рукоять, а клинок — стального, острого, разящего — не было! Меч был, но главная часть его исчезла, расплавилась в клокающей магме...

Но я не мог выбросить этот обломок. Пальцы сжимали его так, будто отказывались мне повиноваться и не хотели отдавать то, что по праву когда-то принадлежало им.

Вместе со своей находкой я выбрался на солнце. Пожалуй, кто-нибудь из кузнецов Долины смог бы выковать мне

по заказу клинок. Насколько я понимал, сама рукоятка ничего ценного из себя не представляла. Она была невзрачного серого цвета, даже на солнце улавливались лишь слабые внутренние блики. Крупно вырезанные руны предназначались, судя по всему, для того, чтобы рукоять не проворачивалась в руке. Правда, они теперь стёрлись настолько, что выглядели лишь слабо различимыми бугорками и впадинами. Поперечина была сделана из того же кристаллообразного материала, что и сама рукоять. При этом то, что я считал кристаллом, не походило ни на один известный мне минерал.

Я снова покрутил рукоять в пальцах, потом зачем-то потёр её о кожу жилета.

Не знаю, что это было — проблеск ли прежней памяти или что-то другое, сверхъестественное, но только я снова ощутил твёрдую уверенность в том, что эта вещь мне совершенно необходима, и раз она снова попала в мои руки, значит, тому имелась веская причина.

Глава 4

В последующие дни я несколько раз порывался отдать рукоять кузнецу, чтобы он выковал для неё клинок, но всякий раз что-то удерживало меня. Существовал только один клинок, пригодный для этой рукояти. Но всему своё время... Пока же моя находка оставалась бесполезной вещью.

Но я обнаружил, что всегда, как только я оказывался в темноте или там, где меня никто не мог увидеть, рукоять неизменно попадала мне в руки. Может быть, мне нужен был ключ, отпирающий прошлое? Хотя часть меня вовсе не желала этого. Тем не менее я никогда не расставался с ней.

Как бы то ни было, рукоять, пожалуй, приносила мне удачу, хотя всё можно было объяснить и тем, что я выросл и жизнь под небом Долины оказала на меня благотворное влияние. Я стал лучше владеть мечом и однажды, во время учебного боя, даже сумел выбить оружие из рук Имхара —

тем же способом, каким он часто проделывал это со мной, чтобы лишний раз подчеркнуть мою никчёмность.

Иногда я даже начинал верить, что если бы нашёл меч целым, то смог бы противостоять в поединке любому из нашего отряда, а ведь большинство из них были закалённые в боях воины.

Мы, обитатели Дома Хорвана, были не единственными людьми, пришедшими в Эскор через горы. Многие последовали за нами. Встретившись на границе с проводниками Зелёного народа, мы продолжили путь, (Леди Дагона узнала о перебиравшихся через горы от своих крылатых вестников).

Как я уже говорил, большая часть Эскора находилась под властью Зла, за исключением тех мест, которые охранялись остатками Силы. Вот почему мы всегда были настороже, когда отваживались предпринять очередной переход. И вот однажды ночью, несмотря на то, что мы расположились на месте, охраняемом силами Света, нас атаковали фасы.

Они живут в подземных норах и на поверхность вылезают только по ночам или в непогоду. Конечно, они не были главными последователями тёмных сил, но в это время их привлекла к себе Тьма, и, таким образом, они становились нашими врагами. Они атаковали нас едва пришла ночь, и были побеждены лишь благодаря тому, что Годар и Лорд Кимок сумели пустить на них водный поток. Однако в бою лорд Кимок получил тяжёлое ранение и вскоре на переправе был унесён от нас той же самой водой, которая недавно спасла нас.

Это была тяжёлая потеря. Дело в том, что, хотя Лорд Кимок и был мужчиной, он изучал древние рукописи в Лормте. И было признанным фактом, что он бросил вызов и на этот вызов ответил один из Великих, хотя считалось, что все они покинули Эскор. Его сестра, волшебница Каттея, удалилась в святилище, пытаясь там найти ответ на вопрос, жив или мёртв Лорд Кимок. Потому что она была уверена, что он не проходил Последней дорогой.

Таким образом, ближайшей компаньонкой Леди Даго-

ны стала Крита, хотя она, в отличие от Леди Каттеи, и не получила колдовского образования. Теперь я видел её ещё реже. Время было не подходящее для свадеб, и эта мысль грела меня. Имхар не мог заявлять свои права на неё, когда вокруг нас разгоралась война.

Но не только фасы угрожали нам. Со всех сторон нас окружали горные хребты, но именно в их пещерах и ущельях таились всевозможные чудовищные твари, пытавшиеся проникнуть в Долину и принести смерть всему живому. Там были Серые — полуволки-полулюди — беспрестанно беспокоившие нас, какие-то крылатые чудища, а иногда приходилось сражаться с такими созданиями, что перед ними побледнели бы самые жуткие ночные кошмары.

Всякий раз, когда я участвовал в патрулировании на вершинах гор, меня издали сопровождал Тсали. И я с радостью понял, что наше безмолвное товарищество стало частью моей жизни. Когда мы оказывались наедине, что случалось не часто, он знаками давал мне понять, что хочет взглянуть на рукоять меча. Я уже говорил, что она постоянно была со мной, и мне не составляло труда исполнить просьбу мужчины-Ящерицы.

Возможно, как я только догадывался, несмотря на то, что меч до недавнего времени находился в скале, Тсали, пожалуй, знал о нём побольше моего. Не раз я мысленно спрашивал его об этом. У людей свои легенды, у народа Ящериц — свои. Может, в одной из них и рассказывается о том умершем мужчине, который не был Йонаном.

Более подробного общения, у нас, к сожалению, не получалось, передавать свои мысли на расстояние мне никак не удавалось научиться. Хотя в другом я испытал большие перемены. И что могло бы произойти, если бы другая судьба не коснулась моей жизни, я не могу даже предположить.

Именно Крита положила конец одной части моей жизни и начало другой. Потому что однажды утром она пропала из жилища Леди Дагоны. Предводительница народа Зелёного Безмолвия пришла в лагерь Хорвана с

озабоченным лицом. В руках у неё была грубо слепленная из глины кукла, к голове которой прилепилась прядь женских волос, а одеждой служил обрывок шали, в которую Крита любила кутаться в сырую или прохладную погоду.

Взглянув на куклу, Леди Крисвита побледнела. Руки её дрожали, когда она протянула ладонь, чтобы прикоснуться к ней, и тут же отдернула её, не решаясь сделать это. А глаза вспыхнули таким гневом, какого никто прежде не видел. Она воскликнула:

— Но вы же уверяли нас, что эта земля безопасна!

— Так прежде и было, — ответила Леди Дагона. — Да и мерзость эта сделана не здесь, — она кивнула на уродливую поделку из глины. — Не знаю, как она попала в постель вашей дочери. Я выяснила, что Крита вышла из дома на рассвете, сказав моим людям, что хотела бы собрать лекарственные травы, пока лежит роса. Выглядела она как обычно, но, судя по всему, на этот раз ею определённо управляла чужая воля.

Леди Крисвита глядела поверх наших голов, будто желая проследить путь Криты. Она взяла себя в руки, губы её плотно сжались.

— Вы можете проследить её путь? — спросила она.

— Мы так и сделали, — ответила Леди Дагона, — но конец её пути оказался вон там!

Она жестом указала на вершину, стены которой спускались в Долину почти отвесно.

— Но почему именно Крита? — требовательно вопрошала моя приёмная мать. — И кто её похитители? Её непременно нужно найти!

— Почему Крита? — усмехнулась Леди Дагона. — Потому что она хранит в себе зародыш ещё не развитой Силы. И находится в том возрасте, когда эту Силу могут использовать другие. Откуда оно пришло — зловонное дыхание фасов? Они обладают многими способностями, о которых мы можем только догадываться, и развивают их до неизвестной нам степени. Где сейчас находится девушка, я не знаю, но попытаюсь выяснить с помощью магическо-

го кристалла, потому что передо мной глухая стена, за которой простым взглядом ничего не видно.

Я думал о фасах, которых видел во время сражения, когда их наступление было отражено потоками воды. Ростом они ниже людей, их приземистые тела покрыты жёсткой корнеподобной растительностью. У людей они вызывают отвращение, подобно легендарным демонам. Как если бы они были не рождены, но сделаны. И жутко представить себе, что именно они утащили Криту!

В тот момент я совсем забыл, что являюсь вассалом своего господина, что я воин и подчиняюсь приказу. Не раздумывая, я протянул руку к небрежно слепленной кукле, которую всё ещё держала Леди Дагона.

— Йонан! — Леди Крисвита уставилась на меня, будто я внезапно принял облик одного из жителей подземного мира. — Что с тобой?

Но я уже больше не был тем Йонаном, которого она вырастила, слабаком, обязанным всей своей жизнью её заботам. Едва мои пальцы коснулись сырой холодной глины, я почувствовал, что где-то глубоко внутри меня, как тогда во сне, что-то шевельнулось. Во мне находился ещё кто-то, сильный и свободолюбивый, не то, что слабак Йонан, и теперь обе эти половинки слились воедино, сделав меня сильным и смелым. Я даже не ответил Леди Крисвите, ибо не мог снова раздвоиться.

— Где именно вы потеряли её след на вершине? — обратился я к Леди Зелёного Безмолвия.

Я говорил с ней, как равный с равным. Она взглянула на меня, и глаза её расширились, мгновение она колебалась, а леди Крисвита успела тем временем промолвить:

— Йонан, ты же не можешь...

Я обернулся, забыв приличия.

— Это моё дело! Либо я верну Криту, либо умру.

На этот раз удивление превзошло гнев и страх только что владевшие ею.

— Но ты...

Я сделал ей знак помолчать и вновь обратился к Леди Дагоне.

— Где? — повторил я резко.

Её глаза изучали моё лицо, как мне показалось, слишком уж долго. Затем она сказала:

— Ни один человек не может без риска для жизни пробраться через норы фасов. Это их земля, и она помогает им.

— Разве? Я не верю этому, Леди.

Моя левая рука легла на грудь, закрытую кольчугой, и я будто наяву ощутил, как рукоять древнего меча шевельнулась у меня на теле. Дагона закусил нижнюю губу. Её правая рука поднялась и начертила в воздухе какой-то символ. Там, где она провела рукой, сначала возникло слабое свечение, а потом медленно растаяло. После этого Дагона кивнула.

— Рискуй, воин. Но помни, что даже мы не осмеливаемся вторгаться в норы фасов без высшей защиты, какой сейчас не располагаем. Может быть, фасы похитили Криту для того, чтобы присвоить себе её расцветающий талант, а может, и для того, чтобы ослабить наши воинские силы, необходимые для защиты Долины.

— С уходом одного человека ваша защита ослабнет ненамного, Леди. С вашего позволения или без него — но я это сделаю!

— Что ж, ты сам определил свой путь, — заметила она серьёзно, — но вот о чём я хочу предупредить тебя. Не исключено, что фасы похитили Криту не по своим побуждениям, а по желанию кого-то из Тёмных. Человек немного может противопоставить Тьме. Учти это!

— Учту, — сказал я. — Но кто знает, укладываясь спать, что принесёт ему восходящее солнце?

Слова эти принадлежали не мне, их произнёс кто-то другой во мне, тот, кто внезапно пробудился и потрогал рукоять меча.

Внезапное шипение заставило вздрогнуть нас обоих. Слева от меня поднялся Тсали. Его яркие глаза на мгновение встретились с моими, после чего он перевёл взгляд на Леди Дагону. Я знал, что между ними сейчас происходит разговор, которого мне не дано услышать. Захотев было

смять омерзительную куклу из глины, волос и куска материи, я тут же спохватился, что в действительности никогда этого не сделаю. Мне было известно, как проявляет своё воздействие Тьма, потому не следовало пытаться уничтожить глиняную куклу. Это могло лишь навредить той, кого я так хотел защитить и спасти. К тому же кукла олицетворяла хоть какую-то связь с Критой. Мою грудь наполнило тепло и ощущение единства с моей второй, более значительной половиной, которую я пока что ощущал в себе весьма смутно.

— С тобой пойдёт Тсали, — объявила Леди Дагона.

Настала моя очередь удивляться. Народ Ящериц любит солнечный свет и ненавидит сырую темноту подземных нор, тогда как у фасов всё обстоит наоборот.

— Он сумеет помочь тебе, как ни один человек, — продолжала Дагона. — И он добровольно вызвался пойти с тобой.

Я ещё не решил, принять это предложение или отказаться. Какую пользу может принести мне Ящерица в скрытых от дневного света обиталищах фасов? Однако та половина во мне, которая была Йонаном, более нерешительная, воспрянула от этого предложения. К тому же только Тсали знал тайну рукоятки меча. И разве дело в том, что его кожа чешуйчатая, а моя — гладкая, что он может передавать свои мысли, а я — нет? Я почувствовал, что Тсали прав, и я должен взять его с собой.

Я надел ранец с провизией, взял две фляги с водой, а из оружия — только меч. Арбалет я решил оставить, их и так недоставало для защиты Долины.

Леди Дагона принесла мне мешочек со снадобьями для врачевания ран, и я прикрепил его к поясу. Леди Крисвита напутствовала меня, поскольку Лорд Хорван находился в дозоре. Я уже собрался идти и тут снова услышал голос Леди Крисвиты:

— Она уже помолвлена, Йонан.

Моя приёмная мать говорила торопливо, будто ей было трудно и она стремилась побыстрее высказать то, что её тяготит.

— Знаю, — коротко сказал я.

— Если бы Имхар был здесь...

— Он поступил бы точно так же. Но его нет, а я — здесь.

И тогда она сделала то, чего не делала с тех пор, как я перестал быть хилым болезненным ребёнком, — взяла в ладони мои щёки. Сквозь тонкую кольчугу, свободно свисавшую со шлема, я чувствовал тепло её рук.

— Йонан-Йонан, — повторяла она, — на что ты идёшь? Прости мою слепоту. Мы с Критой одной крови, но в ней есть что-то, чуждое моему духу. В ней живо то, что умерло в других, то, что принадлежало девам Эсткарпа. Другой бы этого не понял, а ты — поймёшь. И всё-таки она из моего рода и...

— И помолвлена с Имхаром, — продолжил я мрачно. — Миледи, я полукровка, но чести своей расы не утратил. Крита вернётся, или я умру. Но клянусь, что если она вернётся, я и тогда не стану домогаться её.

В глазах Леди Крисвиты блеснули слёзы, а она не из тех, у кого глаза на мокром месте. Тихо и грустно она вновь произнесла:

— Йонан-Йонан...

В имя моё она вложила всё своё одобрение и всю тревогу.

Глава 5

Глиняную куклу я взял с собой, завернув в пояс и крепко привязав двойной мёртвой петлёй. Как бы там ни было, даже если эта поделка вылеплена силами зла, в чём я не сомневался, она каким-то образом связана с похищением Криты и, возможно, укажет место, где её искать.

К полудню мы поднялись на скалы, следуя тем путём, которым похитители вели Криту. Проводником моим был Тсали, его когтистые лапы цепко держались на крутых скалистых склонах. Он далеко опередил меня и поджидал, разлёгшись на камне, у края узкого и глубокого ущелья, куда никогда не проникают лучи солнца. В это ущелье нам и предстояло спуститься.

Я присел рядом с Тсали, перевёл дыхание и заглянул в пропасть, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Оттуда тянуло гнилью и смрадом, ещё более ощутимыми после чистого воздуха Долины. Проверив снаряжение, я начал спуск. Тсали следовал за мной, но медленнее обычного, движения его сковывала висевшая на шее сетка с камнями. Когда мы углубились в этот зловещий разлом и дневной свет померк, камни в сетке у Тсали начали тускло светиться.

Чем глубже мы спускались, тем невыносимей становилась вонь. Мы старались двигаться как можно бесшумнее, я сдерживал дыхание, а Тсали вообще не издавал ни звука. Тем не менее всё вокруг напоминало нам о том, что мы находимся на вражеской территории, и призывало к предельной осторожности.

Наконец я почувствовал под ногами горизонтальную поверхность и пошарил ногой, думая, что это выступ в стене, но оказалось, что мы достигли дна. Тсали вынул из своей сетки светящийся камешек, и при его неверном мерцании мы увидели, что находимся на краю болота, размеры которого представить было трудно, потому что кругом стоял непроницаемый мрак. Мы разглядели только, что по краю трясины шли две тропинки, слева и справа. Тсали без колебаний указал на левую, и мы двинулись дальше.

Я подозревал, что он во многом смыслит больше меня, и потому не стал спорить. Тропинка то и дело терялась между камней, нам приходилось карабкаться по огромным шатким глыбам. Постепенно стены ущелья расширились, и мы оказались у входа в пещеру. Оглянувшись, я в последний раз увидел высоко над головой клочок голубого неба и шагнул в густую темноту.

Внезапно шедший впереди Тсали стал что-то выцарапывать когтями из стены, а затем протянул мне что-то похожее на кусочки толстой мягкой проволоки. От них исходил резкий неприятный запах, но я обрадовался его находке. Это были волоски из шкуры фаса, который, как видно, зацепился боком об острый край выступа в стене.

Тсали яростно зашипел и отшвырнул от себя эту находку. Его жест явно выражал отвращение. Прежде я не знал, как он относится к фасам, и теперь этот жест стал для меня красноречивее слов. Узы, связывающие нас, стали ещё крепче.

Тропинка пошла под гору. Было очень сыро. Влага каплями собиралась на стенах пещеры, сочились сквозь трещины, скапливалась лужицами внизу. К счастью, тропинка скоро снова привела нас на возвышенное место, но валуны под ногами всё равно были скользкими от влаги.

Камни Тсали давали очень слабый свет, мы могли различать что-либо вокруг не дальше, чем на шаг, хотя Тсали и поднимал свою сетку над головой как можно выше. Вскоре свод пещеры круто снизился, и нам пришлось встать на четвереньки, чтобы двигаться дальше. Ранец я снял и теперь толкал его перед собой. Тем не менее плечи мои то и дело задевали за камни, больно царапавшие кожу.

Если не считать устойчивого запаха и пучка волосков, которые Тсали отскрёб от стены, на всём дальнейшем пути не попадалось никаких признаков того, что фасы пользовались именно этим проходом. Может быть, он был открыт недавно, может быть, служил лишь запасным. Вообще-то в долину вело множество ходов, но большинством из них фасы не имели возможности пользоваться, потому что Зелёный народ давно уже оградил себя знаками Силы, которых никакие служители Тьмы не могли переступить.

Не знаю, долго ли мы пробирались, где на четвереньках, где ползком, но эта длинная нора привела нас к следующей пещере, судя по всему огромной, мы не могли составить истинного представления об её размерах, поскольку располагали слишком слабым источником света. Со дна пещеры рядами, словно клыки свирепых хищников, поднимались сталагмиты, стремясь соединиться со сталактитами, свисавшими со свода как ножи. Тсали припал к земле, ворочая головой из стороны в сторону.

Даже моё обоняние, куда более слабое, чем у мужчины-Ящерицы, улавливало царивший здесь тяжёлый гниlostный

запах. Тсали обеими передними лапами накрыл свою сетку с камнями, убирая даже этот слабый источник света. Я понял, что таким образом он даёт мне понять о необходимости соблюдать крайнюю осторожность.

Ничего не видя в темноте, я весь обратился в слух. И до меня донёсся звук, напоминающий равномерное падение капель. Однако приходил он издалека, и только позже я разобрал, что слышу ритмичные всплески то ли завывания, то ли песни... Что это было на самом деле — я не знал, ясно стало только одно: звуки издаёт не сама пещера, а те, кто в ней находятся.

Слева от меня что-то блеснуло — это Тсали снял свою когтистую лапу с сетки со светящимися камнями. Пальцы его сомкнулись вокруг моего запястья. Я понял, что это приглашение двигаться дальше, в мрак неизвестности.

Я слышал, что существа народа Ящериц способны простым глазом видеть более широкую часть спектра, могут даже различать предметы в полной темноте. Казалось, мой компаньон решил доказать справедливость такого утверждения.

Надев ранец, я встал, сделал шаг, другой... Так мы и двигались — шаг за шагом. Сетку с камнями Тсали спрятал в светонепроницаемую сумку. Нас окружал теперь полный, абсолютный мрак. Держа меня за руку, Тсали двигался зигзагами, очевидно, обходя гигантские сталагмиты или каменные глыбы, образовавшие здесь лабиринт, ловушку для неспособных видеть в полной темноте.

Ритмичные звуки становились слышнее по мере того, как мы приближались к ним; они то повышались, то понижались, напоминая странную мелодию. Но если те, за кем мы охотились, находились уже в пределах видимости, должен же здесь быть хоть какой-нибудь источник света!

Крутой поворот, и я увидел неподалёку какое-то свечение — зеленоватое, слабое, но достаточное для того, чтобы раздвинуть темень. Напротив нас сталактиты и сталагмиты образовали уродливые решётки, поэтому я пока не мог ничего толком рассмотреть.

Пение стало громче, слышались отдельные слова, но

языка фасов я не знал. Звуки этого пения действовали на меня странным образом, кожу на теле как будто стягивало и лихорадило. В этом заключалось предупреждение людям моего вида, когда они собираются вступить в противоборство с Тьмой. Тсали отпустил мою руку и пополз впереди, поскольку я уже мог ориентироваться без его помощи. Я же, пригнувшись, крался следом, стараясь не издавать ни малейшего звука или шороха.

За решёткой из сталагмитов находилась ещё одна пещера, поменьше. Там толкались фасы, чьё уродство ни с кем не перепутаешь. Я насчитал по крайней мере дюжину их. И среди всего этого безобразия возвышалась Крита.

Пещеру тускло озарял неприятный зеленоватый свет, источник которого находился где-то сбоку, а посреди неё возвышалась колонна из какого-то полупрозрачного материала. Перед колонной, если смотреть от меня, стояла Крита. Глаза её были закрыты, а лицо безмятежно, как у человека, погружённого в глубокий сон.

Уродливые, сторбленные, мохнатые фигуры фасов едва достигали Крите до пояса и выглядели омерзительно. Они окружили её полуколем, но их низко посаженные головы были обращены не к ней, а скорее к колонне. Некоторые из фасов вздымали над собой чадающие факелы, свитые из каких-то стеблей, как паломники держат свечи перед немой святыней.

Колонна, очевидно, была хорошо отполирована, поскольку прямо-таки сверкала в свете факелов. И тут мне показалось, что внутри колонны заключён пленник или нечто иное...

Никакого оружия я у фасов не заметил; по всей вероятности, они чувствовали себя здесь в полной безопасности, потому что даже не выставили часовых. Медленно и осторожно я вынул из ножен меч. Нас двое, их больше дюжины, силы явно неравные, но там — Крита! Не оставалось сомнений в том, что она сейчас вовлечена по велению Тьмы в какое-то загадочное колдовство. Но что будет, если я сейчас внезапно вмешаюсь? Не нанесу ли я вред Крите? О себе я в тот момент и не думал.

Я измерил взглядом расстояние между собой и этой грязной компанией, прикидывая, чем же всё-таки они ответят на моё нападение. Нет, здесь что-то не так, не могут они быть такими беспечными.

Крита подняла руку и повернулась к колонне. Не касаясь её поверхности и не открывая глаз, она сделала подметающий жест сначала сверху вниз, затем вперёд и назад. Горбатые приземистые фасы продолжали свои песнопения. Я приготовился к прыжку. Только бы достичь Криты. Может быть, мне тогда удастся разрушить колдовские чары, которыми её несомненно опутали...

Тсали предостерегающе зашипел. Что-то коснулось моего плеча. Я обернулся. Из темноты к нам тянулись длинные тонкие щупальца, подобные уродливым корням. Прежде чем я осознал опасность, одно из щупалец обвило мои лодыжки и рывком повергло меня наземь. Я поднял меч, чтобы разрубить путы.

Сталь звякнула, будто ударила по металлу, на щупальце не осталось даже зазубринки. Я снова замахнулся мечом, но запястье перехватило другое щупальце, невзирая на моё яростное сопротивление. Таким образом, всего через несколько мгновений я оказался обезоруженным и распростёртым на каменном дне пещеры.

Щупальца тянулись и к Тсали, но тот ловко увёртывался от их прикосновений. Они явно избегали святащихся камней, которые лежали в сетке у мужчины-Ящерицы, и он, размахивая сеткой, умудрялся держать их на расстоянии. Наконец он сделал большой прыжок и исчез, оставив меня в плену.

Пение позади меня не прерывалось ни на секунду, и, к моему бесконечному удивлению, ни один из фасов не счёл нужным даже взглянуть в нашу сторону. Мною занимались только щупальца, и занимались, надо признать, очень умело. Создавалось впечатление, что они действуют совершенно самостоятельно, независимо от фасов. Хотя видел я просто длинные цепкие корни.

От них тоже исходил мерзкий запах тлена, запах зла, он окутывал меня и забивал дыхание. Я давился и кашлял,

глаза мои наполнились слезами, как у тех, кто надыхался едким дымом. Значит, фасы всё-таки имели часовых, таких, о которых я никогда не слышал. Хорошо, если Тсали удалось убежать. Только он может теперь спасти меня. Если же нет, то мне предстоит умереть, задушенному этим ужасным зловонием. Вокруг меня всё закружилось, быстрее и быстрее, и я провалился в бездонную черноту...

Не знаю, сколько времени длился обморок, но очнулся я от того, что где-то очень далеко отсюда кто-то называл имя. Оно было незнакомо, но принадлежало мне, я это чувствовал. Зов становился всё более настойчивым...

Я попробовал шевельнуть руками, потом ногами. Призыв требовал ответа. Я открыл глаза. Справа от меня пробивался слабый свет. Запах тлена не исчез, но сделался слабее. Я попытался повернуться на бок. Меня что-то удерживало, потом путы разом ослабели. Новая волна мерзкого запаха словно ударила меня. Задохнувшись, я едва не потерял сознание.

Свет шёл сверху. Я повернул голову и обнаружил, что лежу у подножия ледяной колонны, от которой исходил страшный холод. Передняя часть колонны была гладкой и прозрачной, как стекло, и... Внутри неё находился человек!

Во всяком случае, это было человеческое тело обычных размеров и пропорций. Вот только лицо его было закрыто странным образом тремя пластинами мерцающего металла, огранёнными как бриллиант и скреплёнными цепями из того же металла. Две из них закрывали глаза, а третья — рот, оставляя на виду только нос и скулы.

Голову его венчал воинский шлем дорогой работы с гребнем в форме дракона, глядевшего на меня изумрудными глазами. Тело прикрывала кольчуга, а руки он держал на рукоятке боевого топора с двумя лезвиями.

Зловоние, волнами накатывавшееся на меня, было просто невыносимым. Я приподнялся на корточки, затем встал. Взглянул вниз и увидел, что щупальца-корни, ранее удерживавшие меня, почернели, частично сгнили и безжизненными нитями валялись у моих ног. Несомненно, у

этих странных охранников фасов была недолгая жизнь. Но всё же у них хватило времени подтащить меня к ледяной колонне, той самой, перед которой фасы занимались песнопениями, а может, они решили, что я умер, и положили сюда как ещё одну жертву тому, кто заключён внутри колонны...

Действовать — вот что я должен был сейчас делать, действовать, а не тратить время на всякие домыслы. Я не сводил взгляда с топора в руках замурованного во льду человека. Ему он уже ни к чему. А мне очень даже пригодился бы, чтобы выбраться из этой клетки.

Оглядевшись, я увидел, что кроме ледяной колонны в пещере находилось ещё много свисающих со сводов сосулек — длинных, с острыми кончиками. «Ну чем не оружие?» — подумал я и тут же отогнал прочь эту мысль. Только помешанному придёт в голову использовать в качестве меча или пики хрупкие ледяные сосульки...

«Толар!» — я быстро обернулся. Кто назвал это имя? Именно оно прозвучало несколько минут назад в окружавшей меня темноте и вернуло к жизни. Имя было не моё, но что-то во мне отозвалось на него.

Едва ли отдавая себе отчёт в том, что делаю, я ослабил шнуровку на кольчужной рубашке и вытащил из-под неё рукоять меча. И она засветилась здесь, в темноте! Невзрачный с виду сероватый кристалл возродился к жизни и ярко засиял изнутри.

Эх, если бы эта рукоять обладала клинком!

Я обвёл взглядом пещеру и вновь посмотрел на спускавшиеся со свода длинные тонкие сосульки. Подойдя к ним и понимая, что просто делаю очевидную бессмыслицу, я отломил одну из них — самую острую, длиною как раз с клинок меча.

Сосулька отломилась легко и бесшумно, будто только этого и ждала. Действуя совершенно неосознанно, словно мною кто-то руководил, я приложил рукоять меча к сосулке. Внезапная вспышка ослепила меня.

Возможно, я так до конца и не проснулся или на самом

деле тронулся умом, но в руках у меня оказался меч! Не из льда, а настоящий, стальной, прекрасно сбалансированный меч, возрождённый из небытия ради Света!

Глава 6

Держа в руках вновь обретённый меч, я вернулся к ледяной колонне. Какая-то тревога снедала меня. Человек в толще льда, без сомнения я, был мёртв и помочь ему нечем, но я почему-то чувствовал, что не могу оставить его в таком положении и уйти, как не мог бы бросить боевого товарища.

Я подошёл ближе к колонне, отшвыривая ногами полу-сгнившие путы. Стояла глубокая тишина. И вдруг где-то внутри меня слабо, отдалённо, вновь прозвучало то же имя:

«Толар!»

Меч в моей руке продолжал излучать сияние, правда, не такое сильное, как в тот момент, когда я присоединил сосульку к рукоятке, но всё же достаточно яркое, гораздо ярче, чем светящиеся камешки Тсали. Я забеспокоился, как бы этот свет не выдал меня, но отложить меч в сторону было выше моих сил. В этой подземной пещере, где свершались таинственные обряды, он был моей единственной опорой.

Крита, Тсали — где они? Удастся ли отыскать их в этом лабиринте, или мне самому суждено остаться здесь навсегда? Как вообще найти дорогу назад? Здесь только запах фасов и ничего больше, под ногами — скальная поверхность, следов на ней не остаётся...

Мои глаза то и дело возвращались назад, к неподвижной фигуре в толще льда, как будто между нами существовала некая связь, более важная для меня, чем побуждение броситься на поиски Криты. Против воли я вновь подошёл к дышавшей холодом ледяной колонне. Да, она источала холод, как мой меч источал сияние, мой необыкновенный меч... Но рукоять его была успокаивающе тёплой.

Кем был этот пленник фасов? Как попал сюда? Очевид-

но, что в облике его нет ничего общего с приземистыми, уродливыми мохнатыми обитателями подземных пещер. А не был ли он их божеством? Или олицетворением врага? Может быть, в давние времена его пленили и поместили в лёд, дабы насмеяться над ним в веках? Но тогда при чём здесь Крита, зачем её-то приводили сюда?

Ни на один из этих вопросов я не мог получить ответа. И совершенно бессознательно кончиком меча коснулся поверхности ледяной тюрьмы. Едва я это сделал, как почувствовал, что неодолимо связан чьей-то другой волей, значительно превосходящей мою собственную, и рукой моей задвигала другая могучая рука, от которой я уже не мог освободиться.

Я поднял меч и рубанул по колонне. Нерукотворное оружие столкнулось с неподдающимся материалом. Мускулы мои едва не рвались, я бил и бил мечом в одну точку, хотя колонна, как я видел, оставалась совершенно невредимой. Я уже не мог остановиться, как человек, опутанный колдовством, обречённый рубить этот лед бесконечно и безуспешно, вздрагивая, как от боли, каждый раз, когда меч со звоном ударялся о несокрушимую поверхность.

Или её всё-таки можно разрушить?

Твёрдой уверенности у меня не было, но потихоньку тонкая сеточка трещин стала появляться в том месте, по которому без устали бил и бил мой меч. Это же верх глупости — прилагать такие усилия для того, чтобы высвободить тело человека, столь давно умершего. Умом я понимал это, но то, что двигало моей рукой, не признавало житейской логики.

Я бил мечом по ледяной колонне до тех пор, пока моя обессиленная рука не повисла вдоль туловища, но...

Труд мой оказался не напрасным, трещины всё-таки появились! Приглядевшись, я видел, как они расширялись, соединялись друг с другом, змеились по всей поверхности. И вскоре кусок льда размером с мою ладонь вывалился наружу, звякнув на каменном полу пещеры, а за ним другой, третий...

Человека внутри теперь не было видно, трещины затя-

нули всю поверхность колонны, и она стала мутной и матовой. Кусок продолжал вываливаться за куском, хотя я уже не прилагал никаких усилий, просто стоял и смотрел, а из колонны тянуло таким холодом, будто это было цепенящее дыхание самого Ледяного Дракона. Я отступил, чтобы не обморозиться, и укрылся за большим камнем.

Теперь расколотый лёд валился уже изо всей колонны, она оседала на глазах, превращаясь в груды ледяных осколков, и вот тело узника полностью освободилось. Всё это время клинок моего меча пульсировал странным голубоватым светом.

«Толар... Как долго!..»

Я чуть не вскрикнул от изумления, но слова застряли у меня в горле.

«Толар, помоги...»

Я не слышал этих слов, но они отчётливо прозвучали в моём сознании как призыв о помощи. И я знал, что исходили они от этого вмёрзшего в лёд тела, которое я освободил.

Движения мои снова стали быстрыми и энергичными, как будто другой ум и другая воля, поселившиеся в каких-то тайных уголках внутри меня, отдали приказ конечностям, как будто Йонан отодвинулся на второй план, а его место занял некто, кому эти приказания и адресовались.

Я опустил меч, положил его на камни и двинулся вперёд, перешагивая через глыбы льда, чтобы побыстрее дотянуться до плеч человека, которого я вызволил из ледяного плена. Коснувшись его, я постарался не обращать внимания на жгучий холод. Тело человека казалось каменным, кольчуга была холоднее льда, но я шатал и тормозил его до тех пор, пока оно не рухнуло вперёд, чуть не придавив меня своим весом.

Кое-как мне удалось перевернуть упавшего на спину. Руки его по-прежнему сжимали рукоять боевого топора, а лицо под металлическими пластинами было теперь обращено вверх. Я стал рядом на колени, раздумывая, как же мне поступить. Мне всегда казалось, что человек из плоти и крови не в состоянии выжить при таком холоде. Но ведь

в Эскоре в минувшие времена жили Великие маги и люди, владевшие Силой. Этот человек мог быть одним из тех, кто умел побеждать смерть способами, которые ныне давно забыты или утрачены...

Отогреть его плоть... Но огня здесь не было, а доставить его на дневную поверхность я при всём своём желании не смогу. Зелёные часто предупреждали нас, что многие из обитателей Эскора, находившиеся вне Долины, предпочитают поклоняться Тьме, нежели Свету. Возможно, человек этот был лордом из Тёмных, и кто-то из его соплеменников, обладавший большими знаниями и большей силой, победил его в поединке или из-за угла и навеки заточил в ледяной столб. Если так оно и было, то мне не следовало его освобождать, хотя я сделал это не по своей воле. Неужели мною руководило зло?

Приподняв меч, который продолжал светиться голубоватым сиянием, я разглядывал лежавшего передо мной. Тело по внешнему виду было вполне человеческим, но это ещё ничего не значило. Тьма умеет устраивать такие штучки, когда под личиной человека скрывается любое дьявольское порождение.

Шлем его и кольчуга отличались от всего виденного мною прежде. Никогда не встречал я и топора с обоюдо-острым двойным лезвием. И эти странные пластины на лице... Они прилегали слишком плотно, и что там под ними кроется, я не мог разглядеть.

Вместе с тем я почувствовал, что принуждение, владевшее мной, исчезло. И в сознании не звучал больше призыв «Толар!» Любое решение, которое я приму, будет только моим, Йонана.

Самое время было оставить его здесь и отправиться искать Криту. Но...

У воинов существует кодекс чести, законам которого мы следуем, желая того или нет. Я вполне мог оставить этого человека, если он принадлежал Тьме. А если он пленник фасов и принадлежит Свету?

Я положил меч не на камень, а поперёк его груди так, что клинок коснулся топора. Пальцы мои потянулись к

цепям, удерживавшим пластины на глазах. Они крепились прямо к шлему. Мне хотелось взглянуть на его лицо, прежде чем принять окончательное решение.

Цепи держались не очень крепко, я сумел ослабить их и приподнять одну пластину над одеревеневшей плотью, а затем и вовсе снять. Вторым рывком я снял пластину, которая прикрывала рот и подбородок.

Передо мной открылось чистое человеческое лицо, не искажённое злом, насколько я понимал. Однако я мог и ошибаться, зло способно таиться и внутри. Я внимательно разглядывал его черты. Казалось, освобождённый мною человек не имел возраста, как это бывает у людей Древней расы после того, как они достигают зрелости и до самой кончины, если та происходит естественно, а не на поле битвы.

И вдруг глаза его открылись! Взгляд их, вначале мутный, стал осмысленным, поймал и удержал моё лицо в поле зрения. Моя рука замерла на полпути к рукоятке меча. Между тёмных бровей лежавшего появилась складка недоумения.

— Толар?

Опять это имя! Но теперь его произнесли губы человека, которого я вызволил из ледяного плена, губы, которые медленно оставляла холодная синева.

— Я — Йонан!

Голос мой прозвучал сердито. Довольно шуток, я есть я, и никаких Толаров. Я вовсе не тот умирающий человек, который приснился мне однажды...

Морщинка на его лбу стала глубже, а я вдруг вскрикнул. Он безжалостно вторгся в мой мозг, читая всё, что я думал, а я корчился от боли, не в силах отвести взгляд в сторону.

— Урук, — он назвал своё имя и умолк, вонзив в меня взор, как будто ожидал ответа от моей памяти. Я убрал меч с его тела и отодвинулся в сторону. В этот момент мне показалось, что я возвратил к жизни врага. Но тем не менее прикончить его, такого беспомощного, я не мог.

— Я не из Тьмы... — произнёс он. Голос его прозвучал сипло, грубо, словно заржавев от долгого молчания.

— Я Урук, Воин Топора. Неужели прошло столько времени, что даже имя моё позабыто?

— Так оно и есть, — вяло ответил я. — Тебя похоронили здесь фасы, — я показал левой рукой на грудь льда, которая осталась от колонны, держа в правой меч.

— Фасы? — переспросил он, стараясь приподнять голову, и походил сейчас на жука, перевёрнутого на спину. — А как насчёт Бэннера из Ерка... Форса из Клингзельда... и битвы, да, битвы?..

При каждом имени, которое он называл, я отрицательно качал головой.

— Ты, кто называет себя Уруком! Слишком много времени провёл ты в этом подземелье. Мы не знаем ни Бэннера, ни Форса, ни других. Но мы боремся с Тьмой. Для этого мы объединились с Зелёным народом и другими, больше половины населения страны на нашей стороне.

Сзади раздался шорох, и я поспешно обернулся с мечом на изготовку. Судя по всему, моя воинственность оказывала влияние на меч, так как клинок вспыхнул ярче. Сзади, на расстоянии большого прыжка, стоял на задних лапах Тсали, на груди его висела всё та же сетка со светящимися камнями.

Он взглянул на меня, затем на Урука и двинулся к нему. Рот его был приоткрыт, полоска языка играла, но он не издал ни звука.

Урук приподнялся на локтях, хотя даже это простое движение потребовало от него немалых усилий. Теперь он смотрел на мужчину-Ящерицу тем же испытующим взглядом, что и на меня. Я понял, что они ведут меж собой разговор на уровне сознания, и снова пожалел, что не владею этим даром. Я пододвинулся поближе, башмаки мои скользнули на ледяных осколках. Урук прервал этот безмолвный разговор.

— Я начинаю понимать... Прошло много лет, и мир, который я знал, исчез. Но...

Морщина недоумения снова пересекла его лоб.

— Толар!.. Меня же вызволил Толар! Только он может держать в руках Ледяное Жало. Однако я вижу его в твоих руках, а ты называешь себя иначе... — в его словах слышался вопрос, на который я должен был ответить.

— Я не Толар, — сказал я твёрдо. — Рукоять меча я нашёл в скале совершенно случайно. Когда я попал в плен к фасам, они отняли моё оружие. Что-то заставило меня отломить одну из сосуллек, вон тех. Я приложил её к рукояти, и меч стал вдруг цельным. Я не наделён Даром и не понимаю, как такое могло произойти.

— Этот клинок не попал бы в твои руки, если бы в тебя не перешла часть силы Толара. То, что у тебя в руках, носит имя Ледяное Жало. Этот меч служит лишь одному человеку и приходит к нему по своему выбору. Он приносит с собой частицу сознания того, кто владел им последним. И, наверное, справедливы домыслы Бельх Магов о том, что человек, не завершивший своего предназначения на этой земле, может родиться повторно. Поэтому, раз Ледяное Жало выбрало тебя, частицей твоей памяти и твоего сознания владеет теперь прежний хозяин меча, которого звали Толар...

Он с усилием закончил своё объяснение и умолк, до предела утомлённый.

Тсали отложил в сторону сетку со светящимися камнями и щёлкнул застёжкой кармана на поясе. Он вынул оттуда круглый предмет, по виду тоже напоминавший камень. Зажав его в когтях, он начал водить им по телу Урука — от шлема с драконом до башмаков. Соприкосновение этого камня с телом воина рождало розовый туман, который частично рассеивался, а частично оседал в виде мельчайших капель на белую холодную плоть.

Вскоре Урук приподнялся и сел.

— Ты говорил о фасах... — произнёс он хриплым скрежещущим голосом. — Я бы с ними встретился ещё раз. У меня тоже есть тому причины...

У меня же была одна причина — Крита, и я прижал к груди своё оружие, которое этот пришелец из прошлого назвал Ледяным Жалом.

Глава 7

Наш новый товарищ первое время двигался судорожными рывками, как будто за то долгое время, что он провёл в ледяном плену, у него закаменели все суставы.

Однако по мере того, как мы продвигались, походка его становилась всё более плавной. Ещё я заметил, что он поворачивает голову, поглядывая по сторонам, следовательно, глаза его были способны видеть в темноте, которая окружала нас со всех сторон. Для меня же только обнажённый клинок Ледяного Жала да камешки Тсали чуть раздвигали тьму у наших ног.

Я снова вынужден был довериться мужчине-Ящерице как проводнику, поэтому он уверенно шагал впереди, лавируя между каменными клыками, и всем своим видом показывал, что идёт в нужном направлении. Я надеялся, что, избежав плена, в который угодил я, он проследил, куда фасы увели Криту после того, как оставили меня у подножия ледяной колонны.

Ни я, ни Урук не произносили ни слова, потому что любой звук мог выдать наше приближение. Но я заметил, что Урук начал на ходу разминаться и помахивать топором — сперва в правой руке, затем в левой. Похоже, он одинаково свободно владел обеими руками.

Великий Топор Вольта, который затем оказался у Кориса из Горма... Боевой топор, насколько я помнил. Когда он оказался в руках у Кориса, тело самого Вольта рассыпалось в прах — так гласит предание. Топор не был излюбленным оружием ни у салкаров, ни у людей Древней расы, по крайней мере, в обозримом прошлом. Но Урук обращался с ним так сноровисто и ловко, что становилось ясно: топор для него гораздо привычнее, чем меч или арбалет.

Голова моя распухала от вопросов. Кто такой этот Урук? Как случилось, что его поместили в ледяной склеп? Какую роль играл он в те последние дни хаоса, поглотившего Эскор, после того, как Великие вдоволь натешились своими безнравственными и дикими играми с Силой? Он и сам мог быть магом, во всяком случае, в нём ощущалась причастность к Силе...

Мы миновали большую пещеру и двинулись дальше по проходу, которым пользовались фасы, судя по стойкому запаху. Урук взял гопор на изготовку и насторожился.

Мы пробрались ползком сквозь узкий переход, но и далее каменный коридор был таким тесным, что двигаться можно было только поодиночке. Мужчина-Ящерица шёл первым, следом Урук; мне он кивком указал место замыкающего — так командир расставляет своих подчинённых в опасном походе. При этом Урук выразительно посмотрел на всё ещё мерцающий клинок моего меча, давая понять, что с таким оружием мне следует находиться именно в арьергарде.

Туннель, которым мы двигались, несколько раз круто поворачивал то вправо, то влево, и я уже не пытался угадать, где относительно поверхности мы находимся. В одном месте нам пришлось пройти по ребру каменного столба, положенного в качестве мостика через глубокую расщелину, далеко внизу которой слышалось журчание воды.

Внезапно Тсали остановился. Я едва не ткнулся лицом в спину Урука. Он приложил палец к губам, требуя полной тишины. Мой слух не был таким острым, как у Тсали, и всё же я уловил какие-то отдалённые звуки и заметил, что окружавший нас мрак чуть посерел. Вероятно, туннель привёл нас в ещё одну пещеру, имевшую какое-то освещение.

Теперь Тсали сделал предостерегающий знак. Дальше мы должны были двигаться с величайшими предосторожностями. Сам он припал к земле на все четыре лапы, что существа народа Ящериц редко делают в присутствии людей. Я зажал в зубах клинок Ледяного Жала и на четвереньках пополз в направлении этого слабого света.

Через несколько мгновений мы достигли выхода из туннеля. Перед нами открылась пещера, размеры которой превзошли все ожидания о величине подземных пещер. Куполовидный свод, вознёсшийся над нашими головами, терялся в дали, его пересекал длинный и широкий разлом, и сквозь него сочился неяркий сероватый свет, напоми-

навший раннее утро пасмурного дня. Но его было явно недостаточно, чтобы осветить хотя бы дно этой гигантской полости.

Пещера оказалась обитаемой. Перед нами раскинулся город, точнее поселение. Камни разных размеров слагали неуклюжие, уродливые стены построек, между которыми змеились узкие кривые переулки. Стены, пожалуй, были высотой с рослого человека, привставшего на цыпочки. Сооружения эти не имели ни крыш, ни окон, только низенькую дверь у самого пола.

Над скоплением уродливых построек, в самом его центре возвышалось некое сооружение с круглыми стенами, напоминавшее башню. Тяжёлое, прерывистое дыхание послышалось рядом со мной, и я слегка повернул голову. Урук стоял, плотно прижавшись к стене, обе его ладони лежали на рукоятке топора. Он уставился вниз, на странное поселение, кишевшее фасадами, и на лице его не было ни любопытства, ни брезгливости, одна только холодная решимость.

— Наверняка они утащили девушку в главную башню, — шепнул он мне. — Надо любой ценой добраться туда.

«Башней» это сооружение можно было назвать с большой натяжкой. Высота её не намного превышала мой рост, так что в верхнем мире она выглядела бы скорее тумбой. Впрочем, в данный момент меня больше интересовала постройка, вблизи которой мы находились.

Казалось, камни в стене были уложены как попало, хаотично, но только на первый взгляд. Ощупав их взглядом до самого верха, я понял, что, независимо от формы и размеров, лежат они очень даже прочно. В моей памяти всплыло давнее детское наблюдение: мастер-каменщик клал «всухую», без скрепляющего раствора, такую же стену, выбирая у камней подходящие грани и со сверхъестественным чутьём укладывая их так, что они плотно соединялись друг с другом.

Улочки, пересекавшие это поселение в разных направлениях, изобиловали тупиками, крутыми поворотами и представляли собой подходящее место как для засад, так

и для ловушек. Было бы непростительной глупостью вступить в схватку с фасами именно здесь, тем более, что в их распоряжении имелись щупальца-верёвки и прочие штучки, о действии которых мы и не догадывались. Пробиваться следовало другим путём.

Я мысленно провёл взглядом прямую линию от того места, где мы стояли, до «башни», где, по нашим предположениям, находилась Крита. Можно было попробовать влезть на стену и двигаться поверху, перепрыгивая с одной стены на другую. Вот только открытое пространство перед самой «башней» преодолеть простым прыжком вряд ли удастся.

Фасы низкорослы, самый высокий воин макушкой не достаёт мне до плеча. Но их много, и если нам не удастся преодолеть расстояние от окраины до «башни» и обратно, перепрыгивая улочки по вершинам стен, фасы попросту стащат нас вниз и разделаются с нами. Однако в критические минуты приходят решимость и уверенность в себе, о которых в обычной обстановке и не подозреваешь.

Я быстро объяснил Уруку этот план, справедливо полагая, что он в свою очередь лучше сможет передать всё Тсали мысленно, нежели я с помощью моих неуклюжих жестов. Так и произошло. Мужчина-Ящерица присвистнул и, освобождая руки, укрепил свою сетку со светящимися камнями на шее.

Как ни жаль, пришлось и мне спрятать Ледяное Жало в ножны, потому что руки должны быть свободными. Свет клинка погас, лишь рукоять продолжала мерцать глубокими синеватыми тонами. Урук после двух неудачных попыток тоже пристроил свой топор за спину так, чтобы его в любой момент можно было выхватить из-за плеча.

Приготовившись таким образом, мы стали спускаться по склону, прижимаясь к земле, и вскоре оказались у первой с краю коробки дома, от которой я наметил наш маршрут.

Гортанная речь фасов звучала совсем неподалёку. Я почему-то вспомнил о своей неудаче на каменистом склоне во время грозы и тут же постарался выбросить эти

мысли из головы. Сейчас надо думать не о прошлых неудачах, а о будущей победе.

Подняться на стену не составило особого труда; к счастью, она была достаточно широкой, так что можно было поставить ногу. Тсали забрался следом за мной и перепрыгнул на следующую стену с лёгкостью и грацией, свойственными его народу. В комнате под нами никого не было, но это вовсе не означало, что нам и дальше будет так везти. Стоит кому-нибудь из фасов взглянуть вверх, и мы замечены...

Я отбросил эту неприятную мысль и последовал за Тсали. Мой прыжок не был же таким лёгким и грациозным, но приземлился (а, вернее, «пристенился») я удачно, сразу за спиной у мужчины-Ящерицы. Не было возможности оглядываться и проверять, следует ли за нами Урук, но я слышал его затруднённое дыхание.

Мы преодолели уже больше половины пути к «башне», когда нас всё-таки заметили жильцы одного дома, стенами которого мы так бесцеремонно воспользовались. Раздался пронзительный крик. Я вздрогнул, хотя постоянно ожидал его — в глубине души я не надеялся, что мы проберёмся незамеченными через этот странный город.

Тсали сделал следующий прыжок, я прыгнул за ним, но неудачно. Взволнованный тем, что нас обнаружили, я не удержался на вершине стены, еле успев ухватиться руками за камни, чтобы не упасть в комнату подо мной.

Теперь крики доносились со всех сторон, впору было заткнуть уши. Пространство перед самой «башней» одним прыжком мне было не одолеть. Но там, за этими круглыми стенами, Крита... Я увидел, что Тсали всё-таки прыгнул и очутился у самой «башни», но мне такой прыжок был не под силу.

Пока я колебался, рядом оказался Урук.

— Слишком далеко.

Он высказал мои опасения вслух.

Внизу пронзительно галдели фасы, крики их отражались от стен, а из улочек выплёскивались всё новые и новые группы, и скоро внизу собралась целая толпа.

Поняв, что дальше нам придётся прокладывать себе путь с помощью оружия, я обнажил Ледяное Жало. Казалось, оно поняло, что мы в опасности, и засияло по всей длине клинка ярким всполохами.

Фасы внизу завопили ещё громче. Не теряя ни секунды, чтобы воспользоваться этим неожиданным и поразившим их эффектом, я спрыгнул прямо им на головы, сбив с ног, по крайней мере, двух или трёх, а остальные в страхе отпрянули. Я поднял меч над головой и стал описывать им круги в воздухе. Клинок издавал при этом лёгкое жужжание, но свет его сразу померк.

Фасы отхлынули. Ко мне на помощь спрыгнул Урук с топором на изготовку. Его появление внесло переполох в ряды фасов. Им приходилось сражаться с людьми из Долины, и они знали, что такое светящийся меч и боевой обоюдоострый топор. Урук размахивал топором и пел военную песню, слова которой были мне непонятны. Вспышка памяти из прошлого, новое глубинное проявление моего второго «я» подсказали, что такое бывало и прежде: Великий Топор и Ледяное Жало не раз сражались рядом против общего врага.

Разя направо и налево, мы прокладывали себе дорогу к «башне». Тсали давно уже находился внутри её. Когда он услышал, что мы рядом, он отворил дверь и, двигаясь задом наперёд, вывел Криту, держа её обеими руками.

Лицо её по-прежнему выглядело безмятежным, а глаза были закрыты, как у спящей. Урук тут же оказался рядом и, прежде чем я успел шевельнуться или запротестовать, обвинил рукой её хрупкое тело и перебросил себе через плечо, оставив свободной правую руку, которая сжимала топор. Девушка лежала у него на плече, свесив руки, словно неживая.

Теперь и Тсали вступил в битву. Из кармана на поясе он доставал полные пригоршни какого-то порошка и швырял в морды фасов, которые окружили нас сплошным кольцом. Они вскрикивали, роняли свои дубины и колья и закрывали глаза ладонями, как это делают внезапно ослеплённые ярким светом.

Но забраться обратно на стену мы уже не могли, а самая большая группа фасов отрезала нас от туннеля, по которому мы пришли сюда. Теперь командование принял на себя Урук.

— За мной!

Команда была отдана таким уверенным тоном, как будто он точно знал, как надо поступить. Поскольку я не мог предложить ничего определённого, мне оставалось только подчиниться.

Мы начали отступление, но не по переулку, ведущему к туннелю, а назад, к «башне», что показалось мне большой глупостью. Расшвыряв фасов, мы заскочили внутрь и закрыли за собой дверь. Урук всё ещё держал на плече Криту, а я и Тсали встали у двери, на случай, если фасы попытаются проникнуть внутрь, и глядели на него как на командира, который хорошо знает, что нужно делать.

— Что бы здесь ни происходило, — сказал он, — ЭТО должно было остаться на месте. Охраняй дверь, Толар. Не думаю, чтобы они знали о существовании подземного хода.

Он опустил Криту на пол и навалился плечом на каменный стол, который занимал всю середину помещения. Стол не шелохнулся. Тогда Урук обрушил на него свой топор, и я почти физически ощутил силу удара. Поверхность стола раскололась, буквально распалась на куски, которые Урук нетерпеливо отшвыривал ногой, пока не открылся тёмный треугольный провал подземного хода.

Тут я услышал предостерегающий шипящий свист Тсали. В дверь принялись ломиться фасы. Они держали перед собой плоские камни, укрываясь за ними, как за щитами, позади неистовствовала толпа.

— За мной! — снова скомандовал Урук. Тсали задержался, чтобы швырнуть в фасов последнюю пригоршню своего удивительного порошка, который вспыхнул маленьким облачком. Фасы отпрянули, благодаря чему мы выиграли крошечное жизненное пространство. Урук с Критой через плечо уже по пояс стоял в подземелье.

— Быстрее!

Воин уже полностью спустился вниз, пальцы его руки были вровень с моими ботинками. Мы с Тсали кинулись к нему и полезли следом. Спуск был недолгим. Камни Тсали и мой меч давали достаточно света для того, чтобы разглядеть узкие сырые стены и низкий потолок подземного каменного хода, уходившего куда-то в темноту.

— Возьми её! — скомандовал Урук. Я подхватил Криту, чуть не уронив её, и прижал к себе. Урук снова поднялся по лестнице и обломками стола принялся заваливать отверстие лаза.

Последним крупным камнем он уже снизу закрыл отверстие, в котором орудовала его рука, как бы запечатав всех нас в подземелье. После этого он спустился по короткой лестнице и присоединился к нам.

— Идёмте! — я услышал его мрачный смешок. — Лишний раз убеждаюсь, что человек никогда не забывает того, что когда-то знал, — сказал он. — Сейчас, Толар-Йонан, ты увидишь подземный ход, который был старым уже тогда, когда в этих горах появились первые фасы. И я уверен, что мы пройдем по нему беспрепятственно. За мной!

Крита всё ещё не выходила из своего состояния, подобного трансу, хотя чем дальше уходили мы от поселения фасов и чем чище становился воздух, тем твёрже делались её шаги. Да, шаги, потому что она шла уже самостоятельно, правда, Тсали продолжал поддерживать её, пока мы пробирались по этим древним переходам, о существовании которых забыло, казалось, само время. И чем дальше мы шли, тем больше она возвращалась к жизни. В конце пути она уже почти очнулась, начала узнавать меня и Тсали, лишь Урук вызывал у неё смутное беспокойство.

Подземный ход упёрся в тупик. Урук принялся ощупывать стену, нажимая то на один, то на другой камень, и вот какой-то из них со скрежетом отодвинулся и в лицо нам ударил дневной свет! Мы выбрались наружу. Я поглядел вокруг, отыскивая знакомые ориентиры, но они оказались прямо передо мной. Мы стояли на склоне одной из вершин, окаймляющих Долину. Мы почти дома! И как

только вернёмся, Леди Дагона сразу займётся Критой и, несомненно, возвратит ей прежнее здоровье.

Урук подбросил в воздух свой топор и поймал его за рукоять.

— А неплохо снова быть живым! — воскликнул он.

Мои пальцы погладили рукоять Ледяного Жала.

— Неплохо, — согласился я.

Я ещё не знал, какого союзника привёл в наши ряды, но в том, что он друг, сомнений не возникало. Не сомневался я теперь и в том, что отныне могу вступить в бой с такой же лёгкостью, как любой другой из моих товарищей. Со мной был мой меч, моё Ледяное Жало, и я чувствовал себя уверенным, как никогда прежде.

Часть вторая

МЕЧ ПРОИГРАННЫХ БИТВ

Глава 1

Далеко внизу, в голубоватой дымке, под лучами утреннего солнца безмятежно нежилась живая изумрудная чаша Зелёной Долины. Для нас четверых, взиравших на неё с гористого склона, после всех пережитых треволнений она показалась землёй обетованной, обещая покой и безопасность, насколько можно только чувствовать себя в безопасности в этой расколотой распрями стране.

Я стоял рядом с Критой, поддерживая её за плечи. В эту минуту не хотелось думать, что я не вправе требовать от неё чего-нибудь другого, кроме дружеского расположения или, самое большее, сестринской привязанности. Ведь она уже была обещана Имхару, сыну моего воспитателя и господина Лорда Хорвана. А я — всего лишь Йонан, один из самых незначительных его вассалов, хотя его супруга,

Леди Крисвита, с самого моего рождения заменила мне мать.

Руки Криты безвольно повисли вдоль туловища. Она не смотрела на меня и стояла, как человек, пробуждающийся от тяжёлого сна. Ведь она столько времени полностью находилась во власти фасов, похитивших и околдовавших её для каких-то своих тёмных целей, пытавшихся использовать её принадлежность к Силе, — это я понял сразу, едва увидев девушку в окружении этих подземных жителей. В поясе у меня до сих пор лежала отвратительная глиняная кукла с прядью волос, тайно подброшенная в её постель. А Тсали, мужчина из породы Ящериц, постоянно поддерживал с ней связь на уровне сознания, пока мы возвращались из подземного города фасов. Но теперь к ней полностью вернулись чувства, хотя говорить она пока ещё и не могла.

Я осмелился нарушить молчание.

— Крита!

Голова её медленно повернулась ко мне, и глаза встретились с моими. Я вздрогнул. Во взгляде девушки не было ни выражения, ни глубины. Она всё ещё смотрела внутрь себя.

— Крита! — настойчиво повторил я, надеясь достучаться до её души при помощи слуха, потому что на уровне сознания мне это никогда не удастся.

В глазах девушки что-то промелькнуло, на лбу появились морщинки, как у ребёнка, когда он чем-то озабочен. Она потрясла головой — словно для того, чтобы освободиться от звука имени, которое я только что произнёс. Затем Крита очень тихо проговорила:

— Толар...

— Нет! — воскликнул я и провёл между нами рукой, вооружённой мечом. «Толар...» Это имя, постоянно теперь преследовавшее меня, как наваждение, пришло из прошлого, из мрачного сна об умирающем воине, и всё же при воспоминании о нём в душе моей всегда возникал отклик — как тогда, когда я возвратил к жизни этот сверхъестественный меч. Мне никогда не забыть, как рукоять его

словно прилипла к моей ладони, будто они — ладонь и рукоять — изначально были созданы друг для друга.

— Я — Йонан! — почти выкрикнул я.

Она недоумённо пожала плечами и отшатнулась от меня. Тсали со свистящим шипением метнулся и встал между нами. А Урук... Это он первым назвал меня «Толар», он, прошедший в плену у фасов, в ледяной колонне, целую вечность. Сейчас он изучающе смотрел на меня из-под надвинутого на лоб шлема с драконом с сиявшими глазами из драгоценных камней. Его топор упирался в камень, но руки по-прежнему сжимали рукоять. Кого я вызволил из ледяного плена, кого привёл сюда, в стан друзей?

Да, он в старой вражде с фасами, но это вовсе не означает, что враг твоего врага может быть тебе другом. Что я вообще знаю об этом человеке? Беспокойство всколыхнулось во мне с новой силой, и я вызывающе уставился на Урука. Взгляд его, обращённый на меня, оставался спокойным и невозмутимым.

— Она слишком долго была во власти Тьмы, — пояснил он, имея в виду Криту. — Даже на неё это подействовало так же, как и на всех.

— Я — Йонан, — угрюмо повторил я. Выдернув из ножен Ледяное Жало, я хотел было отшвырнуть его от себя и не смог.

— Ты держишь Ледяное Жало, — сказал Урук. — Возрождённый, меч служит своему собственному могуществу и является Великим Оружием, одним из Четырёх, а потому сам выбирает себе хозяина. Сейчас его выбор пал на тебя — кем бы ты ни был и каково бы ни было твоё настоящее имя.

Свободной рукой я пытался разжать пальцы, вцепившиеся в рукоять, и не мог. Рукоять больше не была туманно-серой, какой я впервые её увидел. Она сияла ослепительным голубоватым светом, и я понял, что мне теперь никогда не избавиться от Ледяного Жала. Я был уже не хозяином его, но слугой. И если мне не удастся овладеть им...

Я увидел, как Урук кивнул мне. И понял, что он может читать мои мысли, как любой из владеющих Силой.

— Время — змея, которая постоянно свивает и развивает свои кольца. Может случиться так, что человек попадёт, вследствие какой-либо случайности, из своего кольца в другое. Если это случается, остаётся только примириться, поскольку возврата не бывает.

— Толар из ХаГарка... — Крита тоже качала головой, словно наконец получила ответ на какую-то загадку.

ХаГарк? Груда развалин с таким названием располагалась за Долиной и была настолько разрушена временем (а, может быть, и изуродована Тенью), что никто, проходя мимо этого места, не мог сказать, где здесь дорога, а где дом. Люди говорили, что холмы плясали, когда он пал. Но плясали они под звуки флейты, доносившиеся из темноты. Даже легенда, связанная с этим местом, сохранилась плохо.

— Я — Йонан! — я с лязгом бросил Ледяное Жало в ножны. — ХаГарк давно мёртв, и те, кто жили в нём, давно забыты и людьми, и нелюдьми.

— Значит, ХаГарка больше нет, — тихо проговорил Урук. Он больше не смотрел на меня, а задумчиво глядел на расстилавшуюся перед нами долину. — Таково твоё твёрдое убеждение, Толар, ставший Йонаном?

— Таково убеждение народа Зелёного Безмолвия, их союзников, и нас, тех, кто пришёл из-за гор.

— Значит, это они идут? — и я увидел, что по скале в нашем направлении действительно движется группа людей.

Крита коротко вздохнула и осела, словно ноги её больше не держали. А Тсали бросился вниз, навстречу взбиравшимся. Мне надо было бы последовать за ним, чтобы быстрее оказать помощь Крите, но я обнаружил, что не могу сделать ни шага.

Во мне поднялся страх. Долина охранялась, и не только доблестью тех, кто защищал её стены, но и древнейшими и сильнейшими знаками Силы. Кто бы ни носил на себе отметину Тени, он не смел пересечь границ Долины, будучи сторонником Тьмы.

Но я-то им не был! Хотя... Я посмотрел на Урука и стиснул зубы. Я освободил этого человека против своей воли, но сделанного не воротишь. И если он — представитель сил Тьмы, этот поступок плохо скажется на моей репутации.

— Ты!..

Он не дал мне времени что-либо добавить к этому обвинению — или угрозе. Вместо ответа он прошёл мимо меня, слегка наклоняясь над краем скалы, затем вернулся, склонился над Критой и осторожно поднял её, а я даже не мог шевельнуться.

Во мне боролись ярость и отчаяние. Теперь стало ясно, что опасность для обитателей Долины представляет не Урук, а в некотором смысле я сам, вооружённый мечом, который будет руководить моими действиями. Правда, рукоять я нашёл, можно сказать, в пределах Долины, выковыряв её из каменной стены, окружавшей Долину, и это обстоятельство повергало меня в страх. Как попала туда рукоять волшебного меча? Может, через тайную брешь в защитном кольце гор? Или там, в расщелине, был не я, а тот, кого называют Толаром? А может, я всё ещё сплю, вижу во сне умирающего воина с мечом и никак не могу проснуться?

Трясущимися руками я попытался расстегнуть пряжку пояса, на котором висели ножны. Попробую ещё раз избавиться от этой обузы, или Йонан никогда больше не станет самим собой. Может быть, мне удастся выбросить меч, если я не буду касаться его рукой?

Вероятно, я оказался прав в своём умозаключении, потому что как только перевязь упала с пояса я смог перешагнуть через ножны с мечом и подойти к самому краю утёса. И тут вновь раздался предостерегающий голос Урука:

— Ни один человек не избегнет участи, возложенной на него!

Вспышка гнева ослепила меня, из груди вырвалось рычание, похожее на рык барса:

— Посмотрим!

Я уже занёс было ногу, чтобы сбросить этот меч вместе с ножнами и перевязью с утёса. В скалах много трещин и расщелин, если он угодит в одну из них, то будет похоронен так же надёжно, как незадолго до этого — рукоять в скале.

И тут я увидел, как снизу поднимается группа людей. Впереди с ловкостью и быстротой, которым мог бы позавидовать даже Тсали, карабкалась по скалам Леди Дагона, она первой и достигла нас. Следом поднимались молодой лорд Кайлан, Имхар и сопровождавшая их охрана.

Крита сделала шаг навстречу и с радостным вскриком упала в раскрытые объятия Леди Дагоны, по-детски обняв её за шею и припав головой к груди; рыдания сотрясали всё её хрупкое тело. Леди Дагона гладила девушку по голове, по плечам; что-то нащёптывала, и Крита постепенно успокаивалась.

Мужчины подошли ко мне и Уруку. Владелец Топора приветственно кивнул им, улыбка чуть приподняла уголки его губ, но глаза смотрели по-прежнему серьёзно и настороженно. Лорд Кайлан и Имхар довольно бесцеремонно разглядывали его.

Урук заговорил первым, но обратился не к мужчинам из Долины, а к Леди Дагоне. Он вскинул свой топор и отдал им салют.

— Привет тебе, госпожа Зелёного Безмолвия — бывшего некогда Мерхартом!

Всё ещё прижимая к себе Криту, она подняла голову и пытливо взглянула ему в лицо.

— Уже очень давно это имя не произносили ничьи уста.

— Я так и думал, Леди. Столь же долго мои ноги были лишены возможности ступить по земле, поэтому мало кто знает обо мне сейчас.

Она кивнула с серьёзным лицом.

— Да, Урук, Владелец Топора. Кто сосчитает эти годы, канувшие в прошлое...

Он пожал плечами.

— Для меня они прошли как сон. Тарги взял меня в плен и решил славно позабавиться. Он сделал меня божеством

фасов, если допустить, что у фасов может быть божество. Но мне кажется, что даже столь долгое моё заточение не разрешило наших противоречий.

— Это так. Мы понесли большие потери и позволили Тьме разрастись, но всё же сумели противостоять её ярости. Исчезло большинство Великих, и следы, что они оставили на земле, теперь скорее напоминают пятна грибка, поразившего древесину. И меч войны ещё только поднимается.

Урук усмехнулся.

— Тогда будем считать, что меня разбудили вовремя. Урук, Владелец Топора, никогда не уклонялся от битвы.

В разговор вклинился Лорд Кайлан, и я понял, что он тоже испытывает к Уруку скорее недоверие, нежели симпатию. Он спросил Леди Дагону:

— Этот человек стоит доверия, Дагона?

— Он — сама легенда, — ответила она. — И теперь легенда эта получила продолжение.

— Вы несколько преувеличиваете, — мягко произнёс Урук и повернулся к Кайлану. — Да, Лорд, я не из сторонников Тьмы и никогда им не был. Некогда я правил городом и воевал за эту землю, но теперь всё в далёком прошлом. Считайте меня всего лишь боевой единицей: пара рук, голова, наспигованная устаревшими понятиями о ведении военных действий, и ещё вот это...

Он взглядом указал на свой поднятый топор.

— Это — Великое Оружие, одно из Четырёх.

Помедлив, он вполоборота кивнул в мою сторону.

— А вот ещё одно, у него меч Ледяное Жало, возродившийся в его руке.

Я услышал, как Леди Дагона судорожно вздохнула. Она взглянула на меня, потом на перевязь с мечом, которую я сбросил, и снова на меня. Взгляд её выражал недоумение.

— Меч проигранных битв! — тихо проговорила она.

— Да, — подтвердил Урук. — И молодой воин, которого вы зовёте Йонан, только что открыл первый из его секретов: владелец меча не может пройти мимо ваших охранных рун.

— Не нужен он мне! — выкрикнул я и наконец сделал то, что и собирался, — откинул ногой перевязь. Но меч не упал в пропасть, а остался лежать на краю площадки. Леди Дагона укоризненно покачала головой.

— Ты можешь оставить его здесь, — сказала она, — но только он тебя не оставит. Каждое Великое Оружие из Четырёх выбирает лишь одного владельца и сливается с ним в единое целое. Думаю, ты составил неверное представление о нём. Изначально он призван служить Свету. Но когда прежний владелец по какой-то причине вынужден был расстаться с ним навеки, в нём появилась скрытая трещина. Поэтому новому владельцу он принесёт болезнь, ибо так называется трещина в человеческом организме. Но тем не менее он не из Тьмы, никогда не принадлежал к ней и ненавидит любое её порождение.

— Да, — подтвердил Урук, — пока Ледяное Жало не вернётся к истокам, оно будет приносить несчастье своим владельцам. Но кто сказал, что время возвращения уже не пришло?

Я покачал головой и решительно отошёл от меча.

— Тогда пусть он лежит здесь и ржавеет. Мне не нужны новые несчастья, мне нужна удача. Зачем мне прошлое, если я живу в настоящем?

Я засунул правую руку под локоть левой и держал её там, потому что всё моё естество восставало против, и пальцы рвались снова схватить этот злосчастный меч, который, оказывается, приносил своему владельцу одни только неприятности.

Глава 2

Языки пламени высоко вздымались и освещали то одно, то другое лицо собравшихся у костра, а собрались здесь представители разных народов, происхождения как высокого, так и низкого. Леди Дагона и Лорд Эфутур от народа Зелёных; лорд Кайлан и лорд Хорван от пришельцев из-за гор; кто-то из правителей рентанов, форлонгов, крылатых, народа Ящериц. За каждым толпился его конвой, состояв-

ший из лучших воинов, но свет костра не достигал их. Среди людей высокого ранга сидел Урук, положив топор на колени, но так и не выпуская его из рук.

Леди Дагона держала ту самую глиняную куклу, которая выманила Криту из дома и отдала во власть фасов. На эту уродливую поделку и были устремлены глаза всех присутствующих. Недолгое молчание прервал Лорд Эфутур.

— Возможно, наша защита недостаточно совершенна, но всё же не настолько, чтобы пропустить вот это, — он указал взглядом на игрушку в руках Леди Дагоны. — Эта вещь не могла попасть к нам извне...

Я крепко сцепил руки перед собой. Правая ладонь зудела, пальцы судорожно сжимались, как будто стремились что-то ухватить. Чувство, напоминавшее голод, томило меня, но я знал, что утолить его не смогут самые изысканные блюда, и боролся с ним изо всех сил. И всё потому, что я сделал так, как поклялся, и мог теперь собой гордиться: Ледяное Жало лежало там, где я его оставил, и я не собирался жалеть о нём!

Леди Дагона взвесила на ладони отвратительную куклу.

— Это сделано не за пределами Долины, а внутри её.

Наши взгляды беспокойно и настороженно забегали по лицам сидящих вокруг костра. Неужели?.. Она дала понять, что среди нас есть предатель? Не может быть! А с другой стороны, кто смог бы преодолеть барьеры, защищающие от Тёмных Сил, установленные так надёжно и часто возобновляемые?..

— Эта глина, — продолжала Леди Дагона, — с берега нашего ручья, эти волосы — с головы Криты, эта ткань, в которую замотана кукла, тоже принадлежит ей.

— Кто?

Рука Лорда Кайлана легла на рукоять меча. Молодое лицо его было утрюмым, сам он выглядел так, будто пытался заглянуть в будущее и угадать битву, в которой он может потерпеть поражение.

— Крита.

Леди Дагона ответила так спокойно, что нам потребовалось несколько мгновений, чтобы осознать её слова. Я

собрался было решительно запротестовать, но Лорд Хорван опередил меня.

— Как, неужели она сама устроила себе ловушку? Это бессмысленно, Леди!

— Она и не делала этого осознанно, милорд. Девушка из вашего Дома обладает гораздо большим Даром, чем вы себе представляете. Однако нетренированная Сила может творить не только добро, но и зло; она извлекает из души девушки все скрытые в ней проявления Дара так жадно, как человек, томимый жаждой, пьёт воду из источника; при этом он не думает ни о чём плохом и даже не догадывается, что вода в этом источнике может быть заражена или отравлена... Крита — природный врачеватель, но Дар в ней ещё не оформился. Её нетренированная Сила может открыть дверь тому, чего мы так все боимся...

Да, мы поставили надёжную охрану, и наша Долина стала неприступной для зла. Но чей-то изощрённый мозг нашёл способ воздействовать на неискушённое сознание девушки. Не обладая соответствующими навыками, Крита, скорее всего, ни о чём и не догадывалась. Заключённый в ней Дар использовали против её воли. Но теперь всё кончено, зло обнаружило себя и не сможет впредь использовать Криту для своих целей... Урук, кто сейчас правит фасами?

Он ответил не сразу, и голос его был задумчив, как если бы он столкнулся с трудной загадкой.

— Леди, ты сказала, что я — легенда в вашем новом мире. Это так. Я жил в другие времена, в другом Эскоре. Моим врагом был Тарги. Фасы платили ему какую-то дань, кроме того, он использовал их норы в качестве тюрьмы для меня. Вот всё, что я знаю. Жив ли он? Я и сам бы хотел это знать! Мы слишком связаны враждой.

— Тарги убит в Эмнине... — слова эти слетели с моих губ, но принадлежали не мне. Со всех сторон на меня обратились изумлённые взгляды.

— Это была проигранная битва. Проигранная Бэннерсами из Эфта, братством ХаГарка...

И это тоже сказал не я, не Йонан.

— Однако Тьма тоже была отброшена, так что ни одна из сторон не могла провозгласить победу в тот день.

Моя ладонь взлетела к губам и плотно прикрыла их. Я и сам был потрясён внезапным пробуждением того, ДРУГОГО. И мне было хорошо видно как сидевшие вокруг костра отшатнулись от меня, будто я обнаружил себя как скрытый враг. Но почему, я же выбросил Ледяное Жало!..

— Я — Йонан!

Эфтур, нахмурившись, смотрел на меня. Его губы шевельнулись, будто он хотел что-то сказать, но Леди Дагона жестом остановила его. Она подняла руку и начертала в воздухе нужные символы. Они загорелись сначала зелёным, потом синим огнём. Мне показалось, что я стремительно, до головокружения, мчусь через этот огонь, возникший в воздухе, обнажённый и беззащитный перед её могуществом.

— Кто ты? — властно спросила она. Я слышал её слова неясно, как бы издалека, и догадался об их смысле только по движению губ. Между нами словно разверзлась бездна.

Я изо всех сил сопротивлялся, говорил себе: «Я — Йонан, Йонан!», но глубинный голос внутри меня отчётливо произнёс моими устами:

— Толар... Владелец Ледяного Жала.

— Зачем ты здесь, Толар?

— Прошное должно предать уничтожению, замыслы зла — должны быть разбиты.

— Это твоё желание, Толар?

— Моя воля здесь ни при чём. На меня накинута волшебная сеть. Но прошлая моя неудача, возможно, прощена, и начался новый отсчёт времени...

И вот я, или тот, кто был частью меня, больше не стоял перед Леди Зелёного Безмолвия. Каким-то образом я вернулся в своё тело — но уже не как человек Хорвана. Я стоял, открытый всему, не чувствуя, как языки пламени костра чуть ли не облизывают мои сапоги. С горечью я осознал, что тот, с кем я так упорно боролся, всё-таки одолел меня. Теперь мне предстоял путь в странный и пугающий мир, не имеющий ничего общего с тем, какой я знал от рождения.

— Я должен вернуться...

Губы мои были скованы, весь я продрог, несмотря на жар костра. Даже, можно сказать, окоченел, как тогда, когда разбивал ледяную колонну, чтобы освободить Урука. Во мне росло убеждение, что я иду к смерти, но я был уже не в силах противостоять внутреннему принуждению, которое правило мной.

Урук поднялся.

— Это также и мой путь. Когда-то Тарги удалось победить меня, теперь настал мой черёд.

Он отсалютовал Дагоне топором.

— Леди, мы идём во Тьму. Пожелай нам счастливого пути, потому что нас ожидают большие трудности и такие опасности, которым мало кто подвергался в жизни.

— Мальчик...

Я осознал, что это Лорд Хорван рядом со мной, и его рука сжимает мою правую руку. В ней возникло ощущение боли, которая всё усиливалась, и я понимал, что боль эта не оставит меня до тех пор, пока я снова не надену перевязь с Ледяным Жалом в ножнах.

— Йонан, как ты намерен поступить?

В голосе его звучало участие, он одобрял мужество юноши, который вырос в его семье и которого звали Йонан. Но того юноши оставалось во мне всё меньше и меньше, поэтому я даже не знал, кто именно ответил Лорду Хорвану:

— Милорд...

Я обращался к нему так, как требовал ритуал, но голос мой звучал словно издалека.

— Я иду туда, куда должен идти, и намерен поступить так, как должен поступить. Я уже не принадлежу себе, моим господином является Меч, и я должен служить ему до конца. Надеюсь только, что на этот раз конец окажется более счастливым.

Во всяком случае, я надеялся на это. Я снова почувствовал острую боль в своём израненном теле, когда мысленно устремился к той площадке на склоне, где оставил Ледяное Жало. Хотелось думать, что оно по-прежнему находится там.

Лорд Хорван отпустил мою руку. И уже через минуту мы с Уруком плечом к плечу уходили в темноту от весёлого пламени костра. Я буквально чувствовал, как внутри меня какая-то частица моего естества разрушается и начинает отмирать. Когда она полностью отомрёт, я лишусь последних надежд в этой жизни и мне останется служить одной только идее.

Стояла непроглядная темень, но мои ноги, казалось, сами находили дорогу, да и руки часто помогали им, так как склоны были крутыми и иногда приходилось карабкаться по ним на четвереньках. Однако я никогда ещё не испытывал такой лёгкости и никогда не поднимался в горы так быстро, как в этот раз. Урук двигался справа от меня, но сознание этого не приносило мне облегчения. Он-то хорошо знал, что именно держало меня в плену и убивало Йонана так уверенно и безжалостно, будто разрывало ему грудь, чтобы вырезать сердце.

Когда мы достигли вершины, то сразу чуть в стороне я увидел свет, и он магически потянул меня. Оставленный мною меч светился, как факел. Я нагнулся, поднял перевязь и надел её, крепко застегнув пояс. Дотронувшись до рукояти, я почувствовал, что она до сих пор хранит тепло руки, державшей её когда-то.

Урук заговорил — впервые с тех пор, как мы ушли от костра. Он произнёс одно-единственное слово, которое прозвучало не вопросом, а утверждением принятого раньше решения.

— ХаГарк!

— ХаГарк, — отозвался я, соглашаясь. Этот находившийся во мне человек, которого они называли Толаром, подавлял волю и подчинял себе тело, но над разумом моим был не властен. Не перешла ко мне и его память, за исключением отдельных обрывочных и разрозненных во времени картин. Поэтому, только когда Урук произнёс название давно разрушенного города, я понял, что он и является целью нашего похода.

Но нам не удалось добраться до этих почти забытых руин незамеченными. Как только мы стали спускаться по

наружному склону горной цепи, защищающей Долину, я почувствовал, как спину между лопаток будто бы кольнуло что-то. Я невольно напряг слух, зрение, даже обоняние. И понял, что в ночи разлит зло. Угроза была явной и достаточно сильной для того, чтобы принять все меры предосторожности. Я не мог, не имел права рисковать жизнью, ибо моя жизнь мне уже не принадлежала.

И вдруг в сознании моём вспыхнули слова, которые снова были не моими:

«Внимание, приближаются Тёмные...»

Я не был наделён Даром, вернее, не я, а Йонан. Но что я знал о способностях Толара?

Порыв ветра принёс снизу густое зловоние. Это были не фасы, нет, это — Серые. Не люди и не звери, но хуже тех и других, беспредельно преданные злу... Я замедлил спуск и прислушался.

Мне показалось, что я слышу крадущиеся шаги нескольких пар ног, но не внизу под нами, а левее. Я взгляделся вниз, в крошечную темноту. И вскоре заметил светящиеся точки — их глаза. Они приближались.

«Давай налево».

На этот раз мысленное послание было совершенно отчётливым.

«Здесь выступ. Я уже стою на нём».

Серые не издавали ни звука. Я тихо двинулся на мысленный голос. Карниз оказался довольно широким, и я перебрался к Уруку без особого труда. Он вновь беззвучно сообщил:

«Обычно эти Серые нападают молча. И их только пятеро», — он сказал это так, будто пятеро Серых — сущий пустяк для двух вооружённых мужчин. Я мимолётно удивился его самоуверенности.

Светящиеся огоньки, насколько я мог судить, находились на высоте человеческого роста или чуть выше. Серые скапливались внизу, как раз под нами. Я обнажил Ледяное Жало.

Впечатление было такое, будто я внезапно зажёг факел, хотя сияние клинка вовсе не было таким уж ярким. Меч в

моей руке сам собой рванулся вперёд так резко, что я наверняка выронил бы его, если бы пальцы мои не прилипли к рукоятке так прочно.

В старинных легендах прославлялись «поющие мечи» — удивительные клинки, которые перед боем издавали высокий мелодичный звук. Но Ледяное Жало не пело — оно рычало! Именно так, другого слова не подберёшь.

Его рычание вызвало ответный рык снизу. Что-то тёмное рванулось к нам, но не из числа Серых, потому что не имело светящихся глаз.

Урук замахнулся и рубанул топором эту тёмную массу, та с ужасающим воем рухнула вниз. Серые яростно взвыли и полезли вверх, ничуть не обескураженные гибелью своего союзника. Но наше положение давало нам неоспоримое преимущество.

Топор Урука крушил налево и направо, Ледяное Жало с рычанием разрубало мохнатые уродливые тела. Снизу доносились стоны поверженных. И только мы с Уруком молча исполняли свою ратную работу.

Наконец раздался голос Урука:

— Всё! С ними покончено.

Я опустил меч и внимательно осмотрелся, вглядываясь во мрак, не промелькнёт ли где-нибудь отблеск зловещих светящихся глаз. Нет, никого! Ночь, как и раньше, была тиха и черна. Я ощутил вдруг страшную усталость, как будто Ледяное Жало опустошило мою душу.

— Можно двигаться дальше, — добавил Урук. Превозмогая слабость, я подошёл к нему. — У Серых наверняка есть хозяева, которые скоро узнают об их гибели, поэтому нам следует поторопиться.

Я вытер клинок пучком травы и, по-прежнему держа меч в руке, стал осторожно спускаться. Когда под ногами у нас наконец оказалась ровная поверхность, Урук решительно повернулся спиной к месту недавней схватки.

— В ХаГарк! — сказал он. — Мы ещё не хозяева времени.

Я не понял, что он имеет в виду, но послушно двинулся следом.

Глава 3

Луны не было, звёзды мерцали так далеко, что вовсе не давали света, однако мы вдвоём шагали так же, как уходили от костра в Долине — плечом к плечу. Можно было идти гуськом по тропе, освещая дорогу факелом, но Толар во мне решил, что так лучше — никто не подкрадётся и не ударит заднего в спину.

Я толком не отдохнул после рискованного путешествия по запутанным подземным коридорам фасов, потом сразу — совет у костра, и вот новый поход. Но усталости я почему-то не испытывал, во мне росло желание двигаться вперёд, к своему предназначению, хотя в чём именно оно заключалось, я не знал.

Урук не нарушал тишины ни словом, ни мыслью. Когда-то Леди Дагона назвала его легендой, хотя и приняла его сразу же, что означало, что он не был представителем Тени. Кроме того, он знал Толара, хотя я опасался даже припоминать наши с ним более ранние связи. Йонан во мне ещё давал о себе знать, и жившего в нём страха было достаточно для того, чтобы сделать последнюю безнадежную попытку к сопротивлению.

Если зло и кралось по нашему следу, то при этом сохраняло приличную дистанцию. Возможно, это бойня, которую мы учинили на склоне, сделала врагов осторожнее; впрочем, не исключено, что они хотели выманить нас подальше от спасительной Долины и разделаться с нами на своей территории. Как бы то ни было, я ни на минуту не ослаблял бдительности.

Серый сумрак, предвестник рассвета, чуть разбавил непроглядный мрак. Взгляду нашему постепенно представляла дикая, искорёженная земля, подвергшаяся каким-то хаотическим катаклизмам. Урук замедлил шаги. Голова его, увенчанная шлемом с драконом, поворачивалась то влево, то вправо, будто он разыскивал некий исчезнувший знак или ориентир.

Мы продирались теперь сквозь густые заросли между огромными, беспорядочно нагромождёнными каменны-

ми глыбами, и можно было лишь догадываться, какой силы землетрясение разыгралось здесь много лет назад.

Урук остановился. Я взглянул на него и увидел, что лицо его напряжённо застыло, а рот искривлён гримасой. Сви-репо выкатив глаза, он всматривался в развалины стен, будто хотел усилием воли вырвать у них какой-то очень важный секрет.

— ХаГарк...

Он не воспользовался мыслью, а произнёс это вслух, словно не мог поверить своим глазам. Затем взмахнул топором, выразив этим движением всю свою ярость, хотя грозное боевое оружие обезглавило всего лишь жалкий куст. Казалось, Урук бесполезным своим ударом мстил прошлому.

Он некоторое время стоял молча, не шевелясь, опершись топором о землю, на которой лежали отсечённые ветви с увядающей листвой, затем сокрушённо покачал головой и ещё раз внимательно огляделся. Чувствовалось, что он ищет на местности какую-то очень важную для себя примету. Тут я снова ощутил упадок сил и потерял всякий интерес к тому, что нам предстояло.

Урук снова двинулся вперёд, но без прежней уверенности. Похоже, он так и не нашёл того, что искал. Начало рассветать, и можно было лучше разглядеть окрестности. Долина, в которой находился ХаГарк, имела узкий вход, защищённый фортификационными укреплениями, протянувшимися от одного края долины до другого по всей её глубине. Правда, сейчас от этих укреплений мало что осталось. Создавалось впечатление, что земля сама стряхнула с себя оковы, да так оно, видимо, и произошло на самом деле.

Дальше долина расширялась, и обломки стен попадались реже. Хотя камни выглядели сильно выветренными, на них заметны были следы резьбы. Слабая предутренняя дымка постепенно таяла, и, казалось, вместе с ней исчезали призрачные тени прошлого.

Мы остановились посреди улицы, вымощенной булыжниками, между которыми проросла трава, а кое-где и

невысокий кустарник. Она вела прямо к центру этого города-крепости, ибо перед тем, как быть разрушенным, ХаГарк действительно являлся и городом, и крепостью. Да, он знал лучшие времена и, подобно Зелёной Долине, представлял собой надёжный оплот Света...

Урук ускорил шаги и больше не смотрел по сторонам, видно было, что он наконец сориентировался. Вскоре мы оказались на некоем подобии площади. Со всех сторон её окружали каменные плиты, испещрённые письменами, и изваяния полужвериных-получеловеческих голов, призванные, по всей видимости, защищать город от врагов и отпугивать их зловещими гримасами. Некоторые из них напоминали изваяния народа Зелёного Безмолвия и навели на мысль о братстве по разуму народов и городов.

Некоторые статуи валялись на мостовой, разбитые вдребезги, другие, хотя и накренившись, всё ещё стояли. В центре площади высилось нечто, отдалённо напоминавшее башню, разрушенную почти до основания. Камни, из которых она была сложена, отличались от остальных блеклыми голубоватыми тонами. Я уже знал, что в Эскоре голубой цвет означал защиту, безопасность.

Урук остановился перед входом в башню. Тёмная арка открывала взору беспорядочно наваленные внутри глыбы.

— Башня Иучара, — вслух произнёс Урук, и эхо, отразившись от стен, повторило: «Иучара, Иучара...»

И тут пробудилась моя вторая память. Иучар... Я же знал его...

Высокий, как Урук, хотя я и не видел его в человеческом облике... Скорее всего, он и не был человеком, а лишь призраком, которого можно было вызвать для того, чтобы ободрить воинов; в последние дни ХаГарка они очень нуждались в нравственной поддержке, потому что видели: война проиграна... Иучар из ХаГарка. Сколько времени прошло с тех пор, как он умер?

Мне не хотелось верить ни в Иучара, ни в его башню. Урук, опершись на свой топор, повернулся ко мне. Глаза его под ободком шлема с драконом на гребне горели мрачным огнём.

— Иучар!

Он повторил это имя ещё раз и замер, как бы в ожидании ответа. Затем поднял топор и отсалютовал им бывшей башне. Толар во мне обнажил Ледяное Жало и тоже сделал им приветственный жест в направлении зияющего дверного проёма.

Мы вошли внутрь. На стенах сохранились следы копоти от пожара, но не это удивило меня. Ледяное Жало засияло у меня в руке, и, как бы в ответ, обоюдоострое лезвие топора Урука так же осветилось. В этом месте, несомненно, была сосредоточена энергия, восходящий поток Силы, под влиянием которой кожу начало покалывать, а сознание испуганно встрепенулось, не желая подвергнуться зондированию.

Тяжёлые испытания изменили внешний вид ХаГарка, город подвергся тотальному разрушению, но здесь, в его истинном сердце, сохранился былой дух, жаждущий возрождения. И то, что ощущал попавший сюда человек, оказывалось не чувством страха перед разрушительной силой Тьмы, а скорее предощущением нового призыва к великой битве. Это место казалось средоточием мужества и твёрдости духа, проникнуться которыми должен был каждый, оказавшийся здесь.

Ледяное Жало затрепетало в моих дрогнувших руках, но я не уронил меч. Как можно допустить такое! Урук шагнул в самый центр круглой комнаты и поманил меня.

Не думая ни о чём плохом, я сделал несколько шагов и присоединился к нему. Как ни странно, каменный пол под ногами был чистым, словно подметённым — ни мусора, ни камней, обломки которых громоздились вдоль стен. Казалось, царящая здесь Сила стремилась сохранить в чистоте сердцевину своих владений. Я увидел, что каменный пол в разных направлениях испещрён линиями, в которые тем не менее всё же набилась пыль, так что образованный ими узор чётко не просматривался.

Урук взял топор и, опустившись на колени, начал с величайшей осторожностью вычищать эти бороздки. И вскоре стало ясно, что мы находимся внутри контура

пентаграммы. Во мне снова зашевелился Толар, и я тоже стал кончиком Ледяного Жала прочищать каждую бороздку, чтобы ещё чётче проявились письмена и символы, нанесённые у каждого луча пентаграммы. Кое-какие из этих знаков были мне известны, они использовались для охраны Долины. Другие... Я мог бы обратиться к памяти Толара, но мне не хотелось этого делать.

В то же время повсюду вокруг нас, подавляя ум и волю, росло ощущение накапливавшейся Силы. Неужели она не истощилась за века разрухи ХаГарка? Скорее всего, это была накопленная прежде энергия, которую мы теперь освободили, сами того не желая.

Окончив выскабливать из бороздок пыль, Урук поднялся и кивком указал на лучи звезды.

— Зажечь!

Я понял, что он имеет в виду; разум Йонана не верил, что это можно сделать, в то время как меч Толара уже шевельнулся, готовый выполнить приказ.

Я медленно прошёл по кругу, начертанному внутри звезды. Кончиком сверхъестественной ледяной сосульки, непонятно как превратившейся в металл, я прикоснулся к вершине каждого луча звезды, выбитой на каменном полу, и прикосновение это рождало огонь. Ничто не питало его, но светлое пламя поднималось почти до потолка.

Потом Урук высоко поднял свой топор, и голос его загремел, как гонг в святом храме, где властвуют колдуны. Я не понимал произносимых им слов и не задумывался о том, что Толар, пожалуй, мог знать их. У каждого адепта — своя тайна, к тому же я был уверен, что Толар никогда не причислялся к Великим Эскора.

Был ли им Урук — тоже вопрос, во всяком случае, он не подавал виду. Но в его возможностях призвать сюда НЕЧТО я не сомневался.

Из костров, вызванных к жизни моим мечом, поднимался голубоватый туман и постепенно заволакивал всё вокруг.

Голос Урука то возвышался, то спадал до шёпота и снова гремел; голубой туман становился плотнее. Я чувствовал,

что вокруг нас собираются призрачные тени прошлого, которые вызвал Урук. Ледяное Жало у меня в руке было наготове, хотя Толар оставался спокойным, не чувствуя опасности. Странное возбуждение горячило меня, ускоряло дыхание, быстрее гнало кровь в жилах.

Туман заполнил всю комнату, кроме того пространства внутри звезды, где стояли мы. Голова у меня кружилась. Тело теряло устойчивость, и появилась странная мысль, что снаружи, за стеной голубоватого тумана, мир кружится колесом в сумасшедшем танце, который никто из простых смертных даже представить себе не может.

Голос Урука начал стихать. Он упёрся рукоятью топора в пол и склонился на неё, как человек, нуждающийся в опоре. Вся его поза говорила о крайнем переутомлении, полном истощении собственных энергетических ресурсов. Я шагнул к нему и поддержал за плечи. Он безропотно принял мою помощь — должно быть, действительно в ней нуждался.

Голос его стал хриплым, напряжённым и вскоре совсем смолк. Глаза закрылись, пот струйками стекал по щекам и капал с подбородка. Он шатался, и я прилагал немало усилий, чтобы удержать его на ногах.

Огни на концах лучей звезды мерцали всё слабее. За пеленой тумана что-то происходило. Затем он стал редеть, таять, рваться в клочья, и вскоре можно стало увидеть окружавшие нас стены. Я понял, что всё вокруг нас чудесным образом изменилось. Комната оставалась той же самой, это я понимал, но не было уже нагромождений глыб у стен, и пол казался зеркально чистым, а за огнями, которые я зажёл, виднелись другие огни, огни ламп, расставленных в стенных нишах, а между ними — полосы гобеленов. Цвета их, местами неясные, были всё же достаточно различимы: голубой, зелёный, золотисто-жёлтый с металлическим отливом и проблесками, как будто сотканный с золотой нитью.

Вдруг огни на лучах звезды одновременно погасли, будто задутые дыханием гиганта. Мы остались в сиянии ламп в нишах, а позади, из открытого дверного проёма,

лился яркий солнечный свет. Я увидел неподалёку стол, а на нем сосуды с вином и чаши.

Поддерживая вконец обессиленного Урука, я подвёл его к этому столу. Положив на столешницу Ледяное Жало, я свободной рукой налил из сосуда в одну из чаш бесцветную жидкость и поднёс кубок к губам моего товарища. Лицо его осунулось, глаза были закрыты, но он жадно выпил то, что я ему предложил, как будто это было ему жизненно необходимо.

И как только он осушил чашу, я услышал странные звуки — голоса, городской шум. Взглянув через плечо Урука, я в окне увидел движение на улицах, гомон толпы... Руки у меня задрожали, только сейчас я осознал, что же произошло на самом деле. Мы оказались... В ПРОШЛОМ! НЕТ!

Память Толара теперь боролась не с Йонаном, а сама с собой. Я не мог, не хотел снова проходить через эти муки! Боль, которую я испытал во сне, вновь пронзила моё тело. Я слишком живо помнил всё случившееся тогда, чтобы пережить это ещё раз... НЕТ!

Глава 4

В тот день солнца не было с утра. Хмурые облака покрыли часть небосвода, а от земли клубился туман, похожий на дым бесчисленных костров. Густым и недобрым был этот туман, ни один взгляд не мог пронзить его завитки, ни один мозг не мог передать сквозь него свою мысль. Туман этот был рождён волшебством, и мы знали, что тот, кто его создал, — наш враг.

Вместе с Уруком я стоял на холме в группе воинов, одетых в боевые кольчуги и шлемы, увенчанные причудливыми сказочными существами. Большинство из этих людей было моими товарищами, я знал их по именам, но мы не разговаривали друг с другом. Наше упорное молчание окутывало нас, как туман внизу, на равнине.

Урук изменил позу. Я мог догадаться, что у него на уме, так как памятью моей теперь полностью завладел Толар.

Однако память эта непостижимым образом обращена была и в будущее. Нам предстояла Проигранная Битва. Правда, я не знал, с кем придётся сражаться, не мог даже просто перечислить по памяти названия и виды тех, кто собрался там, внизу, в тумане.

Но в одном я был твёрдо уверен: никто, ни человек, ни Великий, не пытался ещё выполнить ту задачу, которая предстояла нам — мне и Уруку. Неужели мы, зная будущее, можем изменить прошлое? Или мы просто окажемся его рабами, вынужденными повторить то, что однажды уже происходило, ту злую судьбу, которая застала врасплох жителей ХаГарка?

Да, Йонан во мне интересовался древними легендами, по крохам собирая заключённые в них сведения, но ни разу мне не встретилось ни одного предания о перемещениях во времени и о возможности изменить то, что уже произошло. А если изменения такого рода возможны, то каков будет результат, каковы последствия? Падёт ли ХаГарк позже от другого нашествия Тьмы?

Время... Что оно такое? Форма последовательной смен явлений, измерение которой мы сами навязали миру, — чередование дней и ночей, строительство городов, длина человеческой жизни, даты правления именитых лордов... Сейчас время как бы остановилось, потому что мы, выстроившись в боевой порядок, смотрели, как стелется внизу туман.

— Будь наготове!

Полушёпот Урука достиг моих ушей только потому, что мы стояли плечом к плечу. ЭТО приближалось. По моей коже поползли мурашки, тело напряглось. Первое, что нам предстояло, — бороться с памятью о том, как всё происходило в первый раз. Мой рот был полон слюны, я часто сглатывал её.

Если бы мы не являлись пленниками времени, его марионетками...

В гуще тумана внезапно возникло завихрение, из которого выплыла тёмная человекоподобная фигура, стоящая прямо, на двух ногах. Но это был не человек.

— Приспешник Тарги.

Топор Урука поднимался медленно, очень медленно.

Память подсказала, что сейчас произойдёт. В прошлый раз Урук тоже встретился с этим порождением Тьмы, убил его и потом сам оказался поглощённым туманом. Я был настороже, предвидя, что всё может произойти так же, как тогда, и готовясь на этот раз удержать его. Я видел: Урук пошатывается, словно притягиваемый неведомой силой.

— Нет! — его голос загремел, как в битве. — В эту игру я дважды не играю!

Мужчины вокруг нас зашевелились, зароптали, обратив на Урука изумлённые взгляды. Для них-то время не было закольцовано, всё происходило здесь и сейчас, а не в отдалённом прошлом.

Тот, кого Урук назвал приспешником Тарги, не был защищён ни шлемом, ни кольчугой. Необъятная туша, покрытая жёсткими спутанными волосами, голова не то кошачья, не то обезьянья... Издав низкое грозное рычание, он приподнял верхнюю губу, обнажились чудовищные клыки. Огромной когтистой лапой существо держало короткое копьё с длинным зазубренным наконечником.

Окружающие всё ещё смотрели на Урука. И тут мы услышали вызов. Стоящее внизу существо не прибегло к помощи копья. Это был сосуд, который Тарги наполнил своей ненавистью. Ноги его подгибались под тяжестью огромного бочкообразного туловища; двигаясь к нам, он покачивался из стороны в сторону.

Вызов достиг нашего разума — страстное желание броситься в пылающую неистовством битву, красный сгусток неукротимой ярости. Перед нами стояло существо, непостижимым образом выхваченное из хаоса, готовое ринуться вперёд и смять наши ряды. Раньше так всё и происходило.

Но Урук не шевелился. Ему приходилось напрягать все силы, чтобы не тронуться с места. Вызов был послан ему. Однажды он уже ответил на него...

— Нет! — сорвалось с его губ ещё раз. В нём самом клочкотала ярость, которую всё трудней становилось сдерживать, даже зная, к чему она приведёт.

Если бы Урук принял вызов и шагнул этому чудовищу навстречу, чтобы вступить в схватку, мы лишились бы нашего небольшого преимущества, которое заключалось в том, что мы находились выше противника, и туман поглотил бы нас.

А если Урук не двинется с места? Двое из наших уже сбежали по склону, чтобы принять этот ошеломляющий вызов. В это же время воины вокруг нас роптали, укоризненно глядя на Урука. Они все погибли бы, ринувшись вниз, в этот туман. Только Урук мог удержать их от такой глупости, но...

Обнажив меч, я кинулся вниз по склону. У меня не было никакого чёткого плана, я видел перед собой только безобразное чудовище, уши которого прижались к голове, как у рассерженной рыси. Пена хлопьями покрывала его клыки. Ледяное Жало встрепенулось в моей руке, и я снова услышал его низкое рычание, собственный боевой клич.

Когда я приблизился к слуге Тарги, меня обуял страх. Волосатое чудовище, как башня, возвышалось надо мной. Оно замахнулось своим копьём, чтобы выбить меч из моей руки, и, если я не изловчусь, ему это вполне могло удастся.

Ещё несколько смутных фигур очертились в тумане, раздался человеческий вскрик, но я боялся оторвать взгляд от монстра, который угрожающе высился передо мной. Толар так бы не поступил. Всё-таки нас в какой-то степени разъединял поток прошлого.

Я ни о чём не мог думать, видимо, мною управляло нечто, не зависящее от моего сознания. Эта тварь при всей своей неуклюжести передвигалась куда проворнее, чем я мог предположить. Я упал на одно колено, Ледяное Жало выскользнуло из моей руки, и на меня обрушился мозговой натиск врага, что было гораздо ощутимее, нежели удар кованой стали.

Может быть, я ТОГДА закричал от боли и страха, приняв этот удар? Я искал в ТОЙ памяти и не нашёл ничего подобного. Но на этот раз я использовал свой меч не так, как обычно поступают в честном и открытом поединке. Я перехватил его за рукоятку и метнул как нож.

Он не был сбалансирован для этого, но мой стремительный бросок достиг цели. Я увидел точку, в которую вонзился пламенный клинок — недостаточно глубоко, чтобы сразить чудовище, но всё же распоров кожу и плоть.

Косматая тварь остановилась и уставилась вниз, на меч, вонзившийся ей в брюхо. Она попыталась ухватиться за клинок, чтобы выдернуть его, взывала от боли и отдёргивала лапу. Налившиеся кровью глаза метали молнии. Я почувствовал, как страдает эта тварь, и мой собственный дух воспрянул. Чудовище не могло прикоснуться к моему мечу! Сила, которая изготовила Ледяное Жало, была абсолютно враждебна ко всякому порождению Тьмы.

Теперь монстр попытался выдернуть из своего тела меч при помощи копья. Зазубренный край наконечника каким-то образом поймал рукоять и выдернул меч. Ледяное Жало упало в траву неподалёку от меня.

Я потянулся за ним с такой стремительностью, что ноги мои скользнули по земле, где среди жёсткой травы ко мне тянулись полосы тающего тумана. Но едва я достиг меча и вытянул пальцы, чтобы схватиться за рукоять, огромная когтистая лапа наступила мне на запястье. Вес чудовища припечатал меня к земле, зловоние его тела чуть не лишило сознания. Итак, если в прежней Проигранной Битве я умер от колотых и рубленых ран, сейчас меня ожидала другая смерть. Кто сказал, что нам удастся изменить конечный результат, даже если мы повернули время вспять?

Я с усилием повернул голову в сторону возвышавшейся надо мной туши. Смерть надо встречать лицом к лицу, даже если перед тобой отвратительная морда приспешника Тарги. Вокруг раздавались крики, звон мечей, но мой мир сузился до огромного толстого брюха, нависшего надо мной. Из открытой раны сочилась кровь. Он отшвырнул прочь копье, одной лапой стараясь зажать рану на брюхе, а вторую нацелил на меня. Она приближалась. Ещё мгновение, и я буду разодран на части вместе с кольчугой. Я извивался всем телом, пытаясь освободить руку, но чудовищная тяжесть намертво вдавила её в землю. Силы покидали меня.

В последнем проблеске сознания я нашупал лежавшее рядом Ледяное Жало. До рукояти мне было не дотянуться, я схватился за клинок, порезав себе ладонь, и поставил его стоймя.

Я успел! Неимоверная сила чудовища в данном случае помогла мне. Меч пропорол насквозь когтистую лапу. Чудовище взвыло от боли и отдернуло лапу, потянув за собой вонзвшийся меч. Клинок разрезал мне ладонь, и это всё, чего я сумел добиться. Чудовище выдернуло меч, как занозу, и отшвырнуло его куда-то.

Балансируя на одной ноге, которая вдавливала моё запястье в землю с такой силой, что от боли я едва не терял сознание, он занёс надо мной вторую ногу. Я знал, что за этим последует: сейчас я буду раздавлен, растёрт в мокрое место, как насекомое под башмаком.

Никто не мог меня спасти, я был обречён. Боль в искалеченном запястье стала такой невыносимой, что глаза мои подёрнула пелена слёз, и я молил только об одном: чтобы эта мука скорее кончилась. Однако удара, который должен был оборвать мои страдания, так и не последовало. Чудовище пошатнулось, странно хрюкнуло и горой обрушилось рядом со мной. Из огромной раны в горле хлестала кровь, потому что уродливая голова его была почти отделена от туловища.

— Нет! — раздался громовой голос моего друга. Несмотря на волны боли, которые буквально захлёстывали меня, я понял, что произошло, и ошибиться было невозможно — это ударил боевой топор! Спасая мою жизнь (может быть, потому что ПРОШЛОЕ побуждение оказалось сильнее нынешних опасений), Урук повторил то же самое, что сделал в прошлом, — убил слугу Тарги.

Я видел, как он идёт: полусогнувшись, с топором на изготовку. Не знаю, каким образом я снова поднялся на ноги, ибо каждое движение болью отдавалось во всём теле, особенно в искалеченных руках. Первой мыслью было: где моё Ледяное Жало?

Но тут я заметил ещё кое-что, вихрем вытянувшееся из тумана. И у меня хватило сил, чтобы крикнуть Уруку:

— Сзади!

Он повернулся с проворством, рождённым долгими часами тренировок, но топор повернулся ещё раньше его. Что-то тёмное, напоминавшее верёвку или щупальце, коснулось его лезвия и мягко отпрянуло, порезавшись. Но это была лишь первая атака. Урук взмахнул топором, рубя всё новые и новые щупальца, тонкими нитями вылетавшие из тумана, лавировал, увёртывался и вдруг нечаянно споткнулся о тело поверженного чудовища. И этого мгновения хватило, что бы одна из нитей захлестнулась вокруг обеих его рук, стянув их таким образом, чтобы он уже не мог дотянуться до топора, упавшего тут же рядом.

Теперь я знал, что представляют из себя эти живые пути — недремлющая защита фасов. Кое-как встав на колени, я прижал к груди разmozжённую кисть руки. Другая моя ладонь, пораненная клинком, вся была в запекшейся крови. Казалось, даже не руками, но одними лишь пальцами было просто невозможно пошевелить, однако...

Как раз позади того места, где неумолимые щупальца атаковали Урука, я заметил Ледяное Жало, которое торчало, воткнувшись в землю. Его рукоять служила мне путеводной звездой, маяком в бушующем море. Кое-как поднявшись на ноги, я обошёл отсечённые Уруком кончики щупалец, которые всё ещё извивались, и приблизился к мечу. Я не мог взяться за рукоять ни одной рукой. Голова кружилась, я снова опустился на колени, наклонился к ярко сиявшему клинку, повернул голову набок и сжал рукоять зубами.

Пришлось приложить немалое усилие, чтобы выдернуть меч из земли. Мне это удалось. Урук... Я обернулся. Он теперь уже полностью был пленён, и как ни напрягался, даже отсечённые концы щупалец подползали, чтобы сплестись вокруг него.

У меня не было сил ещё раз встать на ноги, поэтому я пополз к нему на коленях.

«Руку...» — послал я ему мысль.

Глаза его расширились, когда он увидел меня. Он ничем не мог помочь мне, это должен был сделать я. Туман вокруг всё так же стоял плотной стеной, но нам хорошо слышны

были выкрики и удары оружия по оружию. Несмотря на все наши уловки, воины ХаГарка всё-таки оказались втянутыми в битву, и не на своей территории. Если бы Урук был свободен, он не допустил бы этого!

Я добрался до него. Рукоять Ледяного Жала по-прежнему была зажата у меня в зубах. О том, чтобы нанести клинком хотя бы подобие удара, даже говорить не приходилось. Оставалась одна слабая надежда на то, что создания Тарги не смогут вынести даже прикосновения Ледяного Жала.

Нагнув голову, я надавил острием клинка на щупальце, сплетавшее кисти Урука; у меня не было сил, клинок не в состоянии сам, без моей помощи, перерезать щупальце, попытка моя почти безнадёжна, но...

Щупальце под кончиком меча извивалось, стараясь избежать соприкосновения с ним, как всякое порождение Тьмы боится Света. Дёргая головой сверху вниз, я принялся перепиливать щупальце. Внезапно, как будто клинок проломил панцирь и добрался до сердцевины, мягкой, как глина, острие беспрепятственно погрузилось в живую ткань.

Щупальце со щелчком освободило запястье Урука, прынуло вверх и оплело уже моё плечо. Я больше был не в силах удерживать Ледяное Жало, меч выпал у меня из рта. Падая, он ударился о топор Урука, и тот сверкнул от этого соприкосновения так же, как прежде это случилось с мечом.

Щупальца, в мгновение ока оплетшие меня, скорчились от этой вспышки и распрямились, вместо того, чтобы продолжать опутывать меня в мстительной злобе. И тут, частично освобождённый, Урук занёс свой топор... Изрубив путы на себе и на мне, он вскочил на ноги, и очень вовремя.

Из тумана одна за другой начали возникать уродливые приземистые твари, облик которых был мне уже знаком. Фасы! Но вот они расступились, пропуская вперед нечто громадное...

И я услышал выкрик Урука:

— Тарги!

Глава 5

Как и поверженный его слуга, Тёмный Лорд башней возвышался над сворой низкорослых фасов. Выглядел он так, будто только что встал прямо из могилы. Тёмную тусклую кольчугу покрывали капли росы от сконденсировавшегося тумана. Плешивую продолговатую голову, не защищённую шлемом, окружали ярко-рыжие волосы. Кожа была мертвенно-бледной — свидетельство того, что средой его обитания была Тьма. А волосы, похожие на жёсткую щётку, пламенели ярко красным цветом. Единственным оружием ему служил тонкий чёрный жезл, увенчанный побелевшим черепом какого-то мелкого животного.

Лицо Тарги напоминало застывшую уродливую маску, лишённую всякого выражения, на нём жили только глаза. И в них пылала такая злоба, которую не смог бы выдержать ни один человек. Урук крепко стоял на ногах, топор его светился, и тут я увидел Ледяное Жало. Меч лежал на земле. Фасы метнулись было к нему и тут же отскочили с гортанными криками. Я изо всех сил держался, чтобы не потерять сознание.

— Какая приятная встреча! — голос Урука прозвучал не очень громко, но слышен был отовсюду. — Но она должна была состояться гораздо раньше, Тарги!

Маг не ответил. Его бледное лицо казалось совершенно безжизненным. Взгляд перешёл с Урука на топор и обратно на Урука.

— Ты мёртв!

Слова эти буквально взорвались у меня в мозгу — холодные, равнодушные, лишённые каких бы то ни было эмоций, произнесённые с такой непоколебимой самоуверенностью, что робкая надежда, которая забрезжила было в моём сознании, снова уступила место глухому отчаянию. Ведь с того момента, как мы изменили прошлое, Урук больше не был пленником фасов.

Я увидел, как Урук рассмеялся, хотя звуков смеха не слышал. Они оба совсем забыли обо мне. Всё ещё прижимая к груди раздробленную руку, я попытался подняться.

Что-то коснулось моего тела — это новое щупальце захлёстывало на мне свою петлю. Я кое-как сорвал его порезанной рукой. Фасы приблизились, но меня пока не трогали. Они просто стояли и смотрели на своего повелителя и на Урука.

Вдруг один из них издал кашляющий звук и упал. За его плечами трепетало оперение вонзившейся стрелы. Остальные припали к земле, чтобы лишний раз не служить мишенью. Из тумана прыжками выскочил Серый. С минуты он стоял, наблюдая за происходящим, вывалив язык из клыкастого рта, затем убрался прочь. Уж не покидают ли Тарги его соратники?

Чёрный жезл соткал в воздухе перед лицом Урука некие символы. Тот поднял топор и рубанул сверху вниз по этим повисшим в воздухе красноватым иероглифам. Как только топор прошёл сквозь них, они распались и превратились в клочья кроваво-красного тумана.

Мой мозг переполняли звуки, но я не мог выкрикнуть их. Казалось, мысли мои теряли смысл, прежде чем я мог осознать его. Тарги... Разве может устоять слабый человек перед Тарги?

Толар... Он-то, может быть, и устоял бы, его боевой опыт не чета моему. Но Йонан... И тут...

Я же и есть Йонан!

Я попытался погрузиться в глубь себя, борясь одновременно с болью телесной, муками подавляемого вражеским внушением сознания и отыскивая беднягу Йонана, который знать не знал ни Тарги, ни ХаГарка, ни вообще этого странного мира. Йонан, увы, не обладал Даром, и все его сомнительные достоинства не могли перевесить один этот недостаток, который отравлял всю мою сознательную жизнь.

Голова моя тоже как бы превратилась в поле битвы. Злое внушение мага адресовалось Уруку, но часть его проникла и в мой мозг, смешивая и затемняя мысли. И всё же мне удалось сконцентрировать внимание прежде всего на боли, это сейчас представлялось самым важным. Сначала я сосредоточился на боли во всей руке, потом локализовал

её в разmozжённом запястье, и мне удалось-таки подавить её, взять над ней верх. Лишь после этого я принялся за Йонана.

Он был чуть жив во мне, находился у того крайнего предела, за которым начинается небытие. Но он существовал! И люди, давно умершие, не имели над ним власти, не было у них способа подчинить себе Йонана, какими бы большими и разносторонними талантами они ни обладали. А Йонан — это я сам!

Теперь я был только рад своей боли, используя её как барьер, пока я искал способ вернуть себя, раздуть эту крошечную искорку жизни из отдалённого будущего.

— Йонан! — призвал я другую мою половину.

Тарги опять поднял жезл и нацелил на Урука. Каждой клеточкой, каждым нервом своего тела, умом, который тщетно пытался найти защиту от чародейства, я ощущал потоки Силы зла, направленного на Урука. Я почти видел эти сгустки и завихрения из прозрачного розоватого тумана.

Однако Урук как ни в чём не бывало продолжал размахивать перед собой топором. По всей вероятности, этим непрерывным движением он выстраивал защитное поле. Потом Урук медленно двинулся вперёд.

Крючковатые руки фасов сомкнулись на моём теле и потащили прочь, подальше от места предстоящей схватки. Силы, собранные там, могли оказать смертоносное влияние прежде всего на небольших существ. Но я был Йонаном, и пытался пробиться к нему, хотя насылаемые Тарги силовые потоки легко сминали мою ненадёжную защиту; на меня волнами накатывало такое чёрное отчаяние, что будь я свободен и имей в руках Ледяное Жало, то не задумываясь обратил бы клинок против самого себя. Да, простому смертному не устоять против Тарги, хозяина Тьмы!

Само его тело в тусклой чёрной кольчуге, казалось, увеличивалось и росло. А глаза были двумя пылающими солнцами, яростное сияние которых могло пронзить любую толщу облаков. И кто же тот человек, который

осмелился противостоять ему, Тарги? Кто он такой? Вопрос красной вспышкой взорвался у меня в мозгу, и тут же прозвучал ответ:

— Кто я, Тарги? Тот, кого ты сам сделал таким! — это вслух произнёс Урук. Он даже не счёл нужным отвечать на уровне сознания. — За каждое зло, Тарги, приходится нести ответ. Вот почему мы так прочно связаны.

Его топор ещё раз качнулся.

Властелин Тьмы, казалось, задался целью поразить наше воображение. Он продел жезл между пальцами левой руки, и тут я увидел — да, я на самом деле увидел это, потому что мозг мой в тот момент не подвергался насилию, — что череп, венчавший жезл, открыл свои лишённые плоти челюсти, и услышал пронзительный вопль, словно по умершему.

Этот жуткий вопль мгновенно отозвался во мне, многократно усилив боль, которую я призывал, чтобы хоть как-то защититься от воздействия Тарги. Казалось, розовый туман проник в мою голову и сжигал мозг, пульсируя вместе с переливами звука. Фасы попадали наземь и узловатыми руками, похожими на переплетённые ветви, плотно зажали себе уши.

Сквозь невыносимую боль мне показалось, что раскачивание топора Урука замедлилось. Теперь Тарги стал поигрывать жезлом, словно балансируя лёгким металлическим копьём. Даже существующий во мне Толар не знал, что произойдёт, если оружие Тьмы поразит Урука. Можно было только догадываться, что воздействие его будет сильнее любого меча или топора.

Ледяное Жало... Я бросил взгляд на меч, который сверканием своего клинка как бы бросал вызов пасмурному дню и густому туману... Он был так далеко от меня, будто и в самом деле пребывал в другом времени.

«Ледяное Жало повинуетсЯ только одному хозяину». Разве Урук однажды не сказал мне этого? Но в какой мере повинуетсЯ? Осмелюсь ли я позволить Йонану отойти на второй план, притаиться внутри меня? Я был уверен, что внимание Тарги сейчас всецело занято Уруком. Что будет,

если болевой удар, предназначенный человеку с топором, достанет и меня? Толар и Ледяное Жало... Странно, почему я прежде не пытался использовать возможности того чужака внутри себя, который знал о могучем оружии куда больше моего?

Нет, это неверно! Пытался, и не раз. И сейчас Толар всплыл в моей памяти как по команде. Ледяное Жало становится частью своего владельца лишь в том случае, если повинуется этому владельцу. Знал ли Толар все возможности волшебного оружия?

Я решил использовать последний и единственный шанс спасти Урука и снова направил все силы на то, чтобы обуздать боль и открыть внутри себя дорогу Толару.

Хотя фасы сидели на корточках вокруг меня и я, несомненно, мог считать себя их пленником, разум мой принадлежал пока что мне. И я сосредоточил на мече всё своё внимание.

«Ледяное Жало!» — мысленно воззвал я. Из своего желания и необходимости помочь Уруку я лихорадочно сплёл нить, крепкую и гибкую, как щупальца-верёвки фасов. В тот момент я поступал бессознательно, потому что всё предпринимаемое мною находилось за пределами знаний не только Йонана, но и Толара. Окружающий мир исчез для меня, в нём сейчас существовали лишь два понятия: Ледяное Жало и моя воля.

Я немало слышал о самодисциплине тех, кто владел Силой. За всеми волшебными чудесами, которые они могли являть, стояли годы упорных тренировок. Зато потом они направляли свою энергию куда угодно, и сама земля повиновалась им; при этом они иногда и сами погибали, испепелённые вызванной энергией.

«Ледяное Жало!...»

Неужто правда? Клинок засверкал ярче, подобно языку пламени в траве, вытоптанной нашими ногами во время схватки. Я отринул всё постороннее и попытался предельно сосредоточить волю. Если представить это в виде длинного коридора, то я шёл по нему и последовательно закрывал за собой все двери, кроме последней, в самом дальнем конце.

«Ледяное Жало!...»

Под моим пристальным взглядом меч начал приподниматься, как будто его подбирала невидимая рука, делая гигантский замах.

Предощущение удара на миг ослабило мою сосредоточенность, но я тут же спохватился и снова сфокусировал волю на том, что мне предстояло сделать.

«ЛЕДЯНОЕ ЖАЛО!...»

Я вложил в этот призыв всю свою силу и препоручил Толару послать мечу приказ, используя данный ему Дар.

Меч приподнялся над землёй и заскользил клинком вперёд, будто мои мысли и в самом деле были верёвкой, обвившей его рукоять. Он достиг места поединка и упал на траву между Уруком и Тарги.

Властелин Тьмы всё ещё балансировал своим жезлом, как копьём, но пока ещё так и не метнул его. Намеревался ли он это сделать или просто накапливал новый заряд энергии? Урук отступил на шаг, затем ещё на шаг.

«Ледяное Жало!»

Я вложил в свой безмолвный приказ весь остаток сил. Мог ли я прежде думать, что обладаю такой способностью, или ЭТО проявилось только сейчас, в результате предельного напряжения внутренних сил?

Меч на земле дёрнулся, клинок приподнялся, но кристалл рукояти оставался на земле, и клинок тут же упал обратно, так как энергия моя полностью иссякла. Но всё-таки, падая, он ударил остриём Тарги по ноге.

Чудовищная вспышка ярости ослепила, обожгла невыносимой болью мой открытый и незащищённый мозг. Всё, конец! И, проваливаясь в небытие, я успел только подумать, уловить угасающим сознанием:

«Вот она, смерть...»

Но это была ещё не смерть, потому что через какое-то время я начал приходить в себя, и вновь первым ощущением стала боль. Она переполняла всё моё существо, пульсировала в самых дальних клеточках и превращала меня в съевшееся животное, не знавшее, куда укрыться.

Что-то коснулось моего лба прямо между глаз. Сначала это лёгкое, почти невесомое прикосновение только усили-

ло боль. Потом пылающий мозг почувствовал живительное дуновение прохлады и несказанное чувство облегчения. Словно щедрый дождь пролился на иссушённую зноем землю.

Я открыл глаза.

Сначала я увидел небо, по-прежнему сплошь серое, потом лицо склонившегося ко мне человека. Где-то я его видел, но где — этого мой оупевший, изнурённый мозг не в состоянии был вспомнить.

— Урук? — через силу проговорил я непослушными губами. Он кивнул, и морщины под козырьком шлема разгладились.

Память постепенно возвращалась ко мне. Я припомнил и второе имя.

— А Тарги? — спросил я. Чело Урука вновь омрачилось.

— Мы обманулись, он жив, — сказал Урук вслух, и я понял, почему он не решился использовать мысленное касание. Мозг мой походил на взбитое яйцо, и коснуться его сейчас значило бы сделать меня умалишённым.

— Где он?.. — с трудом произнёс я.

— Сотворил мираж, иллюзию — и сбежал, прикрывшись ею. И раз Тарги жив и на свободе, мы не можем чувствовать себя в безопасности.

— А как же Проигранная Битва?

Во мне опять шевельнулась память и причинила такую боль, что я вздрогнул.

— Это нам удалось изменить. Когда Тарги сбежал, его войнство поступило так же.

— Но в прошлый раз он ведь умер...

Обе мои памяти смешались. Я попытался отделить одну от другой и мыслить последовательно, но процесс этот оказался столь болезненным, что вызвал у меня головокружение, и я опять чуть не лишился сознания.

— Умер, но не в этот раз. Как бы там ни было, дружище, мы изменили время, а к лучшему или нет — нам не дано знать. Насколько мне известно, Тарги должен быть побеждён.

— Почему? — попытался спросить я, и Урук сумел

разобраться в хаосе моих мыслей и понять, что я имею в виду.

— Почему он сбежал? Это сделал ты, Толар. Твой меч, упав ему на ногу, помешал бросить в меня жезл, и Сила, предназначенная мне, поразила его самого. Так всегда бывает, когда чародейство не завершено. Но он остался жив, и у него ещё достаточно энергии, чтобы где-нибудь в другом недоступном месте заново построить свой чародейский мир. Нам же остаётся теперь лишь пустить своих гончих по его следу...

Я закрыл глаза. Ни разбитое болью тело, ни погибающий разум мне уже не подчинялись. Хотелось лишь одного: покоя и темноты. Чьё-то милосердие даровало мне и то, и другое.

Глава 6

Запястье моё было жёстко закреплено лубком, порезанная ладонь обработана лечебной глиной, к которой при нужде обращаются и люди, и животные. Ледяное Жало покоилось в ножнах на боку. Мы всё ещё пребывали в прошлом, долина ХаГарка осталась у нас за спиной, а перед нами открывалась сельская местность. Хотя облака исчезли и на ясном небе сияло солнце, мне всё ещё мерещились призраки Тьмы.

Память больше ничем не могла помочь мне, потому что мы изменили вектор времени. Я уже не ковылял, смертельно раненый, прочь от тумана, сотворённого Тарги, чтобы уничтожить свой меч и умереть среди скал бессмысленной и бесполезной смертью. От Йонана тоже было бы мало толку, если бы я его и призвал. Несмотря на то, что когда-то я со всей старательностью изучал способы ведения войны, сейчас мне приличествовала роль зелёного юнца, которого пока ещё даже не брали в дозор.

Немного в стороне стоял, опёршись на топор, Урук. Отрешённым взглядом смотрел он вдаль, и я догадался, что мысли его далеки от мирного сельского пейзажа, который расстилался перед ним.

Были здесь и воины ХаГарка, добровольно вызвавшиеся помогать нам, однако Урук отказался от их услуг. Охотиться на Тарги предстояло только нам двоим.

— Он пойдёт к фасам, — нарушил молчание Урук, не отводя своего невидящего взгляда. — Он станет разыскивать своё сердце.

— Сердце? — переспросил я. — Какое сердце?

Что-то произошло со мной. Видимо, в момент величайшего успеха, когда неимоверным усилием воли я заставил Ледяное Жало двигаться, большая часть памяти Толара оказалась сожжённой. Точно так же Колдуньи Эсткарпа сжигали своё сознание, когда заставляли горы на юге обрушиваться на захватчиков из Карстена.

Лицо Урука оставалось неподвижным, лишь глаза чуть скозились в мою сторону.

— То, что я назвал сердцем, — его талисман, средоточие энергии. Он никогда не решается рисковать им, даже в битве с нами, хотя не считает нас серьёзными противниками. Когда ему нужно восстановить свою Силу, он достаёт из тайника этот талисман и подзаряжается энергией, взамен растраченной в бою.

— Значит, к фасам? Мы будем искать его под землёй? Урук кивнул.

— Где же ещё? Но если мы сделаем это, то попадём в ловушку, уж он-то об этом позаботится. Он уже выстроил лабиринт, сквозь который не может проникнуть путеводная мысль. И жаждет заполучить не только наши тела, но и наше сознание. Таковы ставки в этой игре, и сейчас у него козырей больше. Но у нас нет выбора.

Слова его доносились до меня, как сквозь толстое одеяло.

— Раньше, — продолжал Урук, — когда его тело умирало, он помещал душу в другую оболочку. Как ты думаешь, почему он заключил меня в ту колонну живым? Ему нужно было тело. Однако фасы каким-то образом помещали ему в этом. По той же причине они похитили твою девушку из Долины. В ней таилось зерно Дара, который они и собирались использовать.

Мне припомнилась сцена, свидетелями которой оказались мы с Тсали: Крита, вся во власти неведомых нам чар, стоит перед колонной изо льда, внутри которой заключён Урук. Может быть, это и была первая попытка контакта?

Оттолкнувшись от этой картины, память нарисовала мне бесшумные неумолимые щупальца, охранявшие фасов, вонючий мрак их подземных жилищ... И ведь теперь у нас не было проводника. А на другой чаше весов лежала моя убеждённость в полной правоте Урука: мы должны сокрушить Тарги либо в том, либо в этом времени. И, кажется, сама судьба выбрала для этой цели прошлое.

Моё запястье в лубке... Порезанная ладонь зажила, я уже мог держать Ледяное Жало, но взять меч обеими руками, как положено в битве, был ещё не в состоянии. Тем не менее меч прекрасно показал себя в стычках с фасадами, на него вполне можно положиться.

— Когда мы тронемся в путь? И куда? — голос мой прозвучал совсем утомлённо. Это спросил Йонан, который так мало знал и был лишён уверенности в себе.

— Прямо сейчас, — ответил Урук, — а Ледяное Жало поможет нам отыскать какой-нибудь лаз в подземные норы фасов. Уверен, что они изрыли все окрестные холмы и ведут подкопы под стены ХаГарка, чтобы ускорить его конец.

Предположение более чем правдоподобное. В памяти мелькнула старая легенда о том, что кто-то дунул в трубу, и стены ХаГарка от этого рухнули. Если под стенами целая сеть подкопов, то вполне возможно, что так и произошло в действительности.

Итак, мы отправлялись в путь прямо с недавнего поля битвы. Тела защитников ХаГарка, собранные отовсюду и сложенные в почётный погребальный костёр, уже превратились в тонкий чистый пепел.

Тёмные тоже собрали своих убитых, но почестей им не воздавали. Мы давно знали, что некоторые из Тёмных Лордов умеют оживлять мёртвых, хотя души не возвращались в них и глаза оставались пустыми. Скорее всего, эти бывшие мертвецы использовались лишь в качестве примитивной рабочей силы.

Монстры, Серые,... Некоторые из них когда-то были людьми, иногда походили даже на тех, кого я знал при их жизни. Но встретив их сейчас, ни за что не догадаешься, кто стал вечными рабами Великой Тьмы...

Так вот, тела убитых с той и другой стороны были большей частью убраны, но оставалось ещё много разбросанного оружия, и отряд воинов ХаГарка как раз собирал его и складывал на носилки. Они двигались прямо на нас редкой цепью, мы миновали друг друга, но никто не спросил, куда и зачем мы идём.

На почве виднелись следы колёс, кое-где валялись трупы Серых со вздутыми животами. Иногда нам попадались длинные канавы, дно и стенки которых покрывала мерзко пахнувшая слизь: они казались выдавленными в почве некими существами вроде гигантских червей или пресмыкающихся.

Некоторое время Урук шёл по следу тех, кто бежал с поля битвы, затем резко свернул. Судя по всему, мы теперь направлялись к линии холмов — не очень высоких по сравнению с горным хребтом, окружавшим Долину, но достаточно заметных, чтобы служить ориентирами на местности.

На вершине одного из холмов я заметил в лучах заходящего солнца три высокие скалы, напоминающие стволы деревьев, ветви которых в незапамятные времена обломил ураган. Скалы имели непривычный глазу ржаво-красный цвет и казались сильно выветренными. Надо сказать, что гладкие голубые камни, которые отмечали «безопасные» островки, нам давно уже не попадались.

Скалы эти мне не понравились с первого взгляда, и чем ближе мы подходили к ним, тем сильнее я ощущал беспокойство и отвращение. Рот мой наполнился слюной, и мне приходилось её сглатывать, как человеку, усиленно старающемуся преодолеть тошноту. Ледяное Жало, которое я вынул из ножен и неловко нёс в левой руке, потихоньку засветилось, что вскоре стало заметно даже при солнечном свете. Рука, лежавшая на рукояти, получила импульс предупреждения об опасности.

— Куда мы идём?

Я осмелился нарушить наше молчание, но Урук не ответил и даже не взглянул на меня. Шаг его оставался широким и размеренным. Без малейшего колебания он поднялся на холм и подошёл к зловещим скалам.

Ледяное Жало шевельнулось у меня в руке. Кончик клинка опускался к земле всё ниже по мере того, как я поднимался следом за Уруком, изо всех сил стараясь не отстать. Мне приходилось видеть, как Мудрые Женщины определяли места, где глубоко под землёй находится вода или металлические предметы; при этом жезлы у них в руках клонились к почве, независимо от их усилия, и указывали нужное место.

Подобно этому, теперь и мой меч, независимо от времени, действовал таким же способом. У меня едва хватало сил удерживать его в руке. Он прямо-таки рвался к подножию красных скал. Урук снова оказался прав: нашим проводником стал меч Проигранных Битв.

Урук осторожно обошёл первую скалу, стараясь не коснуться её даже краем одежды, и остановился возле второй. Ледяное Жало в моей руке указало на землю прямо под ногами. Клинок так и рвался у меня из рук, так и старался вонзиться остриём в землю, будто обладал собственной волей.

Губы Урука искривились, он издал скорее рычание, нежели смех.

— Ну, разве я не говорил? Мы нашли то, что искали, — вход в подземелье. Но думаю, лучше, в целях предосторожности, поискать другой лаз, менее заметный. Постарайся проследить направление хода.

Я с усилием выдернул меч из земли, где он, казалось, готов был остаться навсегда. Урук вновь обошёл первую из трёх скал, отыскивая на холме противоположную точку, потом отступил назад, уступая мне дорогу.

Меч продолжал указывать вниз, и Урук издал смех, похожий на карканье.

— Пошли!

Он обернулся, взглядом отмеряя расстояние от крайней

скалы, затем быстро кивнул, как бы отвечая на какой-то невысказанный вопрос. Поднял топор и всем весом своего тренированного тела вогнал его в склон.

Топор проделал в дёрне глубокое отверстие, взметнулось облачко сухой земли. Урук вновь и вновь ударил в то же самое место. Четвёртый удар пробил слой земли насквозь, и образовалась дыра. Урук принялся расширять её, сбрасывая землю прямо туда.

Дыра была лишь ненамного больше топора, когда я лёг плашмя и просунул в неё Ледяное Жало. Солнечный свет не проникал в узкое отверстие, но мерцание клинка позволяло рассмотреть, что под нами не пещера, а туннель, достаточно просторный для того, чтобы мы смогли им воспользоваться.

С тяжким вздохом, отбросив всякие предчувствия, я взял Ледяное Жало в зубы и когда, извиваясь, протиснулся в отверстие, то оказался в небольшой пещере. Спёртый воздух хранил мерзкий запах фасов, однако никаких признаков засады я не обнаружил и шагнул в сторону, уступая путь моему другу. Кровлю туннеля укрепляли корни растений, глубоко проникшие в землю. А грубо отёсанные обломки камней, которые через равные промежутки подпирали её снизу, были выложены таким образом, чтобы не загромождать проход.

— Тьфу, какая вонь! — воскликнул Урук.

Очень скоро мы обнаружили, что подземный коридор явно не был рассчитан на таких посетителей. Мы то и дело задевали свод и стены, на нас сыпались струйки земли. Урук снова пошёл впереди, как будто точно знал, куда мы направляемся.

Мы всё дальше уходили от того отверстия, через которое проникли в этот подземный мир, и нашим единственным источником света было Ледяное Жало. Я старался держать его повыше, чтобы лучше освещать дорогу. Земля под ногами оказалась плотно утрамбованной, как площадка для игр, и отовсюду разило фасами.

Вскоре проход расширился, пол уходил вниз. Урук, почувствовав под собой каменистую осыпь, опустил на колени.

— Здесь у них спуск в норы, — прошептал он. — Узко, но я думаю, протиснемся.

Он поднял топор на плечо и начал осторожно спускаться к тёмному отверстию. Я светил ему в спину Ледяным Жалом. Затем последовал за ним. Болело всё тело, зловоние стояло такое, что я боялся, как бы меня не стошнило.

Вниз, вниз и вниз... Наконец ноги коснулись твёрдой поверхности. Проход сделался шире. Местами он был проложен уже в скальных породах и не закреплён корнями растений. Кое-где стены носили следы грубой обработки — по всей видимости, коридор пытались расширить и сделать более удобными. Дно прохода всё время шло под уклон, из чего можно было заключить, что мы находимся уже довольно глубоко под землёй.

— Стой!

По правде говоря, это предостережение Урука было излишним. Толар во мне ещё не совсем умер, и внезапное ощущение присутствия зла было таким сильным, что я тут же крепче сжал рукоять Ледяного Жала и приготовился отразить нападение. Над головой вдруг возникли извивающиеся струйки тумана, они напомнили мне туман в долине вблизи ХаГарка, который Тарги использовал, чтобы собрать и укрыть в нём свои силы. Струйки мерцали призрачным зеленоватым светом, они явно были порождением зла, в памяти моей шевельнулось что-то давно забытое, похороненное в самой глубине. И запах, ещё более омерзительный, чем вонь, которую издавали фасы...

Глава 7

Внезапно Урук засмеялся, и смех его буквально поразил меня, так как по-моему смеяться было абсолютно не над чем: зловещие пряди тумана уже тянулись к нам — тонкие, похожие на чудовишные водоросли, о которых рассказывали салкары, живущие далеко на юге. Не переставая смеяться, Урук завёл тихую песню.

И я УВИДЕЛ его слова. Не знаю, каким волшебством это объяснить, но они, слетая с губ Урука, образовывали

во мраке голубые искры, которые веером разлетались в стороны и собирались затем в сияющие скопления.

Одно из этих скоплений прикоснулось к пряди тумана. Возникла вспышка, туманный жгут резко отпрянул и начал собираться в сгусток, втягивая в себя соседние пряди. Сгусток не увеличивался в размере, но чем больше тумана поглощал, тем чернее становился.

Скоро весь туман сконцентрировался в этот сгусток, который пока не принимал определённой формы, а просто колыбался в подвешенном состоянии и источал угрозу. Мы взяли за оружие, и тогда сгусток опустился на дно туннеля, растёкся лужей и пополз к нам.

— Тарги! — воскликнул Урук. Он уже не пел, а кричал, как всегда поступают мужчины, бросая вызов врагам. — Тарги, неужели ты всё ещё считаешь меня своей игрушкой? Сталь, из которой выкован Сокрушитель Шлемов, нерукотворна, ты должен знать это! — он впервые назвал своё оружие по имени.

Туман рассеялся. Урук удовлетворённо кивнул.

— Он, должно быть, сильно потрясён. Тарги не из Великих, как и я. Но он, по-моему, вообразил, что сильнее меня и лучше умеет пользоваться чарами Тьмы.

Голос Урука, обратившись ко мне, стал жёстче.

— Как он умер в тот раз?

Я обратился к памяти Толара. Тарги... Видел ли Толар его убитым или только слышал об этом, прежде чем смертельная рана вынудила его оставить поле боя? В мозгу моём замелькали отрывочные туманные видения, и чужой голос произнёс:

— Он умер от удара топором. Когда его нашли, поднялся страшный вой, это я помню...

— От удара топором, — повторил Урук. — Тогда...

Я понимал, что его тревожит. Если в гибели Тарги виновен Сокрушитель Шлемов, то убив его снова таким же образом, мы мало что изменим, пока не доберёмся до его, как выразился Урук, сердца. В противном случае он лишь сменит оболочку.

Итак, туман рассеялся, лужа на дне туннеля исчезла, и

мы смогли двинуться дальше, однако ни на секунду не ослабляли бдительности. Путь перед нами терялся в темноте. Вскоре мы почувствовали опасность, и она не замедлила показать себя. Со всех сторон к нам потянулись уже знакомые тонкие щупальца, стараясь опутать наши конечности. В ход пошли Сокрушитель Шлемов и Ледяное Жало. Топор рубил направо и налево, я же не мог замахиваться мечом и поэтому колол кончиком клинка обрубленные и извивавшиеся на земле щупальца.

Мы с Уруком устроили настоящую бойню. Охранники фасов не могли серьёзно противостоять нашему оружию, когда мы, стоя в узком проходе спина к спине, опускали на них сверкающий смертоносный металл. Рычание моего меча напоминало волчье, когда зверь тянется окровавленной пастью к добыче. Ему вторило высокое прерывистое пение боевого топора.

Раздался громкий голос Урука:

— Довольно! Тарги прибегнул к помощи фасов, чтобы выиграть время. Он рассчитывал, что будет здесь в безопасности, поэтому надо добраться до него раньше, чем он окружит себя новой защитой.

Мы отошли от стены. Урук издал древний боевой клич воинов ХаГарка. В ограниченном пространстве туннеля голос его прозвучал оглушительно. Мы высоко подняли наше светящееся оружие и двинулись на фасов, которые, пока мы воевали со щупальцами, окружили нас плотным кольцом.

Фасы дрогнули и отступили. Я давно знал, что они бывают бойцами только в темноте. А может, Тарги снял с них заклятье, принуждающее к атаке. Как бы там ни было, когда мы двинулись вперёд, они разомкнули своё кольцо и рассыпались в темноте.

Урук быстро двинулся вперёд. Высота туннеля не позволяла выпрямиться в полный рост, поэтому он постоянно пригибался, но шаги его были широки и размашисты. Я прикрывал его со спины, а поскольку за мной уже никого не было, то вынужден был часто оглядываться.

В моём времени фасы пользовались отравленными

копьями. К счастью для нас, сейчас их ещё не изобрели, в чём я с облегчением убедился, бегло осмотрев наконечники нескольких брошенных копий, через которые мы переступали.

Двигаясь по проходу, мы миновали несколько развилок, и каждый раз Урук без колебаний выбирал, куда свернуть. Я не задавал лишних вопросов и был уверен, что он знает, куда идёт.

Вскоре мы оказались в пещере со сталагмитами. Не могу с уверенностью утверждать, что это была та же самая пещера, где мы с Тсали уже побывали, но сходство имелось большое. В тусклом свете Ледяного Жала сталагмиты стеклянно поблескивали. Я бы наверняка заблудился в этом странном лесу, но мой напарник двигался с прежней уверенностью. Топор чуть покачивался в его руке, указывая направление, словно компас, которым пользуются салкары на море.

Мы пересекли пещеру и пошли вдоль её края, пока не уткнулись в огромную глыбу породы. Обойдя её, мы увидели туннель, стены которого были на удивление гладко обработаны и испещрены письменами, которых я не знал. Они источали странный холод, пробуждающий тревогу и отчаяние. Борясь с этим наваждением, я крепче сжал в израненной ладони рукоять меча, черпая в нём мужество.

Урук замедлил шаг. Он больше не пригибался, как в проходах, проделанных фасадами, и мог высоко держать голову. Туннель этот явно предназначался для человека или существа, подобного ему.

Урук негромко сказал:

— Вот и свершилось. Бывшему некогда Толаром трудно представить себе, чтобы человек, рождённый Светом, сумел выследить Тарги в царстве Тьмы, но это так. И сейчас наступит решающая схватка. Мы или победим, или погибнем, потому что Тарги, припёртый к стенке, обратит против нас все свои силы и...

Он не успел договорить. Из глубины туннеля на нас обрушился мощный силовой удар, подобный порыву ураганного ветра. Меня отшвырнуло назад, за край каменной

глыбы. Передо мной не было зримого противника, но всё равно я не мог безропотно покориться. Сжав Ледяное Жало, я осторожно выглянул из-за глыбы.

Урук тоже был отброшен назад, но только на пару шагов. Вся его поза — широко расставленные ноги, наклонённый вперёд корпус, опущенная голова в шлеме с драконом — свидетельствовала о том, что он не намерен отступать. Я постарался скопировать его позу, мне необходимо было присоединиться к нему.

Неведомая сила по-прежнему давила на нас. Я оказался не в состоянии продвинуться вперёд ни на ладонь, более того, даже вынужден был отступить на пару ладоней. Гнев и отчаяние переполняли меня, но из самых глубин естества поднималась холодная непреклонность, мрачная решимость. Ничего подобного я никогда прежде не испытывал. Толар... Мне сейчас следовало прислушаться к голосу того, которого возродило к жизни Ледяное Жало.

Выставив перед собой плечо, Урук понемногу двигался вперёд, напоминая человека, пробивающегося сквозь густую вязкую глину. Каждый его шаг был очень короткий и давался ему с огромным напряжением, но он делал его. Перехватив меч в правую руку, я левой уцепился за стену, шероховатую от густо покрывавших её букв, оторвался от спасительной каменной глыбы и подставил свою грудь мощному давлению. Меня зашатало, но на этот раз я устоял на ногах, только крепче уцепился пальцами за стену и сделал крошечный шаг вперёд, в точности так, как продвигался Урук. Он по правой стенке туннеля, я — по левой.

Пожалуй, его заклятый враг не учёл, что нас двое, и не сумел рассредоточить усилия так, чтобы препятствовать нам обоим. Шаг за шагом, ладонь за ладонью мы медленно продвигались к цели. Воротник моей кольчуги свободно раскачивался, я тяжело дышал, сосредоточив все силы на этом напряжённом, неимоверно трудном движении. Сердце моё учащённо билось, удары его отдавались в ушах, я задыхался, но шаги наши становились длиннее и уверенней.

И вдруг давление исчезло так же внезапно, как и началось, я от неожиданности упал на одно колено. Но Урук и здесь удержался на ногах. Держа топор перед собой, он сорвался с места и побежал, я — за ним, стараясь не отставать.

И вот перед нами открылось некое пространство, наполненное серовато-зелёным свечением, которое, как я знал, отмечает скопления Тёмной Силы. Сталагмитов здесь не было. Вместо них возвышались каменные изваяния, вселяющие ужас. Каждое изображало чудовище или человека, испытывающего такую невообразимую муку, от которой не в силах избавиться даже само время. Я взглянул на них один раз и больше старался не смотреть, чтобы не поддаться страху. А Урук устремился прямо к центру зала.

Вероятно, это был храм. Но какому бы божеству здесь ни поклонялись, оно не вызывало у меня добрых ощущений. Изваяния образовывали круг, в центре которого находился невысокий кроваво-красный постамент, а на нём — человеческий череп, но только не натуральный, а из какого-то прозрачного кристаллического вещества.

Возле подножия постамента лежало человеческое тело — огромное, со спутанными волосами тело существа, которого я видел на поле боя, — Тарги! Широко раскрытые глаза его невидяще уставились вверх, тело безвольно обмякло, как у недавно умершего.

Я мельком взглянул на эту пустую теперь оболочку Тарги и снова перевёл взгляд на череп.

Он беспрестанно пульсировал. Яркие цвета сменяли друг друга, смотреть на них было больно, и вместе с тем я не мог оторвать глаз от волнующего чередования красок. В них таился какой-то особый, глубинный смысл, разгадав который, я мог бы стать величайшим из людей, избранным среди избранных, правителем надо всеми!..

Вдруг я увидел, что Урук перешагнул через тело своего врага и поднял топор. Урук... Что он хочет сделать? Он может разрушить, уничтожить ЭТО... Он — враг! Убить его! Убить!..

Только благодаря повреждённому запястью удар мой

получился слабым, скользящим: Ледяное Жало едва задело кольчугу, покрывавшую плечо, но этого оказалось достаточным — топор изменил движение и вместо того, чтобы расколоть череп, звякнул о колонну.

Череп по-прежнему возвышался на постаменте, и только пляска света, исходившего от него, стала ещё интенсивней. Цвета чередовались в сумасшедшем ритме. Меч подрагивал в моей руке.

«Урук опасен! С ним надо покончить!»

Чей-то вкрадчивый голос, совершенно мне не знакомый, проник в моё сознание:

«Впусти меня, друг».

Вспышка острой боли, и вновь:

«Мы друзья, мы сможем покончить с ним вместе!..»

Топор Урука снова поднялся над черепом, а я никак не мог помешать ему, даже имея Ледяное Жало.

«Ударь снизу! — советовал мне вкрадчивый голос. — Когда он поднимет руки, ударь ниже подмышки, там сердце...»

«Йонан!»

Я схватился за голову. Вкрадчивый голос причинял мне мучительнейшую боль. Меч тяжело оттягивал руку, кончик его целился на основание постамента.

«Йонан!» — вновь услышал я другой голос и начал догадываться, что происходит.

«Ударь снизу!» — по-прежнему настаивал вкрадчивый голос.

Я поднял меч обеими руками над головой и обрушил его сверху вниз. Опускался он только под действием собственного веса, потому что сил у меня почти не оставалось. Ледяное Жало ударило прямо по своду черепа.

Боль вспыхнула у меня в мозгу с такой силой, что я отшвырнул меч, сжал голову обеими ладонями и мучительно застонал.

Я не видел, как Урук снова поднял топор, но услышал треск, одно из лезвий вонзилось в череп, разбивая его вдребезги, как будто это действительно был старый, трухлявый, костяной череп. Я сходил с ума от боли и грохота в ушах. Пытаясь избавиться от мучений, я рухнул лицом

вниз на каменный пол, а свет, от которого болели глаза, вихрился вокруг, пеленая серо-зелёной мантией...

Не знаю, как долго находился я под воздействием воли Тарги. Но частичка Йонана, которая сохранилась во мне и пряталась всё последнее время в самых потаённых глубинах, теперь заявила о себе. Я попробовал шевельнуть рукой — главным образом для того, чтобы убедиться, смогу ли я это сделать. Удалось. Эдак, чего доброго, я и подняться смогу без посторонней помощи...

Вокруг меня царил серый полумрак, без малейшего оттенка зеленоватого цвета, и от явственного ощущения угрозы осталась лишь слабая тень.

Неподалёку от меня на каменном полу лежал Урук. А позади него, там, где распростёрлось оставленное тело Тарги...

Разве эта горстка праха и кучка костей могли когда-нибудь быть человеком или чем-нибудь подобным ему? От кристаллического черепа, который царил в этой пещере, стремясь подчинить себе всех и вся, не осталось даже осколков. Но вместо него на постаменте лежало что-то другое... Там лежала рукоять меча, кристалл без клинка, такой же тусклый и серый, как и сам свет здесь.

Я подполз к Уруку. Его топор не претерпел никаких изменений и в целости и сохранности лежал у него под рукой. Сбоку на горле, там, где проходила сонная артерия, я уловил слабое биение пульса. Он был жив. Отстегнув от пояса бутыл с водой, я приподнял его голову, положил себе на плечо и смочил губы друга. Он шевельнулся. Я влил ему в рот несколько капель. Он глотнул, закашлялся, глаза открылись.

Несколько мгновений он глядел на меня, не узнавая, потом неуверенно спросил:

— Толар?

Я покачал головой. Отставив в сторону бутыл с водой, я дотянулся до рукояти меча и поднёс её к лицу, чтобы он мог видеть.

— Я — Йонан, потому что даже ты вызывал меня так. Его губы изогнулись в слабой усмешке.

— Ты вернулся, чтобы спасти нас. Даже Тарги, каким бы великим колдуном он ни был, не смог подчинить себе того, кто ещё не родился... Итак, Ледяное Жало покинуло тебя. Интересно знать, к добру или к беде?

— Надеюсь, что к добру. Как бы там ни было, но я сражался им в древней битве, где надо было победить или умереть. И теперь будущее будет таким, каким я его сделал!

Мне захотелось узнать, находимся ли мы ещё в прошлом. Истлевшие останки Тарги красноречиво доказывали, что мы перешли в другое время.

Урук проследил мой взгляд и догадался, о чём я думаю.

— Да, Йонан, ты в своём времени, и теперь тебя можно называть Йонан-Который-Больше-Чем-Йонан. Тарги больше не существует, мы оказали добрую услугу Эскору. Выбравшись на поверхность, мы сможем убедиться в этом...

Я положил рукоять Ледяного Жала на постамент, где раньше находился череп. Рукоять была мертва. Я чувствовал, что она никогда больше не замерцает в руке воина. Но, может быть, ей теперь нужна другая рука?.. Впрочем, вряд ли её кто-нибудь здесь найдёт, кроме меня самого. А Тарги действительно больше не существует. Он приложил все усилия, чтобы использовать меня против Урука, но ему это не удалось. Мы уничтожили его навечно!

Ну, а что же Толар? Частица его осталась во мне, как рудимент памяти, и ему уже никогда не исчезнуть из меня полностью. Отныне я всегда стану ощущать его присутствие, и он будет помогать Йонану, шлифуя и оттачивая лучшее в нём, как заботливый воин точит и полирует свой клинок. Что было, то было, этого не сбросить со счетов и не стереть в памяти.

Да, прошлое и в самом деле выбросило нас в настоящее, как морской прибой рано или поздно выносит на берег всё, что отторгает пучина. А раз так, значит, меня ожидает новая жизнь, в которой будут другие мечи и другие битвы. И к этой жизни я должен приспособливаться осторожно и осмысленно.

«Время было, время есть и время будет», — произнёс

Урук, но на этот раз не словами, а мозговым касанием. Во мне вспыхнула опьяняющая радость. Спасибо, Толар, ибо я теперь всегда буду ощущать твоё присутствие и поддержку! Я поднялся на ноги и протянул руку своему товарищу, чтобы помочь и ему.

«Время будет!» — пело у меня в душе, и слова эти будили нетерпеливую радость. Ледяное Жало больше не держало меня. Меня ждал Эскор.

Часть третья

МЕЧ ТЕНИ

Глава 1

Стояла глубокая ночь, но я не спала и вслушивалась в темноту. Мне чудились чьи-то крадущиеся шаги. Я крепко сжала ладони, стараясь дышать медленно и глубоко, призывая не только всё своё мужество, но и ту загадочную частичку, которую ощущала в себе с детства, инстинктивно чувствуя, что частичка эта могла бы изменить в моей жизни многое, научись я ею пользоваться. А пока что я располагала только недоразвитым инстинктом, которого явно было недостаточно, чтобы чего-то достичь...

Я взглянула на свои сплетённые руки. Они были перепачканы липкой глиной... Нет, я не собиралась думать об этом. Воспоминание спрятано достаточно глубоко, пусть там и живёт. А выпусти его — и оно, чего доброго, потянет за собой другие воспоминания, откроет Врата, как у Великих в древности, и проложит дорогу тому, кто подкрадывается сейчас во мраке ночи.

Движение, которое я уловила, происходило теперь совсем близко. Любая другая на моём месте приняла бы

меры предосторожности, чтобы оградить себя от наваждения Тьмы. Любая, но не я. Во мне с молодых ногтей таилось что-то ущербное, что мешало мне поступать, как все нормальные люди. Вот и сейчас, вместо того, чтобы позвать на помощь, я лежала и вслушивалась, всматривалась в темноту, замирая от страха перед неизвестным и остро желая его...

Многие женщины моей расы считались такими же порченными, хотя способности свои почитали за благо. В Эсткарпе этих «порченных» старались выявить как можно раньше, обучали различным премудростям, помогали развить свой Дар; их готовили иметь дело с Силой, что всегда считалось привилегией избранных.

Что до меня, то я родилась во время хаоса, когда народ мой спасался бегством от карстенцев, уходя через горы. Позже нас оставили в покое, но я так и не смогла самостоятельно развить таившиеся во мне задатки одарённости, потому что в Карстене не было колдуний, которые распознавали Дар и отбирали детей на обучение, а жившие среди нас Мудрые Женщины не вмешивались в деяния Силы, хотя и несли в себе крупницы Дара.

Я — приёмная дочь Леди Крисвиты, а по сути её племянница, поскольку моя мать — её родная сестра. Матушки я не помню, она умерла от горя, узнав, что муж её и господин погиб в схватке с карстенскими налётчиками; я была тогда совсем ещё крошкой.

У Леди Крисвиты большое сердце, его хватало и на собственных детей, и на меня, и на Йонана — наполовину салкара, наполовину Древней расы, ещё одного приемыша, вместе с которым мы росли.

Дар целительницы обнаружился во мне рано. Дело в том, что стоило мне только взглянуть на человека, как я отчётливо видела болезнь, которая гнездилась в нём, и знала, чем её можно изгнать. Кроме того, я ощущала в себе родство с животными, поэтому не могла есть мяса или желать кому-нибудь доброй охоты. Правда, эту свою особенность я хранила в тайне.

Когда Колдуньи Эсткарпа совершили свой последний и

величайший подвиг, собрав объединённую Силу и вызвав чудовищные катаклизмы, в результате которых горные цепи отделили нас от Карстена, всем казалось, что пришла новая мирная жизнь. Войны я совсем не помнила, и всякие разговоры о ней казались мне нелепыми в мирные дни.

Поэтому я не переставала удивляться таким, как Имхар, мой двоюродный брат. Он был прямо-таки создан для войны, ничто другое его не интересовало. Меня он, честно говоря, тоже мало интересовал, хотя именно он являлся моим суженым, поскольку наш брак должен был укрепить семью. Хотя, думаю, его подобные «мелочи» тоже мало волновали.

Йонан был мне гораздо ближе по духу. Мы говорили с ним о старинных легендах и песнях, в которых прославлялось прошлое. Возможно, он и сам бы сделался бардом, но когда его пальцы касались струн, они выглядели даже более неумелыми, чем когда держали меч или арбалет. Создавалось впечатление, что кровь Древних и рода салкаров смешалась в нём не самым лучшим образом.

Иногда я спрашиваю себя: как сложилась бы моя жизнь, останься мы в Эсткарпе? Наверняка я вышла бы замуж за Имхара, и способности мои, никем не востребованные, так и пропали бы втуне. Сердце моё ещё может примириться с таким исходом, но разум — протестует.

Но, когда шла работа по постройке Родового Дома, к нам с востока пришёл юноша. Рассказанное им настолько глубоко повлияло на нас, что, даже не отдавая себе в этом отчёта, мы сразу же отправились в путь, навстречу не только неизвестному, но и, как оказалось, навстречу самой мрачной и чёрной по существу битве в нашей истории.

Зато, оказавшись в Долине, я почувствовала себя словно растение, пересаженное на благодатную почву, ибо встретила Леди Зелёного Безмолвия, ту, которая наделена многими именами в наших древних сказаниях, а в нынешнем цикле отзывается на имя Дагона. Сама она и её народ не принадлежат ни к нашей расе, ни, возможно, даже к нашему виду, но по облику выглядят явными гуманоидами. С теми, кто не опорочил себя общением с Тьмой, они поддерживали родственные, дружеские отношения.

Когда мы с Леди Дагоной впервые увидели друг друга, то мгновенно поняли, что идём по одной и той же дороге. Она взяла меня к себе и начала учить всему, чему следовало. Как мало я знала, и как много мне предстояло узнать! Я уподобилась человеку, страдающему от жажды в пустыне, которому предложили бутылку холодной воды. Но я понимала, что как воду иссушённому горлу следует пить понемногу, маленькими глотками, так и Дар следует использовать очень осторожно, в противном случае он может обернуться против своего владельца.

Долина, в которой мы поселились, напоминала осаждённую крепость. Древняя земля Эскора таила много зла. Правившие здесь когда-то адепты возомнили себя существами высшего порядка и старались по-своему переделать природу, создавая мутантов и монстров. Эти силы Тьмы обосновались за наружным кольцом защитных гор и пользовались любой возможностью, чтобы пробраться внутрь.

Нас уверяли, что в самой Долине вполне безопасно, что заклатья Силы окружают её надёжной защитой. И тем не менее воины всех собравшихся здесь народов постоянно патрулировали вершины гор и отражали атаки Тёмных, которые всеми силами стремились преодолеть отвесные скалы и пробраться к нам.

И вот, проснувшись однажды, я обнаружила, что руки мои испачканы вязкой глиной, будто я копала её на берегу реки. Душа изнывала от тревоги и чувства вины — сама того не желая, я приоткрыла дверь врагу. В этом я не могла признаться ни леди Дагоне, ни моей приёмной матери.

К счастью, у меня появилось занятие, которое отвлекло моё внимание. Йонан провалился в расщелину и повредил себе лодыжку. Я принялась лечить его той же глиной, и вскоре он смог ступить на повреждённую ногу. Но хотя от глины руки я отмыла, какое-то пятно на мне всё равно осталось, я чувствовала это. Беспокойство моё касалось той части разума, которая с самого начала была мне неподвластна. Я трижды пыталась заговорить об этом и каждый раз обнаруживала, что не могу произнести ни

слова, поэтому беспокойство во мне со временем только возрастало. Используя знание, которому меня научила Леди Дагона, я начала подозревать, что некто из Тьмы уже проник сквозь наши барьеры.

Той ночью я долго не давала себе заснуть. Мне хотелось, чтобы рядом со мной был хоть кто-нибудь из наших и присмотрел за мной, но я никого не могла попросить об этом.

Сон пришёл внезапно, как будто я переступила порог в другое помещение и закрыла за собой дверь; он был настолько живым и осязаемым, что всё моё прошлое показалось менее реальным, чем место, куда я попала.

Огромный зал, стены которого терялись в тумане, не походил ни на что в Эсткарпе — разве что в древнем Эсе могло найтись такое помещение. Меня окружали высокие колонны с резными изображениями странных чудовищ, необычайно рельефными. От колонн исходило странное желтовато-зелёное свечение, не похожее ни на солнечный свет, ни на свет какой бы то ни было лампы.

Я чувствовала, что здесь находится некто, с кем я должна встретиться...

Я двигалась между колонн к центру зала, но не переступала ногами, как обычно, а словно летела по воздуху, лишённая собственного веса, не имея сил сопротивляться. И вот мне открылась площадка, посреди которой на круглом постаменте стоял череп, очень похожий на человеческий, но выполненный из какого-то кристаллического материала. Он сиял изнутри всеми цветами радуги, они постоянно менялись, пульсировали, кружились, как в волшебном танце.

Рядом, опёршись рукой на постамент, стояла женщина. Она выглядела точно так же, как и Леди Дагона, однако цвета её постоянно менялись. Волосы то вспыхивали алым пламенем, то темнели, становясь тёмно-коричневыми, почти чёрными. Кожа была то цвета слоновой кости, то в следующий миг принимала тона морского загара... Я знала, что эта женщина не из Долины и не имеет к ней никакого отношения.

Невзирая на изменяющиеся цвета, лицо её хранило

одно и то же выражение. Полные губы чуть изгибались в лёгкой загадочной полуулыбке, будто она знала что-то очень важное, но этим своим знанием ни с кем делиться не собиралась.

Одежду её составляли лишь завихрения тумана, которые непрерывно перемещались, открывая то багровый сосок груди, то гладкую кожу бедра, то плавные линии живота. Я была просто ошеломлена всем увиденным.

«Крита! — голос её прозвучал прямо в моём сознании, минуя слух. Она подняла руку в дружеском приветствии. — Какая встреча, сестрёнка!»

Меня задела её фамильярность, и эта смена настроения не укрылась от женщины. Улыбка исчезла с губ, а глаза, обращённые ко мне, загорелись злобой.

«Ты будешь тем, кем я захочу, и станешь поступать так, как я прикажу. Ко мне!»

Она спешила прибрать меня к рукам, как свою собственность. Воля моя оказалась полностью парализованной. Я послушно приблизилась.

«Сюда!» — она указала рукой на сияющий светом череп, который от её жеста замерцал ещё ярче. Он становился ЖИВЫМ.

Совершенно безотчётно я протянула вперёд ладони и коснулась висков черепа, слева и справа. И тут я почувствовала, как в меня ворвалась чужая воля — властная, непреклонная, подавляющая последние остатки моего собственного «я». Мне был отдан приказ, и я не имела сил ослушаться.

«Итак, мы сделали неплохой выбор, а, Тарги?» — усмехнулась женщина. Она говорила с черепом, как с живым существом. После этого она повернулась ко мне.

«Теперь иди и делай то, что тебе приказано».

Она смерила меня пренебрежительным взглядом и отвернулась. От колонн ко мне подскочили уродливые фасы, вожак крепко схватил меня за руку и увлёк за собой.

Мы двигались подземными коридорами, многократно переходя из одного в другой, а сколько их было и куда они вели — этого я сказать не могу. Во мне неугасимым огоньком горело стремление выполнить то, что внушил

мне череп и чего не могли сделать ни он сам, ни та женщина, потому что пути, которыми мы пробирались, были для них запретными. Скорее всего, эти коридоры пролегли глубоко под землёй, так что охранные руны, которыми помечены все пути, окружающие Долину, имели здесь ограниченное влияние. Вероятно, это облегчало возложенную на меня задачу.

Потом сон мой стал распадаться на отдельные эпизоды, где одна картина сменяет другую без какой-либо логической связи. Во мне звучали слова, сказанные то ли черепом, то ли той женщиной, но что-то изменилось. Не скажу, что чары волшебства ослабли, нет, они по-прежнему крепко владели мной, но во мне стало расти сопротивление этим чарам, пробудился гнев. И я чувствовала, что невидимое вмешательство не даёт мне выполнить то, что приказал череп.

Фасы окружали меня, подталкивали, влекли куда-то по своим тёмным норам. Но того, что произошло потом, я никак не ожидала и не могла связать с тем, что происходило прежде.

Я вдруг поняла, что передвигаюсь по земле, увидела лица, которые показались мне знакомыми, но мозг мой всё ещё был скован заклятьем...

Ну, а затем я полностью пробудилась от сна и обнаружила, что стою на вольном воздухе, и меня обдувает прохладный ветерок, принося знакомые запахи Долины. Рядом стоял Йонан, а с ним ещё кто-то, в старинных доспехах и с огромным топором с двойным лезвием. Тсали тоже был там. А потом снизу поднялись те, кто правил Долиной, — Леди Дагона, Лорд Кайлан, Имхар и другие.

Я зарыдала, и слёзы мои были реальностью, хотя я ещё сомневалась в этом. Но только когда Дагона приняла меня в свои объятия, я наконец поверила, что это не сон.

Глава 2

Барьер, запрещавший мне говорить, рухнул, и я смогла подробно рассказать Леди Дагоне всё, что случилось со

мной во сне. Хотя, во сне ли? Это был не сон. Меня действительно похитили, увлекли за пределы безопасной Долины — и всё это с помощью моего предательского второго «я», ибо мне предъявили фигурку, вылепленную из глины. Волосы у неё на голове были моими волосами, тряпица, в которую она оказалась завернута, принадлежала мне. Эта глиняная фигурка олицетворяла древнее зло. Так меня настигло чужое колдовство, сумевшее просочиться сквозь все наши заслоны.

Когда я описала женщину, которая общалась с черепом, Дагона нахмурилась. Она оставила меня в своей обители, охраняемой волшебной силой, взяла свежеструганную волшебную палочку и очертила подушки, на которых я лежала, большим кругом, а внутри этого круга начертала несколько символов. Она ещё не покончила с этим делом, а меня уже начало неодолимо клонить ко сну. Я как могла противилась, потому что боялась, что снова потеряю волю и сознание, и меня опять утащат, но сон всё-таки сморил меня.

Я вновь очутилась в зале с колоннами и черепом на постаменте, хотя на этот раз и не физически, и вновь увидела ту женщину. Теперь она выглядела иначе, но я была уверена, что это та самая, которая отправила меня в подземные норы фасов и наложила заклятье.

Женщина уже не казалась ни гордой, ни высокомерной, и красота её поблекла, но она по-прежнему внушала страх, хотя и не смотрела в мою сторону и ничем не выказывала, что знает о моём присутствии.

Она стояла перед постаментом, и руки её ласкали череп, как ласкают лицо любимого. На этот раз череп не сиял всеми цветами радуги, лишь в глубине его пульсировало слабое мерцание.

Губы женщины шевелились, она пела или разговаривала. Лицо её выражало страсть более сильную, чем гнев, хотя чувства эти сродни друг другу.

Потом она наклонилась и поцеловала оскаленный бесплотный рот, а затем сделала так, как — я уверена — делают женщины, поклоняющиеся предмету своей любви,

тому, кто стал главным в жизни. Она склонилась ещё ниже, и рубиновые соски её обнажённой груди прикоснулись к отвратительному оскалу... Я содрогнулась от такого бесстыдства, но осталась на месте. Что-то удерживало меня здесь, хотя это и происходило во сне.

Внезапно женщина обернулась и уставилась на меня. Вероятно, она знала, что я не полностью освободилась от её чар. Глаза её блеснули злорадством.

«Ну что, заклятие всё ещё держит тебя, не так ли, сестричка?»

Руки её взлетели в воздух и начертали символы, смысла которых я не понимала, но которые сразу сковали страхом мою душу.

«Я славно поработала, сестричка, даже лучше, чем надеялась!»

Она отошла от черепа, и в ней разом затрепетала Тёмная Сила: волосы сами собой встали дыбом и образовали огненное облако вокруг головы, более впечатляющее, чем если бы она надела королевскую корону. Губы её полураскрылись, и их цвет напоминал пятно крови на чистой белой коже.

Она приблизилась на пару шагов и протянула ко мне руки. Глаза её светились торжеством.

«Превосходный инструмент, Тарги! — она на миг обернулась к черепу. — Я думаю, мы ещё повоюем!..»

Не знаю, что она имела в виду, однако намерениям её не суждено было осуществиться, потому что едва эти слова прозвучали у меня в сознании, как всё исчезло: и зал с колоннами, и череп, которого так вождела эта женщина, и сама женщина. Я открыла глаза и увидела себя в гостинной Дагоны и её саму, стоявшую у меня в ногах. Она осыпала меня сухими целебными травами. Я уловила запахи килбея, древнего средства от болезней духа, лэнглона, трилистника, которые очищают разум.

Однако я понимала, что произошло, и сжалась на своём ложе, усыпанном душистыми травами. Из глаз моих полились слёзы, рождённые не только страхом, но и беспомощностью.

Дагона не подавала виду, что опасается меня, но не решалась приблизиться ко мне меньше, чем на расстояние вытянутой руки. Да я и сама держалась от неё подальше, понимая, что моё второе «я» находится в плену Тьмы, самого великого зла в этой жизни.

— Ты спала, — сказала Дагона. Она произнесла это вслух и таким тоном, каким разговаривают с ребёнком, напуганным кошмарным сном.

— Она меня снова похитила, — пробормотала я. — Она может похищать меня, когда захочет...

— Та же самая женщина?

— Та самая! И череп тот же, и зал с колоннами. Я была там же, где и в прошлый раз.

Дагона наклонилась вперёд, глаза её пристально смотрели мне в самую душу.

— Подумай, Крита, и вспомни, всё ли было В ТОЧНОСТИ таким же?

Вопрос был задан неспроста. Я убрала защиту и позволила ей заглянуть в мою память так, чтобы она сама смогла всё прочесть там. При этом меня не оставляло опасение заразить и её притаившимся во мне злом.

Дагона уселась, скрестив ноги, у меня на постели. Растерев в пальцах остатки килбея, она протянула руку и коснулась моих висков.

— Думай! Вспоминай! — уверенно скомандовала она.

Я напрягла память, и она прочла всё, что я видела во сне. Прижав руки к груди, она сказала одно только слово:

— Лайдан...

И добавила:

— И... Тарги.

— Кто это — Лайдан? — я еле отважилась спросить.

— Одна из метисок. Я так и думала, что она до сих пор прячется в какой-нибудь подземной норе. От двух рас, соединившихся в ней, она взяла самое худшее. Мать её из людей. А отец... — Дагона даже вздрогнула. — В своё время по этому поводу было много домыслов и кривотолков, однако до сих пор нет полной ясности. Большинство считают, что отцом её был один из Лордов Холмов, который добровольно подчинился Тьме.

Она сделала паузу, задумавшись, потом продолжила:

— Лайдан и Тарги... Это многое объясняет. Те двое, что отправились в путь прошлой ночью, пожалуй, смогут добраться до Тарги и покончить с ним. Но Лайдан они там не встретят, потому что во время Битвы она находилась очень далеко отсюда и занималась совсем другим делом.

— Битвы? Какой битвы?

Всё, о чём говорила Дагона, было для меня загадкой. Посмотрев на меня долгим оценивающим взглядом, она не ответила на мой вопрос, а заговорила о том, что считала более важным.

— Похоже, что Лайдан и тот, кто ей покровительствует, наложили на тебя заклятие, Крита. Как это могло произойти, мне неизвестно, но корни всего уходят, должно быть, в глубокое прошлое. Однако, если она сумела принудить тебя прийти к ней даже во сне, то...

Она могла не продолжать, я уже знала, что она скажет. Тело моё оледенело от внутреннего страха, меня начала бить мелкая дрожь, которую я никак не могла унять.

— Тогда... я представляю для вас опасность, потому что через меня в Долину просачивается зло... — произнесла я тихим дрожащим голосом. Я знала, что должна прибавить к этим словам, но губы и язык отказывались мне повиноваться. Если я приоткрываю дверь злу, тогда мне здесь не место — вот что я должна была сказать. Но я молча смотрела на Леди Дагону, не в состоянии произнести то, что повелевал мне долг.

Дагона медленно покачала головой.

— Мы не так уж беззащитны перед Тьмой. Но ты можешь оказаться пленницей, сестричка...

— Так... Так называла меня та женщина! — меня всю передёрнуло. Услышать то же самое слово из уст Леди Дагоны — нет, это уже слишком!

— Ну, что ж... — губы Дагоны сжались в тонкую линию. — Если она избрала такой путь... Но тебе следует кое-что уяснить, Крита, потому что ты не получила должной тренировки и оказалась уязвимой для таких, как Лайдан. Не знаю, чему она научилась за тёмные века между

временем Проигранной Битвы и этим часом, но и у неё есть предел возможностей, ты должна это понимать. Она никогда не командовала народом Зелёного Безмолвия.

В голосе Дагоны прозвучала бывлая гордая самоуверенность.

— Этому надо слишком долго обучаться, а она всегда была нетерпеливой и алчной. В прошлый раз Лайдан захватила твоё тело и управляла им. Но сейчас оно защищено вполне надёжно.

Дагона указала на письма на полу и продолжила:

— Поэтому теперь она смогла вызвать тебя только во сне, но ей от этого никакой пользы, потому что сон — другая плоскость существования, во сне человек не может действовать физически. Если Урук и Йонан окажутся удачливыми...

Знакомое имя вывело меня из оцепенения, и я перебила Дагону:

— Йонан... Что с Йонаном? Он ушёл охотиться на эту Лайдан?

Дагона покачала головой.

— Там, куда они направились, её не окажется.

Больше она ничего не сказала, и я с горечью понимала — почему. Если Лайдан снова приберёт меня к рукам во время сна, ей ничего не будет стоить извлечь из меня эту информацию... Дагона прочла мои мысли и проговорила утешающим тоном:

— Она не сделает ни того, ни другого. Мы приняли необходимые дополнительные меры. Поверь, у тебя нет оснований казнить и упрекать себя за то, что тебя заманили в ловушку. Даже Великие в прошлом бывали околдованы своими противниками. Раз мы предупреждены, то уж позаботимся о твоей безопасности.

Вот так я и оказалась пленницей своего собственного народа — из боязни нечаянно причинить ему вред. Мне теперь не следовало доверять, что бы я ни собиралась сделать. Я жила в уединённом маленьком домике, где одна из женщин народа Ящериц обслуживала меня и приглядывала за мной. Она, как и все представители Ящериц, с помощью врождённых способностей умела распознавать

любые проявления чужеродного влияния. Кроме того, мне запретили использовать свой Дар для чего бы то ни было, даже для врачевания, ибо такое использование могло проложить мысленную тропку между мною и той женщиной, которую Дагона называла Лайдан.

Йонан и Урук... Лишь через несколько дней я поинтересовалась, куда они ушли и почему исчезли. Никто не осмелился сказать мне, а я не посмела переспрашивать. Но вскоре ко мне пришла Леди Крисвита с предложением, приняв которое, я навсегда могла бы быть избавлена от своих страхов.

Дело в том, что, если девушка Древней расы выйдет замуж или просто отдастся мужчине, она теряет свою волшебную силу, свой Дар. Так иногда намеренно делали с колдуньями, взятыми в плен. За всё обозримое время было только одно исключение — Леди Джелит. Но её господин Симон Трегарт — чужеземец, и сам, вопреки нашим представлениям, обладал Даром, пусть и не в полной мере. Однако даже после того, как она доказала, что Сила не покинула её в замужестве, Колдуньи Эсткарпа так и не приняли её обратно в свои ряды и смотрели на неё весьма косо.

Такое решение предлагалось и мне. Стоит выйти замуж за Имхара и лечь с ним в постель, как я тут же перестану представлять опасность для жителей Долины, поскольку лишусь своего Дара. В отчаянии я почти склонилась к этому решению.

Однако Имхара я не любила, хотя чувства здесь не имели особого значения. У моего народа считалось, что высшая цель брака — благосостояние семейного клана. Бывали, конечно, и исключения. К примеру, Леди Крисвита вышла замуж самостоятельно, потому что в семье не осталось никого в живых, кто мог бы выдать её замуж. Лорд Хорван, прежде чем жениться на Леди Крисвите, тоже потерял свою семью во время резни в Карстене.

Таким образом, их женитьба состоялась по собственному выбору. Тем не менее дочери, согласно традиции, получили в мужья безземельных воинов из Погранични-

ков, которыми командовал Хорван, и таким образом пополнили и укрепили новый клан. Я была помолвлена с Имхаром чуть ли не с рождения, и лишь непрекращающиеся войны оттягивали нашу свадьбу, союз воды и огня.

Теперь обстановка несколько разрядилась, хотя опасность всё ещё подстерегала обитателей Долины, и серьёзных препятствий к свадьбе больше не было, требовалось лишь согласие невесты. Я стала бы Леди Критой и тем самым распрощалась со всеми своими надеждами, в том числе и с мечтой стать когда-нибудь обладательницей Силы.

Имхар, в общем-то, неплохой парень — был привлекателен внешне, мужествен, к тому же наследник Лорда Хорвана... И всё же, несмотря на все мои тревоги и сомнения, я не могла дать согласие на нашу свадьбу. Где-то в недрах моей души таилось упорное стремление сохранить в неприкосновенности то, что принадлежало мне с рождения, и я не могла произнести слов, которых ждала от меня приёмная мать, они буквально застряли у меня в гортани. Я боялась, что моя дорогая госпожа рассердится, и вместе с тем готова была прибавить её гнев и неудовольствие ко всему тому, что мне предстояло вынести. Но она не стала настаивать и после долгого молчания, которое я не осмеливалась нарушить, добавила:

— Все дети с рождения одарённые, дорогое дитя. Имхар — сын своего отца, и в нём бурлит энергия, которая с самого детства у него направлена на войну. Что касается Дэлхис и Мигэн, то они довольны своим замужеством, семейная жизнь и дети — вот предел их мечтаний. Ну, а если человеку дано ещё кое-что?..

Она умолкла и долго сидела так, глядя на свои руки, лежавшие на коленях, потом добавила:

— Мы в удивительном месте и удивительном времени, дитя моё. Поэтому люди старшего поколения не могут навязывать молодёжи свою волю, как делали это всегда. Имхар...

Она снова умолкла и покачала головой, как будто отвечая собственным мыслям.

— У него свои способности, и он счастлив использовать

их по своему усмотрению. Поступай, как знаешь. Если хочешь оставаться тем, кто ты есть, никто не посмеет настаивать на твоём замужестве.

— Но я же помолвлена... — мною овладело смущение. С трудом верилось, что Леди Крисвита имела в виду только то, что произнесла.

— Подожди, Крита, — сказала она, выразительно глядя на меня, чтобы подчеркнуть значимость своих слов. — Подожди, пока не будешь уверена.

— Но такая, как сейчас, я опасна для всех вас и для Долины.

— Доверься Леди Дагоне и не торопись сделать свой выбор.

Она встала — немного тяжелее, чем обычно, и я впервые, может быть, заметила, какое у неё усталое лицо, хоть это не возраст отпечатался на нём. Женщины Древней расы до конца своей жизни не обнаруживают возраста. Но сейчас мне казалось, что ночной сон просто не приносит Леди Крисвите истинного отдыха.

Я взяла её руку в свою и крепко пожала.

— Спасибо!

Она мягко высвободила пальцы.

— Дитя, ты мне как дочь, и очень не хотелось бы, чтобы ты ошиблась.

Сказав это, она ушла, оставив меня испытывать груз времени.

Глава 3

Каждый вечер я засыпала с тревогой и перед сном аккуратно выпивала снадобье, которое Дагона присылала мне, так что похитить меня вряд ли кому-то удалось бы. И прошло немало ночей, когда однажды нашу защиту всё-таки прорвали. Должно быть, Лайдан долго копила силы колдовства, прежде чем решиться на это ещё раз.

У меня внезапно обострились зрение и слух, обострились настолько, будто я до этого момента была слепой и глухой. Ощущения мои стали несравненно богаче, казалось — весь мир открыл передо мной свои тайны. Однако

я не была уверена, в телесном ли облике я пребывала там, где оказалась, или только мысленно.

Холодный ветер пронизывал меня насквозь; там, на вершине горного хребта, всегда дул ветер. Снизу тянуло тяжёлым запахом — это росшие по краю долины деревья своими корнями и листьями впитывали проникающее в Долину зло и отсылали его обратно. На небе тускло сияла луна — старая, на ущербе, готовая скоро исчезнуть, чтобы через какое-то время возродиться в новом цикле.

Я осмотрела себя. На мне был костюм для верховой езды, руки исцарапаны, ногти обломаны, будто я долго пробиралась по скалам к этому месту. Как я сумела забраться на такую высоту? И как мне теперь вернуться?

Но я даже не успела придумать ответ, как чётко осознала, что нахожусь в плену чужого колдовства, которое не позволит мне своевольничать. Вперёд, и не оглядываясь! Я полезла дальше, цепляясь за камни, минуя опасные расщелины, крутые оползни, поминутно грозящие бедой. Впереди у меня была какая-то цель, но гнала меня к ней чужая воля.

Легко было догадаться, в чьей воле, под чьим волшебством я находилась, кто вырвал меня из безопасной обители и отправил в это путешествие. Я пыталась сопротивляться насилию над моим естеством, но чары, завладевшие моим умом и телом, были столь сильны и сосредоточенны, что противиться им было равносильно тому, как если бы я голыми руками пыталась взломать дверь, окованную оружейной сталью.

У меня действительно не было ни единого шанса, и пришлось смириться, покориться воле Лайдан. Я продолжала карабкаться по каменистому склону. Вскоре ноги безошибочно привели меня к пещере, которая находилась неподалёку от вершины. Там я осмотрелась и пролезла в узкую щель, наполовину заваленную камнями и щебнем.

Фасами здесь, к счастью, не пахло. По всей вероятности, Лайдан была уверена: воля моя подавлена настолько, что я в точности стану выполнять её приказы, и к помощи фасов можно не прибегать.

Однако, хотя колдуньи Эсткарпа и не занимались моим

обучением, я всегда помнила об их существовании и о тех усилиях, которые они затрачивают, чтобы добиться успеха. Я знала: чтобы подчинить себе другое существо и диктовать ему свою волю, необходима полная, всесторонняя концентрация всех усилий. Я не знала, насколько близка к Великим Лайдан, но хорошо помнила слова Дагоны о том, что даже адепты могли подвергнуться влиянию колдовства. Какой-то клеточкой своего сознания я понимала, каких усилий стоит Лайдан каждый мой шаг, сколько энергии она затрачивает, чтобы полностью подчинить меня своей воле и направить на выполнение какой-то важной для неё задачи. И я всеми силами старалась не подчиняться ей, ослабить её влияние: шла медленно, как только могла, то и дело отклонялась в сторону, неожиданно испускала острые стрелы ментальной силы, стараясь нащупать слабое место у той, чья колдовская сила пыталась парализовать мою волю.

Пока что мне не стоило совсем уж отчаиваться. Лайдан — в этом я была уверена — полностью использовала мои задатки неразвившегося Дара. Но рано или поздно она ДОЛЖНА почувствовать усталость, надо только почаще проверять, не выдохлась ли она.

Путь мой пролегал в полной темноте. Казалось, что я нахожусь в утробе какого-то огромного животного, но я решительно отгоняла страх. Лайдан нуждается во мне и не позволит сделать неверный шаг, так что нечего бояться даже в такой темноте.

Внезапно я ощутила чьё-то мысленное касание. Это явно не Лайдан, ей сейчас не до мысленных разговоров со мной, вся её энергия сосредоточена на том, чтобы удержать меня в своей власти.

Скорее всего, это была не попытка установить контакт, а просто безотчётная вспышка памяти. Иногда мы видим какую-то местность, строения, и внутренний голос внезапно говорит нам: «Я уже был здесь», хотя рассудок подсказывает, что это — невозможно.

Так вот, то, что пробудилось тогда во мне, должно быть, и являлось импульсом такой вот ложной памяти. Или мы

и на самом деле проживаем не одну жизнь и являемся в этот мир снова, чтобы исправить ошибки, допущенные в прежней жизни? Кое-кто из расы Древних верил в такую возможность. Что же касается меня, то я и в этой жизни находила слишком много интересного, и у меня было впереди достаточно времени, чтобы исправить допущенные ошибки.

Меня никак не оставляло ощущение, что когда-то я уже шла этим путём. Я настолько уверовала в это, что знала, какие стены слева и справа от меня, и что за символы на них вырезаны. Коснувшись стены кончиками пальцев, я убедилась в своей правоте. Не нужно было даже ощупывать эти извилистые бороздки, я просто ЗНАЛА, что они ЕСТЬ, поскольку уже была тут.

Однако письма эти не имели ничего общего с моим Даром, налёт зла покрывал их, как вековая пыль, и кончики пальцев испытали от прикосновения ожог, как от огня или крепкой кислоты.

Пол подземного коридора был сухим и гладким, путь мне не преграждали ни камни, ни трещины. Затем я почувствовала, что иду в гору.

Завихрения воздуха, слабые, словно дыхание спящего, отмечали движения силовых потоков, которые командовали моим телом. Вот меня резко шатнуло влево, вплотную к стене, руки мои упёрлись в неглубокие бороздки. Ногой я нащупывала дорогу, прежде чем ступить, и с уверенностью, будто видела всё своими глазами, знала, что в этом месте посреди коридора притаилась зияющая пропасть, и единственный путь в обход неё пролегает как раз в том месте, где ступают мои башмаки.

Шаг за шагом вдоль стены я миновала опасную ловушку, которую не видела, но о существовании которой прекрасно знала, и не только потому, что оттуда тянуло тухлятиной. Вскоре под ногами снова оказалась ровная поверхность.

Теперь я решила беречь силы и больше не предпринимала попыток уклониться от невидимых энергетических потоков, направлявших меня, потрясённая непонятным проявлением глубинной, неподвластной мне памяти.

Подъём становился всё круче, и вскоре нога нащупала ступеньку, за ней ещё и ещё. Я осторожно поднималась, держась за стену, и размышляла: где же я сейчас нахожусь? Может, внутри какого-нибудь пика? Но в горной цепи, окружавшей долину, нет высоких вершин, нам они встречались только на пути в Эскор...

Подчиняясь чужой воле, руки мои поднялись и ладони упёрлись в поверхность, внезапно преградившую мне путь. Судя по всему, это была дверь. Я навалилась на неё всем телом — уже не по приказу Лайдан, а потому что хотелось побыстрее выбраться из этого бесконечного коридора.

В первое мгновение мне показалось, что дверь заперта или на неё наложено заклятье. Но потом она медленно и неохотно подалась. Серый полумрак, схожий с угасающим светом зимних сумерек, окружал с трёх сторон небольшую площадку. Последним усилием я переступила порог и услышала, как дверь захлопнулась за спиной. От движения воздуха взметнулась многолетняя пыль, заставив меня закашляться.

На мгновение я заколебалась, потому что не могла понять, что ждало меня там, наверху. Но я должна была идти вверх, и я пошла. Впереди возвышались груды камней, похожие на развалины стен, словно этот потайной путь когда-то вёл в зал больших размеров. Но если это так, то путь лежит...

Я моргнула раз, потом другой. Несколько секунд я ещё чётко видела разрушенные, обвалившиеся куски строения. Потом всё пропало. Из земли поднялись стены, они обрели плотность и вес. Крыша закрыла от меня небо. Не тот ли этот зал, где находится постамент с черепом?

Нет, в том зале колонны были другие. Вероятно, я попала на первый этаж какого-то сооружения. Оконные проёмы давали мало света, зал освещался в основном укреплёнными на стенах жезлами, пульсирующими внутренним зеленоватым сиянием.

Посреди одной из стен находилась арка, полузавешенная меховым ковром, на который пошла не одна шкура

снежного барса. Виднелись стулья, резные скамьи, а ближе к стене — стол, на котором стояла большая чаша из ярко-красного стекла, искрящегося, как солнечная дорожка на воде, и переливающегося радужными оттенками. Рядом возвышался металлический сосуд в оплётке из золотых и серебряных нитей, исполненный в традиционной форме дракона.

Все это иллюзия, решила я. Но, подойдя ближе, не удержалась и потрогала складки ковра, ощутив пальцами мягкий мех. Я шагнула дальше, но тут воздух заколебался, сгустился, формируя тело, и моему изумлённому взгляду предстала Лайдан собственной персоной.

Она засмеялась и небрежным жестом откинула с лица прядь волос цвета пламени.

— Удивлена, сестричка? — спросила она вполне обыденным тоном. — Пришло время покориться судьбе, потому что даже пространство имеет границы, которые люди со свойственной им самонадеянностью принимают за незыблемые и неизменные. Это Зефар...

Она пристально взглянула на меня, словно ожидая, какое впечатление произвело совершенно неизвестное мне название, и разочарованно пожала плечами.

— Не имеет значения, помнишь ты его или нет.

Она широко раскинула руки. Туманный покров, окутывавший её фигуру, стал прозрачнее и начал походить на тонкую кисею.

— Всё здесь, — продолжала она, — с готовностью откликается на любой мой призыв. Память здесь всего острее, и мы можем победить даже само время.

Я продолжала стоять, а она опустилась передо мной на один из стульев у середины стола. На фоне высокой тёмной спинки пышное облако её волос казалось ещё ярче.

— Да, мы в Зефаре, сестричка. В том самом Зефаре, где, несмотря на закольцованность времени, ты сможешь сделать кое-что полезное для меня...

Губы её продолжали улыбаться, но глаза походили на кусочки льда и источали такой холод, что мне вдруг стало зябко.

— В своей жизни ты связана с молодым человеком по имени Йонан, хотя прежде у него было другое имя и в той жизни он играл другую роль, а потом умер. Умер в том, своём, времени...

Слово «время», казалось, прозвучало громко и торжественно, как удар гонга.

— Теперь тот, второй, — продолжала она, — ожил в Йонане и играет ту же роль, что и раньше. Но прошлое не должно повториться, напротив, его следует подправить. Сам из себя Йонан ничего особенного не представляет, но тот, кто в нём возродился, обязательно начнёт повторять прошлые ошибки. Этого нельзя допустить. Поэтому я воспользуюсь тобой, чтобы повлиять на Йонана. Вот так, сестричка, возьми себя в руки, и всё будет хорошо...

Наконец ко мне вернулся дар речи, и этому помогла мысль, что меня собираются сделать оружием против Йонана. Я раскрыла рот, и раздались хриплые, словно ржавые, звуки, как будто мне пришлось молчать добрых два десятка лет:

— Как хочешь...

Не было ли так, что мы уже стояли друг перед другом и вели переговоры? Дразнящий призрак памяти вновь заплескал передо мной, и пришла уверенность, что мы однажды уже противостояли друг другу. И если это так, то я должна знать больше, гораздо больше.

Она снова засмеялась.

— Если ты разыскиваешь в памяти тот забытый разговор, то не трать попусту усилий. Ты и тогда пыталась защитить то, что предстояло утратить, и тебе это не удалось. Сейчас повторится то же самое.

Её глаза сверкнули ледяным блеском.

— Поверь мне, ты снова проиграешь, потому что сейчас у тебя меньше сил, чем во время нашего первого противостояния. Ты всё равно отдашь мне Йонана, и всё будет хорошо, вот увидишь. Пошли!

Она поднялась и поманила меня за собой. И я снова почувствовала себя целиком в её власти.

Лайдан, даже не взглянув, следуя ли я за ней, направи-

лась к витой лестнице внутри помещения и начала быстро подниматься. Мне ничего не оставалось, как последовать её примеру.

Мы поднялись на второй этаж, где потолок оказался пониже, и вошли в комнату. Вдоль стен тянулись столы, заставленные сосудами всевозможной формы, колбами, ретортами, воронками и различными коробочками. Со стен свисали пучки сушёных трав, некоторые из них показались мне знакомыми. Посередине комнаты на мозаичном полу была выложена цветными камнями волшебная пентаграмма. На концах её лучей горели толстые чёрные свечи, зажжённые, видимо, некоторое время назад, потому что потёки дьявольского воска уже покрывали их бока.

По ту сторону пентаграммы располагался круг меньшего диаметра, обрамлённый чёрными и красными письменами. А в середине его, крепко связанный, с кляпом, который туго распирал его широкий рот, лежал... Тсали. Хотя как мужчина-Ящерица мог попасть сюда, я не имела никакого понятия.

Глава 4

Инстинктивно мой мозг мгновенно послал импульс мозгу Тсали, но невидимый барьер, сооружённый колдовством Лайдан, помешал нам вступить в контакт. Сама Лайдан повернулась ко мне спиной, выражая тем самым полное презрение. Должно быть, она решила, что на такое ничтожество, как я, незачем тратить силы, чтобы держать меня под контролем. Внимание её привлекли теперь полки вдоль стен, она что-то искала там, снимая то закрытый горшок грубой работы, то сосуд с жидкостью.

Я взглянула в глаза Тсали и попыталась подать ему хоть какой-то знак. Видно было, что он узнал меня, но в его пристальном взгляде я прочла потрясение и, пожалуй, обречённость.

В начале я уже говорила, что узнала о своём Даре потому, что могла общаться с другими существами, которые не ниже нас по уровню сознания, хотя несведущие

люди считают их созданиями примитивными лишь от того, что они передвигаются, общаются и мыслят совсем не так, как мы. Ящерицы, рентаны, форлонги и другие обитатели Долины — все они произошли от ветвей совсем иных, чем наши предки, и они не хуже и не лучше нас, они просто другие.

Например, рыба, плавающая в залитом солнцем пруду, корова на луку, барс, взбирающийся на вершину, не меньше нашего любят жизнь и общаются с себе подобными ничуть не хуже нашего, просто мы не умеем понять их.

К этому перечню я должна причислить и чешуйчатых. Внезапная вспышка памяти напомнила мне, как я напугала и озадачила Йонана, когда он обнаружил меня в обществе со змеей...

И все эти живые существа — чистые, в них нет ничего от гнилостной сути Тьмы. Но в Эскоре было много других существ — мутантов, о которых я уже упоминала. Они-то и оказывались носителями зла.

Мужчина-Ящерица явно не относился к ним. Я не знала, что замышляет против него Лайдан, но, как только она отвлеклась и воля, удерживавшая меня, чуть ослабла, я тут же начала осматриваться в поисках хоть какого-нибудь оружия или союзника.

В помещении, где мы находились, не было окон, вдоль стен громоздились полки почти до самого потолка, а по углам, словно ободранные занавеси, клочьями свисала пыльная паутина. В эту паутину, в самую её гущу, я и послала первый пробный импульс мысленного контакта.

Разум, которого я коснулась, был совершенно чужим. Искра сознания, к которой я пыталась воззвать, пробудила в нём тупой, алчный голод. Но я никогда прежде не пыталась наладить контакт с членистоногими, и даже такая реакция явилась для меня маленькой победой. А Лайдан, озабоченная своими снадобьями, не уловила моего импульса, и он беспрепятственно проник сквозь сеть её колдовства.

Следом за первым я отыскала другое ползающее создание, затем третье. Держать с ними постоянный контакт

было очень трудно, так как уровень их сознания настолько отличался от моего, что любая попытка общения походила на нить, постоянно выскальзывающую из пальцев.

Там, в складках пыльной паутины, таились охотники, холодные и безжалостные. Они не проявляли к моим заигрываниям никакого интереса, никак ко мне не относились, но они там были. Я сфокусировала своё усилие, сосредоточившись на самой большой и, должно быть, самой старой паутине. Что-то шевельнулось в её центре; итак, вот и обитатель, владелец этих теней. У меня не было никакого определённого плана, ничего, кроме смутной надежды, и я судорожно пыталась использовать свой Дар, вызывая тех, кто жил в паутине. А жили там, как водится, пауки. У них, судя по всему, не было недостатка в пище, и выглядели они весьма упитанными. А паук, обитавший в самой большой паутине, был крупнее моей ладони.

Пауки эти относились к разновидности ядовитых. Они могли обездвижить свою жертву и заключить её в паутину, оставив живой, чтобы съесть впоследствии. Их крошечные глазки сверкали дьявольским огнём.

Лайдан тем временем закончила приготовления к своему колдовству. Она ходила вокруг пентаграммы и к каждой свече ставила рядом ещё одну, посыпая вокруг них пол сушёными травами, запах которых показался мне весьма неприятным.

Оставалось только догадываться, что она собирается делать: возможно, мы с ней должны оказаться под защитой силового барьера, и она сейчас всячески его укрепляет, а лежавший внутри пентаграммы Тсали, судя по всему, предназначался кому-то в жертву.

Занятая своим делом, Лайдан совсем ослабила контроль за мной и принялась бормотать заклинания, смысла которых я не понимала и которыми настоящая Колдунья никогда не осквернила бы свой язык. Но я знала, что заклинания эти должны быть очень точны, в противном случае силы Тьмы могли ненароком разрушить её охранные заграждения, и она жестоко поплатилась бы за своё неумение.

Паук, притаившийся в самой крупной паутине, высунулся наружу и блестящими глазами отыскивал жертву — я послала ему импульс, что добыча близка. Паук выпустил нить и стал медленно, покачиваясь, спускаться, в воздухе мелькало его толстое, оранжевое с чёрным, тело.

Я чувствовала, что запах трав, рассыпанных Лайдан, раздражает хищную тварь. Паук предпринял было поползновение подняться обратно, но картина богатого пиршества, которую я мысленно послала, удержала его. Из своего пыльного логова выпал второй затаившийся комок, за ним — третий.

— Ну вот! — Лайдан поднялась и отряхнула руки от травяной трухи. — Всё готово, сестричка. Тебе остаётся только шагнуть вперёд по моей команде, жертва будет принята, а тебя станут приветствовать как одну из нас.

— А если я не шагну? — я старалась больше не смотреть на пауков, чтобы Лайдан не проследила направление моего взгляда.

— У тебя нет выбора, — заявила она. — И нет защиты от того, кого я вызвала. В любом месте он сумеет завладеть тобой и доставить сюда. А здесь, — она обвела рукой полки вдоль стен, — ты добровольно станешь изучать тайны нашего ремесла. Да, сестричка, в тебе есть то, что всегда откроет нам двери. Тебе не приходило в голову, что мы всегда и отовсюду можем забрать тебя? Впрочем... — она взглянула на меня со странным выражением. — Думаю, ты не откажешься развить то, что заключено в тебе с рождения. Ты — нашего рода, сестричка, ты принадлежишь к тем, кто призван повелевать, а не подчиняться. Думаю, ты не станешь отрицать этого?

— Я не из Тьмы, — упрямо ответила я.

Она опять пожала плечами.

— Что такое Тьма? Что такое Свет? Ты слышала только одну трактовку, да и ту из уст наших врагов. Тебе предстоит многому научиться. Неужели мы должны перекрыть доступ знаниям только потому, что боимся их? Знания расширяют желания, а из всех желаний достойно уважения только одно — жажда Власти. Всё прочее — суета, тлен.

Только Власть правит миром. Ты ещё будешь счастлива от того, что попадёшь в сонм избранных, которым такая Власть дана. Так перебродившее вино наливают в ожидающую его бутылку...

Что-то в её словах находило отклик в моей душе. Точно так же я чувствовала себя, когда со мной разговаривала последний раз Леди Крисвита, и теперь во мне росло сомнение. Да, я хотела изучать то, что развило бы мой Дар и помогло овладеть им в полной мере.

Я хотела Власти!

И тут же другая частица моей души гневно запротестовала. Власть... Зачем она? Это опасный инструмент, он способен принести много вреда окружающим и даже поразить того, кто им владеет, если, конечно...

Большой паук висел теперь над самой головой связанного Тсали. Яркие глаза мужчины-Ящерицы перебегали с моего лица на повисшую над ним тварь, на спускавшихся рядом его собратьев и опять на меня.

Лайдан подошла и стала рядом со мной в одном из лучей пентаграммы. Она подняла небольшой чёрный жезл, который с самого начала находился у неё в руках, поочерёдно указала им на каждую из свечей, и те последовательно вспыхивали чадающим алым пламенем. В такт своим движениям она что-то тихо напевала.

К горлу моему подступила тошнота, я съёжилась и прижала руки к груди. Было в её колдовстве нечто такое, что повергало меня в смущение, вызывало отвращение и неосознанный протест. Однако моя решимость помешать Лайдан только усилилась!

Она творила своё колдовство, а я тем временем сосредоточила всю волю на пауках над нами. Я ещё не знала, смогу ли каким-то образом использовать их, но у меня больше ничего не было. А Леди Дагона выучила меня достаточно, чтобы знать: в любом колдовстве очень важно точно рассчитать равновесие сил, потому что его так легко нарушить. Лайдан оградила себя и меня заклинаниями и символами, начертив их на мозаичном полу, но не подумала о том, что может находиться сверху.

Свечи испускали отвратительный запах, но Лайдан жадно вдыхала его, как будто набираясь новой энергии. И вот...

Воздух над Тсали взвихрился воронкой, и в самую середину этого коловращения затянуло первого паука. Воздух взбурлил, Лайдан вздрогнула, пение её оборвалось. Второй и третий пауки исчезли, втянутые в смерчевидный столб. Лайдан отшатнулась, поднесла руку к горлу, явно потрясённая тем, что увидела или... почувствовала...

Я не отличалась такой чувствительностью, как колдунья, но и у меня возникло предчувствие стремительно надвигающейся беды. Нечто, вызванное колдовством Лайдан, отпрянуло и, разгневанное, исчезло.

Лайдан отчаянно вскрикнула, сдавила ладонями уши, словно зажимая их от невыносимого шума, оглянулась по сторонам безумным взглядом и... растаяла в воздухе.

Свечи погасли, в комнате воцарился полумрак. А я была... свободной!

Одним прыжком я пересекла пентаграмму, схватила со стола нож с широким лезвием и вернулась к тому месту, где лежал Тсали, чтобы разрезать его путы. Мысленный барьер, разделявший нас, исчез. Но что-то ещё витало в воздухе, в том самом месте, где только что находилась Лайдан. Тсали поднялся, его когтистая лапа цепко ухватила моё запястье.

«Пошли!»

Он перешагнул границы пентаграммы, таща меня за собой.

Контуры стен в комнате, очертания всех предметов теряли чёткость и расплывались, как будто твёрдый камень истаявал и превращался в ничто. Сбегая по винтовой лестнице, которая, как и всё вокруг, утрачивала свою материальность, я чувствовала, как она подрагивает под моими шагами. Всё это было вполне объяснимо. Иллюзии, созданные Лайдан, исчезали, и нам грозила опасность попасть в ловушку междувремени или оказаться погребёнными под каменными блоками, которые местами уже начали сдвигаться со своих мест и обрушиваться.

Задышавшись от быстрого бега, мы наконец выбрались на

открытое пространство. Вокруг тянулись россыпи угловатых глыб, поросших мхом, — остатки наружной стены. Тсали не выпускал моей руки и вертел головой из стороны в сторону со скоростью, недостижимой для человеческого существа. Поза его выражала такую напряжённость и настороженность, что при одном взгляде на него становилось ясно — до полной безопасности нам ещё ой как далеко. Я послала в его мозг один-единственный вопрос:

«Лайдан?»

«Она пока ещё не совсем исчезла, — ответил он, подтвердив тем самым мои собственные опасения. — То колдовство, которое она затеяла, едва не обратилось против неё, поэтому она в ярости. Но гнев её многократно усилится, когда она узнает о том, что случилось в другом месте».

«А что случилось в другом месте?»

«Тот, кого она пыталась вызвать из прошлого, умер по-настоящему, в том времени, когда и жил. Юноша, которого ты зовёшь Йонаном, и Урук, Владелец Топора, совершили волшебство и одолели Тарги. Теперь Лайдан всё своё колдовство обернёт против них. Тебя она не тронет, потому что только ты можешь открыть для неё дверь сквозь время ещё раз. Кроме того, несовершеншееся заклятие отбросило её слишком далеко от нас. И всё же опасность ещё очень велика...»

Тсали всё дальше увлекал меня от источавших зло древних развалин. Мы теперь находились на обширном плоскогорье, увядшая осенняя трава поднималась мне до колен, ему — почти до пояса.

«Какую роль сыграли пауки?» — спросила я. Хотя эти членистоногие вмешались в колдовство Лайдан по моей воле, я не совсем понимала, что именно произошло.

«Нарушилось равновесие, — ответил Тсали, бдительно поглядывая по сторонам, несмотря на то, что развалины остались далеко позади. — Равновесие при любом заклятии должно быть очень точным. Тот, кого вызывала Лайдан, требовал от неё кровавой платы...»

Тсали говорил спокойно, будто это не его должна была

принести в жертву колдунья, будто не он был той самой кровавой «платой».

«Лайдан разыскала его и попросила помочь за хорошее угощение. Но когда вместо большого вкусного Тсали ему предложили только маленьких паучков, он очень рассердился. Те, из Тьмы, никому не доверяют, и если другая сторона нарушает условия сделки, они тут же расторгают её. Три паука не могли заменить ему одного Тсали...»

Своеобразный юмор мужчины-Ящерицы заставил меня улыбнуться, несмотря на то, что чувство опасности не располагало к шуткам.

«Где мы находимся? — спросила я. — Можем ли мы вернуться обратно в Долину?»

«Я не могу пока что ответить на твои вопросы, — сказал мой спутник, — но мы должны соблюдать большую осторожность. Лайдан скоро опомнится от своей неудачи и начнёт мстить».

Чешуйчатая голова Тсали покачивалась из стороны в сторону.

«Поскольку она пока не может добраться до тех, кто убил Тарги, гнев её обратится против нас».

«Ты имеешь в виду Йонана и Урука?»

Ответ Тсали прозвучал так, будто мысли его заняты сейчас гораздо более важными вещами:

«Их дорога — это их дорога, своё дело они сделали хорошо. А вот нам нужно сохранить связь с Долиной. Но мы не можем вернуться туда, пока Лайдан...»

Его мысль вильнула и замерла, будто он хотел утаить что-то от меня. Но я с горечью поняла, что он имеет в виду, и закончила за него:

«Пока на мне лежит заклятье Лайдан».

Это было уже не предположение, а констатация горькой правды, которую мне необходимо принять, собрав все силы, как телесные, так и духовные.

Глава 5

Мы брели по обширному плоскогорью. Тсали стремился как можно дальше уйти от развалин. Вокруг простиралась

буроватая равнина, на скудную растительность которой наложила отпечаток поздняя осень. Сухие стебли окончивших свой жизненный цикл растений тихо шуршали на ветру.

Путь нам то и дело преграждали вросшие в землю каменные глыбы или вышедшие на поверхность узловатые корни редких деревьев, теперь полностью сбросивших листву. Я озиралась по сторонам, пытаясь найти хоть какой-нибудь ориентир, к которому потом можно будет привязаться. Правда, теперь я знала, что не могу, не имею права рисковать чужой безопасностью. Путь в Долину заказан мне до тех пор, пока я полностью не освобожусь от заклятья Лайдан.

Меня начали мучить голод и жажда, но я стойко брела следом за Тсали и ни на что не жаловалась. Более того, я чувствовала себя словно в полусне и двигалась, лишь повинаясь его настойчивости. Мысли мои были заняты другим. Поможет ли крупица моего Дара каким-то образом защититься от Лайдан, или мне так и суждено остаться послушным орудием в её руках?

Орудием...

Это слово взволновало меня. Человек работает двумя способами: напрягая мозг, что само по себе вовсе не является колдовством, а обычным умственным усилием, и с помощью рук, держа в них различные приспособления, которые сам же и изобрёл себе в облегчение.

Орудия крестьянского труда — плуг, которым вспахивают землю перед посевом, грабли и мотыга, приспособления для сбора урожая. У строителей — молоток, пила, топор... Самые знакомые и привычные мне орудия — горшки для варки пищи, веретено для пряжи, игла, ткацкий станок...

Существовали и другие орудия — орудия войны. Арбалет... Пальцы мои невольно шевельнулись, будто нажимая спусковой крючок. Меч или кинжал. В ближнем бою воины только ими и пользуются. Щит для защиты... А в Долине каждый представитель Зеленого народа носил на поясе силовой бич — прирученную молнию небольшой силы...

Все эти вещи были ОРУДИЯМИ, и ум — в первую очередь. Но моя уязвимость состояла в том, что я не умела пользоваться тем орудием, которым наградила меня природа...

Тсали торопливо шёл куда-то на восток, а я, как могла, попевала за ним. День стоял пасмурный, блеклый, как высохшая трава вокруг, сквозь которую мы прокладывали себе путь.

Внезапно я уловила журчание воды, и язык тотчас шевельнулся у меня во рту, высохшем от жажды и даже как будто пыльном. Обгоняя Тсали, я кинулась вниз по склону, где по каменистому ложу струился ручей.

Я упала на колени и омыла в ледяных струях руки и лицо, затем сложила ладони чашей и поднесла воду к губам. Тсали, спустившись ниже по течению, жадно лакал своим длинным узким языком. Утолив жажду, я огляделась вокруг более осмысленным взглядом и почувствовала новое желание. Напиться-то я напилась, теперь бы ещё что-нибудь поесть...

Тсали, видимо, уловив ход моих мыслей, внезапно сделал резкий бросок и вытащил из воды рыбу, которая извивалась в его челюстях, а вода капала с чешуйчатой кожи мужчины-Ящерицы. Он подождал, пока рыба не замерла, и бросил её на берег позади себя, сам же снова опустился на корточки, пристально наблюдая за быстрыми струями.

За всю свою не очень долгую жизнь я никого никогда не убивала и старалась не употреблять в пищу ни мяса, ни рыбы. Но теперь, когда речь шла о выживании, пришлось пересмотреть свои взгляды. Добыча Тсали восполнит наши силы, и мне ничего не оставалось, как принять её.

Так я уговаривала себя, но прикоснуться к мёртвой рыбе всё равно не могла. Тсали тем временем выдернул из воды ещё одну рыбу, нашёл среди мусора на берегу острую палку, подобрал плоский камень и принялся разделять тушки. Камнем он соскоблил чешую, остриём палки вспорол рыбам брюхо и выпотрошил их.

Огня у нас не было, но я знала, что в любом случае Тсали

предпочтёт сырую рыбу. Я же с отвращением смотрела на куски, которые он положил передо мной, но понимала, что съесть их придётся, если я не хочу полностью ослабнуть. Решив так, я заставила себя откусить немного жёсткой плоти и принялась жевать её, после чего, давясь, проглотила недожёванную. Что ж, пусть это станет первым испытанием для будущего воина, ибо с Лайдан и её окружением мне теперь придётся разговаривать только языком вражды.

Над головой моей раздался резкий вскрик, и я чуть не выронила кусок рыбы, от которой только что пыталась откусить. Сверху на меня пикировала птица с открытым клювом, чтобы отобрать у меня пищу.

Оперение её выглядело таким же серым, как пасмурное небо, но вокруг глаз пылали огненные круги, да и сами глаза отливали красным цветом, так что создавалось впечатление, будто птица смотрит на мир через огненные очки. Ничего подобного я прежде не встречала. Мгновенно я напрягла память, мобилизовала внутреннее чувство, избитое и израненное недавно пережитым, но ничто не сигнализировало об опасности. Да, это хищная птица, но ею движет природная сущность, а не приказы Тьмы.

На крик птицы прилетела ещё одна и склевала рыбы потроха, выброшенные Тсали. Я снова порылась в памяти и пришла к убеждению, что никогда в жизни не видела таких птиц. И всё же...

Взмахи их желтовато-серых крыльев, горячая краснота вокруг глаз не давали мне покоя. Я вскочила, сжала пальцы в кулачки и, прижав их к груди, неожиданно воскликнула:

— Найнутра!

Голос мой заглушил отрывистые крики птиц.

Что это — Найнутра? Чьё-то имя? Название местности? Стремясь найти ответ, я открыла свой мозг и стала зарываться в него всё глубже и глубже. Раньше я позволяла себе такое только под контролем Леди Дагоны. Здесь же, сейчас, на чужой земле, я подвергала себя огромной опасности, убрав все защитные барьеры, но об этом я почему-то не думала. Мне нужно было докопаться до сути.

Найнутра... Туманный образ витал передо мной, но он был слишком расплывчат, и я дала приказ своей древней памяти сосредоточиться. Что же это такое — Найнутра?

Голова моя стала кружиться, мысли сделались отчётливей, и возбуждённое любопытство пересилило осторожность и страх.

Нечто смутное предстало перед внутренним взором, чья-то фигура в ореоле красноватых тонов, таких же, как «очки» на глазах птиц. Если бы только пригасить это ослепительное сияние и увидеть чётче... И вдруг меня осенило.

Найнутра — не имя, не название местности, это — Сила! Но только чья — Тьмы? Зачем же в таком случае я её призываю?

Однако интуиция подсказывала мне, что Найнутра не служит Тьме, как не служит и Свету. Но кому же тогда? Какой-то третьей власти, обособленной от двух первых, непостижимой ни для той, ни для другой?

Я пыталась пробиться взглядом за сияющую оболочку. Постепенно она тускнела, как гаснут круги на воде от брошенного камня, и я почувствовала ответный позыв, импульс энергии: тепло, ещё теплее, горячо, совсем горячо...

Может, я и вскрикнула, но не отпрянула, как отдёргивают руку от горячего. Жар опалял меня, но в нём не было ярости, и я почувствовала, что Найнутра не враждебен мне, а просто очнулся ото сна или глубокой задумчивости, когда мой вызов потревожил его. Может быть, он — из Великих?

Если это так, то всё человеческое, что в нём когда-то содержалось, давно исчезло, и сейчас передо мной Сила в чистом виде, которую я не понимаю и не приемлю, настолько она чуждая...

Мысль промелькнула и исчезла, а вместе с ней ослабел и жар. Возникло новое ощущение: будто я стою в длинном коридоре и пытаюсь разглядеть фигуру, находящуюся в дальнем конце его. Фигура накапливала энергию, и жар отовсюду утекал в неё. Впрочем, сказав «она», я, вероятно,

была не права. Возможно, эта Сила не имела пола, то есть являлась чистой Силой.

Возникло ощущение, что моя древняя память уже сталкивалась с этой Силой, пользовалась её услугами, но так давно, что нить, связующая нас, давно истлела, превратилась в прах...

Я открыла глаза и вернулась в безрадостное настоящее. Журчали холодные струи ручья. Небо оставалось таким же серым. Птицы исчезли. Тсали сидел на камне в своей излюбленной позе и глядел на меня изумрудными глазами. Я поймала себя на том, что всё ещё шепчу: «Найнутра...»

Мысленно я спросила у своего спутника:

«Тсали, кого олицетворяет эта Сила?»

Его голова качнулась, но не ко мне, а куда-то в сторону и вверх.

«Это — один из Великих. Он не относится ни к одной из рас, не рождён чьим-либо народом, живущим ныне. Он — один из тех, кто пребудет с нами до тех пор, пока народы не восстанут против Тьмы и не призовут его».

«Почему он явился мне?»

«Не знаю, девушка-Колдунья. Может быть, это только птицы...»

Он поднял голову и взглянул в небо.

«Давным-давно Найнутра стал отшельником и поселился в уединённой пещере в горах. С ним находились те, кому он открывал свой разум и сердце. Иногда они спускались к народам, обитавшим в тех краях, и становились Устами Найнутры, и к ним прислушивались даже адепты».

«Может, и я когда-то была Устами?»

Он покачал головой.

«Не задавай таких вопросов, девушка-Колдунья. У каждой расы, у каждого народа свои легенды. Если мы хотим прожить несколько жизней, то после каждой должны исчезнуть в очистительном огне, не так ли? Но в этом случае разве мы можем что-нибудь помнить? Не знаю...»

«Я видела Найнутру», — медленно сказала я.

В голове у меня внезапно прояснилось, мозг заработал чётко и ясно, будто в воздухе передо мной развернули

свиток с непросохшими ещё чернилами, на котором начертал письма хранитель Древнего Знания. Я искала это так долго. И я почувствовала, что глубинные ячейки мозга, которые я так безоглядно открыла, заполняются не коварным колдовством Лайдан, а мудростью веков.

Тсали встал передо мной, высоко подняв голову, увенчанную гребнем. Кожа его подёргивалась и трепетала, он был взволнован.

«Что же теперь, девушка-Колдунья?»

«Я сделаю то, что должна сделать», — ответила я.

Пошарив по берегу взглядом, я нашла длинную палку, отшлифованную водой и песком, побелевшую, хрупкую на вид, но совершенно прямую. Я подняла её и, как кистью кладут мазки на картину, нарисовала в воздухе то, что было вложено теперь в мой мозг. Цепь времён не должна прерываться. В пустоте сперва возникли слабые линии, потом они налились светом, обретая чёткость и форму.

Начертанные мною символы светились, как угольки в утасующем ночном костре. Я уронила палку и смотрела на них, пока с губ моих не сорвались звуки, напоминающие не связную речь, а резкий клёкот птиц, которые гнездились там, где находилась Сила Найнутры, а теперь прилетели поживиться остатками рыбалки Тсали.

Светящиеся символы растаяли, вместо них в воздухе возникло НЕЧТО. Я медленно протянула руку. Появилась уверенность, что однажды мои пальцы уже сжимали ТО, что неподвижно повисло сейчас в воздухе между Тсали и мною.

Красный отсвет этой вещи медленно угасал, но контуры становились всё более чёткими. К чему колебаться? С той минуты, как Найнутра ответил мне, я знала, как поступать. Обхватив пальцами гладкую твёрдую поверхность, такую же скучно-серую, как небо над нашими головами, я вытащила прямо из воздуха то, что сотворило знание, которого я до конца ещё не могла постичь, — меч! Он был ещё нерезким, с размытыми очертаниями.

— Это сделано по воле Найнутры, — медленно произнесла я вслух, — и не принадлежит ни Тьме, ни Свету: Это

Меч Тени, и он может быть создан лишь благодаря чьей-то вере. Теперь права на него заявляю я — во имя Света!

Я взмахнула призрачным клинком в воздухе, как воин, проверяющий балансировку своего нового оружия, ибо в тот момент я и была воином. Меч оказался гораздо легче стального, не имел ни заточенных краёв, ни острого колющего конца. Его мощь таилась в другом.

До меня дошла мысль Тсали:

«Свершилось!»

В этом слове звучала весомость предвидения.

«Свершилось, — подтвердила я. — Думаю, я для этого и рождена. Теперь я — та, кем и должна быть, кем меня задумывали. И пусть Лайдан считает, что это она сделала меня такой».

Глава 6

Странный меч снова начал терять свою вещественность, таять в воздухе, как клочья тумана под солнцем, и скоро у меня в руках опять ничего не было. Однако я уже знала, что в любой момент могу вызвать его снова, и с облегчением перевела дух. Мой разум... Где найти такое пространство, в котором можно было бы разложить, рассортировать всё то, чем хаотично и бессистемно наполнено теперь моё сознание? Но, к сожалению, у меня не было другого руководителя, кроме инстинкта да ещё уверенности в том, что впереди меня ждёт битва, такая битва, какой я и представить себе не могу, хотя память моя и была освежена Силой.

Я взглянула на свою теперь пустую руку и медленно разжала пальцы. Ничего, не страшно. Когда бы я ни призвала его, оно, это оружие, выкованное именем Найнутры, тотчас же окажется в моей руке. Внезапно Тсали обернулся назад, откуда мы пришли, и громко зашипел, а гребень на его голове вспыхнул кроваво-красным цветом.

«Охотники!» — послал он мне мысленное предупреждение.

Я была уверена, что охотники эти не из Долины и,

пожалуй, вообще порождение Тьмы, хотя уточнять, к какому виду они принадлежат, я не осмеливалась, чтобы не выдать себя.

«Они охотятся на нас, — уточнил Тсали. — Идут по следу, но нас пока не видят».

Он изогнул свои когтистые лапы и снова зашипел.

Итак, на нас охотились. Может, это Лайдан вернулась, чтобы натравить на нас своих соратников, исчадий Тьмы, или они случайно напали на наш след? Хотя, собственно, какая разница, кто направил их, важно, что нас преследуют.

«Надо где-то укрыться!» — послала я импульс мужчине-Ящерице. Тсали завертел головой со скоростью, какой не выдержала бы ни одна человеческая шея. Вокруг простиралась чуть всхолмленная равнина. Горные вершины остались далеко позади. Нигде и признака голубых камней, которые, по слухам, дают хоть некоторую иллюзию укрытия тем, кто ненавидит Тьму.

«Вода!»

Мой спутник жестом указал на ручей, предлагая, по всей вероятности, перейти его вброд.

Он справедливо напомнил мне старую истину: зло, какой бы природы оно ни было, не осмелится пересечь чистую проточную воду. Тсали первым вошёл в воду, я за ним, чувствуя, как намокают башмаки. Спohватившись, я подняла подол изодранной юбки повыше, но поздно, и скоро я была мокрая почти по пояс. Пока я неуверенными шагами ступала по дну, обходя подводные камни, Тсали легко нёсся по самой поверхности воды.

С помощью мысленного поиска я определила чьё-то присутствие, и моему мозгу оно показалось столь же отвратительным, как если бы мои ноздри уловили запах разложения. Я пока не могла назвать наших преследователей. Но делать ещё одну попытку я не стала, чтобы не обнаружить наш побег.

Русло ручья оказалось довольно широким, и мы довольно быстро продвигались вверх по течению, но скоро берега сузились, и между нами и противоположным бере-

гом пролегла стремнина, окаймлённая отмелями из гравия. Мы преодолели и её. Стайка рыб метнулась от наших ног, какие-то ракообразные расползались кто куда. Тревожило одно обстоятельство: Тсали повсюду сопровождал меня, хотя вполне мог бы уже находиться под защитой охранной Силы Долины. Я послала вопрос прямо из мозга в мозг:

«Тсали, воин-Ящерица, зачем ты здесь? Я несу свой крест, но эта ноша не для тебя. Ты должен вернуться!»

Дальше я не продолжала. Он взглянул на меня поверх своего узкого чешуйчатого плеча и сердито зашипел. И я почувствовала гнев, который вызвали мои слова.

«Мы идём вместе, девушка-Колдунья. Разве так водится у народа Ящерич, чтобы бросать товарища на произвол судьбы?..»

«Прости, воин».

Мне нечего было возразить. Мы ступили на берег, и тут я снова увидела над нами двух серо-пламенных птиц и услышала их пронзительные крики. Они кружились в вышине и стремительно падали прямо на нас, оглушительно крича. В какой-то миг я усомнилась: уж не связаны ли они со злом, которое преследует нас, уж не разведчики ли они передового отряда наших преследователей?

Пронзительные крики птиц раздражали, отвлекали внимание, я закрыла уши ладонями, чтобы не слышать их, споткнулась и, потеряв равновесие, упала в обжигающе-холодную воду. Тсали, задрав голову, пристально смотрел на бесновавшихся птиц и почёсывал когтистым пальцем основание гребня на голове. Поза его выражала напряжённое внимание, как будто он пытался понять, какой смысл кроется за всем этим.

Я же отказывалась понимать что-либо, несмотря на то, что до недавнего времени могла установить контакт с любым живым существом путём мысленного касания. Сейчас у меня ничего не получалось. Я не ощущала даже мысленного барьера. И тот факт, что эти птицы так надёжно защищены, вызывал у меня тревогу.

Птицы пикировали на нас, будто собирались выклевать глаза, и взмывали вверх у самой земли.

«Это наши проводники», — Тсали стоял неподвижно, а они кружили так низко над его головой, что чуть не задевали лицо и гребень Ящерицы.

«Проводники куда?» — осмелилась я поинтересоваться, прикрываясь рукой, в то время как одна из птиц спикировала прямо на меня.

«Кто знает? — человек-Ящерица пожал узкими плечами. — Но если мы пойдём за ними, они перестанут кричать, а крик их, наверное, слышно далеко.»

Я не знала, какое из двух зол предпочесть. Никто ещё не измерил степень коварства Тёмных. Куда приведут нас эти птицы, если мы последуем за ними? А с другой стороны, крик, который они подняли, слышен отовсюду и может привлечь ещё кого-нибудь из наших врагов.

Мы круто отвернули от речки, выбрались на травянистый берег, и птицы тотчас прекратили кричать. Теперь они летали широкими кругами то над нашими головами, то перед нами, будто действительно указывали направление, по которому нам следует двигаться.

Перед нами расстился широкий луг. Трава на нём увяла и пожухла, лишь кое-где поздние осенние цветы красноватыми или желтоватыми огоньками напоминали об ушедшем лете. Далеко впереди синела стена леса. К нему нас и направляли неутомонные птицы, и мы последовали их совету.

Мы шли гуськом через огромный луг. Приминая сухую траву, мы оставляли за собой такой след, что найти нас ни для кого не составит усилий.

Мы шли, шли, а лес упрямо не хотел приближаться. Порой казалось, что деревья отступают с такой же скоростью, с какой мы шагаем к ним. Птицы Найнутры продолжали кружить над нами и временами камнем падали вниз, взмывая у самой земли; этим они как бы подгоняли нас. Тишину нарушал лишь шорох наших шагов по сухой траве и учащённое дыхание.

И тут я услышала далёкий вой. Опыт моего недолгого пребывания в Долине подсказал, что нас преследуют Серые — не люди, не волки, но дьявольское сочетание тех

и других. Вой шёл от речки, не оставляя никаких сомнений в том, что преследователи через какое-то время настигнут нас. Мы побежали.

Если Тёмные догонят нас на открытом пространстве, их колдовство окажется сильнее; стоит им лишь окружить нас тройным кольцом, и мы полностью окажемся в их власти. Скорей под защиту деревьев! Птицы сделали над нами прощальный круг и, сильно взмахивая крыльями, устремились прямо к лесу. Какая бы странная задача ни стояла перед ними, они её выполнили. Мокрая юбка цеплялась за сухую траву и сильно мешала, я то и дело поддёргивала её обеими руками. Оглядываться было некогда, но вой охотников, которым они себя подбадривали, раздался уже ближе.

Тсали, не скованный одеждой, двигался гораздо свободнее и давно мог бы уже достичь спасительной сени деревьев. Но он оставался рядом, готовый защитить меня даже ценой своей жизни, хотя ножны меча и чехол для ножа на его поясе были пустыми: когда его взяли в плен, чтобы принести в жертву, то первым делом обезоружили. Единственным средством защиты у Тсали оставались когти, и он выпустил их на всю длину. Кроме того, он подобрал и спрятал в поясе несколько камней, но какой от них будет прок, когда Серые накинутся со всех сторон?..

В голове моей билась только одна мысль — побыстрей достичь деревьев, поэтому я даже не заметила, как мы наконец добежали до опушки, продрались сквозь кусты терновника и оказались в лесу. Дыхание моё нарушилось, на глаза наворачивались слезы, я ничего не видела впереди и пришла в себя, только с размаху ударившись плечом о ствол. Руки мои обхватили его, уцепились за кору, ноги подкашивались.

Тсали схватил меня за плечи, оторвал от дерева и слегка встряхнул.

«Дальше!» — прозвучал приказ. Я с трудом повиновалась, опираясь на его руку.

Это был странный лес. Кроны деревьев смыкались

высоко над землёй, а внизу царил полумрак. Чистая, почти без подлеска земля была покрыта толстым слоем хвои. Подняв глаза, я снова увидела птиц. Они бесшумно перелетали с ветки на ветку, удаляясь по мере нашего приближения, вообще же в лесу стояла полная тишина, нарушаемая только моим ущённым дыханием.

Я снова запнулась и чуть не упала, ухватившись за ствол дерева справа от себя. Пальцы мои ободрали мох, под ним оказалась каменная поверхность. И я поняла, что это не ствол дерева, а изваяние, след иного разума. Я прислонилась к нему, чтобы немного выровнять дыхание, и увидела целый ряд таких же каменных колонн, ведущих в глубь леса. И резьба... Под пальцами моими находилось изображение птицы. Глазами служили глубокие ямки, в которых даже мох не держался.

И тут же — всплеск прапамяти: эти же колонны, ещё не обомшелые, по обочинам дороги. Резьба, покрытая краской, сверкает разноцветными бликами... Я искала какие-нибудь знаки, предостерегающие об опасности со стороны Тёмных, но ни голубых камней, ни каких бы то ни было символов не обнаружила. Нет, этим местом не владели ни Свет, ни Тьма. И я поняла тогда, что передо мной — совсем иная реальность, и та частица во мне, которой я обязана всеми своими злосчастиями, созвучна ей. Может, это и есть владения Найнутры?

Снова послышался вой, теперь уже совсем близко. Серые, должно быть, пересекли луг и достигли опушки леса. Я озиралась по сторонам в поисках хоть какого-нибудь укрытия. Конечно, мы с Тсали можем принять бой спина к спине, но чем обороняться? А что, если...

Моя рука протянулась вперёд, приготовившись получить прямо из воздуха что-то невидимое. Я открыла потаённый уголок мозга, куда, как в чулан, был собран весь хаос, всё то, что я не могла понять в себе, как ни старалась.

Что-то коснулось моей ладони. Я быстро сжала пальцы. В воздухе возникло сияние — алое, будто напитанное свежепролитой кровью. В моей руке снова был Меч Тени.

Душа моя начала наполняться какими-то новыми, не свойственными мне в прежней жизни ощущениями, которым я всегда старалась противиться. Но теперь они не вызывали во мне протеста. Я перевела взгляд с меча на Тсали и, поскольку теперь знала правду, послала ему сообщение:

«Это ещё не то место. Пойдём!»

Мы двинулись вдоль ряда колонн, я впереди, мужчина-Ящерица за мной, а птицы Найнутры кружились над нашими головами, и лютая смерть неслась по нашим следам.

Глава 7

Мы остановились перед огромной аркой, которая непостижимым образом была вырублена из цельного каменного блока, столь огромного, что непонятно, как его смогли доставить сюда или хотя бы просто водрузить стоймя. Арка была гладкой, без всякой резьбы, но наверху виднелся барельеф — человеческое лицо. Глаза, расположенные высоко над нами, уставились на тропинку, по которой мы пришли. Лицо казалось лишённым всякого выражения. Такую отстраненность можно встретить лишь у небожителей. Я не могла сказать, чьё это лицо — мужчины или женщины. Пожалуй, в чертах его имелись признаки обоих полов. Больше всего меня поразило то, что в отличие от колонн, которые привели нас сюда, лицо, да и вся арка, казалось, неподвластны времени и выглядели так, будто их вытесали и изваяли совсем недавно.

Меч в моей руке шевельнулся и сам по себе поднялся в ритуальном салюте. Я догадалась: это и есть тайное место сущности, которая влекла нас к себе.

За аркой находилась площадка, посыпанная серебристым песком. Площадка была разделена на четыре части двумя узкими дорожками, пересекавшимися под прямым углом, и в каждой разноцветными камешками были выложены знаки и символы, смысла которых я, конечно, не понимала.

Медленными осторожными шагами я прошла арку, и тотчас тело моё начало покалывать, волосы зашевелились — меня наполняла энергия, с какой я прежде никогда не сталкивалась. Я не оглядывалась, чтобы удостовериться, идёт ли за мной Тсали. В тот момент для меня было главным достичь самого центра площадки.

Несомненно, здесь царствовала иная Сила, нежели в той комнате, где Лайдан творила своё мерзкое колдовство, иная, чем та, которую использовала Леди Дагона для Зелёного волшебства.

Существует несколько видов магии. Зелёная, которой подчинены все растения на земле и которая полностью зависит от мастерства врачевателя; Коричневая, имеющая отношение к животным, нашим младшим братьям, которых мы стараемся понять, но удастся это далеко не каждому; существуют, наконец, магии Жёлтая, Голубая, Чёрная... О каждой из них я имела представление, все они подчинялись либо Свету, либо Тьме. Но здесь не было ни Света, ни Тьмы, и источник энергии принадлежал кому-то другому и находился вовне. Однако то, что царило здесь, давало странное, непривычное ощущение. По мере того, как я храбро продвигалась к центру площадки, меня не покидало чувство, будто я сбросила одежду и омылась в некой субстанции, которая представляла собой странное сочетание воды и света.

Я шла к центральной части площадки, где перекрещивающиеся дорожки образовывали пятачок, достаточный для того, чтобы поставить ступни и стоять прямо, не наклоняясь ни в ту, ни в другую сторону. И снова вспышка древней памяти пронзила меня.

С самого рождения у меня не было настоящего дома, хотя приёмная мать создала все условия для счастливого детства. Однако во мне всегда жила тоска о чём-то несбывшемся, что находилось за пределами моего земного бытия. Сначала я надеялась найти это в Долине, когда Леди Дагона начала открывать мой мозг и показывать, чего можно достичь благодаря усердию и терпению.

Но, может быть, именно здесь находится то, что я искала?

Сомкнув пальцы обеих рук на рукояти меча, я вслушивалась в странные, доносившиеся как бы издалека звуки, которые лежали за пределами моего восприятия, и мне хотелось закричать вслух от досады и разочарования.

Я подняла голову и увидела небо, то серое небо, которое нависало над нами с самого начала пребывания здесь. Птиц там уже не было.

И я осмелилась произнести вслух, в полный голос:
— Великий, я здесь!

Мне казалось, что он где-то поблизости, что в любой момент я могу увидеть перед собой закутанную в туман фигуру, которую улавливала внутренним виденьем, но не могла различить её истинных очертаний. Вот оно, место Найнутры!

Я вслушивалась и вглядывалась, но ответом на мой призыв было только молчание. Даже отдалённое бормотание голосов прекратилось — шёпот, который раздражал меня, потому что я ничего не могла разобрать. Появилось ощущение, что где-то я допустила промах. Да, когда-то я уже проходила этим путём, и проблески древней памяти давали тому подтверждение, но тогда я знала, что делать и как поступать, а сейчас... Я поникла и съёжилась, чувствуя себя обездоленной и глубоко несчастной.

Глаза мои наполнились слезами. Когда-то я знала всё, а теперь не знаю ничего. И нечего ждать ответа на мой призыв, он всё равно не придёт.

Я больше не была той, которая могла проникнуть в самые заветные тайны бытия, так притягивавшие меня. Эти фигуры и символы, выложенные на песке... Когда-то я уже видела их. Но как разбудить древнюю память и прочесть значение этих извилин и чётрочек?

Меч в моих руках стал нагреваться. Клинок его вдруг слабо запульсировал красноватым светом, будто в горниле кузнеца. Жар становился всё сильнее, но я не разжимала рук, хотя держать меч было уже нестерпимо горячо. Пришлось закусить губу, чтобы не застонать. Увы, я всего

лишь человек, и знание, сосредоточенное в этом заветном месте, — не для меня.

«Найнутра!..»

Я мысленно произнесла это имя, чтобы отвлечься от невыносимой боли в руках. Плоть моих ладоней словно отделялась от костей, но я не разжимала пальцев. Я призвала все скромные возможности своего нераскрывшегося Дара, чтобы уловить хоть что-нибудь, похожее на ответ, и вдруг в моём мозгу явственно прозвучала резкая команда:

«Убей!»

Я удивлённо и беспомощно оглянулась по сторонам. Тсали не последовал за мной, а замешкался на краю площадки.

«Убей!» — прозвучало снова.

Я сделала шаг, потом другой. Нестерпимую боль в моих руках могла остудить только кровь живой плоти, в которую я должна вонзить клинок. Только вонзить, и эта кровь брызнет, гася огонь, который так жестоко наказывал меня за самонадеянность, за вторжение в храм, не желающий открывать своих тайн.

«Убей!» — прозвучало в третий раз.

В тот же миг Тсали исчез, а на его месте оказался Серый. Меня снова обманули! Не надо было оборачиваться к Тсали и делать шаги в его сторону. Что обо мне подумали?! Собрав все силы, рвущимся от боли голосом я воскликнула:

— Я не откуплюсь кровью, Найнутра!

Солёный привкус собственной крови, текущей из прокушенной губы...

— Моё призвание — давать жизнь, а не сеять смерть!

Казалось, слова эти стали ключом, со скрипом повернувшимся в некоем замке, заржавевшем от того, что им долго не пользовались. На меня снизошло облегчение, освобождение. Но меч всё ещё находился в ладонях, покрытых волдырями от ожогов, и муки мои достигли пределов терпения.

— Я не пролью крови брата по разуму, Найнутра!

Ответом мне была полная тишина. Неужели я всё-таки способна общаться со всевластной Силой, или она давно уже улетучилась, оставив здесь лишь слабый отголосок своего могущества?

Внезапно я почувствовала себя совершенно свободной от энергетических потоков. Рукоять меча у меня в ладонях остыла. Я больше не смотрела по сторонам, но возникла уверенность, что призрачное создание, сотканное из туманного облака, которое только что привиделось мне, наблюдает за мной и оценивает малейшие движения моей души. В сознание проник слабый импульс удивления — первый признак хоть какой-то эмоции того, кто так холодно и отстранённо общался со мной.

Серого в арке уже не было, там по-прежнему стоял Тсали и глядел назад, в ту сторону, откуда мы пришли. Поза его была собранной и напряжённой, как у существа, готовящегося отразить нападение.

Теперь я наконец-то могла присоединиться к нему. Я догадывалась, отчего он так встревожен: наши преследователи осмелились сунуться даже сюда. Правда, несмотря на недавний приказ, которому я не подчинилась, я не могла поверить, что это место во владении Тёмных.

Перехватив меч, я взглянула на свои ладони. Волдыри исчезли бесследно, вместе с ними ушла боль. Но меч оставался у меня в руках, я не могла считать себя безоружной.

Мы стояли рядом: воин-Ящерица и девушка из Древней расы. У Тсали в лапах камень, который он подобрал по дороге сюда, у меня в руках меч Найнутры. В этот миг Серые настигли нас. Они двигались не по дороге вдоль колонн, которой пришли мы, а выскочили прямо из лесу, с разных сторон, и стали окружать нас. Едва они оказались на открытом месте, как птицы Найнутры накинудись на них, пикируя сверху и оглушительно крича. Вожак этой вонючей стаи горестно взвыл, из пустой левой его глазницы хлестнула кровь.

Тсали метнул свой камень, за ним ещё и ещё. Один из Серых перекувыркнулся с раскроенным черепом, другой

поджал к груди перебитую лапу. И тут я подняла меч и направила концом на нападавших. Жгут пламени, яркий, как молния, как энергетический бич, вырвался из острия. Серые бросились назад.

Однако от их своры отделились двое. Один, в капюшоне с маской и неестественно длинными когтями, нацелился на моё запястье. Я рубанула мечом, и грозное создание развалилось пополам.

Напарницей погибшего оказалась Лайдан. Она издевательски засмеялась, и смех этот привёл в ярость Серых. Они зарычали на неё, как собаки, которые ненавидят свою хозяйку, но и боятся её.

— А, служанка того, кто давным-давно исчез! — воскликнула Лайдан вслух. Судя по тону, она старалась побольней уязвить меня и тем самым спровоцировать на необдуманный поступок. Насмешливо глядя на меня, она сказала:

— Кажется, ты всё вспомнила? И примчалась сюда, чтобы убедиться в том, что Сила, которую ты ищешь, исчезла? А может, ты больше её и не призываешь, поскольку Повелительница Огня впустила тебя в свои чертоги, а потом ушла?

Я молчала, поражённая. Я, конечно, догадывалась, что Найнутра — один из Великих, но чтобы он был волшебницей! Среди посвящённых встречались как мужчины, так и женщины. И даже если моё внутреннее «Я» чем-то послужило Найнутре в далёком прошлом, я всё равно не помнила так много, как думалось Лайдан.

— Да, — подтвердила Лайдан. — Найнутра исчезла. Прошло много лет с той поры, как закрылись эти ворота. Неужели ты думаешь, что твой тонкий голосок способен пробиться между разделёнными мирами? А если даже и пробьётся, то кто тебе ответит? Говорят, она пошла своей дорогой и не добилась ничего из того, к чему стремилась.

Я всё ещё молчала, даже не пытаясь реагировать на её насмешки. Что-то ответило мне, иначе я не держала бы меч Найнутры. И что-то коснулось и обвеяло меня, пока я стояла вблизи разноцветных песков. Что это было? Слабый

отзвук Силы, которой владела Найнутра? Совет тех, кто знал, как эту Силу использовать?

Сомнения промелькнули в моей голове, но ответила я твёрдо, без тени страха:

— Ты искала меня, Лайдан, и вот нашла. Что ж, давай сразимся! Пусть одна из нас уйдёт в небытие...

Какое-то мгновение я опасалась, что она ответит отказом. Усмешка, похожая на гримасу, всё ещё кривила её губы, когда она заговорила:

— Милая маленькая сестричка, неужели ты осмеливаешься вызвать МЕНЯ?

Едкая насмешка прозвучала в её голосе. Я промолчала, и она добавила тем же елеинным тоном:

— Ну что ж, изволь! Раз тебе так хочется...

Она щёлкнула пальцами. Серые, которые вновь подтянулись к ней, отпрянули, но их горящие глаза караулили каждое её движение.

Туманное облако взвихрилось и загустело вокруг её стана, и вот из своего облачного одеяния она выдернула тот же небольшой чёрный жезл, который я уже видела. Я крепче сжала рукоятку меча.

Лайдан что-то шептала над жезлом, не глядя ни на меня, ни на оружие в моих руках. Слабое подозрение мелькнуло в моей голове: а вдруг она **ВООБЩЕ** не видит моего меча и даже не догадывается, что он у меня есть? Лайдан подняла на меня холодный прищуренный взгляд, конец её жезла нацелился прямо мне в грудь. Я видела, как губы её что-то произносят, хотя слов не слышала, но тут же всем своим телом ощутила нарастающую боль. Я снова взялась за меч. Рукоять в ладони вновь стала нагреваться. Я подняла меч клинком вверх и вела им перед собой в воздухе туда-сюда, как будто этим наивным движением надеялась спастись от колдовства, которое она насылала на меня.

Мне показалось, что я даже могу видеть злобные слова, произносимые Лайдан в мой адрес. Казалось, они превращались в стрелы зла, летевшие по воздуху и готовые пронзить меня. Клинок меча засиял ярче, рукоять снова

стала горячее, но я сжимала его обеими руками и, как маятник, раскачивала перед собой.

Внезапно Лайдан вздрогнула, глаза её расширились, взгляд начал следовать за движением кончика меча. Она как будто только что увидела его.

— Нет!

Широко размахнувшись, она метнула в меня жезл, как тренированный и обученный воин метнул бы копье.

Странно, непостижимо, но время вдруг как бы замедлило свой бег на несколько биений сердца. Я видела, как летит в меня жезл, но скорость его была такой, что он чуть ли не висел в воздухе. Борясь с болью, которую мне причиняло каждое движение, я опустила Меч Тени так, чтобы отбить чёрный жезл.

Лайдан пронзительно вскрикнула, и крик её был ужаснее, чем вопли птиц Найнутры. Жезл раскололся на куски, а те в свою очередь рассыпались на мелкие иглы, усеявшие землю между нами. Каждая из них взорвалась маленьким облачком чёрного пламени и дохла чудовищным запахом. Лайдан корчилась от боли, её тело извивалось, будто схваченное исполинской рукой.

Серые взвыли и кинулись врассыпную, словно безумные. Двое ослеплённых, спотыкаясь и падая, уползали прочь по тропе, затем ткнулись в землю и остались лежать неподвижно.

Лайдан дёргалась и вскрикивала, лицо её исказила нечеловеческая мука.

«Убей!» — услышала я ещё раз тот же приказ. Теперь я не стала противиться ему и метнула меч точно так же, как до этого в меня метнули жезл. Острие с затуманенным лезвием попало точно в ямочку ниже горла. Лайдан осела наземь, тело её приняло странные очертания и растворилось в воздухе. От неё не осталось ровным счётом ничего.

Вместе с ней исчез и Меч Тени. Я стояла с пустыми руками, уставившись в то место, где только что находилась противница. Тсали мягко коснулся моей руки.

«Она исчезла, но Серые могут вернуться по приказу своих хозяев. Нам лучше уйти».

Я тихонько отстранилась и воздела обе руки в воздух. Под свинцовым небом надо мной кружили птицы Найнутры. Они устремились вниз и с обеих сторон уселись мне на плечи, как ручные голуби.

Я вспомнила Имхара и подумала о нём, как о ком-то очень далёком, которого когда-то знала и желала ему добра, но с кем больше не связывают никакие узы. Подумала я и о Йонане и с лёгкой печалью осознала, что Йонан мне всегда был гораздо ближе. Я могла бы отдать ему руку и сердце, и он принял бы их со страстным желанием. Но теперь я уже не могла этого сделать.

Должно быть, ворота Найнутры, которые мы нашли, закрылись передо мной навсегда. Но то второе «я», которое время от времени шевелилось во мне, теперь окончательно проснулось, и я уже не могла принять уготованную мне прежде судьбу. Не быть мне Леди Имхар, как не стать и женой Йонана. Я теперь сама по себе, и тихие житейские радости уже не для меня. Как Меч Тени сжигал мои ладони, так дух мой горел теперь неукротимым огнём желания изучать, знать, быть!..

Я смотрела на Тсали и подбирала в уме подходящие слова, чтобы объяснить происходившее со мной, но он и сам всё уловил и кивнул.

«Так и должно было случиться. Ты вкусила от всевластного Знания и теперь принадлежишь ему. И в этом нет ничего дурного...»

Дурного ли, хорошего — но разбираться теперь мне самой. Впрочем, как и со многим другим. Что ожидает меня в будущем? Этого никто сказать не мог. В одном лишь я была уверена: Лайдан мне больше не угрожает.

Я сделала прощальный жест Тсали.

«Скажи им, что я остаюсь, чтобы учиться. Но кем бы я ни стала, никогда не изменю ни себе, ни моим родственным узам. Клянусь в этом на крови, которой я не пролила!»

Я смотрела, как он уходит, потом повернулась спиной к сбившимся в отдалении Серым. Птицы всё ещё кружились надо мной. Я перевела взгляд на площадку, покрытую серебристым песком. А может быть, это всего лишь школа

для изучения предметов из иного времени и пространства? Теперь мне казалось, что линии, выложенные цветными камешками, приобретают уже вполне определённый смысл, несмотря на то, что Великая, которая начертала их, исчезла давным-давно.

Содержание

ПОЯС ИЗ ЛЕОПАРДА 3

Перевод Константина Прилипка

ТРОЙКА МЕЧЕЙ 193

Перевод Константина Прилипка

Книготорговый отдел издательства

«СИГМА-ПРЕСС»

предлагает книжную продукцию в ассортименте.

*Покупая книги по нашим ценам,
Вы покупаете их у себя в городе.*

Если Вы получаете книги
в железнодорожных контейнерах,
ЗНАЙТЕ — так работали ВЧЕРА.
СЕГОДНЯ есть более оперативный
способ доставки.

**В ЛЮБОЙ ГОРОД РОССИИ
МЫ ДОСТАВИМ
КУПЛЕННЫЕ У НАС КНИГИ
В ТОЧНО ОГОВОРЕННЫЙ СРОК.**

Форма оплаты по договоренности.
Минимальная партия — 500 пачек.

По вопросам реализации книг
серии «Англо-американская фантастика»
(А. Нортон, П. Андерсон, Ф. Пол и др.)
оптовым покупателям обращаться в книготорговый
отдел издательства «Сигма-пресс»
по тел.: 264-29-76, 264-99-54

Цикл
КОЛДОВСКОЙ МИР

Witch World

**ESTCARP
&
ESCORE**

WITCH WORLD

**WEB OF WITCH
WORLD**

**THREE AGAINST
WITCH WORLD**

**WARLOCK OF
WITCH WORLD**

**SORCERESS OF
WITCH WORLD**

TREY OF SWORDS

'WARE HAWK

GATE OF THE CAT

**HIGH
HALLACK
& ARVON**

HORN CROWN

**CRYSTAL
GRYPHON**

**GRYPHON IN
GLORY**

**YEAR OF THE
UNICORN**

GRYPHON'S EYRIE

ZARTHOR'S BANE

JARGOON PARD

ANDRE NORTON AGENCY

представляет права
на публикацию
произведений зарубежных
авторов и художников.
Тематическое и жанровое
составление, детективы,
фантастика, триллеры,
ужасы, вестерны,
музыкальная
литература...

Тел., факс 8-(095)-264-99-54

Майкл МУРКОК,
Глен КУК,
Джеймс УАЙТ,
Сара ПАРЕЦКИ,
Тед ВУД, Джеймс ГРАНТ,
Эдвард ЛИ, Эрл МЭРФИ,
Майкл ВЕЛАН,
Родни МЭТТЬЮ
и др.

Андрэ Нортон
ТРОЙКА МЕЧЕЙ

Литературно-художественное издание

Ответственный за выпуск
Гусейнов И. З.

Ответственный редактор
Голованёв М. В.

Редактор
Прилипко К. В.

Художник
Аввакумов Д. И.

Технический редактор
Казачек В. Н.

Сдано в набор 07.11.93 г. Подписано в печать 03.02.94 г.

Формат 84×108¹/₃₂. Бумага типографская.

Печать высокая. Гарнитура «Таймс». Уч. изд. л. 19,4.

Физ. п. л. 11. Тираж 50 000 экз. Заказ № 1842. С 18.

Издательская лицензия ЛР № 070157 от 02.10.91 г.

Издательство «Зеленоградская книга».
103478, Москва, Зеленоград, корп. 448, к. 1
Издательство «Сигма-пресс».
107140, Москва, Б. Краснопрудный туп., 8/12.

Отпечатано с готового набора
в ордена Трудового Красного Знамени ПО «Детская книга»
Мининформпечати РФ. 127018, Москва, Сушевский вал, 49

Отпечатано с фотополимерных форм «Целлофот»

